

2 (25)

2014

ISSN 1811-7465

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

№ 2 (25)
2014

ISSN 1811-7465

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
д.и.н. А.Н. Багашев

Редакционный совет:
д.и.н., акад. РАН В.И. Молодин (председатель),
д.и.н., чл.-кор. РАН А.П. Бужилова, д.и.н. С.В. Васильев, д.и.н., чл.-кор. РАН А.В. Головнев,
д.и.н. В.Н. Логвин, д.и.н. Н.А. Миненко,
д.и.н. О.М. Рындина, д.и.н. Н.А. Томилов, д.и.н. Т.Н. Троицкая, д.и.н. Л.А. Чиндина,
д.и.н. Ю.К. Чистов, д.и.н. Л.Т. Яблонский

Редакционная коллегия:
д.и.н. М.Г. Агапов, к.и.н. А.Д. Дегтярева (зам. главного редактора), д.и.н. В.А. Зах,
к.и.н. В.П. Ключева, к.и.н. Н.А. Лискевич (ответственный секретарь),
к.г.-м.н. Н.Е. Рябогина, д.и.н. А.А. Ткачев

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и СМК
Свидетельство № 044577 от 09.03.2004

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, E-mail: ipos@tmn.ru

*Электронная версия журнала (ЭЛ № ФС 77-32570; гос. регистрация № 0421100085; ISSN 2071-0437 (online)) —
режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.*

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2014

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Адаптационные ресурсы неолитического населения озера Мергень (домостроительный аспект).....	4
Скочина С.Н. Орудия охоты и рыболовства в неолите Нижнего Приишимья.....	15
Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы.....	26
Куприянова Е.В. Могильник эпохи бронзы Степное 25 (результаты исследований).....	35
Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И. Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения Башкирского Зауралья (анализ пространственных данных).....	40
Чикунова И.Ю. Глиняная антропоморфная пластика средневекового Зауралья.....	54
Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские могильники таежного Приобья.....	64

Антропология

Широбоков И.Г., Юшкова М.А. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малли (по результатам раскопок 2010 г.).....	71
Комаров С.Г., Китов Е.П. Население Волго-Уральского междуречья в эпоху Золотой Орды (по материалам из могильника Мокринский I).....	80
Святова Е.О., Ражев Д.И. Анализ внутригрупповой изменчивости краниологических серий из русских православных кладбищ городов Урала.....	89

Этнология

Багашёв А.Н., Федоров Р.Ю. Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке.....	99
Недзелюк Т.Г. Формирование конфессионального сообщества католиков Сибири в 1830–1917 гг.	107
Чернова И.В. О некоторых особенностях культуры польских переселенцев Западной Сибири в XX в.	115
Степанова О.Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью.....	124
Голубкова О.В. Священные места в системе мировоззрения обских коми: традиции, новации и архетип.....	132
Бардина Р.К., Богордаева А.А. Динамика женской одежды среднеобского костюмного комплекса обских угров по фотографиям 1930–1970-х гг.	138

Палеоэкология

Демкин В.А., Демкина Т.С., Удальцов С.Н. Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений с использованием фосфатного и микробиологических методов.....	148
---	-----

Хроника

Волков Е.Н. К юбилею В.А. Заха. 26 июня 2014 г. известному сибирскому археологу исполняется 60 лет.....	160
Вниманию авторов	162
Список сокращений	164

На передней стороне обложки: костяные наконечник гарпуна и крюк, Мергень 6 (Ишимский р-н Тюменской обл.); святое место манси, р. Ляпин, Березовский р-н ХМАО; глиняная антропоморфная пластика, Чертова Гора (раскопки Л.Н. Сладковой) и Панькино (раскопки А.В. Расторогова), Приобье, фонды Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Contents

Archaeology

Yen'shin D.N., Skochina S.N. Adaptation resources of the Neolithic population from the Mergen' lake (housebuilding aspect)	4
Skochina S.N. Hunting and fishing tools in the Neolithic of the Low Ishim basin.....	15
Sotnikova S.V. Children's burials with sets of knucklebones and a role of games in societies of steppe population of the Bronze Age	26
Kupriyanova Ye.V. Stepnoye 25 burial site of the Bronze Age (investigation results)	35
Bakhshiyev I.I., Bakhshiyev R.I. Settling structure and models of organizing living space with ancient population of Bashkir Trans-Urals (analysis of spatial data).....	40
Chikunova I.Yu. Clay anthropomorphous plastic arts of medieval Trans-Urals.....	54
Borzunov V.A., Chemyakin Yu.P. Karym burial sites from taiga Low Ob basin	64

Anthropology

Shirobokov I.G., Yushkova M.A. Anthropological materials of collective burials from Malli stone burial site with enclosures, in accordance with rituals of cremation and inhumation (after excavation results of 2010).....	71
Komarov S.G., Kitov Ye.P. The population of Volga-Urals interfluvium during the Golden Horde time (after materials from Mokrinsky I burial site).....	80
Svyatova Ye.O., Razhev D.I. Analysis of intragroup variability of craniological series from Russian Orthodox cemeteries of Ural towns	89

Ethnology

Bagashev A.N., Fyodorov R.Yu. Historical-and-ethnographic aspects of life with regard to Byelorussian peasants-the-migrants in the Far East.....	99
Nedzelyuk T.G. Formation of a confessional community of Siberian Catholics in 1830–1917	107
Chernova I.V. On certain cultural characteristics of Polish migrants from West Siberia in XX c.	115
Stepanova O.B. North Selkups: A system of traditional views in the reflection of an interview	124
Golubkova O.V. Holy places in a system of world outlook with the Ob' Komi: traditions, innovations and archetype.....	132
Bardina R.K., Bogordayeva A.A. Trends in womenswear regarding the Middle Ob' costume complex with Ob' Ugrians after photos of 1930–1970	138

Paleoecology

Demkin V.A., Demkina T.S., Udaltsov S.N. Reconstruction of burial food in clay vessels from mound burial sites using phosphate and microbiological methods.....	148
--	-----

Chronicle

Volkov E.N. To V.A. Zakh's jubilee. On June 26, 2014 to the known Siberian archeologist it is executed 60 years.....	160
Memo to the Authors	162
Abbreviations	164

АРХЕОЛОГИЯ

АДАПТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОЗЕРА МЕРГЕНЬ (домостроительный аспект)

Д.Н. Еньшин, С.Н. Скочина

Проведена оценка адаптационных ресурсов в контексте изучения домостроительства неолитического населения, оставившего поселки на северо-восточном берегу озера Мергень в Нижнем Приишимье. В границах данной хозяйственно-экологической ниши выявлены возможные строительные материалы, инструментарий, приемы возведения и особенности внутреннего устройства жилищ. На основе анализа особенностей сооружений выполнены их графические реконструкции.

Нижнее Приишимье, неолит, домостроительство, адаптационные ресурсы, поселение, Мергень 3, Мергень 6, Мергень 7, хозяйственно-экологическая ниша, жилище, отопительные системы, устройство очагов, отопительные ямы, дренажно-вентиляционные каналы.

Изучение процессов адаптации древних коллективов к окружающим природным условиям является актуальной задачей современной археологии. Адаптация применительно к культурам с традиционным укладом рассматривается исследователями как сложная многокомпонентная система, которая может включать в себя адаптивную и адаптирующую деятельность, экономическую, социальную, культурную, биологическую формы и т.д. [Синицын, Синицына, 1998, с. 8; Кольцов, 1998, с. 22–24; и др.]. Многоуровневый характер этого процесса свидетельствует, что адаптивная направленность была присуща всем сторонам существования древних обществ, и исследование всех его проявлений позволяет наиболее полно воссоздать картину функционирования человеческих коллективов.

Природные условия имели едва ли не первостепенное значение при выборе места для проживания древнего человека [Борзунов и др., 1993; Васильев, 1999; Грушин, 2012]. Вместе с тем ресурсные возможности территории следует рассматривать как одну из двух составляющих при осуществлении данного выбора. Другой, безусловно, являлось число поселенцев и уровень навыков, знаний и умений, на котором они находились,— их интеллектуальный базис. Базис, выраженный в определенных традициях, которые также являлись своеобразным ресурсом. Совокупность возможностей, необходимых для обеспечения благополучного существования человеческих сообществ, мы предлагаем рассматривать в рамках понятия «адаптационные ресурсы».

Наиболее четко уровень адаптационных ресурсов древнего населения может быть определен в конкретных геоморфологических и микроландшафтных границах. При исследовании таковых удачным является введенное в научный оборот Е.Н. Волковым понятие «хозяйственно-экологическая ниша». Под ней понимается комплекс природно-климатических условий, необходимых для минимального поддержания традиционной системы жизнеобеспечения [Волков, 2007, с. 120]. Хозяйственно-экологические ниши могут быть двух уровней: первый соотносим с конкретным поселенческим объектом, включает территорию, входящую в хозяйственную систему поселка, границы которой в зависимости от экономического уклада могут варьироваться (исследователь определяет условный радиус данной территории, не превышающий 30–50 км). Второй уровень соотносим с ареалом археологической культуры [Там же, с. 121].

Целью настоящей работы является оценка адаптационных ресурсов в контексте изучения домостроительства неолитического населения, оставившего поселки раннего и развитого неолита на северо-восточном берегу оз. Мергень (Мергень 3, 6 и 7; боборыкинские, кошкинские и козловско-полуденковские комплексы). Исследуемая территория рассматривается как хозяйственно-экологическая ниша (ХЭН) первого уровня (по Е.Н. Волкову) в пределах Мергенского археологического микрорайона.

Адаптационные ресурсы неолитического населения озера Мергень...

Объектами исследования являются, с одной стороны, природно-климатические условия ХЭН (геоморфология, почвы, растительность, обводненность, температурные режимы), с другой — свидетельства материальной культуры, характеризующие потенциал неолитического населения в области домостроительства (орудийный набор и строительные приемы).

Мергенский микрорайон охватывает территорию, прилегающую к озерам Мергень, Кислое, Новотравное, ограниченную с востока р. Ишим, с севера и юга — протоками, соединяющими ее с системой озер [Зах, 2012, с. 159]. Рельеф северо-восточного побережья оз. Мергень представлен озерной поймой (высота от современного уреза воды 1–1,5 м), I озерной террасой (высота 4 м), II озерной террасой (высота 5,5–6 м). Цоколь и тело террас и поймы сложены суглинками, частично перекрытыми супесями [Ландшафты..., 2008, с. 3].

Ландшафты и климат в голоцене для Мергенского микрорайона реконструированы по данным палинологических исследований [Матвеев и др., 1997; Ландшафты..., 2008; Рябогина и др., 2011]. Для раннего неолита (VI тыс. до н.э.) отмечается произрастание березовых лесов крупными массивами, луговые и лесные участки в ландшафтах составляли приблизительно равные доли. В целом климат характеризуется как более мягкий (влажный и теплый) по сравнению с современным [Ландшафты..., 2008, с. 53]. Данные обстоятельства обусловили, по всей видимости, место расположения поселения Мергень 3, датируемого ранним неолитом, на I озерной террасе [Зах, 2009].

Ландшафтно-климатическая обстановка периода существования поселков развитого неолита (Мергень 6, 7; первая половина — середина V тыс. до н.э.) несколько иная. В первой половине V тыс. до н.э. отмечается понижение уровня воды в озерах Приишимья, связанное, вероятно, с потеплением и аридизацией. Поймы заросли ивой. Расширились площади, занятые лугово-степными сообществами. Леса в этот период представлены березовыми колками, характерными для южной лесостепи. Эти особенности наряду со спецификой хозяйства населения (многоотраслевое с преобладанием рыболовства), оставившего поселение Мергень 6, объясняют особенности его расположения — в озерной пойме, на мысу, образованном протокой и оз. Мергень.

Приблизительно с середины V тыс. до н.э. отмечается очередное колебание климата, прежде всего в сторону увлажнения. Происходит подтопление поймы, террасы и гривы заняты луговой растительностью. Вместе с тем постепенно увеличивается доля лесов с доминированием березы [Ландшафты..., 2008, с. 52, 53]. Эти данные вполне могут объяснить выбор места расположения поселения Мергень 7 — II озерная терраса.

Таким образом, на протяжении раннего и развитого неолита в пределах рассматриваемой хозяйственно-экологической ниши, центром которой явились поселки на северо-восточном берегу озера, люди имели в своем распоряжении участки озерной поймы, I и II террас, благоприятные для заселения. Выбор места определялся уровнем обводненности, а также, скорее всего, хозяйственной стратегией населения. Климат в целом был несколько теплее современного, с небольшими колебаниями. Для раннего неолита реконструируется достаточное количество лесных угодий, что, несомненно, облегчало выбор и заготовку необходимых строительных материалов, основным из которых, вероятно, была береза. Сложнее ситуация складывалась в развитом неолите. Площадь лесных угодий сильно сократилась, что не могло не вызвать дефицита основного строительного материала — березы и не привести к повышению использования приозерной растительности — ивы и тростника. С увлажнением климата в середине — второй половине V тыс. до н.э. ситуация, по всей видимости, могла постепенно изменяться и способствовать доступности традиционных материалов — березы и сосны.

Использование растительных материалов на всех этапах строительства жилищ подразумевало наличие соответствующих орудий с широким функционалом. Деревообрабатывающий комплекс мергенских поселений (Мергень 3, 6, 7) включает топоры, тесла, стамески из камня и рога, костяные долота и стамески, скобели из клыков медведя, струги, резчики-скобели из резцов нижних челюстей животных (рис. 1). Всего на основании типологического и трасологического анализов было выявлено около 70 орудий, связанных с деревообработкой.

Выделенные изделия соотносимы с большинством этапов строительства. При заготовке и обработке дерева использовали крупные рубящие орудия (топоры, тесла) из камня и рога. Освобождение стволов от коры происходило с помощью костяных стругов и долотовидных орудий. Для проделывания пазов, желобов применяли костяные долота и стамески. Для более мелких работ, а также при оформлении каких-либо деталей в ход шли скобели из камня и из клыков

медведя. Не исключено, что крупные рубящие орудия могли использоваться для рыхления почвы, при сооружении котлованов.

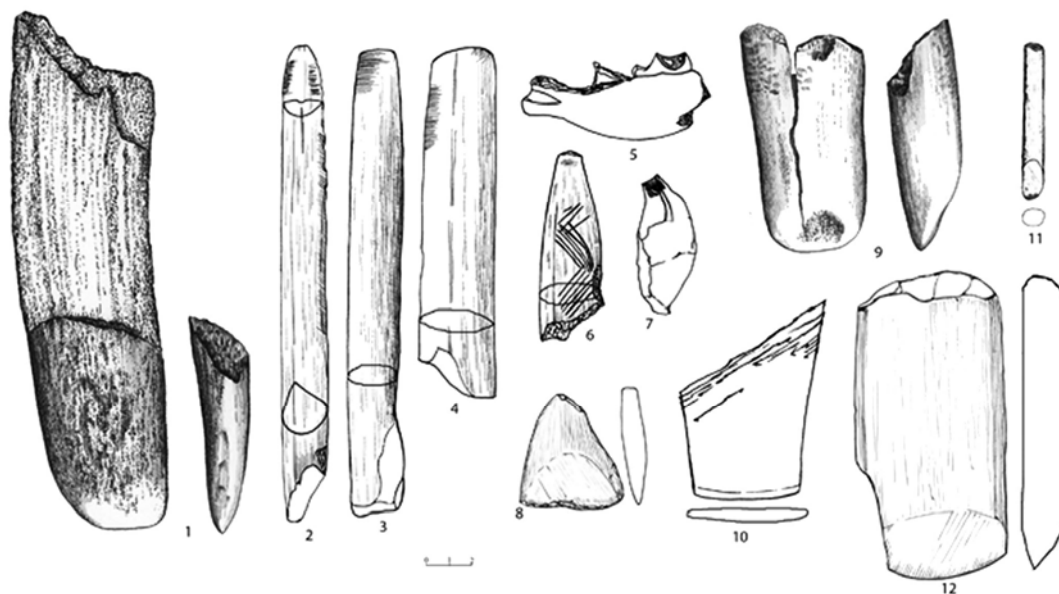

Рис. 1. Деревообрабатывающие орудия пос. Мергень 6:

1, 12 — топоры; 2–4 — долотовидные орудия; 5 — резчик-скобель; 6, 11 — стамески, 7 — скобель; 8, 9 — тесла; 10 — тесловидная пластина; 1, 2, 10 — рог; 2–4, 11 — кость; 5 — челюсть; 7 — клык кабана; 8, 12 — камень

Фиксируемые в ходе раскопок котлованы жилищ, следы деревянных конструкций и особенности интерьеров (входы, обшивка стен котлованов, настилы, спальные зоны, очаги/отопительные системы) являются отражением домостроительных традиций древнего населения, приобретенных через многовековой опыт. Опыт, проявившийся в конкретных жилищных объектах, представляет собой овеществленные интеллектуальные ресурсы древних строителей.

Основные параметры неолитических сооружений поселений Мергень 3, 6 и 7 нами уже были представлены [Еньшин, 2014]. Скажем лишь, что на сегодняшний день их исследовано 16, практически все имеют углубленную часть — котлован и каркасно-столбовую конструкцию. Наиболее распространенным и информативным типом жилищ являются полужемлянки площадью 35–100 м² (10 объектов) (рис. 2).

По некоторым оценкам, в древности эти сооружения были вкопаны в грунт в среднем на 0,6–0,9 м, а местами глубина котлованов отдельных жилищ могла достигать 1,2 м (Мергень 3 — ж. 2; Мергень 7 — ж. 1, камера 2) [Зах, Скочина, 2002, с. 41; Еньшин, 2013]. Подобная степень углубленности является типичной для неолитических полужемлянок Западной Сибири [Старков, 1980]. В то же время факт доминирования традиции строительства углубленных жилищ указывает на определенную адаптационную стратегию. Ее основная цель — существенно снизить теплопотери жилища, на которые значительное влияние оказывали три фактора: соотношение наземной и подземной части, тепловой режим почв, а также материалы и способы сооружения из них стен и крыши.

Реконструированная нами средняя высота неолитических жилищ оз. Мергень от пола до верхней точки составляла 2 м. При этом средняя высота наземной части не превышала 1,4–1,8 м [Еньшин, 2014]. Наклонные стены, плавно переходящие в достаточно покатую кровлю, создавали эффект купола, при котором, как отмечают исследователи, снеговетровые потоки спокойно обтекали конструкцию, заметая ее снегом в зимний период, что, в свою очередь, существенно снижало теплопотери [Матвеева и др., 2005, с. 117].

Тепловой режим почв — это изменение температуры на разных глубинах профиля. Различают суточный и годовой ход температуры почв. Наибольшим суточным колебаниям температур подвержен верхний слой до 0,05 м. На глубине 0,35–1 м суточный ход температуры затухает полностью, и она становится стабильной [Почвоведение, 1989, с. 235]. В географическом отношении температурный режим почв в окрестностях оз. Мергень относится к сезонно-промер-

Адаптационные ресурсы неолитического населения озера Мergenь...

зающему типу, характеризующемуся положительными среднегодовыми значениями. По наблюдениям исследователей, подобные свойства почв вплоть до настоящего времени используются при постройке зимних овощехранилищ, в которых температура в зимние месяцы редко опускается ниже +1...+3 °С [Матвеева и др., 2005, с. 117]. Вероятно, этим и может объясняться наиболее распространенный диапазон глубин неолитических жилищ Западной Сибири в целом и озера Мergenь в частности.

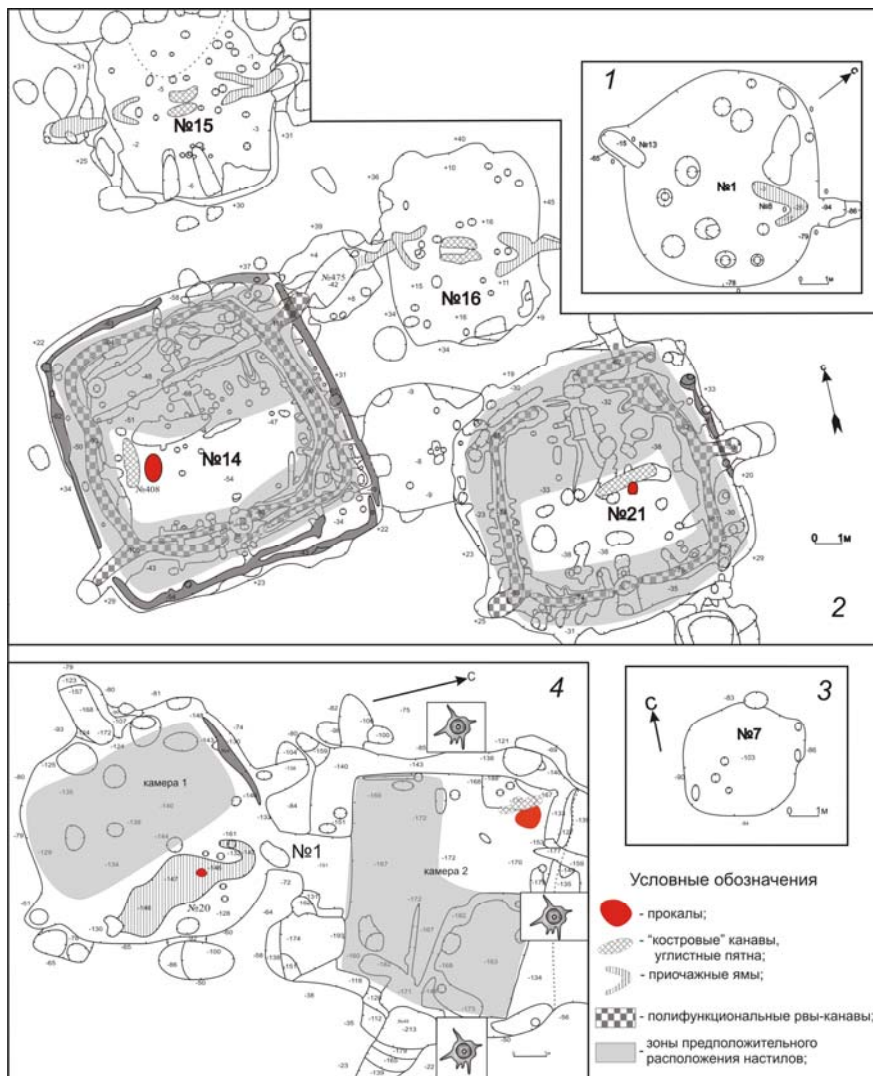

Рис. 2. Неолитические жилища: 1 — Мergenь 3; 2, 3 — Мergenь 6; 4 — Мergenь 7

Материалы, которые могли быть использованы при постройке жилищ, определяются в основном по данным палинологических исследований. Наиболее доступной на протяжении всего исследуемого периода оставалась береза. Бревна, скорее всего, шли на столбы и балки каркасной конструкции. По диаметру столбовых ям их толщина может быть определена в пределах 0,15–0,25 м [Еньшин, 2014]. Альтернативным материалом для опор каркаса служила сосна, о чем свидетельствуют результаты раскопок поселения Мergenь 7. В заполнении котлована 2 жилища 1 были выявлены остатки обрушившейся при пожаре кровли. Под слоем оплывшей глины сохранилась часть перекрытий; по древесине и коре была определена видовая принадлежность дерева — сосна¹ [Еньшин, 2013, с. 27–28]. Подтверждают данное положение и ре-

¹ Определение выполнено д.б.н. С.П. Арефьевым (ИПОС СО РАН), за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

зультаты микробиоморфного анализа проб из заполнений обоих котлованов жилища 1, в которых были выявлены фитолиты хвойных пород². Таким образом, каркасно-столбовую конструкцию могли составлять березовые и/или сосновые столбы и перекладины.

Следующим уровнем постройки жилища было сооружение обрешетки крыши и стен. Она должна была обладать достаточно высокими упругими качествами, чтобы выдерживать вес кровли и снега в зимний период. Можно предположить, что для этой цели использовалась упругая ива. В большей степени это относится к жилищам с поселения Мергень 6, на время существования которых приходится увеличение площадей, занятых ивовыми зарослями. Покрытие крыши и стен, скорее всего, было единообразным. Грунтовой засыпки или выкладки дерном крыш сооружений стратиграфически и планиграфически не зафиксировано. Наиболее доступными материалами для кровли являлись камыш и луговая растительность. Их могли увязывать в снопы и покрывать стены и крыши по типу черепицы, дополнительно укрепляя жердями на поверхности (рис. 3, 1). Возможно, вместе с травой и камышом использовались ветки хвойных деревьев. Во всяком случае, в пробах из жилищ встречены фитолиты луговых трав, тростника/камыша, а также игл хвойных. Подобные строительные приемы отмечены у обских угров [Солова, 1960, с. 11].

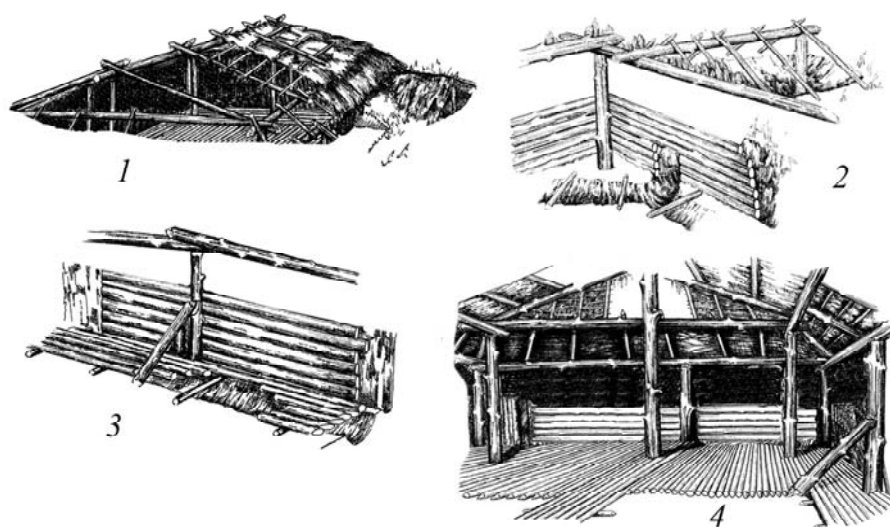

Рис. 3. Графическая реконструкция конструктивных элементов жилища № 14 (Мергень 6):
1 — возможный вариант кровли; 2, 3 — вариант обшивки стен котлована и рва;
4 — вариант внутреннего устройства жилища (реконструкции выполнены Д.А. Белоноговым)

Стратиграфические разрезы больших жилищ с поселения Мергень 6 (14 и 21) позволяют предполагать наличие земляных насыпей вдоль стен по типу завалинок. На это указывают оплывы мешаной почвы по краям котлованов [Скочина, 2013]. О возможной подсыпке стен двухкамерного жилища 1 с поселения Мергень 7 также могут свидетельствовать мощные оплывы по краям [Еньшин, 2013]. Подобные насыпи сооружались с целью предотвращения промерзания жилища зимой, а также для отвода воды, стекающей с крыши.

Немаловажным для сохранения тепла в жилище было устройство входов. На исследуемых поселениях предположительно выявлено несколько их типов: 1 — в виде проема в стене (Мергень 6 — 5, 8, 15, 16, 22) (рис. 2, 2); 2 — в виде небольших (1×0,8; 1×0,2 м) подпрямоугольных выступов (Мергень 6 — 1, 7) (рис. 2, 3); 3 — в виде тамбура-камеры площадью 11 м² (Мергень 6 — 14, 21) (рис. 2, 2); 4 — в виде противоположащих выступов-ниш размерами 1,5×1 — 2,1×1,3 м (Мергень 3 — 1, 2; Мергень 7 — 1, камера 1) (рис. 2, 1, 4); 5 — в виде коридорообразного выхода (2,7×1,6 м) со ступенчатым характером пола (Мергень 7 — 1, камера 2) (рис. 2, 4) [Еньшин, 2014]. Сооружение простых (1–2) и сложных (3–5) входов, на наш взгляд, может выступать одним из показателей при определении особенностей функционирования жилищ — их назначе-

² Анализ выполнен к.г.н. А.А. Гольевой (ИГ РАН, г. Москва), за что авторы выражают ей искреннюю благодарность.

Адаптационные ресурсы неолитического населения озера Мergenь...

ния, сезонности/круглогодичности. Выявленные факты имеют широкие пространственные и временные аналогии [Там же]. Наличие двух противоположащих выходов-ниш (Мergenь 3) или просто двух выходов в жилище (Мergenь 7) может свидетельствовать также о сезонности их (выходов) использования. Как правило, в одной или в обеих нишах устраивались глубокие ямы предположительно хозяйственного назначения. Возможно, ниши в качестве выходов служили по очереди в зависимости от времени года. К такому же выводу пришли, например, исследователи неолитического поселения Сумпанья VI. Примыкающий к входу объект исследователи интерпретируют фактически как тамбур-коридор и кладовую в холодное время года (как вход он тогда не использовался, люди попадали в жилище через крышу) [Крижевская, Гаджиева, 1991, с. 82–84].

Таким образом, оптимальное соотношение наземной и подземной части сооружения с учетом свойств почв и климатической обстановки, а также выбор материалов и способ сооружения главных составляющих жилища изначально закладывали основу комфортного существования внутри постройки. Вместе с тем внутреннее устройство жилища являлось не менее важным.

Интерьер древних жилищ может включать в себя такие составляющие, как обшивка стен котлована, настил на полу, нары для сна, очаг, отопительные ямы, дренажно-вентиляционные каналы.

Обшивка стен котлованов чаще всего фиксируется по расположенным вдоль них канавкам (ЮАО 5, 9, 12, 15, Исетское Правобережное, Исток IV, Амня I и др.) [Алексащенко, Викторова, 1991; Ковалева, Зырянова, 2008, 2010; Кернер, 1991; Стефанова, 1991; Морозов, Стефанов, 1993; и т.д.]. Экспериментальные исследования показывают, что данная операция была необходима уже на стадии строительства жилищ [Глушков, 1992]. На неолитических памятниках озера Мergenь достоверно зафиксированы канавки вдоль стен в котлованах трех построек — 14, 21 (Мergenь 6) и 1 (Мergenь 7) (рис. 2, 2, 4). В сооружении 14 она фиксировалась по всему периметру (ширина 0,15–0,3 м, глубина 0,04–0,1 м), а в постройках 21 и 1 — вдоль восточной и северо-восточной стен (2×0,3 м, глубина 0,1 м; 3,4×0,35 м, глубина 0,06 м). Их размеры в целом совпадают с описанными в литературе. Исходя из расположения столбовых ям в канавках и рядом с ними можно предположить, что древними строителями практиковалась горизонтальная укладка жердей диаметром до 0,2 м в технике заплота с фиксацией двумя способами — между вкопанными столбами-кольями и в паз (рис. 3, 2, 3) [Еньшин, 2014].

По данным археологии достоверно установить существование настилов на полу жилищ удается крайне редко. Чаще всего это делается по углистым прослойкам в придонной части котлованов [Стефанова, 1991; Алексащенко, Викторова, 1991]. Косвенным свидетельством возможного существования настилов является «изрытость» пола сооружений [Стефанова, 1991]. В мергенских жилищах на возможную укладку настилов, по крайней мере частично закрывающих пол, могут указывать материалы жилищ 14 и 21 (Мergenь 6), в северных половинах которых были отмечены схожие канавообразные углубления (рис. 2, 2). Данные объекты накладывались друг на друга, образуя некое подобие решетки. По нашему мнению, это следы обрешетки настилов. Скорее всего, ими был выстлан и периметр этих котлованов полосой шириной 1,5–1,8 м. На это указывает неоднократная фиксация следов перекладин над большими рвами, пролежавшими по периметру котлованов этих жилищ [Скочина, 2013]. Принимая во внимание данные факты, получаем, что в этих постройках свободной от настила оставалась лишь площадка около 10 м², приуроченная к предположительным очагам.

На вероятное существование настила в жилище 5 (Мergenь 6) могут указывать результаты микробиоморфного анализа. В постройке было выделено два уровня пола — первый, сооруженный при постройке жилища, и второй, появившийся в результате подъема первоначального пола, вероятно, по причине подтопления [Еньшин, Белоногов, 2010, с. 45]. Результаты анализа фитолитов из прослоек, принятых за маркеры полов, показали в обоих случаях наличие древесины.

В жилище 1 (Мergenь 7) в камере 1 микробиоморфный анализ показал наличие в придонной части большого количества древесного детрита, который возможно принять в качестве маркера деревянного пола. Также на этом уровне отмечено большое количество аморфной органической массы, которая, по мнению автора анализа, может указывать на присутствие животной органики, например шкур животных. В камере 2, вероятно, настилом была закрыта часть внутренней площадки около 40 м². Об этом могут свидетельствовать пятна подпрямоугольной формы в предматериковом слое и оставшиеся под их очертаниями канавки в полу котлована (рис. 2, 4) [Еньшин, 2013].

В большинстве мергенских жилищ выделение спальных мест пока остается проблематичным. Исключение составляют жилища 14 и 21 (Мergenь 6), где настилами была закрыта большая

часть пола и места для сна могли располагаться у стен котлованов. Кроме того, в жилище 16 (Мергень 6) отмечается небольшой сдвиг несущих столбов каркасной конструкции в одну из половин, за счет чего во второй намечалось относительно свободное пространство (5×2 м), вполне пригодное для размещения нар [Еньшин, 2014]. Возможно, детальный анализ распространения находок внутри котлованов позволит структурировать жилищное пространство и выделить в том числе спальные зоны.

Одной из важнейших составляющих внутреннего устройства жилища является очаг. Чаще всего археологи фиксируют следы очагов в виде прокаленных пятен в слое, в углублениях в полу или на приподнятых материковых площадках, иногда очаги ограничивались материковыми или каменными бортиками [Кернер, 1991; Ковалева, Зырянова, 2008, 2010]. Однако в результате зачастую можно сказать лишь, что очаг был открытого типа. Большое значение в этом плане имеют экспериментальные исследования П.В. Волкова, выделившего планиграфические и стратиграфические признаки таких типов костров, как круглый, юрлык, экранный, нодья [1994].

В половине исследованных неолитических жилищ поселений оз. Мергень были выявлены пятна прокалов (Мергень 6 — 3, 5, 14, 15, 16, 21, 22; Мергень 7 — 1). Методика П.В. Волкова в той или иной степени, на наш взгляд, применима к большинству из них. Наименее информативны в этом плане жилища 3, 5 и 22 поселения Мергень 6. В первых двух прокалы представлены небольшими округлыми пятнами (около 0,4 м), смещенными от центра котлованов к предполагаемому входу в жилище, где, помимо отопления, могли выполнять функцию теплового барьера и защиты от гнуса. В сооружении 22 прокаленное овальное пятно расположено в центре котлована (0,65×0,5 м). Вероятнее всего, на этом месте функционировал простой круглый костер (рис. 4, 1).

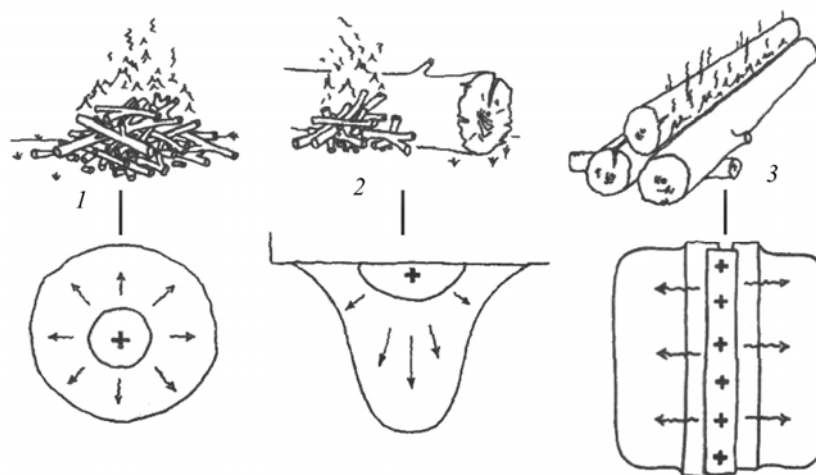

Рис. 4. Типы костров и схемы распространения тепловых потоков (по П.В. Волкову):
1 — круглый; 2 — экранный; 3 — горизонтальная нодья

В сооружениях 15 и 16 прокаленные пятна округлой формы фиксировались в центре котлованов на предматериковом горизонте. На уровне пола под ними были выявлены параллельные канавки (1–1,5×0,4 м), заполненные темно-серым с углем суглинком (рис. 2, 2). Вытянутость прокаленных пятен и темно-серые полосы по длинным краям позволяют предполагать функционирование костров типа горизонтальная нодья (рис. 4, 3).

Горизонтальная нодья складывается из трех бревен. Бревна параллельны друг другу. Верхнее располагается на двух сдвинутых вплотную нижних. Между ними разводился «затравочный» костер. Нодья равномерно горит без подпитки и контроля человека от 4 до 12 и более часов. Ее тепло распространяется в две стороны достаточно далеко [Волков, 1994, с. 109]. Канавки под очагом такого типа могли выполнять функцию «сборщика» углей после прогорания и обрушения бревен. Необходимо добавить, что длина канав приближена к обычной длине нодьи (1,5–2 м), но не равна ей. Костер такого типа являлся бы наиболее оптимальным для отопления данных жилищ в силу того, что расходящееся в две стороны тепло распространялось бы на обе его половины.

В жилищах 14 и 21 выявлены два прокала (1×1; 0,4×0,25 м) (рис. 2, 2). В первом прокал смещен от центра в западную часть котлована и с западной же стороны к нему примыкало вы-

Адаптационные ресурсы неолитического населения озера Мергень...

тянутое углистое пятно (2,6×0,9 м), оформившееся на материке в яму глубиной до 0,1 м (№ 408) [Скочина, 2013, с. 26]. Прокал и яма, скорее всего, маркируют устройства очага. Можно предположить, что он представлял собой экранный костер (рис. 4, 2). Углистое пятно может указывать на то, что на это место укладывалось бревно, с одной стороны которого разводился огонь. Бревно служило экраном-отражателем, и его расположение относительно огня может указывать на направленность теплового потока. В данном случае это южная половина жилища 14. Вероятно, в жилище 21 мог функционировать очаг подобного типа. Прокал относительно центра смещен в восточную часть котлована, с северной стороны к нему примыкает вытянутая яма (2,8×0,42, глубина 0,6 м), на дне которой было обнаружено погребение 2 (рис. 2, 2). Скелет человека был засыпан серо-коричневым речным песком, по цвету слабо отличимым от материка [Там же]. Верхнее же заполнение могилы представляло собой темно-серый суглинок, что позволяет предположить, что на это место могли укладывать бревно, рядом с которым разводили костер (погребение под очагом!). Скорее всего, тепловой поток был направлен на южную часть жилища. Об этом же говорит дугообразная полоса пепельного суглинка (5×1–2 м), протянувшаяся от очага в южную и юго-западную часть котлована [Там же].

В жилище 1 поселения Мергень 7 было выявлено 2 прокала (рис. 2, 4). В камере 1 прокал представлял собой округлое пятно (0,45×0,3 м), по краям ограниченное пепельными прослойками [Еньшин, 2013, с. 32]. Характер расположения пятен может свидетельствовать, что на этом месте функционировал обычный круглый костер (рис. 4, 1). Относительно центра камеры он смещен к переходу в камеру 2. Второй прокал располагался в северо-западном углу камеры 2 и представлял собой овальное пятно (0,87×0,67 м). Его мощность составляла 0,35 м. С запада к прокалу примыкала углистая полоса (1,4×0,45 м). Таким образом, по выявленным признакам, в этом месте мог находиться костер экранного типа (рис. 4, 2), тепло от которого распространялось преимущественно на северную половину камеры.

Определенный интерес представляют ямы, известные в литературе как приочажные. Их функциональное назначение определяется довольно размыто: мусорные, дополнительные места для разогрева/приготовления пищи. Исследователи сходятся во мнении, что они маркируют/ограничивают кухонную зону [Алексашенко, Викторова, 1991]. В камере 1 жилища 1 (Мергень 7) в качестве приочажной можно выделить яму № 20, северный край которой имеет подковообразную форму (рис. 2, 4). Подобных очертаний — подковообразная канава в жилище 8 поселения ЮАО V интерпретируется как приочажная [Там же, с. 171–173].

Необходимо отметить отдельную категорию ям V-образной формы, выявленных на поселении Мергень 3 (ж. 1) и Мергень 6 (ж. 8, 15, 16) (рис. 2, 1, 2). Наиболее четко они зафиксированы в жилищах 15 и 16. Ямы (1–1,7×0,4 м, глубина 0,2 м) располагались с двух сторон от центральных (костровых) канав, описанных выше. Их заполнение представляло собой темно-серый суглинок с углистыми оттенками [Скочина, 2013, с. 29, 31]. В обоих жилищах прослежен вывод этих ям в виде канав за пределы котлованов. Данные объекты, скорее всего, также можно отнести к разряду приочажных. Характер заполнения свидетельствует в пользу того, что угли из костра и костровых канав могли укладывать в эти ямы для разогрева/приготовления в них пищи. Также они могли быть дополнительными источниками обогрева жилища. Вывод ям за пределы котлованов (жилищ) мог быть обусловлен необходимостью в очистке их от скапливавшейся золы, а также, вероятно, в доступе воздуха для поддержания углей в горячем состоянии (поддув?).

Таким образом, проблема обогрева жилищ на оз. Мергень могла решаться использованием определенного типа отопительных костров, а также своеобразных полифункциональных V-образных ям. В целом тема «отопительных систем» в древних жилищах достаточно слабо изучена в силу слабой информативности источников. Чаще всего предположительная функция обогрева устанавливается по углистому заполнению ям и/или наличию в них камней, покрытых копотью. Такая картина, например, была зафиксирована в неолитическом жилище 1 поселения Исетское Правобережное (Среднее Зауралье) [Кернер, 1991, с. 48]. В елунинских жилищах поселения Березовая Лука (эпоха раннего металла Верхнего Приобья) исследователи интерпретируют некоторые ямы как отопительные по характеру заполнения [Грушин, 2012, с. 106]. В жилищах эпохи камня Среднего Поволжья В.В. Никитин отмечает наличие систем обогрева в виде ям, заполненных горящими углями и присыпаемых песком. По мнению автора, такие обогреватели не представляли опасности и нередко размещались вблизи деревянных конструкций [Никитин, 2002, с. 368].

Непосредственную связь с поддержанием благоприятного микроклимата в неолитических жилищах Зауралья, по мнению исследователей, имеет еще одна категория объектов — кана-

вы/рвы, часто заполненные пепельным или углистым слоем, фиксирующиеся в разных частях котлованов или по всему их периметру [Стефанова, 1991; Стефанов, 1991; Волков, 2001; Ковалева, Зырянова, 2008]. В основном интерпретируются как дренажные [Ковалева, 1989, с. 54]. В жилищах 14 и 21 (Мергень 6) были выявлены подобные рвы/канавы (рис. 2, 2). Рассматриваемые объекты фиксировались на расстоянии 0,5–1,5 м от стен по всему периметру сооружений и «рукавами» выходили за пределы котлованов в ниши [Еньшин, 2014]. В разрезе канавы сегментовидной формы (ширина 0,4–1 м, глубина 0,4–0,5 м). Заполнение представлено несколькими слоями с углистыми прослойками [Скочина, 2013, с. 25]. Ниши (1,5×1,2 м), в которые они выходили, располагались по диагонали друг от друга. Стенки отвесные. По заполнению и степени углубленности совпадали с канавами/рвами или были чуть глубже.

Использование данных объектов в качестве дренажной системы в целом сомнений не вызывает. Однако вывод канав за пределы котлованов в ниши позволяет предполагать еще и вентиляционное назначение (противолежащие ниши — приточная и вытяжная отдушины?) (рис. 2, 2). Для обеспечения тока воздуха каналы-рвы должны были быть перекрыты сверху. Таким перекрытием и могли выступать настилы, описанные выше (рис. 3, 3, 4). Возможно, на каких-то отрезках своды этих каналов засыпались грунтом, что также могло придавать герметичность системе. Вероятность наличия в жилище подобных каналов под полом (под настилами?) позволяет предположить еще одно назначение — отопительное. В канал могли укладывать угли, и за счет тяги воздуха обогревалась большая площадь пола помещения. Необходимо отметить также, что одна из ниш со рвом жилища 14 (северо-восточная) примыкала к небольшой камере (3,5×2,5 м) с западной стороны, а с восточной вплотную к этой же камере располагалось жилище 16, за пределы которого выходила одна из V-образных ям (рис. 2, 2). В центре камеры была выявлена прямоугольная яма (№ 475, 2,1×1,1 м; глубина 0,38 м), в которую с одной стороны входили ров жилища 14, а с другой — V-образная яма жилища 16. Ее заполнением являлся темно-серый суглинок. Материковый пол и стенки ямы были сильно прокалены [Скочина, 2013, с. 25]. Возможно, именно из этой ямы брали уголь для отопления.

Высказанное предположение, несомненно, требует подтверждения дополнительными полевыми и экспериментальными исследованиями. Вместе с тем выявленные факты наводят на мысль о некотором сходстве канав в мергенских жилищах с отопительными системами амурско-маньчжурского типа (каны). Например, в старинных домах ульчей от очагов вдоль стен располагались нары с дымоходами от очагов. По ним шел горячий воздух и дым, отапливая жилище и выходя в наружный дымоход и высокую трубу на расстоянии 3–5 м от дома. По диагонали от входа в стене под крышей делали вентиляционное отверстие — реликт старинного дома, игравший сакральную роль [Соколова, 1998, с. 95]. На территории Западной Сибири на сегодняшний день известен единственный факт применения подобной отопительной системы, на поселении Черталы I (сибирские татары, Среднее Прииртышье). В жилище очаг и нары были соединены вместе и представляли собой дымоходный канал (кан), проходивший под нарами [Археологические микрорайоны..., 2011].

Наиболее близким «археологическим» аналогом отопительной системы в мергенских жилищах, по всей видимости, могут являться материалы поселения Быстрый Кульёган 66 (Сургутское Приобье). Исследователи отмечают наличие канавок, связанных с очагом и выведенных из жилищ во внешний ров. Их назначение определяется как дренаж и вентиляция пространства под нарами. Вместе с тем авторы предполагают, что эти канавы могли быть и частью усложненной системы отопления: «если горячие угли (жар) из очагов переместить в приочажные ямы (а именно таков характер их заполнения), то они могли служить «калориферами», обеспечивая тягу теплого и сухого воздуха под настил нар и способствуя просушиванию «поднарья» и всего помещения» [Баранов, Косинская, 2006, с. 34]. Не исключают исследователи и использования этих «калориферов» для приготовления пищи (запекание, копчение) [Там же]. Интерес с этой точки зрения представляют и материалы постройки 1 поселения Исток IV, где отмечается расположение весьма крупного очажного пятна с отходами и продуктами горения прямо на подобной дренажной канаве [Стефанова, 1991, с. 134].

Таким образом, анализ внутреннего пространства неолитических жилищ северо-восточного побережья оз. Мергень позволяет говорить о довольно сложном его устройстве, обеспечивавшем комфортное существование в постройках в разные времена года. Особенно, на наш взгляд, на это указывают остатки различных типов отопительных систем — от простых круглых костров до сложных полифункциональных канавообразных объектов. Последние, в свою оче-

Адаптационные ресурсы неолитического населения озера Мергень...

редь, могут оказаться свидетельствами зарождения отопления жилищ канового типа, известно у народов Западной Сибири (единично), Алтая, Маньчжурии и Приамурья по этнографическим и археологическим данным [Соколова, 1998].

Представленные факты, на наш взгляд, высокого уровня адаптационных ресурсов в домостроительстве неолитического населения оз. Мергень свидетельствуют, с одной стороны, о достаточной емкости исследуемой хозяйственно-экологической ниши, с другой — о значительной степени адаптивности и адаптированности древних поселенцев, что в совокупности способствовало комфортному существованию коллективов. Выявленные домостроительные традиции являются, в свою очередь, еще одним подтверждением общей тенденции развития данной отрасли хозяйства на эпохальном уровне. Применительно к неолиту Евразии исследователи отмечают факты прогресса в строительном деле и появления новых технологий, которые проявились в таких актах, как замысел, выбор места, подборка материалов, их обработка, разметка и рытье котлованов, установка крепительных столбов и стропил, усиление фундамента, изготовление каркаса и его обрешетки, оформление кровли и интерьера, установление отопительных и осветительных очагов и т.д. [Семенов, Коробкова, 1983, с. 80].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексащенко Н.А., Викторова В.Д.* Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 161–183.
- Археологические микрорайоны Западной Сибири: Теория и практика исследований / С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, С.С. Тихонов, О.С. Шерстобитова, М.А. Гаркуша; Отв. ред. Б.А. Конигов.* Омск: Наука, 2011. 196 с.
- Баранов Ю.М., Косинская Л.Л.* Реконструкция комплекса жилищ 2–2а // Поселение Быстрый Кульёган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. 192 с.
- Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И.* Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 4–45.
- Васильев В.Г.* Домостроительные традиции эпохи неолита таежной зоны Зауралья и Западной Сибири // Экология древних и современных обществ: Тез. докл. конф., посвященной 275-летию РАН. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 124–127.
- Волков Е.Н.* Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное-1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 12–25.
- Волков Е.Н.* Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. 224 с.
- Волков П.В.* Экспериментальные исследования отопительных костров древности // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск: СО РАН, 1994. 147 с.
- Глушков И.Г.* Реконструкция и моделирование неолитического жилища (по материалам поселения Чилимка V) // Экспериментальная археология. Тобольск, 1992. Вып. 2. С. 18–34.
- Грушин С.П.* Основные структурно-функциональные характеристики елунинских жилищ (по материалам поселения Березовая Лука) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всерос. конф., г. Тюмень, 26–30 марта 2012 г. Тюмень, 2012. Вып. 2. 425 с.
- Еньшин Д.Н.* Отчет о раскопках поселения Мергень 7 в Ишимском районе Тюменской области в 2011 году. // Архив ЛАЕНМ ИПОС СО РАН. 2013.
- Еньшин Д.Н.* Неолитические жилища поселений озера Мергень // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 14–23.
- Еньшин Д.Н., Белоногов Д.А.* К проблеме методики изучения жилищ эпох неолита на территории Западной Сибири (на примере реконструкции жилища 5 поселения Мергень 6) // Вестн. археологии. антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 39–49.
- Зах В.А.* Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Зах В.А.* Природные ресурсы лесного Тоболо-Ишимья в голоцене (на примере Андреевского и Мергенского микрорайонов) // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 159–167.
- Зах В.А., Скочина С.Н.* Поселение Мергень 3 // Вестн. археологии. антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. № 4. С. 37–56.
- Кернер В.Ф.* Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.
- Ковалева В.Т.* Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. 252 с.

Д.Н. Еньшин, С.Н. Скочина

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.

Кольцов Л.В. Формы, способы и средства адаптации в мезолите Северной Европы // Твер. археол. сб. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 21–24.

Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 80–99.

Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / В.А. Зах, О.Ю. Зими́на, Н.Е. Рябогина, С.Н. Скочина, И.В. Усачева. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.

Матвеев А.В., Зах В.А., Ларин С.И., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П. Доисторические культуры и палеогеография Мергенского археологического района // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. С. 76–114.

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное исследование условий жизни древнего населения Западной Сибири: (Проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке) Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // ВАН. 1993. Вып. 21. С. 143–170.

Почвоведение / И.С. Кауричев, Н.П. Панов, Н.Н. Розов и др.; Под ред. И.С. Кауричева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Агропромиздат, 1989. 719 с.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Якимов А.С. Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергень 6 в Тюменском Приишимье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. II. 424 с.

Синицын А.А., Синицына Г.В. Состояние проблемы адаптации первобытных сообществ Северной Европы на рубеже плейстоцена-голоцена // Твер. археол. сб. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 5–9.

Скочина С.Н. Отчет о археологических исследованиях поселения Мергень 6 в 2010 и 2011 гг. в Ишимском районе Тюменской области // Архив ЛАЕНМ ИПОС СО РАН. 2013.

Соколова З.П. К вопросу о развитии обско-угорской землянки // Ежегодн. ТОКМ-1959. Тюмень, 1960. Вып. 1. С. 9–26.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири: (Опыт типологии). М.: Триал, 1998. 288 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.

Стефанова Н.К. Исток IV — неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 132–143.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
Dimetrius666_72@mail.ru
sveta_skochina@mail.ru*

Subject to estimation being adaptation resources in terms of studying housebuilding with the Neolithic population to have left settlements on the north-east side of the Mergen' lake in the Low Ishim basin. Within limits of that economic-and-ecological niche, they discovered possible building materials, instruments, erection methods and details of the inner arrangement of the dwellings. Basing on particulars of the dwellings, they undertook their graphic reconstructions.

Low Ishim basin, the Neolithic Age, housebuilding, adaptation resources, settlement, Mergen' 3, Mergen' 6, Mergen' 7, economic-and-ecological niche, dwelling, heating systems, arrangement of the hearths, heating pits, drainage-and ventilation ditches.

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА В НЕОЛИТЕ НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ

С.Н. Скочина

Изучена представительная коллекция орудий, имеющих непосредственное или косвенное отношение к охоте и рыболовству, из материалов неолитических памятников Нижнего Приишимья. На основе типологического и трасологического анализа выделены типы охотничьего и рыболовного инвентаря и выявлены следы их использования.

Неолит, Нижнее Приишимье, наконечники метательных орудий, рыболовный инвентарь, типологический и трасологический анализ, микрофотографии следов использования.

Важнейшими составляющими экономики древнего населения являлись охота и рыболовство. По тому, какими средствами труда они были обеспечены, можно оценить уровень оснащённости этих промыслов. В данной работе рассматривается комплекс орудий, имеющих непосредственное или косвенное отношение к охоте и рыболовству, входящих в состав инвентаря неолитических памятников Нижнего Приишимья — Мергень 5–7, Серебрянка 1. Метательные и колющие орудия представлены каменными и костяными наконечниками стрел, гарпунов, острог, копьевидной заготовкой; предметы, имеющие отношение к оснастке, — грузилами, иглами и мерками для вязания сетей. Проведены типологический и трасологический анализы; орудия, разделенные на группы — типы — варианты, были рассмотрены под металлографическим микроскопом Olympus BX -51 с фотокамерой ProgRes C10 и панкратическим микроскопом МСП-1 с камерой Canon EOS-1100.

Наконечники метательных орудий

Основу охотничьего снаряжения составляли метательные орудия, которые в равной мере могли использоваться и в добыче рыбы [Раушенбах, 1956; Косарев, 1984, с. 86; Жилин, 2004].

Каменные, костяные и роговые наконечники обнаружены в заполнении котлованов кошкинских жилищ поселения Мергень 6, за исключением двух каменных наконечников и одного вкладышевого костяного гарпуна, отнесенных к козловско-полуденковским комплексам поселения Мергень 7.

1. Наконечники стрел

Тип 1. Листовидные

Каменные наконечники стрел листовидной формы (3 экз.)

Первый наконечник обнаружен в придонной части кошкинского жилища № 21 (8 гор.) поселения Мергень 6. Наконечник размерами 2,8×1,3×0,4 см, из серого кремня с темными пятнами выполнен на пластине, у которой ретушью с двух сторон обработаны два продольных края и острие. Наконечник сломан, насад не сохранился (рис. 1, 1).

Два экземпляра обнаружены в заполнении котлована козловско-полуденковского жилища № 1 (8 гор.) поселения Мергень 7.

Наконечник стрелы из красно-бежевой яшмы, размерами 5,2×1,2×0,3 см изготовлен на пластине. Двухсторонней ретушью оформлено острие и насад, один продольный край со стороны брюшка обработан плоской крупной ретушью. Насад имеет слабую выемку (рис. 1, 2). Третий экземпляр представлен фрагментом насада с выемкой, обработанного двухсторонней плоской ретушью.

На наконечниках, на участках острий и насада, выявлены трасологические признаки, характерные для метательной функции [Лозовская, 1994, с. 159]. На кончиках острий двух наконечников фиксируется плоский микрорезцовый скол со ступенчатым основанием. У насада на боковой крае отмечены ныряющий скол от ударного воздействия и затертость в виде пятна яркой заполировки с четкими границами.

Костяные наконечники стрел листовидной формы (22 экз.)

Вариант 1. Листовидные с коническим насадом (14 экз., в том числе обломки)

Высота наконечников варьируется от 6 до 15 см, толщина 0,6–0,8 см (рис. 1, 3–7, 9). Перо в сечении линзовидной или приближенной к ромбовидной формы. Ближе к острию, примерно в 2,5 см от острия, фиксируются слабо выступающие плавные углы. Высота насада колеблется в пределах 1,5–2 см, граница между насадом и пером нечеткая. Вес наконечников 4–7,8 г.

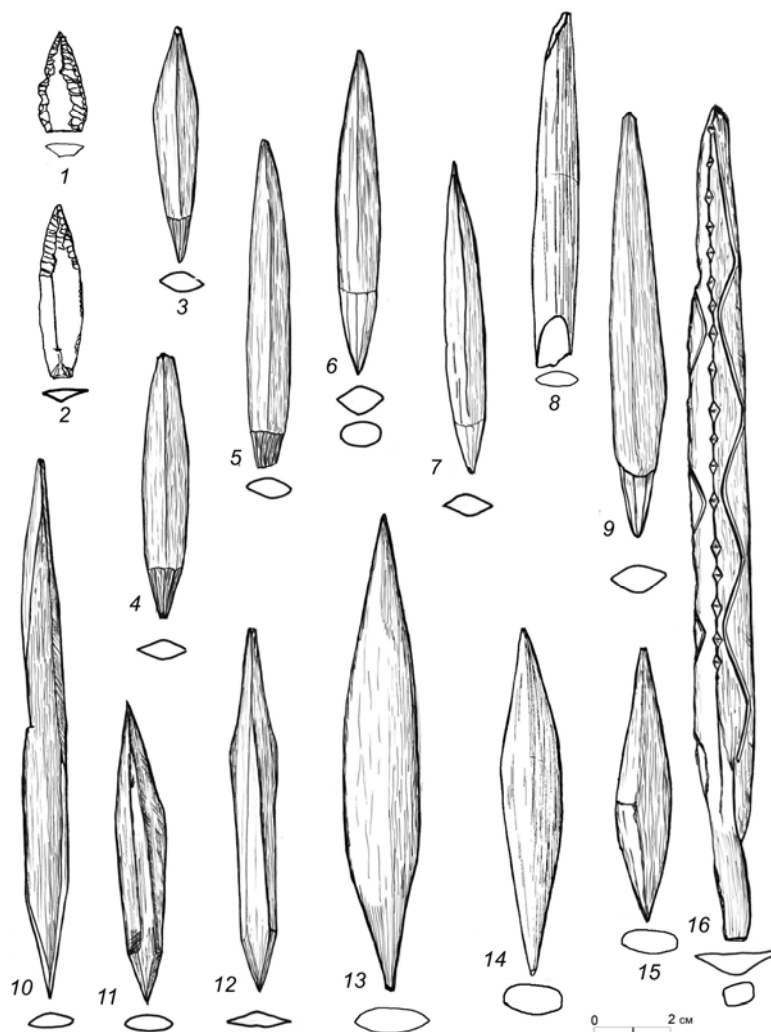

Рис. 1. Наконечники метательных орудий:

1–3, 7, 9 — листовидные; 10–12 — листовидные уплощенные; 8 — с клиновидным насадом; 13–15 — короткие приближенные к биконическим; 16 — двукрылый; 1, 3–16 — Мергель 6; 2 — Мергель 7; 1, 2 — камень; 3–16 — кость

Все наконечники данной группы имеют следы метательного воздействия, выраженные в виде язычковых и ныряющих сколов (рис. 3, 1, 6–8). У пяти они фиксируются на острие и насаде, у четырех только на насаде, у одного только на острие, остальные дошли в виде обломков, сломы которых имеют зигзагообразные края и/или язычковый скол. У многих наконечников боковые края ближе к насаду сточены с помощью абразивной обработки, длина сточенной части составляет около 2 см от насада, ширина 0,1 см. Видимо, данный прием был предназначен для плотного крепления наконечника к древку стрелы, возможно сухожильными (?) веревками. В зоне данной «сточенности» боковых краев и на двух плоскостях у насада под микроскопом фиксируются короткие, в основном параллельные друг другу, перпендикулярные длинной оси наконечника короткие разновеликие риски и царапинки. Они сгруппированы полосой шириной около 0,5 см выше насада. На самом насаде грани между линиями от строгания и выступающие части микрорельефа не имеют четких границ, забиты и залощены, что может говорить о закреплении в древке. Вообще насад и часть пера у насада у наконечников данной группы более деформированы от использования по сравнению с остальной частью пера, которая в основном содержит технологические следы.

Вариант II. Листовидные, уплощенные с треугольным насадом (4 экз.)

Высота целых — 14,5; 14,7; 8,3 и 9,6 см соответственно, ширина пера 1,1–1,2 см, толщина 0,4 см. У двух наконечников перо имеет смещенное острие, у второго намечены «плечики», ост-

Орудия охоты и рыболовства в неолите Нижнего Приишмья

рие расположено симметрично. У всех наконечников перо призматической формы в сечении, насад треугольный. Наконечники данной группы следов использования не имеют, в основном на них фиксируется технологическое оформление (рис. 1, 10–12).

Вариант III. Листовидный с клиновидным насадом (1 экз.)

Наконечник размерами 9,5×1,2×0,5 см с овальным в сечении пером и клиновидным насадом. Следы от ударного воздействия имеются на острие и насаде (рис. 1, 5).

Вариант IV. Листовидный, черешковый (1 экз.)

Наконечник с листовидной формой пера, длиной 22,6 см, шириной 1,6 см, толщиной 1 см, с треугольным сечением. Переход от пера к черешку намечен слабо, черешок длиной около 3 см имеет подквадратное сечение. Наконечник орнаментирован, одна выступающая грань украшена насечками, а по двум плоскостям прочерчена волнообразная линия (рис. 1, 16).

Помимо выделенных групп, в коллекции имеются острия от наконечников (2 экз.), которые условно отнесены к типу листовидных.

Тип 2. Игловидные наконечники (8 экз.)

Вариант I. Игловидные с косо срезанным насадом (6 экз.)

Игловидные наконечники имеют округлое сечение, коническое острие и косо срезанный насад, оформленный длинным срезом с одной стороны. Длина целых наконечников варьируется от 25 до 20 см, диаметр в пределах 1 см, длина насада составляет около 6–8 см (рис. 2, 2–5).

У всех наконечников кончики острий отсутствуют, на некоторых видны следы от ударного воздействия, выраженного в виде язычкового скола, расположенного на острие (рис. 3, 2–4). Кроме того, у двух наконечников в зоне пера и начала насада фиксируется полоса сработанности шириной 1,5–2 см в виде стертости, залощенности и концентрации линейных следов. Они расположены перпендикулярно и наклонно относительно длинной оси наконечника и представляют собой скопление параллельных друг другу и часто пересекающихся коротких рисок и царапин. В данной зоне отмечены линейные пятна очень яркой заполировки. Скорее всего, данный блок следов свидетельствует о креплении наконечника к древку.

Вариант II. Игловидные с коническим насадом (2 экз.)

Первый наконечник длиной 10,5 см, толщиной 0,9 см, имеет подквадратное сечение, коническое острие и насад длиной 1,3 см (рис. 2, 5). Второй наконечник размерами 14,6×14×0,9 см, имеет конический насад, перо ромбовидной в сечении формы и острие, оформленное косым срезом, треугольное в сечении. У острия и у одного продольного края на двух поверхностях располагаются грубые длинные царапины, перпендикулярно или чуть под наклоном к длинной оси изделия. Продольный край деформирован редкими двухсторонними фасетками утилизации. Заполировка тусклая, пятнистая, без резких границ.

Тип 3. Короткие наконечники, приближающиеся к биконическим (5 экз.)

У данных наконечников высота колеблется в пределах от 7,4 до 13,5 см, ширина 1,3–2 см, толщина 0,7–0,8 см. Имеют овальное и линзовидное сечение, один бок более выпуклый по сравнению с другим. Поражающая часть острия более вытянута по сравнению с той, которая использовалась для насада (рис. 1, 13–15).

Следы использования выражены в виде сколов на остриях и насадах, кроме того, на одном у основания зафиксированы линейные следы от крепления в виде рисок и царапин, аналогичные описанным выше. Отмечен случай реутилизации одного наконечника, размерами 9,5×1,6×1,0 см, который использовался в качестве проколки-провертки. На острие, визуальное более светлом, чем остальная часть наконечника, под микроскопом фиксируются яркая и жирная заполировка и поперечные густо расположенные риски в сочетании с продольными у самого кончика острия.

2. Наконечник копья

Копьевидная заготовка выполнена из массивного расщепленного рога размерами 40×5,5×2,9 см, в плане вытянуто-треугольной формы, с линзовидным сечением основной части и трапециевидным у острия. Паз расположен вдоль одного продольного края и начинается на расстоянии 20,5 см от острия. Поперечное сечение паза V-образное, ширина 0,5 см, глубина 0,5 см. Рукоять не выделена или обломана. Выпуклая плоскость оправы украшена вертикальными сгруппированными по 2 и 3 гравированными линиями (рис. 2, 1). Каких-либо следов сработанности не обнаружено.

Группа зубчатых острий представлена гарпунами и их обломками и частями острог.

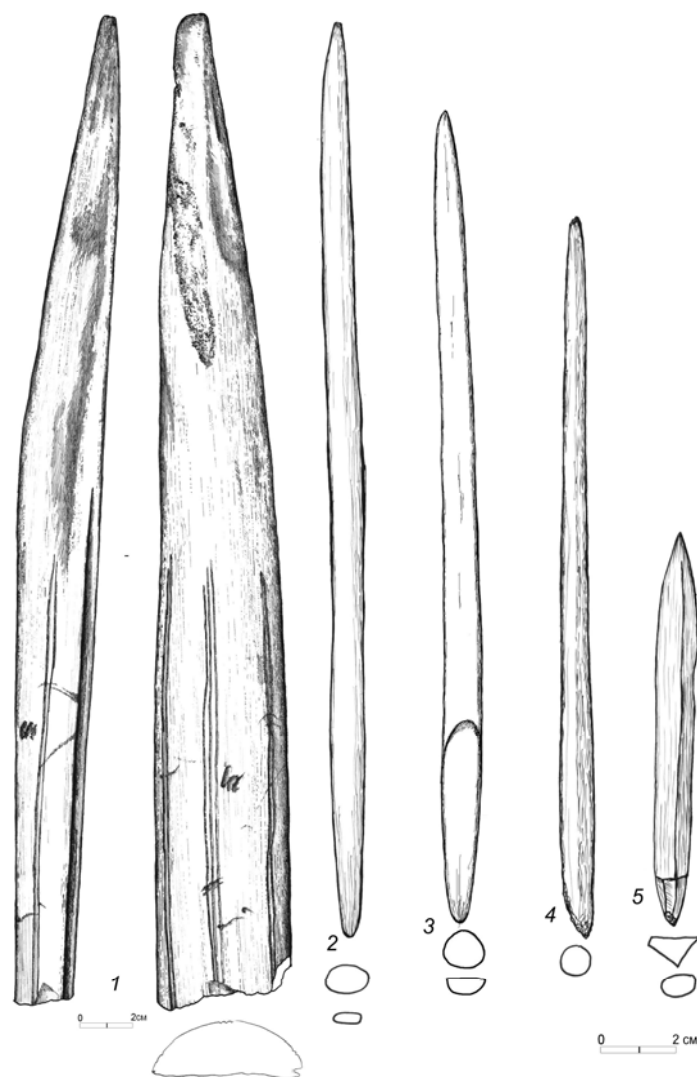

Рис. 2. Наконечники метательных орудий поселения Мергень 6:
 1 — вкладышевая копьевидная заготовка; 2–4 — игловидные с косо срезанным насадом;
 5 — игловидный с коническим насадом

3. Наконечники гарпунов

Для классификации гарпунов использовались данные об их устройстве. Гарпуны состояли из наконечников, древка и линя и имели подвижное крепление к древку при помощи линя. Верхняя часть наконечника имеет острие и бородки; нижняя, безбородочная часть называется базой, состоит из насада, стопор-линя и шейки. По размещению бородок наконечники гарпунов подразделяются на три типа: односторонне-бородчатые, двусторонне-бородчатые и двухрядные. Наконечник гарпуна изготавливали так, чтобы при поражении животного он легко отделялся от древка; для этого делали стопор-линь или отверстие для веревки. Различаются два вида наконечников гарпунов — неповоротные и поворотные. Бородчатые неповоротные наконечники вставлялись подвижно в гнездо древка. Поворотные наконечники гарпунов насаживались на заостренный конец древка, в данном случае гарпун сам имел гнездо. Этот наконечник, воткнутый в тело животного, вследствие косо срезанного основания поворачивался, как только натягивался линь, и крепко удерживался в теле [Эверстов, 1988].

Всего обнаружено три гарпуна, один найден в ритуальной яме в кошкинском жилище № 21, второй — в заполнении котлована кошкинского жилища № 1, третий — возле жилища № 3 поселения Мергень 6.

Орудия охоты и рыболовства в неолите Нижнего Приишмья

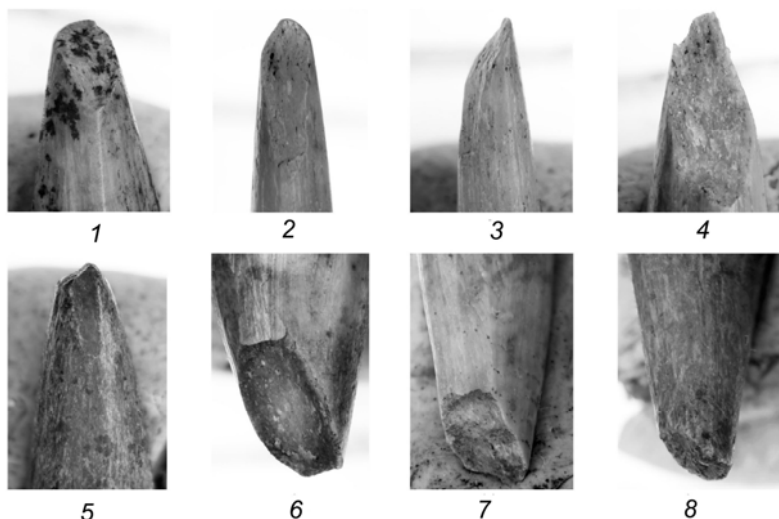

Рис. 3. Микрофотографии следов сработанности на костяных наконечниках. Сколы от ударного воздействия: 1–5 — сколы на остриях; 6–8 — сколы на насадах (увеличение 10×).

Тип 1. Односторонние неповоротные (3 экз.)

Вариант I. Черешковый с коническим насадом

Наконечник длиной 18,3 см, с округлым сечением диаметром 0,8 см, имеет три бородки, стопор-линь с отверстием и черешок с коническим насадом на конце (рис. 4, 1). Его поверхность оформлялась строганием. Бородки вырезались с помощью каменного резца, следов пропилов нет. Отверстие диаметром 0,3 см, не сверленное, вырезано с двух сторон, имеет встречное коническое сечение. Верхние края отверстия, особенно у выступающей части, не имеют четкой границы, истерты. Под микроскопом на боковых участках отверстия отмечена истертость, в зоне которой фиксируются линейные следы в виде коротких рисок и царапин. Они расположены перпендикулярно относительно длинной оси изделия, параллельны друг другу и часто пересекаются. Кроме того, в данной зоне имеются пятна линейной яркой заполировки. На острие и бородках гарпуна присутствуют микросколы, но определенно сказать нельзя — связаны они с метанием или это следы разрушения в результате воздействия слоя.

Вариант II. Бесчерешковый с треугольным насадом

Наконечник длиной 7,9 см, выполнен на расщепленной трубчатой кости с изогнутым сечением, имеет три бородки, выступающий стопор-линь и треугольный насад, длиной 1,3 см (рис. 4, 2). Оформлен в технике строгания, бородки вырезаны. Следов использования нет.

Вариант III. Наконечник с перехватом у насада

Выполнен из расколотой массивной трубчатой кости, один из продольных краев которой частично оформлен с помощью оббивки, а поверхность и боковые края обработаны строганием и частичной шлифовкой. Длина составляет 16,2 см, ширина у насада 2,4 см, толщина 1 см (рис. 4, 3). Имеет вытянуто-треугольную форму, одну бородку клювовидной формы, вырезанную с двух сторон каменным орудием. На поверхности у насада треугольной формы, длиной 3 см, расположен желобок-перехват шириной 0,3 см, заходящий только на боковые края.

4. Наконечники острог (7 экз.)

Наконечники острог относятся к виду метательных орудий, предполагающих жесткое крепление к древку. Наиболее выразительным в данной группе является наконечник вкладышевой остроги, обнаруженный в погребении № 1 на поселении Мергенъ 7. Наконечник длиной 19 см, шириной 2,1 см, толщиной 0,8 см, с овальным сечением. Выполнен на костяной плоской пластине, у которой верхняя часть имеет «долотовидное» окончание шириной 1,2 см, симметричное в сечении. На одном продольном крае намечены плавные бородки, выступающие примерно на 0,1–0,2 см. Там, где должна быть третья бородка, оформлен плавный выступ, в зоне которого сделан U-образный в сечении паз для вкладышей, длиной 7 см, заходящий и на черешковую часть. Черешок в плане подпрямоугольный, в сечении клиновидный (рис. 4, 4). Следов использования не обнаружено.

В данной группе присутствуют обломок острия с одним выступом-бородкой и пять фрагментов с обломанными бородками и черешками с коническим насадом без стопора-линя, диаметром около 1 см (рис. 4, 5–7).

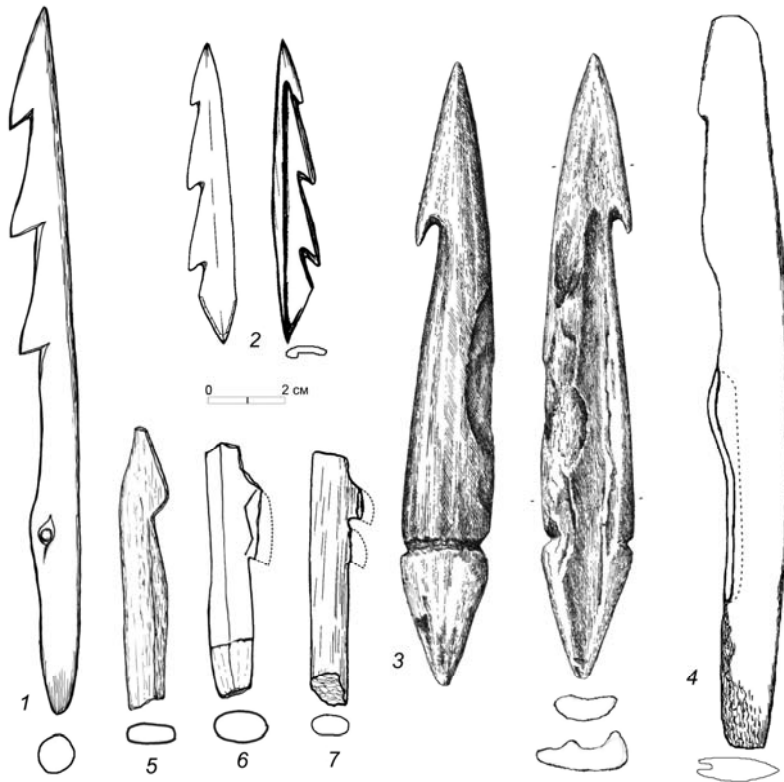

Рис. 4. Наконечники метательных орудий:

1–3 — наконечники гарпунов; 4–7 — наконечники острор: 1–3, 5–7 — Мергень 6; 4 — Мергень 7: 1–4, 6, 7 — кость, 5 — рог

Орудия рыболовного промысла

Орудия, связанные с индивидуальным способом рыбной ловли на удочку представлены жерлицами (5 экз.) и рыболовным крючком.

1. Жерлицы (5 экз.)

Жерлицы — живцовая снасть для ловли хищных рыб. Изготавливались из тонких пластинок, полученных расщеплением костей и рога. Представляют собой плоские изделия листовидной формы, с двумя заострениями, длина варьируется от 10 см до 8 см, ширина — 2 см. На двух экземплярах в средней части продольных краев оформлены выемки (рис. 5, 1–4).

2. Крючок

Единственный удильный крючок из кости обнаружен в заполнении жилища № 21 поселения Мергень 6. Крючок цельный, изготовлен с помощью таких операций, как вырезание и последующая частичная шлифовка. Крючок с гладким жалом без бородки, длина стержня (цевье) составляет около 10 см, на его конце имеется утолщение в виде головки, оформленное с помощью кругового желобка (рис. 5, 5).

3. Иглы для вязания сетей (3 экз.)

Данные изделия обнаружены на поселении Мергень 6. Представляют собой стержни с отверстием, длиной 7–12 см, толщиной около 2,5 см. Две изготовлены из полых трубчатых костей (рис. 5, 7, 8), одна — из фрагмента расщепленной кости (рис. 5, 6). Предварительная подготовка включала извлечение губчатой массы из полых костей, оформление состояло из скобления и резания. На полых трубчатых изделиях один конец косо срезался, затем края среза притуплялись, на одной из сторон ближе к этому краю вырезалось небольшое, диаметром около 0,6 см, отверстие. Последний экземпляр представляет собой расщепленную костяную пластину со скругленным поперечным краем, у которой вырезано отверстие.

Орудия охоты и рыболовства в неолите Нижнего Приишмья

4. Мерки для сетей (3 экз.)

Для того чтобы размер ячей сети был одинаков, при плетении использовали мерки (рис. 5, 10, 11). На поселении Серебрянка 1 в комплексах, относящихся к кокуйской культуре, обнаружены керамические орнаментированные плитки. Они имеют подпрямоугольную форму, закругленные края и приблизительно одинаковые размеры: 6,5×4,9 и 6,7×4,9 см — при толщине 0,7 см. На одной плитке орнамент в виде косога креста выполнен редкими неглубокими наколами, на другой в прочерченной манере нанесена косая сетка. Кроме того, к данной группе отнесен фрагмент орнаментированной плитки шириной 4,9 см, толщиной 1,7 см из материалов многослойного неолитического поселения Мергень 5.

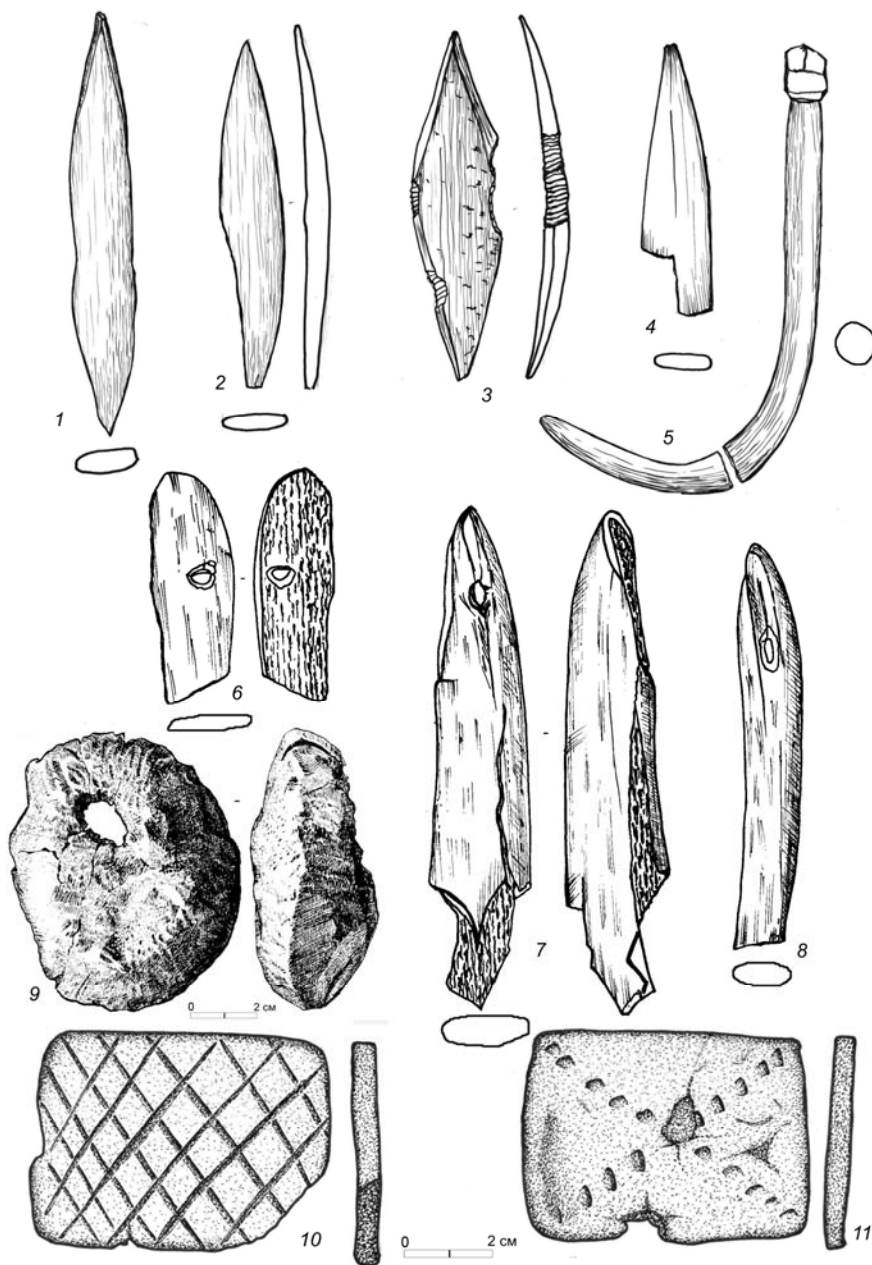

Рис. 5. Рыболовный инвентарь:

1-4 — жерлицы; 5 — крючок; 6-8 — иглы для вязания сетей; 9 — грузило; 10, 11 — мерки; 1, 2, 4, 5, 9 — рог; 3, 6-8 — кость; 10, 11 — глина; 1-8 — Мергень 6; 9 — Мергень 5; 10, 11 — Серебрянка 1

5. «Грузило»

На изученных неолитических поселениях грузил из глины и других материалов не обнаружено. Видимо, к данному типу орудий относится грузило из рога, происходящее из культурного слоя поселения Мергень 5. Грузило размерами 9,8×8,1×4,8 см, округлой в плане и линзовидной в сечении формы. В верхней, чуть зауженной части вырезано отверстие 2×1,1 см, с другой стороны его размер составляет 4×2,6 см (рис. 5, 9). Можно предположить, что данное изделие, ввиду его массивности, относится к типу тяжелых грузил, прикреплявшимся к плавным рыболовным сетям [Васильев, 1962, с. 148].

* * *

Выделенные типы наконечников метательных орудий имеют как широкие аналогии во времени и пространстве, так и местные особенности. Многие исследователи относят каменные наконечники стрел к категориям изделий, используемым при решении вопросов культурно-хронологической атрибуции [Хлопачев, 2011, с. 7]. Однако в неолите Зауралья каменные наконечники не образуют устойчивых серий, характерных для отдельных культурных образований и чаще всего происходят из многослойных памятников. В неолитических комплексах Притоболья и Приишимья имеются наконечники стрел высотой от 2 см до 5,5 см, листовидной, подтреугольной и ромбовидной форм, обработанные краевой или сплошной плоской или приостряющей ретушью. По оформлению насада выделяются наконечники черешковые и имеющие прямое или с выемкой основание [Алексашенко, 1979; Ковалева, Зырянова, 2010, с. 247; Неолитические памятники..., 1991; Шаманаев, 2001, с. 151; Старков, 1980; Неолит..., 1996]. На данном этапе исследований предварительно с высокой долей условности можно отметить, что наконечники с выделенным черешком в основном присутствуют в кошкинских и боборыкинских комплексах [Васильев и др., 1998; Шаманаев, 2001, с. 151; Волков, 2001; Ковалева, Зырянова, 2010, с. 247], ромбические — в составе инвентаря памятников козловско-полуденковской линии развития [Старков, 1980; Варга 2..., 2007, с. 79]. Позднеолитическими, видимо, являются короткие (до 3 см) треугольные с выемкой в основании наконечники, имеющиеся в комплексах сосновоостровского и екатерининского типа [Дрябина, Пархимович, 1991, с. 108; Крижевская, 1969, с. 51]. Наконечники листовидной формы, аналогичные изученным приишимским, встречаются наиболее часто и в комплексах всех неолитических культурных образований Зауралья.

Технология оформления мергенских костяных наконечников во многом аналогична таковой в Зауралье [Савченко, 2011а, с. 35]. Короткие наконечники, близкие к биконическим, не встречены на территории Зауралья, их можно соотнести с подобными из материалов грота на Камне Дождевом в Среднем Зауралье [Сериков, 1992, с. 134], а также коллекций памятников позднего мезолита и среднего неолита Восточной Европы [Жилин, 2001, с. 71–72; Лозовский, 1993, с. 18, 20]. Мергенским игловидным наконечникам стрел с косо срезанным насадом аналогичны изделия из коллекции неолитической стоянки Толстова в Средней Азии [Виноградов, 1981, с. 82–86], также подобные наконечники известны в китайской культуре Прибайкалья [Хлобыстин, 1996, с. 277]. Игловидные наконечники стрел с коническим или клиновидным насадом многочисленны в материалах мезолитических — энеолитических памятников лесной и лесостепной зоны Евразии [Лозовский, 1993, 2003; Жилин, 2001; Савченко, 2011б; Сериков, 2000; Гурина, 1997; Гурина, Крайнов, 1996; Крайнов, 1996; Молодин, 2001; Окладников, 1950; Федосеева, 1980]. Орнаментированный листовидный черешковый можно сопоставить с двукрылыми (весловидными) симметричными наконечниками без шипов на конце крыльев с клиновидным насадом, обнаруженными в верхнем (III) и среднем (IV) слоях Второй Береговой стоянки и на Кокшаровско-Юрьинской II стоянке, у Камня Дыроватого [Савченко, 2011б].

Аналогии зубчатым остриям и массивной копьевидной заготовке с пазом для вкладышей также наблюдаются на довольно широкой территории [Жилин, 2001, с. 103–104, Савченко, 2005, с. 233, рис. 9]. Тем не менее отмечается, что наконечники гарпунов с отверстием на насаде, аналогичные мергенскому, широко распространены в мезолите — неолите лесной зоны Евразии, отсутствуют в составе Шигирской коллекции [Жилин, 2001, с. 101; Савченко, 2006, с. 120]. Наконечники с пазом для вкладышей единичны, известны по материалам мезолитических стоянок Восточной Европы и Среднего Зауралья, среди шигирских находок Эрмитажа [Савченко, 2006, с. 120]. Наконечник с перехватом имеется в коллекции стоянки Сахтыш I [Гурина, Крайнов, 1996, с. 177–178].

Аналогии мергенским неолитическим наконечникам метательных орудий указывают на близость с уральскими материалами и возможные контакты с районами Восточной Европы и

Восточной Сибири. Видимо, к региональной специфике следует отнести наличие серии коротких листовидных костяных наконечников стрел с коническим насадом на территории Нижнего Приишимья, подобных которым на территории Зауралья не найдено. При этом необходимо отметить, что ряд исследователей придерживается точки зрения о возможности западного направления происхождения некоторых типов костяных наконечников стрел Зауралья и Западной Сибири на основании определенных черт, например технологии изготовления, форм и особенностей насада [Савченко, 2011а, б; Молодин, 1977, с. 29; Полосьмак и др., 1989, с. 32]. Вероятно, это справедливо и для мергенских костяных наконечников, которые в неолите, трансформировавшись в листовидные, уплощенно-биконические, сохранили конический насад, встречающийся на изделиях с Урала и из Восточной Европы, в отличие от западно-сибирских костяных наконечников, имеющих насады клиновидной формы, бытующих позднее.

Находки орудий, связанных с коллективным индивидуальным ловом рыбы, на неолитических поселениях Зауралья, как правило, единичны. Жерлицы встречаются на мезолитических памятниках Восточной Европы и европейского центра и севера России [Загорска, 1991; Жилин, 2001]. Ближайшие аналоги приишимским находкам видим в коллекциях Шигирского и Горбуновского торфяников, где обнаружены иглы для вязания сетей и крючки [Эверстов, 1988, с. 28–29; Савченко, 2013]. Подобные изделия достаточно редки, их появление и существование исследователи связывают с эпохой мезолита и далее вплоть до этнографического времени [Гурина, 1997, с. 101–102; Жилин, 2001, с. 142]. По этнографическим данным, иглы для вязания сетей представляют собой длинные деревянные или костяные заостренные пластинки с вильчатым концом, в середине заостренного конца делалось V-образное отверстие, образующее тонкий заостренный отросток. Длинная нить для плетения наматывалась через этот отросток и развилки на нижнем конце иглы [Попов, 1937, с. 184; 1955, с. 99]. Параллели меркам находим в этнографических материалах, где встречаются прямоугольные, квадратные или несколько удлиненные деревянные мерки. Каждая из мерок определенной формы имеет свои размеры, в зависимости от размеров ячеек сети, что, в свою очередь, зависит от того, для добычи какой рыбы или животного предназначается сеть [Попов, 1955, с. 95–97; Федорова, 2000, с. 38, рис. 7; Сирелиус, 2001, с. 306; Народы..., 1986, с. 65–66, рис. V, 8, 9].

Таким образом, материалы неолитических памятников Нижнего Приишимья предоставили довольно разнообразный набор орудий охотничьего и рыболовного промысла. Охотничий промысел выражен в двух формах — пассивной и активной. Пассивная форма охоты предполагает изготовление различного рода ловушек, изгородей, самострелов, петель и т.п., которые не обнаружены на неолитических памятниках Зауралья. Активная форма — обнаружение и преследование зверя — оснащалась метательными орудиями: колющими (наконечники стрел, гарпуны и остроги) и колюще-режущими (копьевидная заготовка, вкладышевый гарпун). Описанные признаки метательного воздействия на наконечниках стрел (снятия в виде косых сколов с язычковым или ступенчатым окончанием, резцовые микросколы на остриях насадах, зигзагообразные сломы на обломках средней части пера) являются диагностирующими, характерными для стрельбы из лука [Pétillon, 2006, p. 144–145]. Геоморфология поселений, располагавшихся на берегах озер, устьев рек и протоков и особенно таких речных систем, как река — протока — озеро, говорит об огромной роли рыболовства, в том числе запорного. О применении сетевых снастей косвенно свидетельствуют находки костяных игл и керамических мерок для вязания сетей и, возможно, тяжелое роговое грузило. Орудия индивидуального лова представлены жерлицами, удильным крючком, а также гарпунами и острогами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексахенко Н.А. Каменный инвентарь стоянки Сосновый Остров // ВАП. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1979. С. 29–50.

Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье: (Опыт комплексного анализа) / М.Г. Жилин, Т.Г. Антипина, Н.Е. Зарецкая, Л.Л. Косинская, П.А. Косинцев, Н.К. Панова, С.Н. Савченко, О.Н. Успенская, Н.М. Чаиркина. Екатеринбург, 2007. 100 с.

Васильев В.И. Проблема происхождения орудий запорного лова обских угров // ТИЭ. Нов. сер. М., 1962. Т. 78: Сиб. этногр. сб. Вып. 4. С. 137–152.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Глуценко С.А. Поселение Ук 6 в Тюменском Притоболье // Исторические исследования. Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. Вып. 2. С. 254–267.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 178 с.

- Волков Е.Н. Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное 1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 12–26
- Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петерб. Востоковедение, 1997. 240 с.
- Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 173–182. (Археология СССР).
- Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю. Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 100–112.
- Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
- Жилин М.Н. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia, 2004. 144 с.
- Загорская И.А. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 39–64.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
- Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 166–173. (Археология СССР).
- Крижевская Л.Я. Стоянка Пахомовская Пристань III // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 48–57.
- Лозовская О.В. К вопросу о трасологических признаках составного метательного орудия // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб.: Наука, 1994. С. 157–168.
- Лозовский В.М. Костяное охотничье вооружение первобытного населения Волго-Окского междуречья // РА. 1993. № 2. С. 15–23.
- Лозовский В.М. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском Междуречье (по материалам стоянки Замостье 2 // Неолит — энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: (Новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003, С. 219–240.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 169 с.
- Молодин В.И. Памятник Солка-2 на реке Оми: (Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита — раннего металла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
- Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 201 с.
- Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. 379 с. (Археология СССР).
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1950 (МИА; № 18).
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск, 1989.
- Попов А.А. Охота и рыболовство у долган // Памяти В.Г. Богораза. М.; Л., 1937. С. 147–205.
- Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и I четв. XX столетия // СМАЭ. 1955. Т. 16. С. 41–146.
- Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск: Изд-во ТГУ, 1986. 228 с.
- Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Тр. ГИМ. 1956. Вып. 29.
- Савченко С.Н. Кинжалы и ножи из кости и рога в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: Academia, 2005. С. 212–237.
- Савченко С.Н. Наконечники гарпунов из кости в коллекции шигирских древностей Свердловского областного краеведческого музея // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2006. С. 114–120.
- Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел в мезолите Урала // Предметы вооружения и искусства в древних культурах Северной Евразии: (Функциональный и технологический аспекты): Замятин. сб. СПб., 2011а. Вып. 2. С. 153–181.
- Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел с пазами в Среднем Зауралье // РА. 2011б. № 1. С. 27–37.
- Савченко С.Н. Костяные цельные рыболовные крючки в каменном веке среднего зауралья // Твер. археол. сб. Тверь: Триада, 2013. Вып. 9. С. 218–221.
- Сериков Ю.Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // РА. 1992. № 4. С. 131–147.
- Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижн. Тагил, 2000.
- Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 344 с.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. 222 с.
- Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 366 с.
- Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.
- Хлобыстин Л.П. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 271–278. (Археология СССР).

Орудия охоты и рыболовства в неолите Нижнего Приишимья

Хлопачев Г.А. Украшения и предметы вооружения из бивня мамонта палеолитической стоянки Спи (Бельгия): Культурно-хронологическая атрибуция // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии: (Технологический и функциональный аспекты): Замятин. сб. СПб.: Наука, 2011. Вып. 2. С. 3–26.

Шаманаев А.В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевское) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 146–153.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири: Каменный век. Новосибирск: Наука, 1988. 144 с.

Pétillon J.-M. Des Magdaleniens en arms. Technologie des armatures de projectile en bois de cervide du mgdalenien superieur de la grotte d Isturitz (Pyrenees-atlantiques). Belgique, 2006. 302 p.

Тюмень, ИПОС СО РАН
sveta_skochina@mail.ru

The paper considers a big collection of tools with direct or indirect relation to hunting and fishing in the inventory of the Neolithic sites from the Low Ishim basin. Basing on complex analysis, including typological analysis and trace evidence analysis, subject to identification being types of hunting and fishing tools, revealing traces of their use.

Neolithic Age, Low Ishim basin, heads of spears, fishing tools, typological and trace evidence analysis, microphotos of traces of use.

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С НАБОРАМИ АЛЬЧИКОВ И РОЛЬ ИГРЫ В ОБЩЕСТВАХ СТЕПНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

С.В. Сотникова

Рассматриваются детские погребения с наборами альчиков, представленные на памятниках эпохи бронзы евразийских степей (синташтинских, петровских, потаповских, алакульских, срубных). Выделяются две возрастные группы. Отмечается различное назначение наборов альчиков в этих группах. Привлекая в качестве аналогий широкий круг этнографических источников, автор приходит к выводу, что существовала особая, детская сфера сакральности. Она распространялась не только на область детских вещей, но и на игры.

Памятники синташтинского, петровского, потаповского типов, алакульская культура, срубная культура, наборы альчиков, детские игры, сакральная сфера жизни.

В эпоху бронзы на территории евразийских степей распространяется традиция, связанная с помещением в погребение наборов астрагалов (альчиков) — таранных костей животных. Такие находки сделаны как в детских, так и во взрослых захоронениях. Эта традиция представлена на памятниках ямного, катакомбного, срубно-андроновского времени и в более поздние периоды. В данной статье рассматриваются материалы погребений населения андроновской (алакульской) и срубной культур, а также предшествующих им памятников синташтинского, петровского и потаповского типов. Население этих культур исследователи связывают с индоевропейской или индоиранской традициями.

Данные погребения неоднократно привлекали внимание исследователей. Предпринимались попытки связать находки наборов альчиков в погребениях с возрастом умерших. Е.В. Куприянова в ходе изучения андроновских материалов с территории Южного Зауралья — алакульских и предшествующих им синташтинских — отнесла альчики (астрагалы) к предметам, встречающимся преимущественно в погребениях детей и подростков. В синташтинских памятниках 20,5 % таких находок сделаны в погребениях детей, в основном старшего возраста, 63 % — в погребениях подростков и только 16,5 % — в погребениях взрослых. В алакульских памятниках характер распределения находок еще более выразителен: 92,2 % сосредоточено в детских погребениях, 7,8 % — в подростковых, в погребениях взрослых они практически отсутствуют [Куприянова, 2001, с. 325]. С.С. Марков также отмечает, что наблюдается устойчивая тенденция к преобладанию детских погребений с наборами астрагалов над захоронениями взрослых, он предлагает несколько вариантов интерпретации этих находок: в качестве набора для игры в кости; как гадальные кости; символы благополучия; обереги [2002, с. 41–44].

В памятниках срубной культуры Среднего Поволжья прослеживается та же закономерность — абсолютное большинство погребений с альчиками принадлежало детям и подросткам. В общей сложности дети и подростки сопровождалась альчиками в 73 случаях, что составляет 77,7 %. Иногда альчики встречались в коллективных погребениях, где есть дети. Количество альчиков колебалось в одном захоронении от 1 до 159 [Крамарев, Кузьмина, 1999, с. 85]. В ходе изучения срубных могильников Северского Донца и Донецкого Приазовья была произведена корреляция половозрастных определений с категориями погребального обряда и инвентаря, что позволило выделить характерные признаки детских погребений и захоронений взрослых. Причем признаки эти носят как чистый, так и частный по тенденции характер. Наличие астрагалов в детских и подростковых погребениях было отнесено к числу чистых признаков [Литвиненко, 1996, с. 53].

В данной статье рассматриваются только детские погребения с наборами альчиков. Среди них представляется возможным выделить две возрастные группы: 1 — от младенчества до 5–6 лет; 2 — от 6–7 до 13–15 лет. Сложность разделения погребений по группам обусловлена тем, что не всегда имеются точные антропологические определения возраста детей, нередко исследователи ограничиваются общими определениями — «ребенок», «младенец», «подросток». В этом случае только погребения с определением «младенец» мы относим к первой группе, а

Детские погребения с наборами альчи́ков и роль игры в обществах степного населения...

«подростковые» — соответственно ко второй. Погребения с определением «ребенок» мы пока воздержимся относить к какой-либо группе.

Выделение двух детских возрастных групп обусловлено тем, что в традиционных обществах дети делятся на две возрастные категории, причем в младшей группе отсутствует деление по полу. Только с 5–6 лет детей начинали приучать к выполнению хозяйственных обязанностей соответственно полу, что вело к появлению отличий в одежде, украшениях, играх. Подобные этнографические свидетельства имеются по таджикам, что для нас представляет несомненный интерес, так как в их генезисе участвовал индоиранский компонент. Согласно материалам Е.М. Пещеревой, собранным в 1924–1935 гг., говоря о детях до 4–5-летнего возраста, горные таджики называли их общим словом *кудак//гудак* — «дитя», «ребенок» и почти не делали различия в costume. В большинстве горных мест маленькие девочки и мальчики раньше одинаково были одеты в одну только рубаху. Особых различий в жизни самых маленьких детей, их игрушках и играх не наблюдается. Позже, годам к шести, детей уже начинают обозначать по полу, называя *бача*, *псар* — мальчиков и *духтар* — девочек. Девочек начинают одевать более нарядно. Игры и игрушки мальчиков и девочек уже сильно разнятся. Девочка постепенно привлекается к домашнему хозяйству, а мальчик — к сельскохозяйственным работам [Пещерева, 1957, с. 23–24]. Можно предположить, что и в древний период существовала граница между двумя детскими возрастными группами, и приходилась она на возраст 5–6 лет. Именно с этого возраста детей начинали различать по полу. Верхняя граница периода детства определяется в 13–15 лет, так как обряд инициации — посвящения в группу взрослых обычно приходился в традиционных обществах на возраст 12–15 лет [Итс, 1974, с. 55].

Первая возрастная группа детских погребений (от младенчества до 5–6 лет)

Первая группа детских погребений, в которых обнаружены альчи́ки, представлена на следующих синташтинских, петровских, потаповских, алакульских, срубных памятниках: Большекараганский могильник, курган (далее — к.) 25, могилы (далее — м.) 7, 10, 18 [Аркаим..., 2002, с. 34–37, 43, 47, 69, 72]; Каменный Амбар-5, к. 2, м. 6 [Костюков и др., 1995, с. 162]; Кривое Озеро, к. 10, м. 43 [Виноградов, 2003, с. 98, 106, 216; Косинцев, 2003, с. 336, 337; Рыкушина, 2003, с. 357]; Синташтинский большой грунтовой могильник, погребение (далее — п.) 32 [Генинг и др., 1992, с. 221–222]; Обилькин Луг III, к. 17, п. 4 [Денисов, 2001, с. 42]; Потаповский могильник, к. 5, п. 14 [Васильев и др., 1994, с. 39–41; Яблонский, Хохлов, 1994, с. 190, табл. 1]; Тасты-Бутак I, ограда 6, м. 2; ограда 19, м. 1; ограды 31 и 42 [Сорокин, 1962, с. 14, 16, 17, 19, 20, 21, 23]; Натальино II, к. 18, п. 3, 4 [Памятники срубной культуры..., 1993, с. 20–53].

Количество альчи́ков в погребениях детей в возрасте до 5–6 лет невелико, в среднем от двух до восьми. Однако в ряде случаев их число достигает 20, причем в основном это погребения младенцев. Так, в Синташтинском большом грунтовой могильнике в погребении младенца 6–8 мес. обнаружен 21 астрагал (м. 32), в могильнике Каменный Амбар 5 в погребении младенца было 18 астрагалов (м. 6 к. 2), в Большекараганском могильнике (м. 10 к. 25) и Тасты-Бутак I (ограда 31) в погребениях детей 1,5–2 лет обнаружено по 13 астрагалов. Безусловно, дети младенческого возраста сами не могли играть в какие-то даже простейшие игры с костями. Повидимому, назначение таких наборов костей в погребениях младенцев было другое.

Как свидетельствуют этнографические данные, дети до определенного возраста считались принадлежащими не человеческому, а иному, вероятно, природному миру и соответственно окружались подобными вещами. А.М. Сагалаев и И.В. Октябрьская на основании изучения традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири отмечают, что «малыши, еще не прошедшие всех ступеней социализации, занимали промежуточное положение между природой и культурой» [1990, с. 148–149]. Тайна рождения приобщала младенца к изначальной природной стихии, воплощением и властительницей которой была богиня Умай. Она являлась хранительницей ребенка с момента появления на свет и до того времени, когда он начинал ходить и свободно разговаривать, т.е. приблизительно до трех лет. До этого момента Умай неуклонно находилась при младенце. Его так и называли — *умайлыг бала* — «ребенок Умай», иначе говоря, младенец [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 166].

К этому следует добавить, что многие характеристики младенцев явно тяготеют к миру природы. Ребенок говорил на непонятном для взрослых языке, близком звучанию природного (дикого, иного) мира. В этой связи челканцы одно и то же слово *пагыр* — «кричать» употребляли в отношении маленьких детей и косуль. Среди стариков-карагасов существовал обычай на-

зывать маленького человека «чужак» или «ягненок». Оставаясь в какой-то степени «природными» существами, дети с точки зрения традиционного общества сохраняли связь и с иным пространством. «В силу этого им было доступно иноговорение высших сфер». Тюрки Саяно-Алтая считали младенческий лепет разговором, в котором собеседником ребенка выступала богиня Умай. Буряты прежде полагали, что маленький ребенок все знает, о чем говорит сам с собою. Если у буряты маленький ребенок сильно лепечет, то приглашали человека, понимающего детский язык. Исследователи отмечают, что понимание «знающими» людьми детского языка было сродни получению шаманом информации от существ иного мира [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 148–149].

Вероятно, в древности существовала особая, детская сфера сакральности. В.М. Кулемзин, рассматривая угорскую (прежде всего хантыйскую) культуру, отмечал, что в ней сохранился сакральный характер отношения к детям, который заметно деформирован в культуре других народов. Показателем этого может служить следующий пример. Когда с символами сверхъестественного мира вступает в контакт взрослый человек, он действует посредством вещи (жертвы). Ребенок же вступает в эту связь непосредственно, так как сам он принадлежит не к реальному, а к потустороннему миру. Достаточно важным представляется вывод В.М. Кулемзина о том, что особой сакрализацией был наделен мир вещей стариков и детей, детских игр. «Степень сакрализации здесь может быть сравнима с атрибутами разного рода шаманов» [Кулемзин, 2003, с. 382–383]. Материалы угорской этнографии для нас особенно важны, так как, по мнению ряда исследователей, контакты индоиранского и угорского населения уходят в глубину древности [Абаев, 1981, с. 84–89].

Такое же почтительное отношение к детским вещам сохранилось в культуре алтайских народов. Алтайцы вешают над колыбелью ребенка связку костей горного козла, барана и птицы, называется эта связка *шалтрак*. Когда зыбка качается, косточки ударяются друг о друга и этим забавляют малыша. Л.Э. Каруновская высказала сомнение в том, что это только детское развлечение. Она отмечает, что алтайцы весьма неохотно показывают предметы, относящиеся к маленьким детям, и избегают вдаваться в подробности, касающиеся жизни ребенка [Каруновская, 1927, с. 28]. Более определенные сведения об этом содержатся в коллективной монографии по мировоззрению тюрков Южной Сибири. Исследователи отмечают, что «несформировавшийся, неокрепший костяк ребенка был предметом забот родителей. Возможно, магическим средством укрепления костяка у алтайцев служила связка бараньих бабок (*шалтырак*), которую вместе с пуповиной ребенка привязывали к его колыбели» [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 60]. Учитывая этот факт, можно предположить, что связка костей животных выполняла прежде всего роль оберега, являлась предметом сакральным, а уже во вторую очередь служила в качестве игрушки, которая забавляла ребенка. Вероятно, подобным образом можно интерпретировать находку альчигов в одном из погребений эпохи бронзы. В могильнике петровского типа Аксайман в м. 10 к. 4 ребенок захоронен на левом боку в скорченном положении, а вдоль его тела располагалось 18 астрагалов [Зданович, 1988, с. 80].

Согласно данным этнографии сакрализован был также мир детских игр, по характеру которых взрослые пытались предсказать какие-то будущие события. А.М. Сагалаев и И.В. Октябрьская на основании изучения материалов по тюркским народам Саяно-Алтая также приходят к выводу, что «в мифоритуальной концепции детской игре и ее атрибутам приписывалась магическая сила, соотносимая с возможностями шаманского камлания» [1990, с. 130–131].

Таким образом, дети с самого раннего возраста были с достаточной полнотой включены в сакральную сферу жизни общества, а в некоторых случаях являлись и полноценными участниками наиболее важных обрядов жизненного цикла. Например, у горных таджиков 5–6-летние дети являлись обязательными участниками свадебных торжеств. Они знали уже большое количество свадебных песен и отсидивали всю свадьбу, окружая тесным кольцом тот угол дома, где сидела невеста [Пещерева, 1957, с. 39]. Кроме того, в день весеннего равноденствия дети непременно участвовали в целом ряде обрядов, так как считалось, что их участие при зачинании какого-либо дела обеспечивает ему удачу. Особый интерес представляет тот факт, что именно с праздника весеннего равноденствия мальчики начинали играть в кости [Там же, с. 64, 65].

По-видимому, альчики помещались прежде всего в погребения детей мужского пола, о чем свидетельствуют этнографические данные. В Киргизии рядом с селением Кара-су находился мазар, посещавшийся бесплодными женщинами. Женщина подходила к источнику и опускала в него руку. Если ей удавалось вытащить какую-нибудь бусину — у нее должна была родиться дочь; если она вытаскивала бабку — у нее должен был родиться сын; если женщина вытаски-

Детские погребения с наборами альчи́ков и роль игры в обществах степного населения...

вала кусок шерсти — это считалось предзнаменованием того, что она будет богата скотом; если ей ничего не удавалось вытащить — считалось, что у нее не будет ни детей, ни скота [Абрамзон, 1949, с. 88].

Рассматриваемый нами археологический материал эпохи бронзы представляет интерес в том отношении, что были обнаружены погребения детей, которые сопровождались не только альчи́ками, но и украшениями, что для мальчиков не характерно. Так, в п. 10 к. 25 Большекараганского могильника при костяках детей 1,5–2 лет положены альчи́ки, просверленные клыки, а также по одной каменной бусине на каждом из черепов. Та же ситуация наблюдалась, по-видимому, в п. 32 Синташтинского большого грунтового могильника, где в могиле младенца, наряду с альчи́ками, находилось скопление бисера и просверленная раковина. Кроме того, можно говорить о большем количестве погребений с украшениями с учетом тех погребений, где возраст ребенка не определен. В том же Синташтинском большом грунтовом могильнике в п. 15 содержалось захоронение костяков двух детей плохой сохранности. Возле черепа одного из них обнаружены четыре астрагала барана, шесть бусин, бронзовый нож и костяная втулка, возле черепа другого — два астрагала и обломки медных пластин [Генинг и др., 1992, с. 170–171]. В могильнике синташтинско-петровского типа Кривое Озеро в м. 4 к. 9 три астрагала, лежавшие вплотную друг к другу, находились у лобной части черепа ребенка, из них два принадлежали овце, один — свинье. Под нижней челюстью обнаружены три фаянсовые бусины [Виноградов, 2003, с. 98]. В могильнике Спасское III алакульского типа в п. 9 к. 1 захоронен ребенок, на левом виске которого находилась бронзовая подвеска в золотой фольге, а в головах — сосуд и рядом с ним 6 астрагалов [Стоколос, 1972, с. 165].

Обращение к этнографическому материалу не позволяет однозначно объяснить этот феномен. Одну из возможных версий дает киргизский материал. Если в семье часто умирали мальчики или рождались только девочки, то долгожданному мальчику давали имя девочки и одевали как девочку, чтобы обеспечить ему долговечность. Иногда родившемуся мальчику надевали на ногу браслет, продевали в ухо одну серьгу, заплетали косу [Абрамзон, 1949, с. 107–108, 123]. С учетом этнографических данных можно предложить несколько вариантов интерпретации археологического материала. Возможно, что во всех погребениях с альчи́ками и украшениями захоронены дети мужского пола. Украшения в данном случае выполняли прежде всего роль оберега. Вместе с тем нельзя исключать и другой вариант интерпретации, а именно, что пол детей младшей возрастной группы с социальной и ритуальной точки зрения просто не играл роли. Соответственно с альчи́ками и украшениями хоронили как тех, так и других.

Вторая возрастная группа детских погребений (от 6–7 до 13–15 лет)

Вторая возрастная группа детских погребений, в которых обнаружены альчи́ки, представлена на следующих памятниках синташтинского и потаповского типов: Большекараганский могильник, к. 25 м. 13, 16 [Аркаим..., 2002, с. 34, 43, 47, 59, 65, 67–69, 72]; Каменный Амбар-5, к. 2, м. 4, 5, 12 [Костюков и др., 1995, с. 158–167]; Кривое Озеро, курган 1, м. 1, 2 [Виноградов, 2003, с. 36, 39, 44, 49, 98; Косинцев, 2003, с. 336]; Синташтинский большой грунтовой могильник, п. 2, 29, 38 [Генинг и др., 1992, с. 113–115, 170–171, 200, 207, 227]; Синташтинский комплекс С1, п. 2, 3 [Там же, с. 258, 260–261]; Потаповский могильник, к. 1, п. 5; к. 5, п. 4, 8, 11 [Васильев и др., 1994, с. 16, 30, 32–34, 36–37]; Яблонский, Хохлов, 1994, с. 190, табл. 1]. Андроновские могильники: Тасты-Бутак I, ограда 12, м. 2; ограда 14, м. 6; ограда 20, м. 3; ограда 54 [Сорокин, 1962, с. 15, 18, 26]; Спасское I, к. 2, п. 2 [Стоколос, 1972, с. 162]. Срубные могильники: Ильяский I могильник, к. 10, м. 2 [Любчанский, Иванова, 1996, с. 96]; Уранбаш, к. 9, п. 6 [Моргунова, 1999, с. 42]; Владимировский I могильник, к. 2, п. 1, 3, 8 [Кузьмина и др., 2003, с. 223, 224–225, 228], Спиридоновский II могильник, к. 1, п. 8 [Кузнецов, Мочалов, 1999, с. 64]; Максютково, к. 3, п. 6, 7; Натальино II, к. 17, п. 2; Осиновка, к. 7, п. 4; Саратовка I, к. 5, п. 1; Узморье, к. 2, п. 1; Ровное, к. 7, п. 1, 3; Новотулка, к. 5, п. 3; Ченин, к. 8, п. 1; Волжский II, к. 1, п. 6 [Памятники срубной культуры..., 1993, с. 20–53].

Для понимания материалов могильников эпохи бронзы представляют интерес данные этнографии, свидетельствующие о том, что игры с альчи́ками были характерны для мальчиков определенной возрастной группы. Так, у башкир игрой в альчи́ки увлекались исключительно мальчики в возрасте от 5–6 до 12–13 лет [Шагапова, 2010, с. 67], что в принципе соответствует выделенной нами второй возрастной группе. У горных таджиков к игре в кости привлекались мальчики начиная с 7–8-летнего возраста. Одной из первых была для них игра в *лурск* — сухой

овечий помет. Каждый шарик помета предварительно плоско стачивался с двух сторон, чтобы при бросании он не катился. Начинающие играли обычно по двое. Один клал свой *лурск* на землю, а другой — на ладонь левой руки и, сбивая его щелчком пальцев правой руки, старался сбить им с места *лурск*, лежащий на земле. Если он его сшибал, то забирал себе и партнер выкладывал на землю новый. Если же промахивался, то клал на землю свой и очередь бить переходила к партнеру. Игра эта являлась как бы своеобразной учебной подготовкой к игре в кости (альчики), до которой малыши не допускались [Пещерева, 1957, с. 61]. По-настоящему играть в кости мальчики начинали лет с девяти. Этот факт позволяет отчасти понять рассматриваемый нами археологический материал эпохи бронзы, а именно сравнительно редкие находки альчиков в погребениях. Не исключено, что часть детей в возрасте 6–8 лет, возможно не перешедших пока в следующую возрастную группу, также использовала в игре сточенный с двух сторон сухой овечий помет, который в погребениях просто не сохранился.

В выделенной нами второй возрастной группе детей возрастает число астрагалов в погребении, причем нередко эти погребения являются коллективными усыпальницами. Так, в Большекараганском могильнике погребения с большим количеством астрагалов концентрировались в кургане 2 в м. 5, где захоронено восемь человек, из которых — двое детей и трое подростков, в углу находилось скопление из 147 астрагалов. В м. 11, содержащей три костяка — ребенка 9–10 лет и двух подростков, у середины стенки располагалось скопление из 53 астрагалов. В м. 12, где было захоронено четыре человека, — 39 астрагалов. В могильнике Кривое Озеро в м. 1 к. 1 погребено трое человек (взрослый, подросток, ребенок) и обнаружено 37 астрагалов, в м. 2 этого же кургана, при том же составе погребенных, найдено 65 астрагалов. В Синташтинском большом грунтовом могильнике в детском п. 29 было 100 альчиков. В I Ильясском могильнике срубно-алакульского типа в м. 2 к. 10 подросток сопровождался альчиками барана в количестве 318 шт.

Следует отметить, что в коллективных захоронениях астрагалы находят именно при костяках детей и подростков. Так, в могильнике Каменный Амбар 5 в п. 12 к. 2 было захоронено четыре человека — двое детей в возрасте 3–5 и 8–9 лет и две женщины в возрасте 25 лет. Альчики находились при костяке ребенка 8–9 лет. В Синташтинском большом грунтовом могильнике в п. 2 обнаружено три костяка — подростка и двух взрослых. Именно в изголовье подростка размещались астрагалы барана. Вероятно, дети старшего возраста и подростки уже сознательно собирали альчики для игры и эти наборы костей были их своеобразной собственностью, которую в случае смерти владельца помещали в погребения.

Во всех рассматриваемых нами наборах костей преобладают альчики барана (овцы), но в погребениях синташтинско-петровского типа широко представлены также кости козы, сайги, косули, кабана, крупного рогатого скота, свиньи. В алакульских памятниках изредка встречаются альчики козы, в срубных — крупного рогатого скота, свиньи, лошади. Таким образом, в памятниках синташтинско-петровского типа набор альчиков по составу видов животных более разнообразен по сравнению с потаповскими, алакульскими и срубными погребениями. Основным отличием синташтинско-петровских погребений является сочетание в игровых наборах альчиков как домашнего скота, так и диких животных (сайги, косули, кабан). По-видимому, подобное сочетание альчиков, принадлежащих как домашним, так и диким животным, далеко не случайно. Вероятно, охота продолжала играть в среде старших детей и подростков синташтинского и петровского общества немалую роль, в том числе культурную, как вариант инициации, а успех на охоте приравнялся к военной доблести. У многих народов (таджиков, узбеков, монголов, тувинцев, хакасов и т.д.) игры в кости имели названия, связанные как с охотой, так и со скотоводством: «класть марала», «конский бег» — монгольские; «ловить коня», «скачка» — тувинские; «стрельба по косулям» — хакасская; «убивание ослов» — таджикская [Молодин, Ефремова, 1998, с. 305; Пещерева, 1957, с. 66].

В алакульских и срубных наборах костей присутствуют только альчики домашних животных. Причем в срубных погребениях представлен практически полный спектр домашнего скота, а в алакульских — в основном альчики овцы и козы, что может указывать на более подвижный вид хозяйства.

Своеобразием синташтинско-петровских наборов костей является также наличие на некоторых альчиках следов подработки и окрашивания. В п. 16 к. 25 Большекараганского могильника некоторые альчики имели следы подработки, один астрагал просверлен. В м. 1 к. 1 могильника Кривое Озеро из 37 астрагалов на 16 фиксируются следы сработанности. Сработанная сторона одного из них имеет зеленоватую окраску. В м. 2 того же кургана следы сработанности

Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения...

зафиксированы на 18 из 65 альчиков. Степень сработанности астрагалов различна — от небольших затертостей до сильно стертых, иногда до заполированности, гладких поверхностей; кроме того, имеются один астрагал с отверстием, один — со срезом на боковой стороне и один — с пояском насечек. В срубном могильнике Ченин (к. 8, п. 1) обнаружено 35 альчиков, часть которых обработана.

Подобное обращение с альчиками зафиксировано и в этнографии. Так, башкиры использовали для игры преимущественно кости мелкого рогатого скота. Суставные кости тщательно очищали, отмывали, практически отполировывая их. Чаще всего альчики были первозданного белого цвета. Кроме того, как отмечает Г.Р. Шагапова, информаторы эпизодически сообщают о раскрашивании костей; что означали цветные кости — неясно [2010, с. 67]. У горных таджиков астрагалы были нескольких видов — овечьи, козьи и коровьи. Обычно в игре употреблялись бараньи и козьи астрагалы. К тому же астрагалы для мальчиков являлись своего рода капиталом. Они тщательно собирали их, очищали от жил и обтачивали таким образом, чтобы они при бросании с наибольшей легкостью могли становиться в положения, дающие выигрыш по правилам игры. Обточенные астрагалы даже имели особые названия, отличающие их от необработанных. Так, в Ягнобе обработанные астрагалы назывались *сус*, а необработанные — *курраг* [курраг]. Самые лучшие астрагалы мальчики еще и окрашивали, окуривая их дымом. Для этого складывали в кучу мелкую пшеничную солому, вокруг которой расставляли кости. Солому поджигали и накрывали вместе с костями большой деревянной чашкой. Под действием дыма кости приобретали красноватый цвет. Такие астрагалы мальчики хранили отдельно, складывая их в глиняные кувшины. Иногда кувшины с астрагалами даже закапывали на время в землю [Пещерева, 1957, с. 66].

Мальчики менялись друг с другом астрагалами, а также выменивали на них разные вещи. В Ягнобе один обточенный астрагал был равен по цене восьми-десяти необработанным *курраг*. Кроме того, три обычных астрагала составляли *шак*. Дети из бедных семей, где редко ели мясо, добывали себе астрагалы работой. Весной, когда скот выпасали около селения, это поручалось мальчикам. Дети богатых родителей нанимали бедных мальчиков пасти скот за себя. Костями также менялись и давали их взаймы. Во избежание обмана каждый из астрагалов сравнивали со стандартом, прикладывая друг к другу всеми сторонами. При возвращении долга вся процедура проделывалась снова [Там же].

Как свидетельствуют этнографические данные, набор для игры в кости включал также биты, которые иногда даже изготавливали особо. Так, у башкир главную фигуру — битку — красили сажей в черный цвет. В кости делали маленькую дырочку и заливали в нее свинец. Однако имеются сведения, что использование таких бит не всегда поощрялось [Шагапова, 2010, с. 67]. Горные таджики с коровьими астрагалами играли сравнительно редко. Они больше употребляли их в качестве битков и даже давали им другое название. Кроме того, битками служили отборные овечьи астрагалы, а также битки делались из камня в виде шариков или небольших прямоугольных пластинок. В некоторых районах битки прямоугольной формы изготавливали из рога диких козлов [Пещерева, 1957, с. 65–66].

В рассматриваемых нами погребениях эпохи бронзы наряду с альчиками присутствуют предметы, которые могли использоваться при игре в кости как биты. Так, в Большекараганском могильнике в п. 13 к. 25 скопление содержало 30 астрагалов и крупную гальку серо-зеленого цвета. В Потаповском могильнике в п. 5 к. 1 найдены скопление астрагалов и речная галька со следами точечных ударов и одним сколом. В срубном могильнике Ченин обнаружены «камень» и 35 альчиков. В могильнике Каменный Амбар-5 в м. 2 к. 2, где костей погребенных не обнаружено, в южном углу находилось скопление из 12 астрагалов различных мелких животных и массивная пластина из рога лося, которую авторы интерпретировали как битку. В п. 16 к. 25 Большекараганского могильника наряду с набором альчиков (в том числе со следами сработанности), помещенных, по мнению авторов, в специальный мешочек, в заполнении обнаружено изделие из рога оленя размером 20×7 см. Этот предмет вполне мог использоваться как битка.

Кроме того, как показывают данные этнографии, в качестве бит могли употребляться астрагалы крупного рогатого скота. В рассматриваемых погребениях, даже в тех, где встречено значительное количество астрагалов, находки альчиков крупного рогатого скота единичны. Это может свидетельствовать об их особой роли в играх. В п. 16 к. 25 Большекараганского могильника находилось скопление из 50 астрагалов, в котором только 4 принадлежало крупному рогатому скоту, а остальные — более мелким животным. В могильнике Каменный Амбар-5 в м. 5 к. 2

среди 147 астрагалов лишь два были от крупного рогатого скота. В могильнике Кривое Озеро в м. 2 к. 1 из 65 астрагалов четыре принадлежали крупному рогатому скоту, остальные — мелкому.

При игре в альчики суть состояла в том, что они ложатся разными сторонами, каждая из которых имеет свою «стоимость». У башкир боковая вогнутая сторона альчика называлась «алсы», противоположная ей сторона — «туй», третья — «бук», четвертая — «сик». Игру начинал тот, у кого кость ляжет в положение алсы, вторым вступал тот, у кого кость окажется в положении туй, третьим — буй, четвертым — сик [Шагапова, 2010, с. 67–68].

Детские игры в кости были не просто детской забавой, а имели магический, сакральный подтекст. Так, у горных таджиков детские игры в альчики носили сезонный характер, они начинались со дня весеннего равноденствия, который еще в начале нашего столетия являлся у таджиков главным праздником в году. С ним было связано много обычаев, выполнявшихся главным образом для того, чтобы вызвать к жизни животворящие силы природы [Пещерева, 1957, с. 64]. У монголов ряд игр в альчики имел четкую символическую привязку к Новому году — *Цагаан сар*, что означает «Белый месяц». До 1267 г. монголы отмечали Новый год в сентябре. В каждой из игр был заложен определенный философский и магический смысл, поэтому исследователи усматривают в них связь с магией плодородия в скотоводческом хозяйстве [Календарные обычаи и обряды..., 1985, с. 179, 184–185]. Представляется показательным тот факт, что Новый год начинался именно с игр в альчики, а игра повсеместно является прерогативой детей и молодого поколения.

Вероятно, общераспространенной была связь большого количества бараньих альчиков именно с плодородием скота. Так, хакасы считали, что хранимые в юртах овечьи астрагалы приносят счастье. Их зарывали в землю в углу овечьего загона, если количество достигало сотни. Считалось, что в стаде зарывшего альчики человека прибавится столько же голов овец, сколько он зарыл астрагалов. Подобные представления зафиксированы и у тувинцев. Собрав тысячу астрагалов, их зарывали в зимнем загоне для овец и начинали собирать снова. Этот обряд призван был способствовать размножению скота [Молодин, Ефремова, 1998, с. 306–307].

Можно предположить, что у андроновского населения дети мужского пола в возрасте от 6–7 до 13–15 лет составляли особую возрастную группу, связанную с миром сакрального через ритуал гадания или предсказания, имеющего форму игры в альчики. Как свидетельствуют этнографические материалы, у многих народов астрагалы выполняли как игровую, так и магическую функцию. Фольклор башкир свидетельствует, что удачные игроки отмечались как бы печатью небес. Например, у башкир есть пословица: «У него альчики всегда алсы», что означало — ему всегда везет. Гадание мог совершать как жрец, так и первый игрок, получивший расположение небес уже во время жеребьевки [Шагапова, 2010, с. 70–72].

По-видимому, использование именно бараньих альчиков в играх, гаданиях и предсказаниях далеко не случайно. Баран у иранских народов издавна считался носителем «фарна», которым владели божественные персонажи, дарующие его людям. Для людей «фарн» обычно воплощался в богатстве, детях, скоте, здоровье. Иногда он реализовывался не столько в материальном виде, сколько символически — как счастье, благая судьба, доля. В.Н. Топоров считает, что именно такой фарн был свойствен, видимо, ариям в целом [1997, с. 557].

Примечательным является то, что в детских погребениях эпохи бронзы в основном присутствуют альчики барана. Они использовались, вероятно, не только для игры, но и в качестве жребия. Поэтому нельзя исключать предположения, что представления о фарне в облике барана являются достаточно древними и восходят еще к игре в альчики. По-видимому, выигрыш или удачно выпавший жребий рассматривались как особое расположение небес, дарующих «фарн» победителю. Вероятно, в эпоху бронзы альчики помещались в могилу тех детей и подростков, у которых, так сказать, «альчики всегда алсы». В дальнейшем по мере взросления на некоторых из этих детей общество могло уже сознательно возлагать функции гадателя или предсказателя.

В связи с этим предположением представляют интерес погребения подростков, где наряду с альчиками присутствуют и другие предметы, вероятно, ритуального назначения. Такие наборы вещей встречаются в основном в памятниках синташтинско-петровско-потаповского круга. В Потаповском могильнике на дне п. 11 к. 5 находилось три детских костяка с альчиками. Ребенок 9–10 лет выделялся среди них неординарным инвентарем явно ритуального характера. Кроме того, при этом костяке найдены украшения — костяные бусины, подвески из клыков животного, медная височная подвеска.

Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения...

Значительное количество украшений не обязательно является указанием на женский пол погребенного. По-видимому, здесь следует учитывать тот факт, что игра в альчики была связана с культом плодородия, а покровителем плодородия, как правило, выступает двуполое божество. Как отмечает И.Ю. Шауб, представления о фарне могли существовать вне категории пола. В связи с этим небезынтересно свидетельство Диогена Лаэртца (1, 6) о персидских магах, которые отвергали не только изображения богов, но и «различение богов мужского и женского пола». Фарн мог представляться как в мужском, так и в женском облике [Шауб, 2007, с. 127]. В некоторых областях Индии во время праздника богини растительности, которая являлась двуполой, мужчины носят искусственные груди. В Индии, Иране и других районах Азии ритуал «обмена одеждой» играет важную роль в земледельческих празднествах. Как отмечает М. Элиаде, «мужчина, который носил женские одежды, не превращался по этой причине в женщину, как могло бы показаться на первый взгляд; на некоторое время он объединял в себе оба пола, и это состояние помогало ему постичь Космос в его целостности» [1999, с. 346–347], что, по-видимому, представлялось необходимым для верного предсказания будущих событий. Вероятно, в древности такому объединению обоих полов в ритуале отводилась особая роль [Сотникова, 2013, с. 46–47].

В результате рассмотрения детских погребений с наборами альчиком следует отметить их различное предназначение в двух выделенных возрастных группах. Для детей младшего возраста наборы альчиков в основном выполняли роль оберега. Для детей старшего возраста альчики выступают прежде всего как атрибут игры, возможно отчасти сакрализованной. Наличие в некоторых погребениях детей второй группы, помимо альчиков, предметов, которые могли использоваться в ритуальных целях, позволяет предполагать, что эта группа была связана с миром сакрального, как через игру в альчики, так и посредством гадания и предсказания. Таким образом, привлекая в качестве аналогий широкий круг этнографических источников, можно прийти к выводу, что существовала особая, детская сфера сакральности. Она распространялась не только на область детских вещей, но и на игры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абаев В.И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981. С. 84–89.
- Абрамзон С.М.* Рождение и детство киргизского ребенка // СМАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 78–138.
- Аркаим:* Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. Кн. 1. 216 с.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Сам. пед. ун-т, 1994. 208 с.
- Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Денисов И.В.* Могильники эпохи бронзы Обилькиного Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 38–48.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: УрГУ, 1988. 184 с.
- Итс Р.Ф.* Введение в этнографию. М.: Изд-во ЛГУ, 1974. 160 с.
- Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии.* М.: Наука, 1985. 264 с.
- Каруновская Л.Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // СМАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. 6. С. 19–36.
- Косинцев П.А.* Животные в жертвенных комплексах могильника Кривое озеро. Приложение 6 // Н.Б. Виноградов. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 333–344.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: Изд-во СамГПИ, 1995. С. 156–207.
- Крамарев А.И., Кузьмина О.В.* Кости животных в погребальном обряде срубной культуры // XIV Урал. археол. совещ.: Тез. докл. Челябинск: Рифей, 1999. С. 83–87.
- Кулемзин В.М.* Отдельные штрихи к портрету хантыйской культуры // Угры: Материалы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск: ТГИАМЗ, 2003. С. 380–385.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.* Нестандартный раннесрубный курганный комплекс Юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в самарской области. Самара: СамВен, 1999. С. 59–92.

- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимирский I // *Вопр. археологии Поволжья*. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2003. Вып. 3. С. 217–260.
- Куприянова Е.В. Половозрастная стратификация как аспект культурного своеобразия древних обществ (по материалам некрополей бронзового века Зауралья) // *Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация*. Самара: НТЦ, 2001. С. 321–327.
- Литвиненко Р.А. Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона // *Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века*. Волгоград: Перемена, 1996. С. 62–66.
- Любчанский И.Э., Иванова Н.О. Ильясский могильник — новый погребальный комплекс срубно-алакульского времени // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника «Аркаиим»*. Челябинск: ЧелГУ, 1996. С. 89–105.
- Марков С.С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // *Вестн. о-ва открытых исследований древности*. Челябинск: Аркаиим, 2002. С. 39–48.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 300–309.
- Морзунова Н.Л. Курганы у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // *Археологические памятники Оренбуржья*. Оренбург: Димур, 1999. Вып. 3. С. 40–64.
- Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье* // *Археология России*. Саратов: Изд-во СарГУ, 1993. 201 с. (САИ. В1-10; Т. 1).
- Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924–1935 гг.) // *СМАЭ*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 17. С. 22–94.
- Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро. Приложение 7 // Н.Б. Виноградов. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 345–360.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
- Сорокин В.С. Могильник бронзового века Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // *МИА*. № 120. М.; Л., 1962. 207 с.
- Сотникова С.В. О семантике парных погребений андроновской эпохи // *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. Вып. VI. С. 36–49.
- Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья: (Хронология и периодизация). М.: Наука, 1972. 168 с.
- Топоров В.Н. Фарн // *Мифы народов мира*. М.: Рос. энцикл., 1997. Т. 2. С. 557–558.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири*. Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.
- Шагапова Г.Р. Семантика игровой культуры башкирского этноса. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 152 с.
- Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. 484 с.
- Элиаде М. Трактат по истории религий. М.: Алетейя, 1999. Т. 2. 416 с.
- Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья. Приложение 3 // И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Сам. пед. ун-т, 1994. С. 186–205.

*Тобольская государственная социально-педагогическая академия
svetlanasotnik@mail.ru*

The article considers children's burials with sets of knucklebones, represented in sites of the Bronze Ages from Eurasian steppes (the Sintashta, Petrovka, Potapovka, Alakul, and sрубnaya ones). Subject to identification being two age groups with sets of knucklebones being of different purpose. Attracting a broad circle of ethnographic sources as analogies, the author comes to a conclusion on the early existence of specific children's sacral sphere which spread not only into the field of children's things, but also into their games.

Sites of the Sintashta, Petrovka and Potapovka types, Alakul culture, sрубnaya culture, sets of knucklebones, children's games, a sacral sphere of life.

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОЕ 25 (результаты исследований)

Е.В. Куприянова

Освещаются результаты исследований могильника эпохи бронзы Степное 25 (Челябинская обл.). Комплекс имеет длительную, с 50-х гг. XX в., историю изучения. В 2013 г. был исследован курган срубной археологической культуры, содержащий центральное погребение женщины и семь периферийных детских захоронений во рву.

Эпоха бронзы, срубная культура, Южное Зауралье, погребальный обряд, степь, лесостепь.

Могильник Степное 25¹ имеет длительную историю исследования. Памятник был открыт и частично раскопан В.С. Стоколосом в 1958–1959 гг. [Стоколос, 1962]. Поскольку его единственная публикация содержит очень сжатую информацию, изначальная планиграфия могильника изучалась по аэрофотоснимкам 1956 г. Могильник состоял из двух курганных групп, расположенных в 400 м друг от друга (рис. 1). Курганная группа А находилась на левом берегу р. Уй, в 700–750 м к юго-востоку от правобережной части с. Степное. Группа состояла из 5 курганов и, как следует из публикации, была полностью раскопана В.С. Стоколосом в 1958 г. Курганная группа Б находится в 1 км к юго-востоку от левобережной части с. Степное. Группа состоит из 8 насыпей, вытянутых цепочкой в направлении ССЗ–ЮЮВ. Длина цепочки — 250 м. В 1950-е гг. было раскопано 4 кургана. Краткие материалы, опубликованные В.С. Стоколосом [1962], показывают наличие в системе исследованных погребальных комплексов могильника срубных и абашевских материалов.

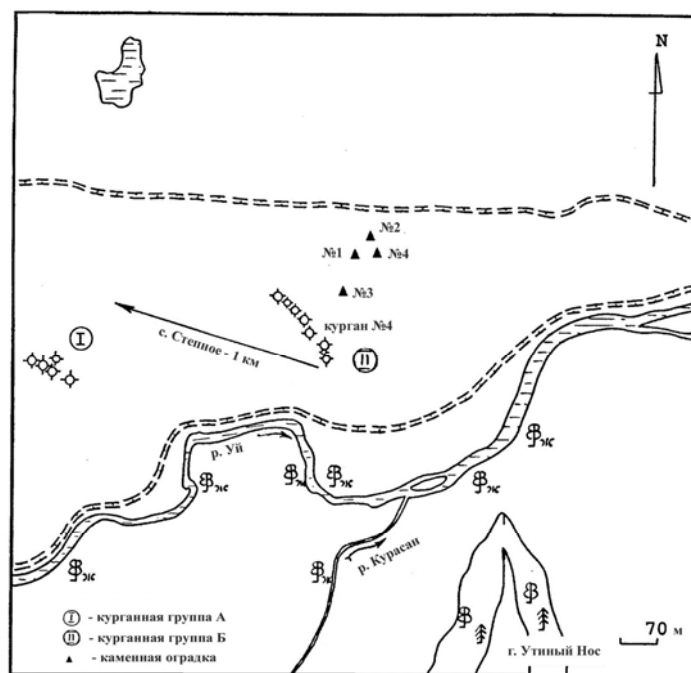

Рис. 1. Могильник Степное 25. Дешифрирование аэрофотоснимка 1956 г. с нанесенными каменными оградками, открытыми в 2007 г.

¹ Изначально исследованный могильник носил название Степное 1, под которым он фигурирует в ранней публикации и отчетах. В 2010 г. в процессе составления перечня выявленных объектов культурного наследия Челябинской области ГНПЦ по охране культурного наследия присвоил название «Степное 1» другому объекту — могильнику эпохи бронзы, расположенному при укрепленном поселении Степное. По этой причине изучаемому могильнику был присвоен последний порядковый номер — Степное 25.

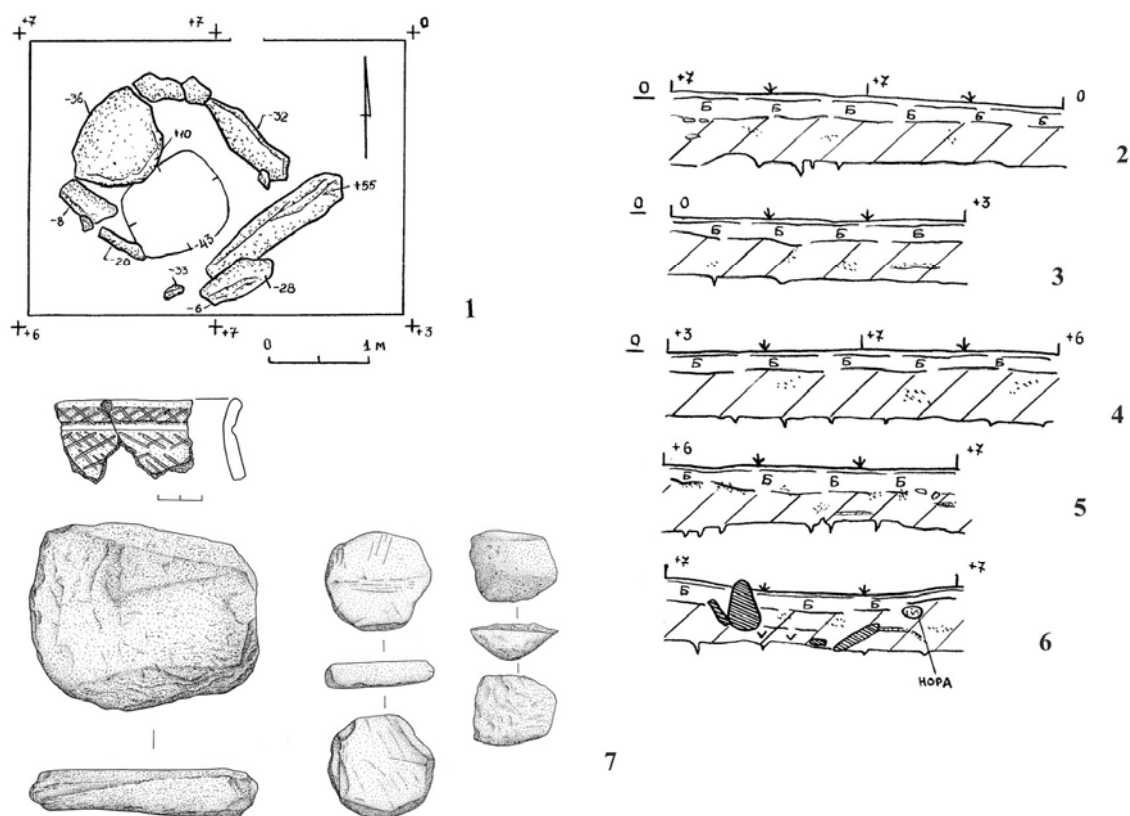

Рис. 2. Могильник Степное 25. Каменная ограда № 1:

1 — план; 2–6 — профили раскопа; 7 — инвентарь из углубления в центре оградки (керамика, каменные орудия)

В 2007 г. было проведено вторичное исследование памятника. Мониторинг современного состояния показал, что за несколько десятилетий русло р. Уй сдвинулось в сторону могильника более чем на 100 м. Отвалы ранее исследованного крайнего южного кургана группы Б практически уничтожены обрывом берега. Кроме того, в системе могильника были обнаружены четыре каменные оградки, расположенные восточнее цепочки курганов группы Б. Одна из оградок была раскопана в 2007 г. (рис. 2). Первоначальный облик объекта реконструируется как подквадратная оградка, сложенная из вертикально стоящих каменных плит. В центре нее находилась стела высотой около 2,5 м, установленная в воронкообразную яму, содержащую остатки трупосожжения человека, жертвоприношений (фрагменты костей конечностей лошади) и погребального инвентаря (каменные орудия и фрагменты керамики). В более позднее время стела была вынута из углубления и перемещена в сторону. Керамический материал позволяет датировать оградку эпохой финальной бронзы.

В 2013 г. археологической экспедицией Челябинского государственного университета произведены раскопки кургана № 4 (рис. 3). Насыпь кургана имела диаметр 16,5 м, высоту около 0,6–0,7 м. Насыпь кургана была сильно перерыта норами землероек. В профилях не читается следов каких-либо конструкций. Материк на подкурганной площадке в древности был срезан в форме чашеобразного углубления с максимальной глубиной -30 см ниже естественной высоты материка. В центре площадки на возвышении на 30–35 см выше срезанного материка расчищено погребение женщины на левом боку в скорченном положении, головой на север. В районе шейных позвонков находилось два предмета из заостренных костей птицы (?) — возможно, заколки. В норах землероек в районе кистей рук обнаружены два фрагмента бронзового желобчатого браслета. В ногах погребенной стоял сосуд, другой находился чуть юго-восточнее. Напротив лица расчищены фрагменты черепа МРС — остатки жертвенника.

Могильник эпохи бронзы Степное 25...

Центральное погребение окружал небольшой ровик неравномерной глубины — 0,1–0,3 м. В нем находились семь небольших ям с одним-двумя керамическими сосудами и остатки еще одного жертвенника, состоявшего из черепа и дистальных отделов конечностей особи МРС (располагался к югу от центрального погребения). В яме № 5 сохранились фрагменты черепной коробки младенца. Две ямы расчищены в северо-западном секторе ровика. Одна из них была перекрыта массивной каменной плитой, под которой обнаружен слой пепла. Пять остальных ям располагались цепочкой в юго-восточном секторе рва. Над двумя ямами (№ 5 и 7) фиксировались следы деревянных плах перекрытий.

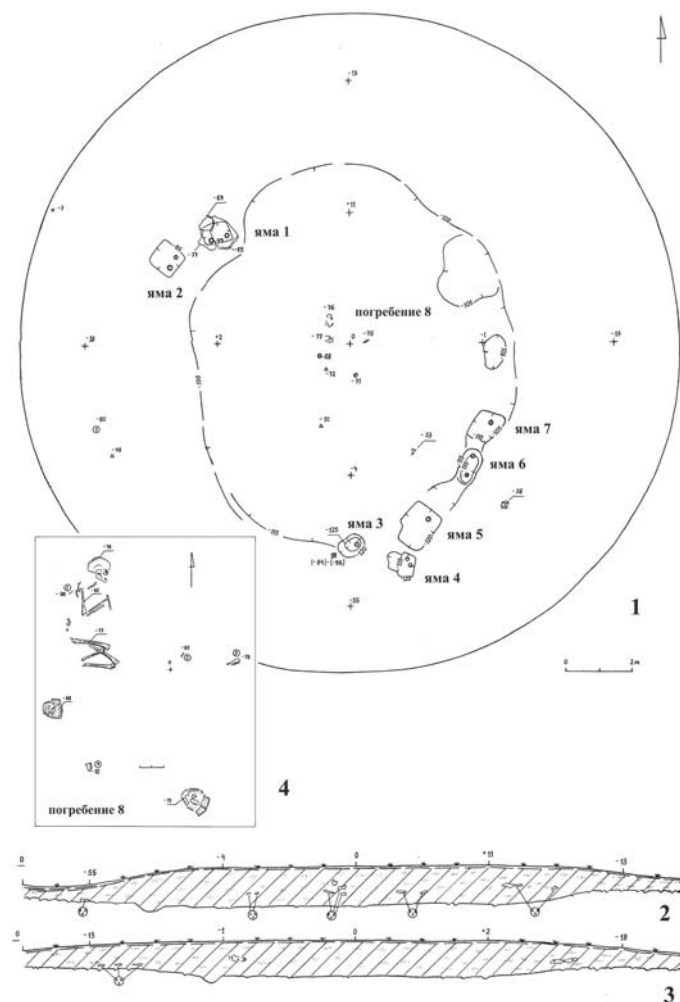

Рис. 3. Могильник Степное 25. Курган 4:

1 — общий план кургана; 2 — бровка С–Ю, восточный фас; 3 — бровка З–В, северный фас; 4 — погребение 8, план

Погребальный ритуал комплекса по полученным материалам реконструируется следующим образом. Для сооружения кургана верхние почвенные слои и частично материк были срезаны в форме круглого чашеобразного углубления. В центре него на возвышении, сложенном из гумуса либо дерева (?), было совершено погребение женщины с двумя сосудами и остатками жертвоприношения. Вокруг погребения был вырыт круглый ров, в котором оставлены семь детских захоронений и жертвенник из голов и ног мелкого рогатого скота. После совершения погребальных ритуалов из грунта, выбранного с погребальной площадки, над комплексом был сооружен купол насыпи, перекрывавшей ровик и центральное захоронение. Судя по всему, весь комплекс единовременный.

Погребальный обряд и керамический материал могильника позволяют уверенно отнести его к срубной археологической культуре. Срубная культура на территории Волго-Уральских степей занимает значительный культурно-хронологический горизонт. В Южном Зауралье ее грани-

цы по радиоуглеродным датам обозначены: ранняя срубная — 1880–1740 (1920–1690) гг. до н.э.; срубная — 1690–1420 (1900–1300) гг. до н.э. [Епимахов, 2010, с. 17]. Погребальная обрядность и инвентарь срубной культуры демонстрируют большую вариативность, часто вбирая в себя и отражая традиции и черты соседствующих и взаимодействующих со срубной культурных общностей [Памятники срубной культуры..., 1993; Цимиданов, 2004; и др.]. Исследователями отмечено, что синкретизм погребального обряда обусловлен многокомпонентным характером срубной культуры, складыванием ее на основе нескольких культурных образований [Скворцовский курганный могильник, 2010, с. 74–76].

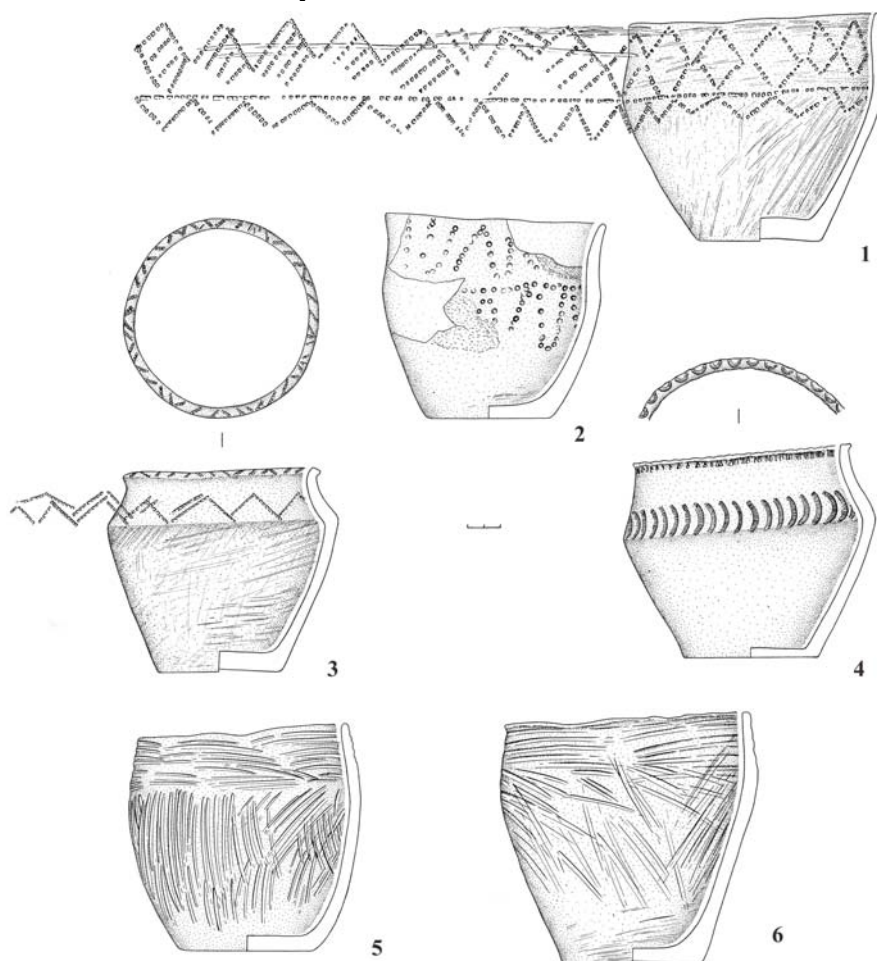

Рис. 4. Могильник Степное 25. Курган 4. Керамика:

1 — яма 4, сосуд № 1; 2 — яма 4, сосуд № 2; 3 — яма 6, сосуд № 2; 4 — яма 1, сосуд № 1;
5 — погребение 8, сосуд № 1; 6 — яма 6, сосуд № 2

В погребальной обряде кургана 4 имеются некоторые общие черты с памятниками срубной культуры Южного Зауралья, Оренбуржья, Приуралья: грунтовые погребения, гумусные насыпи над площадкой, кольцевые рвы с большим количеством периферийных погребений, бедный погребальный инвентарь [Рутто, 2003, с. 53–96], северная и северо-восточная ориентация погребенных, сопровождение взрослых погребений свитой детских, преобладание одиночных захоронений [Скворцовский курганный могильник, 2010, с. 76]. Материалы кургана 4 показывают большое сходство с материалами срубного кургана № 7 могильника Каменный Амбар². В то же время могильник Степное 25 демонстрирует некоторое своеобразие. Прежде всего не характерны для срубных курганов четкая планировка и относительно небольшое количество захоро-

² Автор выражает благодарность А.В. Епимахову за возможность ознакомиться с неопубликованными данными кургана 7 мог. Каменный Амбар.

Могильник эпохи бронзы Степное 25...

нений. Погребальные памятники срубной культуры распространены в Южном Зауралье преимущественно в южных и юго-западных областях. Наличие срубных комплексов на самой границе с лесостепной зоной, каковой является р. Уй, не может не вызвать удивления, поскольку обычными для этой зоны являются памятники с яркими срубно-алакульскими чертами.

Керамический материал состоит из 13 целых сосудов (рис. 4). Керамический комплекс демонстрирует все признаки принадлежности к раннему этапу срубной культуры: расчески по тулову, орнаментация среза венчика, разнообразные формы сосудов [Скворцовский курганный могильник, 2010, с. 74]. В 3,5–5 км к СЗ выше по течению р. Уй находятся укрепленное поселение синташтинской культуры Степное и могильники Степное и Степное 7, содержащие материалы синташтинской, петровской и алакульской археологической культур эпохи бронзы. Представляется вероятным, что население, оставившее данные памятники, контактировало с раннесрубными племенами, соорудившими курган 4 могильника Степное 25. Прослеживающиеся в орнаментальных схемах и формах керамики исследованного кургана ранние черты позволяют синхронизировать его с укрепленным поселением Степное — крайним северным из поселений «Страны городов» — территории, на которой компактно расположены памятники аркаимско-синташтинского типа [Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995]. Синхронизация синташтинско-петровских и раннесрубных памятников совпадает с предположением исследователей об одновременности всего пласта: раннего срубного периода и петровской культуры, покровского, синташтинского и новокумакского хронологических комплексов [Горбунов, 1989, с. 85].

Таким образом, по данным исследований 1950-х — 2013 г., комплекс погребальных сооружений Степное 25 представляет собой многокомпонентный разнокультурный памятник, создававшийся в эпоху бронзы различными племенами. Раскопки В.С. Стоколоса показывают наличие абашевских и срубных материалов; курган 4 уверенно датируется ранним этапом срубной культуры (1880–1740 (1920–1690) гг. до н.э.), синхронным с синташтинскими и петровскими памятниками микрорайона; каменная оградка № 1 относится к эпохе финальной бронзы. Вероятно, район Степного являлся своеобразной «контактной зоной», в которой происходило взаимодействие между различными племенами степи и лесостепи на протяжении бронзового века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Горбунов В.Г. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев, 1989. 134 с.
- Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала: (Экономические и социальные аспекты): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация («Страна городов») Южного Зауралья: (Опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Материалы конф. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. V, кн. 1. С. 48–62.
- Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье // Археология России. Саратов: Изд-во СарГУ, 1993. 200 с. (САИ. Вып. VI-10. Т. 1).
- Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.
- Стоколос В.С. Курганы эпохи бронзы у с. Степного // Краевед. зап. Челябинск: Чел. кн. изд-во, 1962. Вып. 1. С. 3–20.
- Скворцовский курганный могильник / Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, А.Д. Дегтярева и др. Оренбург: Изд-во Оренб. пед. ун-та, 2010. 160 с.
- Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк: Ин-т археологии НАН Украины, 2004. 203 с.

Челябинский государственный университет
dzdan@mail.ru

The article gives investigation results regarding Stepnoye 25 burial site of the Bronze Age (Chelyabinsk Oblast). The complex has a long history of investigation, starting from the 1950s. In 2013, subject to investigation being a mound of srubnaya archaeological culture containing a central female burial and seven periphery children's burials in a ditch.

Bronze Age, srubnaya culture, South Trans-Urals, burial rite, steppe, forest steppe.

СТРУКТУРА РАССЕЛЕНИЯ И МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРСКОГО ЗАУРАЛЬЯ (анализ пространственных данных)

И.И. Бахшиев*, Р.И. Бахшиев**

Рассматриваются особенности системы пространственного расположения поселений эпохи поздней бронзы на территории Башкирского Зауралья с использованием методических приемов, основанных на правиле «ранг — размер». В пределах локальной территории построена иерархическая схема соподчиненных памятников, определенных в рамки соответствующих пространственных поселенческих комплексов — микрорегионы/кусты.

Эпоха поздней бронзы, поселенческие памятники, Башкирское Зауралье, пространственные связи, гравитационные модели, микрорегион, ранг — размер, ассоциативный номер.

Введение

В современной археологии при решении проблем комплексного изучения и анализа поселенческих структур архаичных обществ прослеживается тенденция все более широкого применения математических и статистических методов, предоставляющих возможность более объективного осмысления тех или иных исторических процессов. Данное явление получило яркое отражение в контексте создания и выделения возможных моделей пространственной археологии, под которой подразумевается научное направление, ориентированное на получение исторической информации методом выявления пространственных связей между археологическими объектами [Афанасьев, 1990, с. 51]. В частности, такой принципиально новый подход в изучении бытовых археологических объектов бронзового века был апробирован и применен в исследованиях О.В. Сергеевой [1997, с. 88–91; 2001, с. 352–354; 2005, с. 38–57; 2007а, с. 119–135; 2007б]. Использование методов пространственного анализа в археологии позволяет перейти на другой, качественный методологический уровень исследования: от формального картографирования памятников и субъективного их сопоставления к изучению археологических карт путем создания проверяемых моделей пространственной археологии [Сергеева, 2005, с. 38].

Характеристика источников. Проблемы культурной атрибуции

В исследовании использованы материалы всех известных на сегодняшний день поселенческих памятников эпохи бронзы, расположенных в пределах Башкирского Зауралья. Из 68 поселений только 12 изучены стационарными раскопками. Наиболее крупные раскопы были заложены на поселениях Сактар (1566 м²), Лаимберды (1708 м²) и Таналык (6500 м²). Остальные объекты обнаружены башкирскими археологами в результате разведочных работ в разные годы (рис. 2). Большинство объектов были обследованы одним из авторов в 2004–2010 гг. На ряде памятников, на которых ранее проводились лишь сборы подъемного археологического материала, были заложены рекогносцировочные шурфы и стратиграфические разрезы (Аселе, Яралы, Ярат, Муллакаевское и др.). Таким образом, получены обновленные данные, позволившие уточнить не только локализацию, структуру и состав поселенческих комплексов, но и их культурную атрибуцию. Авторы понимают, что для объективной характеристики культурно-хронологической позиции памятников необходимы полномасштабные археологические исследования, но их реализация в ближайшей перспективе маловероятна.

Отметим специфику формирования культурных напластований поселений региона. Все памятники, на которых производились раскопки, характеризуются нерасчлененным культурным слоем, т.е. содержащим артефакты, характерные для различных археологических культур и не имеющие точно документированных в стратиграфии хронологических разрывов (этапов). В.С. Горбунов предлагает именовать такого рода поселения разнокультурными или разнокомпонентными [1992, с. 53].

Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения...

Поселения эпохи средней — поздней бронзы Башкирского Зауралья

№ п/п	Наименование памятника	Характер исследования	Река/берег	Культурная принадлежность		Источник информации
				Доминир. КГ	Сопутствующая (-ие) КГ	
1	Ильтабанская стоянка	Разведка/шурф	Урал/левый	Сруб.	—	[Мажитов, 1966-А]
2	Стоянка Ялшанка I	Разведка/сборы	Ялшанка/правый	Сруб.	—	[КПАБ-333]
3	Истамгуловская I стоянка	Разведка/сборы	Урал/левый	Ср.-ал.	Сруб.	[Мажитов, 1966-А]
4	Истамгуловская II стоянка	Разведка/шурф	Урал/левый	Ср.-ал.	Сруб.	[Мажитов, 1966-А]
5	Ново-Байрамгуловское поселение	Раскопки/824 м ²	Урал/левый	Алак.	Черк., межов., сарг.-алекс.*	[Мажитов, 1966-А; АКБ-2026; Рафикова, 2007-А, 2013-А]
6	I Московская стоянка	Разведка/сборы	Урал/правый	Сруб.	—	[Мажитов, 1966]
7	II Московская стоянка	Разведка/страт. разрез	Урал/правый	Сруб.	—	[Мажитов, 1966]
8	Еникеевское селище	Разведка/страт. разрез	Мал. Кизил/левый	Сруб.	—	[ПАБ-343]
9	Туишевская I стоянка	Разведка/сборы	Мал. Кизил/правый	Сруб.	—	[ПАБ-344]
10	Туишевская II стоянка	Разведка/сборы	Мал. Кизил/правый	Сруб.	—	[ПАБ-345]
11	Туишевская III стоянка	Разведка/сборы	Мал. Кизил/правый	Сруб.	—	[ПАБ-346]
12	Туишевская IV стоянка	Разведка/сборы	Мал. Кизил/правый	Ср.-ал.	Алак., сруб.	[ПАБ-347]
13	Михайловское поселение	Разведка/шурф	Янгелька/правый	Межов.	—	[Рафикова, 2000-А]
14	Амангильдинское поселение	Разведка/шурф	Бол. Кизил/левый	Алак.	Ср.-ал.	[САПРБ-45; Рафикова, 2010-А]
15	Баймузинское поселение	Разведка/шурф	Сакмара/левый	Сруб.	ср.-ал.	[Акбулатов, 2004-А]
16	Кожзаводское селище	Разведка/сборы	Сакмара/левый	Сруб.	—	[АКБ-1758; Рязанов, 2010-А]
17	Муллагаевское поселение	Разведка/страт. разрез	Сакмара/левый	Сруб.	Ср.-ал., алак.	[Акбулатов, 2004-А]
18	Муллагаевское селище	Разведка/шурф	Сакмара/правый	Сруб.	Ср.-ал., алак.	[Садыкова, 1963-А]
19	Бекешевское поселение	Разведка/шурф	Сакмара/левый	Алак.	Ср.-ал., межов.*	[КПАБ-290; Акбулатов, 2004-А]
20	Тавлыкаевское поселение	Раскопки/700 м ²	Сакмара/левый	Сруб.	Ср.-ал., алак., черк., синт.-абаш.*	[Морозов, 1983]
21	Поселение Аселе	Разведка/шурф	Сакмара/левый	Сруб.	—	[Акбулатов, 2004-А]
22	Чингизовская стоянка	Разведка/шурф	Сакмара/правый	Сруб.	Ср.-ал., алак.	[Садыкова, 1963-А]
23	Бурлабаевское селище	Разведка/сборы	Сакмара/правый	Сруб.	Ср.-ал.	[Садыкова, 1963-А]
24	Поселение Ярат	Разведка/шурф	Сакмара/левый	Сруб.	—	[Акбулатов, 2004-А]
25	Поселение Яралы	Разведка/шурф	Сакмара/левый	Сруб.	Ср.-ал., алак.	[Бахшиев, 2008-А]
26	Поселение Сактар	Раскопки/1566 м ²	Сакмара/правый	Сруб.	Ср.-ал., алак., фед.-черк., кожумб.*, р.ал.*, р.ср., абаш.*	[Сунгатов, 2002-А]
27	Поселение Лаимберды	Раскопки/1708 м ²	Сакмара/Левый	Сруб.	Р.ср., р.ал., абаш.*, алак.*	[Гарустович, 2001-А; 2002-А]
28	Поселение Олаир	Раскопки/350 м ²	Бол. Бузавлык/левый	Ср.-ал.	Алак., сруб., фед.-черк., кожумб., сарг.-алекс., р.ал., р.ср., синт.-абаш.*	[Сунгатов, Бахшиев, 2008]
29	Поселение Оло Хаз	Раскопки/600 м ²	Бол. Бузавлык/левый	Ср.-ал.	Алак., сруб., фед.-черк., кожумб., сарг.-алекс., межов., синт.-абаш.*, р.ал., р.ср.*	[Бахшиев, 2007-А; Бахшиев, 2008]
30	Матраевское поселение	Разведка/шурф	Мал. Бузавлык/правый	Ср.-ал.	Алак., сруб.	[Бахшиев, 2005-А]
31	Петропавловское II поселение	Разведка/сборы	Бузавлык/левый	Алак.	Ср.-ал., сруб.	[САПРБ-410]
32	Петропавловское III поселение («Агеевское»)	Раскопки/нет данных	Бузавлык/левый	Алак.	Ср.-ал., сруб.	[САПРБ-411]
33	Поселение Бузавлык-1 Бузавлык-1	Разведка/шурф	Бузавлык/левый	Ср.-ал.	Алак., сруб.	[САПРБ-413; Бахшиев, 2010-А]
34	Поселение Бузавлык-2 Бузавлык-2	Разведка/шурф	Бузавлык/левый	Ср.-ал.	Алак., сруб.	[САПРБ-414; Бахшиев, 2010-А]
35	Поселение Бузавлык-3	Раскопки/112 м ²	Бузавлык/левый	Ср.-ал.	Алак., сруб., фед.-черк.*	[Бахшиев, 2013-А]
36	Поселение Таналык	Раскопки/6500 м ²	Таналык/левый	Ср.-ал.	Сруб., алак., фед.-черк., сарг.-алекс., р.ал.	[Гарустович, Котов, 2007; Отчет об итогах..., 1996-А; Рутто, 2003]
37	Хворостянокское I поселение	Разведка/сборы	Таналык/левый	Энеолит	Ср.-ал., алак.	[Гарустович, 1996-А]
38	Хворостянокское II поселение	Разведка/сборы	Таналык/левый	Ср.-ал.	—	[Гарустович, 1996-А]
39	Самарское поселение	Разведка/шурф	Таналык/левый	Ср.-ал.	—	[Иванов, 1988-А]
40	Акназаровская стоянка	Разведка/шурф	Сакмара/левый	Ср.-ал.	Сруб., алак.	[Садыкова, 1963-А]
41	Больше-Арслангуловское поселение	Разведка/шурф	Сакмара/левый	Сруб.	—	[Садыкова, 1963-А]
42	Больше-Абишевская стоянка	Разведка/шурф	Сакмара/левый	Ср.-ал.	Сруб., алак.	[Садыкова, 1963-А]
43	Поселение Ташла-2	Раскопки/84 м ²	Ташла/правый	Ср.-ал.	Алак., сруб., кожумб., алак., сарг.-алекс., межов.*	[Савельев, 2008-А]
44	Поселение Усть-Дергамыш-2	Разведка/страт. разрез	Дергамыш/левый	Алак.	Ср.-ал., сруб.	[САПРБ-532]
45	Стоянка Макан III	Разведка/шурф	Макан/правый	Алак.	—	[Гарустович, 1997-А]
46	Поселение Таштугай	Разведка/шурф	Таналык/правый	Алак.	Ср.-ал., сруб.	[Бахшиев, 2007а-А]
47	Сукраковское I поселение	Раскопки/306 м ²	Кизяташ/правый	Алак.	Ср.-ал., сарг.-алекс., сруб., кожумб.*, р.ал.*	[Гарустович, 2005-А]
48	Сукраковское II поселение	Раскопки/72 м ²	Кизяташ/правый	Алак.	Ср.-ал., сруб., сарг.-алекс., р.ал.*	[Гарустович, 2005-А]
49	Поселение Валит	Разведка/страт. разрез	Мал. Уртазымка/левый	Ср.-ал.	—	[Бахшиев, 2007а-А]
50	Поселение Каменный Овраг-4	Разведка/сборы	Урал/правый	Ср.-ал.	—	[Котов, 2005-А]
51	Поселение Каменный Овраг-5	Разведка/сборы	Урал/правый	Ср.-ал.	Алак., сруб.	[Котов, 2005-А]
52	Поселение Каменный Овраг-7	Разведка/сборы	Урал/правый	Ср.-ал.	Алак., сруб.	[Котов, 2005-А]
53	Поселение Усть-Тулубай-2	Разведка/сборы	Ургаза/левый	Ср.-ал.	—	[Котов, 2005-А]
54	Стоянка Карамала-5	Разведка/сборы	Карамала/правый	Сарг.-алекс.	Ср.-ал.	[Котов, 2005-А]
55	Поселение Долина-3	Разведка/сборы	Карасаз/левый	Алак.	Ср.-ал.	[Котов, 2004-А]
56	Укрепленное поселение Селек	Разведка/шурф	Ургаза/левый	Алак.	Ср.-ал.; синт. — ?	[Котов, 2004-А]
57	Поселение Улак-2	Разведка/шурф	руч. Улак/правый	Ср.-ал.	—	[Минеева, 2005-А]
58	Укрепленное поселение Улак-1	Разведка/шурф	руч. Улак/правый	Ср.-ал.	Синт. — ?	[Савельев, Яминов, 2004]
59	Поселение Улак-6	Разведка/сборы	руч. Улак/левый	Ср.-ал.	Сарг.-алекс.	[Минеева, 2004-А]
60	Поселение Бахтигареево	Разведка/шурф	Бол. Уртазымка/левый	Алак.	Ср.-ал., сруб.	[Савельев, 1997-А]
61	Баишевское I поселение	Разведка/шурф	Ручьи	Алак.	Ср.-ал.	[Савельев, 1998]
62	Поселение Майлыбай-1а	Разведка/шурф	Ургаза/левый	Ср.-ал.	Алак., сруб.	[Котов, 2004-А]
63	Поселение Файзуллино-1	Разведка/шурф	Шурале/левый	Ср.-ал.	Алак., сруб.	[Котов, 2004-А]
64	Поселение Каинлы-Узяк-3	Разведка/шурф	Ургаза/левый	Ср.-ал.	Алак., сруб.	[Котов, 2004-А]
65	Поселение Сарыташ	Разведка/шурф	Карасаз/правый	Алак.	Ср.-ал., сарг.-алекс., сруб.*	[Савельев, 1997-А]
66	Поселение Каинлы-Узяк-5	Разведка/шурф	Ургаза/правый	Ср.-ал.	Алак., сруб.	[Котов, 2004-А]
67	Стоянка Тулькүлетау-4	Разведка/шурф	Таналык/левый	Ср.-ал.	—	[Ахтарянова, 2005-А]
68	Поселение Карагазтөбе-6	Разведка/шурф	Таналык/левый	Алак.	Ср.-ал.	[Ахтарянова, 2005-А]

Примечание. Нумерация памятников соответствует номерам на карте; * — единичные фрагменты керамики.

В связи с нерасчлененностью культурного слоя одной из ключевых проблем является определение культурной принадлежности изучаемых поселенческих памятников региона. В представленной табл. указано два признака — преобладающие и сопутствующие культурные группы¹. Анализ всех доступных коллекций с поселений региона позволил выделить две основные керамические традиции. Первая несет в себе явные признаки срубных гончарных стереотипов, а вторая ассоциируется с сосудами андроновского, в широком смысле этого слова, облика.

Общая же культурная характеристика поселений эпохи поздней бронзы региона достаточно однородна и включает три основные культурные группы — с доминирующим срубно-алакульским компонентом (28 ед.); развитого этапа срубной культуры (21 ед.) и с выраженным керамическим комплексом алакульской культуры (16 ед.). Исключением являются три памятника — Михайловское поселение межовской культуры; стоянка Карамала-5, с которой происходит серия саргаринско-алексеевской керамики и менее выраженная коллекция срубно-алакульских фрагментов; энеолитическое поселение Хворостянка I с сопутствующим слоем эпохи поздней бронзы, проявившимся находками срубно-алакульской и алакульской керамики.

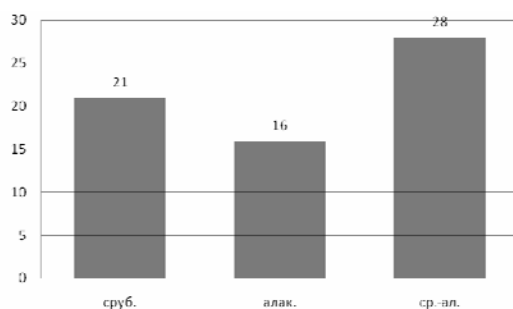

Рис. 1. Основные культурные группы поселений эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья

Рассматриваемая территория еще К.В. Сальниковым выделена в зону распространения синкретических срубно-андроновских памятников, объединенных в рамках отдельной культурной группы, границы которой были обозначены линией Бузулук — Стерлитамак — Магнитогорск — Орск [Сальников, 1967, с. 224–228]. Более того, им определена зона наиболее интенсивных контактов между срубным и алакульским населением, расположенная «на узкой полосе от Уфы до Оренбурга. Чем западнее, тем слабее проявляются элементы андроновской культуры, чем восточнее, тем они заметнее» [Там же, с. 228]. Исключением он считал район у г. Магнитогорска, где срубные черты явно преобладали. Основной исследователь проблем межкультурных контактов срубно-алакульских племен Южного Урала Н.Г. Рутто формирование смешанных комплексов позднебронзового века также связывает с процессами интенсивного взаимодействия генетически близкого алакульского и срубного населения. Вслед за К.В. Сальниковым, Н.Г. Рутто относит всю территорию Башкирского Зауралья к зоне срубной культурной доминанты в синкретических срубно-алакульских комплексах. Правда, в своих выводах автор оперировал только двумя группами памятников — это материалы Тавлыкаевского поселения с явным преобладанием срубных компонентов и небольшая группа погребений из степной части региона с выраженными алакульскими признаками в керамике [Рутто, 2003].

Таким образом, восточные предгорья хребта Урал-тау в позднебронзовом веке представляли собой контактную зону двух крупных культурных массивов — срубного и алакульского, динамика и плотность взаимодействия которых недостаточно полно определены в рамках отдельных микрорегионов. Одним из возможных вариантов решения этой проблемы и является пространственный анализ археологической информации.

Известно, что алакульские («классические»), срубные («развитые»), федоровские и синкретические памятники относительно одновременны в пределах XVIII–XVI вв. до н.э./XVII–XV вв. до н.э. [Епимахов и др., 2005, с. 100; Епимахов, 2005, с. 172; 2006, с. 26–27]. В современной археологии нет методов определения длительности функционирования и сосуществования отдельных памятников. В условиях, когда период бытования срубно-андроновских памятников определен достаточно условно (в рамках 300 лет), авторы вынуждены исходить из принципа хронологического единства всех комплексов, понимая при этом уязвимость выдвинутого поло-

¹ Список сокращений к табл. см. в конце статьи.

Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения...

жения². Между тем необходимость обобщения археологического материала, его рассмотрение в рамках систем взаимосвязи групп памятников подталкивает к использованию существующих хронологических диапазонов, в том числе при характеристике, а далее и интерпретации пространственных данных (см., напр.: [Епимахов, 2002, с. 33; 2009, с. 98–100; Епимахов, Чуев, 2011; Бахшиев и др., 2012; и др.]).

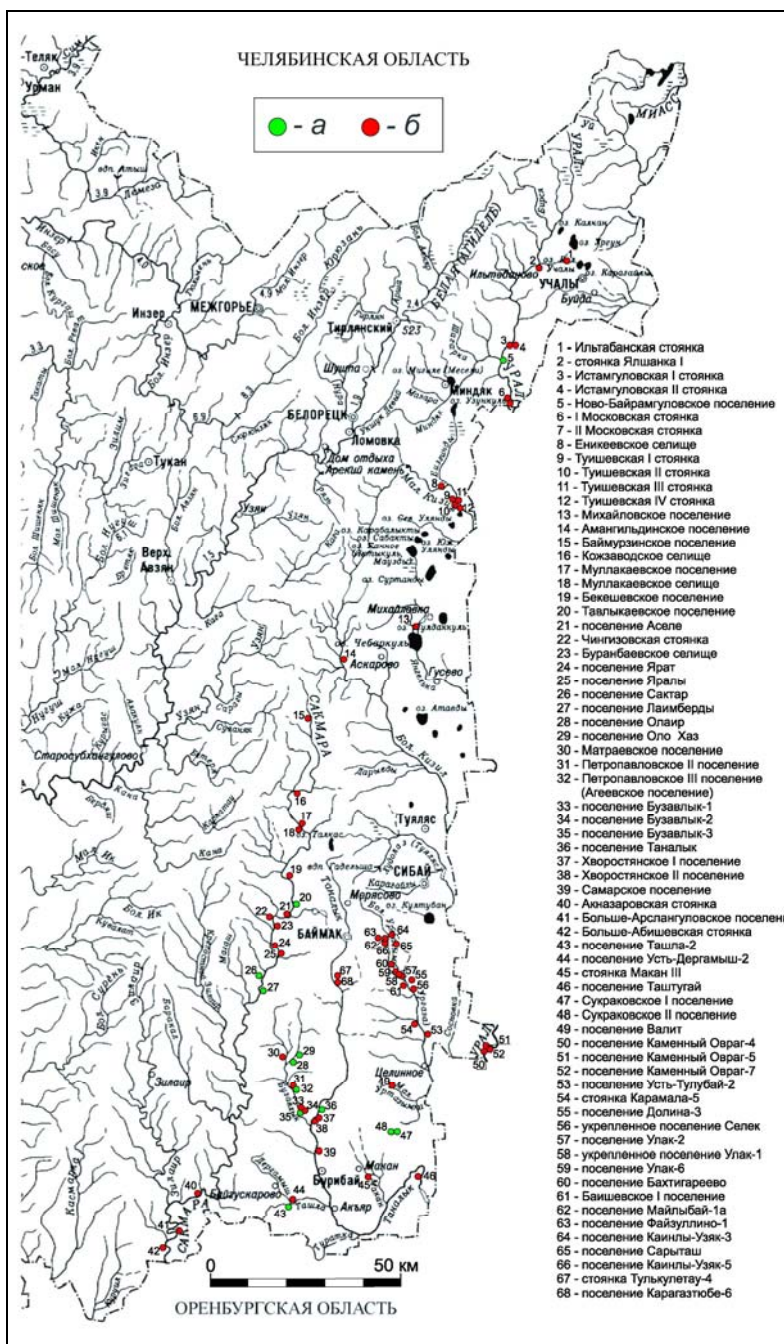

Рис. 2. Распределение поселений эпохи бронзы в пределах Башкирского Зауралья:

а — частично или полностью исследованные объекты (раскопки); б — объекты обследованные в ходе разведочных работ

² Ввиду высокой мощности культурных отложений (0,6–1,2 м) и многократного заселения площадок в эпоху бронзы (Сактар, Сукраковское I, Ташла и др.) попытки установления системы единовременных памятников практически безнадежны. Существующие построения можно оценить лишь как весьма условные со значительным количеством допущений (см., напр.: [Епимахов, 2009]).

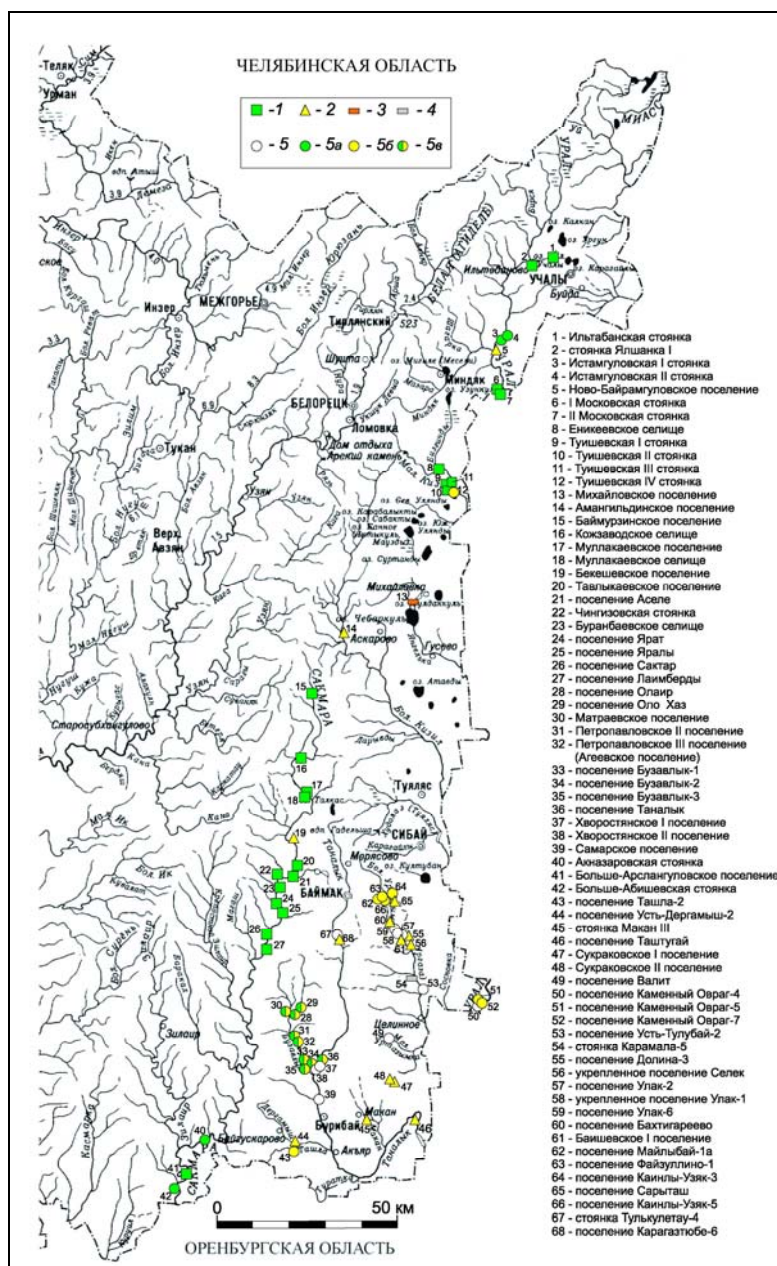

Рис. 3. Поселения позднебронзового века Башкирского Зауралья. Культурная атрибуция:
 1 — развитый этап срубной культуры; 2 — алакульская культура; 3 — межовская культура; 4 — саргаринско-алексеевская культура; 5 — срубно-алакульская культура; 5а — памятники с преобладанием срубного культурного компонента;
 5б — памятники с преобладанием андроновского (алакульского) культурного компонента;
 5в — памятники с паритетным соотношением алакульских и срубных признаков

Методы исследования

В основе анализа пространственно-временных связей поселений эпохи поздней бронзы рассматриваемого региона лежит правило «ранг — размер», определяющее, что площадь поселения n -го порядка является $1/n$ площади самого большого населенного пункта региона [Сергеева, 2005, с. 43]. Суть правила позволяет в пределах локальной территориальной единицы построить иерархическую систему поселенческих объектов на основе их размерных показателей и сгруппировать в соответствующие поселенческие комплексы, названные в литературе микрорегионами, микрорайонами или кустами.

Проводимый пространственный анализ сопряжен с применением методов, заимствованных у географов и прошедших, как отмечалось выше, апробацию на базе археологического мате-

риала [Афанасьев, 1990; Сергеева, 2005]. В соответствии с базовыми принципами данной методики поселенческие памятники региона рассматриваются как совокупность взаимосвязей между людьми. Этот подход является основополагающим при выявлении и характеристике гравитационных связей между поселениями локального региона. Особенностью метода является уменьшение значений физико-географических условий при упоре на социально-экономические факторы (более подробно см.: [Сергеева, 2005, с. 42]).

Все анализируемые поселения региона были распределены в порядке уменьшения площадей, в рамках 330 рангов, начиная с самых крупных — поселения Лаимберды (около 100 тыс. м²) и Бузавлык-3 (78 тыс. м²) и заканчивая малыми — Хворостянское II (500 м²), Карамала-5 (300 м²).

На основе полученных данных в арифметической системе координат был построен график распределения рангов поселений в форме относительно правильной гиперболы либо, как отмечалось О.В. Сергеевой, J-образного распределения [2005, с. 43] (рис. 4). Анализ данных в графике показал общий характер распределения памятников, при котором 2–3 наиболее крупных объекта (поселения Лаимберды, Бузавлык-3, Улак-2) доминируют над системой поселенческих памятников эпохи бронзы всего региона.

Обсуждение результатов

Типология. Ряд исследователей полагают, что правило «ранг — размер» можно использовать не только при изучении распределения «размера порядка» поселений, но и при их типологии [Афанасьев, 1990, с. 61; Сергеева, 2005, с. 45; Михеева, 2006, с. 350]. В соответствии с этим типология поселений изучаемого региона была построена на основе анализа конструктивных особенностей графика распределения рангов. Типологические ярусы соответствовали отрезкам, которые определялись степенью наклона графика на разных его участках. Общее количество отрезков — 4 предопределило деление поселений на 4 типа. *Первый тип* включал в себя памятники общей площадью более 20 тыс. м², которые являлись поселениями 1–4-го рангов (9 поселений/15,3 %). Поселенческие памятники 5–8-го рангов площадью от 20–19 тыс. до 12–11 тыс. м² были объединены в рамках *второго типа* (13 поселений/22 %). *Третий тип* составили поселения 9–25-го рангов, имевшие площадь от 11–10 тыс. до 4–3 тыс. м² (18 поселений/30,5 %). Памятники площадью менее 3–2 тыс. м² определены как поселения *четвертого типа* (19 поселений/32,2 %) ³ (рис. 4).

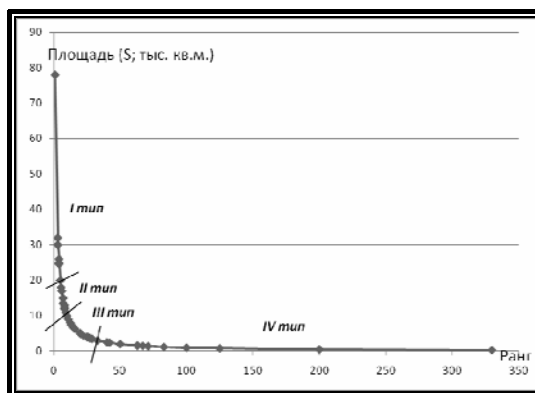

Рис. 4. График распределения рангов поселений эпохи бронзы Башкирского Зауралья

Схема коммуникации. Получив типологическую колонку поселений, предприняли попытку реконструкции и моделирования возможной системы пространственной связи объектов (коммуникационной сети) региона в позднебронзовом веке. Анализ и характеристика транспортных путей проводился по бассейнам рек Сакмара, Таналык и Ургаза (Большая Уртазымка), так как именно в бассейнах этих рек сконцентрировано около 75 % всех известных поселений. Модель возможной коммуникационной сети построена на основе сопоставления археологической карты с особенностями рельефа местности при учете специфики формирования путей сообщения, наиболее оптимальным вариантом которых считается соединяющая поселения прямая (кратчайшее расстояние). Анализ проводился лишь по поселенческим памятникам I–III типов, так как, по мнению О.В. Сергеевой, именно они могли оказывать влияние на формирование транс-

³ Для девяти поселений отсутствуют данные по площади.

портовой сети районов [2005, с. 46]. Реконструкция возможной системы пространственной коммуникации региона дала следующие результаты: дорожная сеть состояла из 14 (бассейн р. Сакмара), 17 (бассейн р. Таналык) и 13 (бассейн р. Ургаза) отрезков, объединяющих между собой 13, 14 и 12 поселений I–III типов соответственно (рис. 5).

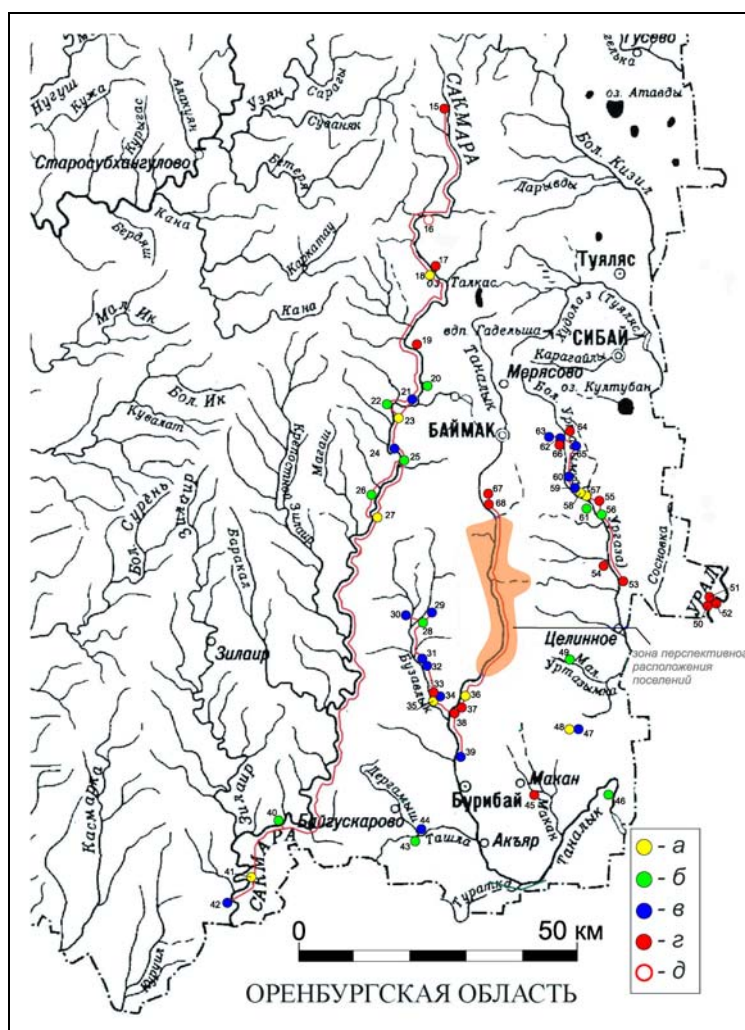

Рис. 5. Реконструкция вероятной коммуникационной сети на участках концентрации поселений эпохи бронзы Башкирского Зауралья:

- а — поселения I типа (площадь более 20 тыс. м²); б — поселения II типа (от 20–19 тыс. до 12–11 тыс. м²);
- в — поселения III типа (от 11–10 тыс. до 4–3 тыс. м²); г — поселения IV типа (менее 3–2 тыс. м²);
- д — площадь памятника не определена

В ходе дальнейшей работы смоделированная коммуникационная сеть региона была оценена по ряду критериев. Для объективного анализа полученной схемы наиболее важна так называемая мера центральности того или иного поселения, устанавливаемая двумя методами. Первый — определение ассоциативного номера каждого поселения из группы, который представляет собой самое длинное расстояние до любого другого единовременного бытового объекта в регионе. Центральным, таким образом, будет считаться то поселение, у которого обнаружится наименьший ассоциативный номер. Второй способ — исчисление отрезков пути, отделяющих одно поселение от другого в регионе [Сергеева, 2005, с. 46–47]. Анализ транспортных сетей показал, что самым большим ассоциативным номером обладают крайние памятники региона, к которым относятся Баймурзинское поселение и Больше-Абишевская стоянка (р. Сакмара), стоянка Тулькулетау и поселение Таштугай (р. Таналык), поселения Файзуллино-1 и Валит (р. Ургаза). Наиболее связанными, т.е. имеющими самый малый ассоциативный номер, в бассейнах рек Сакмара, Тана-

Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения...

лык и Ургаза оказались поселения Яралы, Бузавлык-3 и Улак-2 соответственно. По второй методике рассчитывалось количество путей между поселениями региона по парам, давшее следующие результаты: большим числом транспортных сетей, объединявших объекты, обладали поселения Буранбаевское, Яралы, Чингизовская и Акназаровская стоянки (р. Сакмара), поселения Олаир, Таналык и Бузавлык-3 (р. Таналык) и поселения Улак-2, Улак-6 (р. Ургаза).

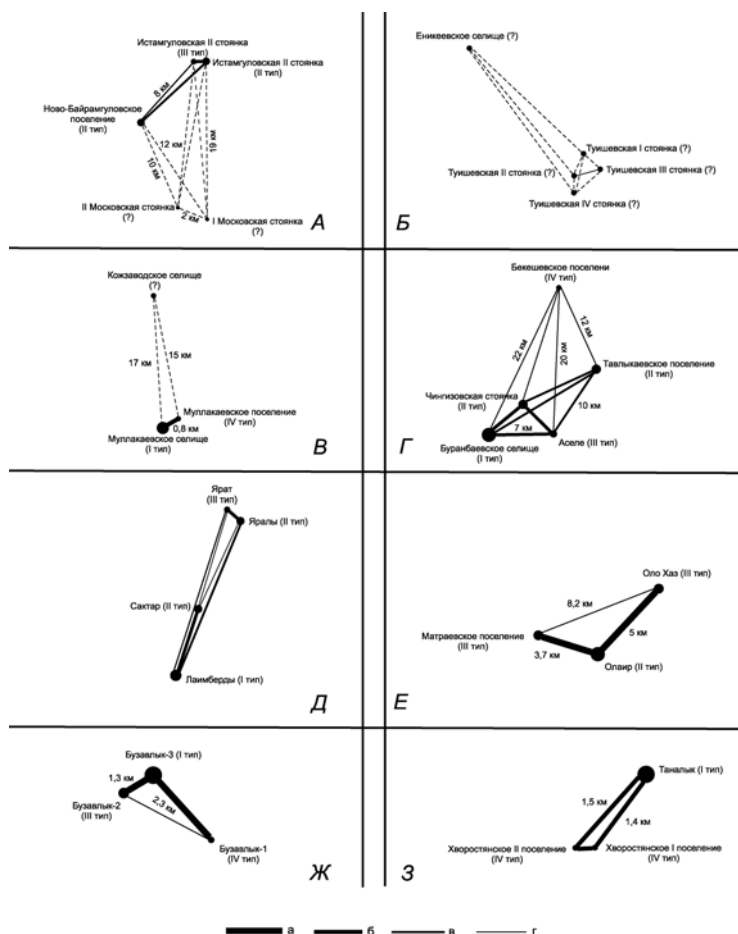

Рис. 6. Граф гравитационных связей поселений эпохи бронзы Башкирского Зауралья (I–IV типы): а — очень сильная связь; б — сильная связь; в — средняя связь; г — слабая связь. А — куст № 1; Б — куст № 2; В — куст № 3; Г — куст № 4; Д — куст № 5; Е — куст № 6; Ж — куст № 7; З — куст № 8

Выделенные поселения в рамках функционирования вероятной сети пространственной коммуникации региона, вероятно, имели первостепенное значение в силу наибольшей связанности с соседними объектами и являлись возможными «центральными» поселениями позднебронзового века Башкирского Зауралья.

Предпринятый анализ и интерпретация системы пространственной связи объектов в первую очередь сводится к построению вероятной схемы и структуры коммуникаций населения этих поселений. Это необходимо для обоснованной оценки историко-культурного потенциала территории, последующей группировки признаков и дальнейшего пространственного анализа поселенческой структуры региона.

Пространственные связи и районирование⁴. Заключительным этапом стало определение степени связи между поселениями I–IV типов и последующая их группировка. Данный этап исследовательской работы позволил объединить памятники исследуемого региона в рамках отдельных поселенческих комплексов, характеризующихся кустовым расположением. Для оп-

⁴ Пространственно-логические связи представляют собой совокупность данных об отношениях между археологическими объектами, описание их взаимного пространственного расположения и обоснование типологических и иерархических связей объектов друг с другом.

ределения взаимосвязей между поселениями использовалась так называемая гравитационная модель, по которой степень связей вычислялась по формуле

$$M = S_1 S_2 / D^2,$$

где M — величина связи между поселениями; S_1 — площадь одного поселения; S_2 — площадь второго поселения; D^2 — расстояние между сопоставляемыми поселениями в квадрате [Сергеева, 2005, с. 48; Михеева, 2009, с. 352].

Результаты измерений и анализа расстояний между памятниками дали возможность определить коэффициенты гравитационных связей, выделенных в 4 уровня: *слабая гравитационная связь* — с коэффициентами от 0 до 1,5; *средняя связь* — от 1,5 до 2,5; *сильная* — от 2,5 до 3,5; *очень сильная* — от 3,5 и более. Распределение степеней гравитационных связей позволило сгруппировать поселенческие памятники в рамках 12 кустов (микрорайонов), состоящих из иерархически соподчиненных поселений. Помимо поселенческих микрорайонов, на территории Башкирского Зауралья были выделены бинарные комплексы, в которых поселения сгруппированы по парам. Отличительной особенностью данных комплексов является значительная удаленность от близлежащих кустов (рис. 6, 7). Кроме того, на исследуемой территории зафиксированы поселения, расположенные отдаленно от ближайших кустов и бинарных комплексов, охарактеризованные как одиночные объекты. Общее количество таких памятников 8 — это поселения Самарское (III тип), Амангильдинское (IV тип), Михайловское (III тип), Таштугай (II тип), Валит (II тип), Баймурзинское (IV тип), стоянки Малан III (IV тип) и Аналыкская (рис. 8).

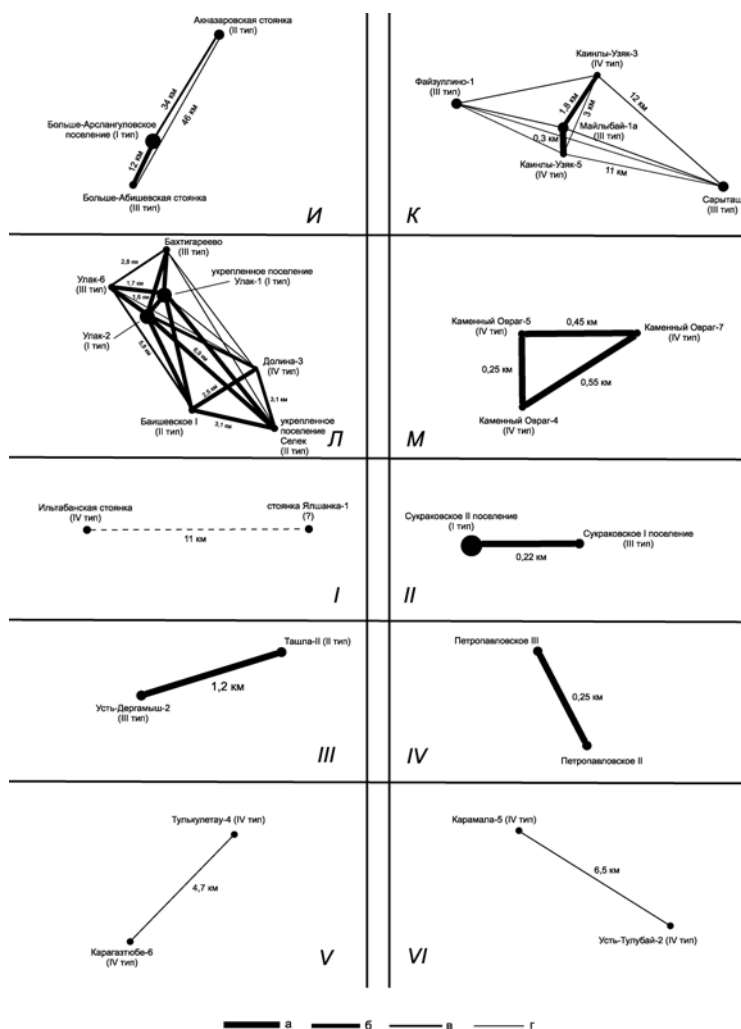

Рис. 7. Граф гравитационных связей поселений эпохи бронзы Башкирского Зауралья (I–IV типы): а — очень сильная связь; б — сильная связь; в — средняя связь; г — слабая связь. И — куст № 9; К — куст № 10; Л — куст № 11; М — куст № 12. I–VI — бинарные комплексы № 1–6 соответственно

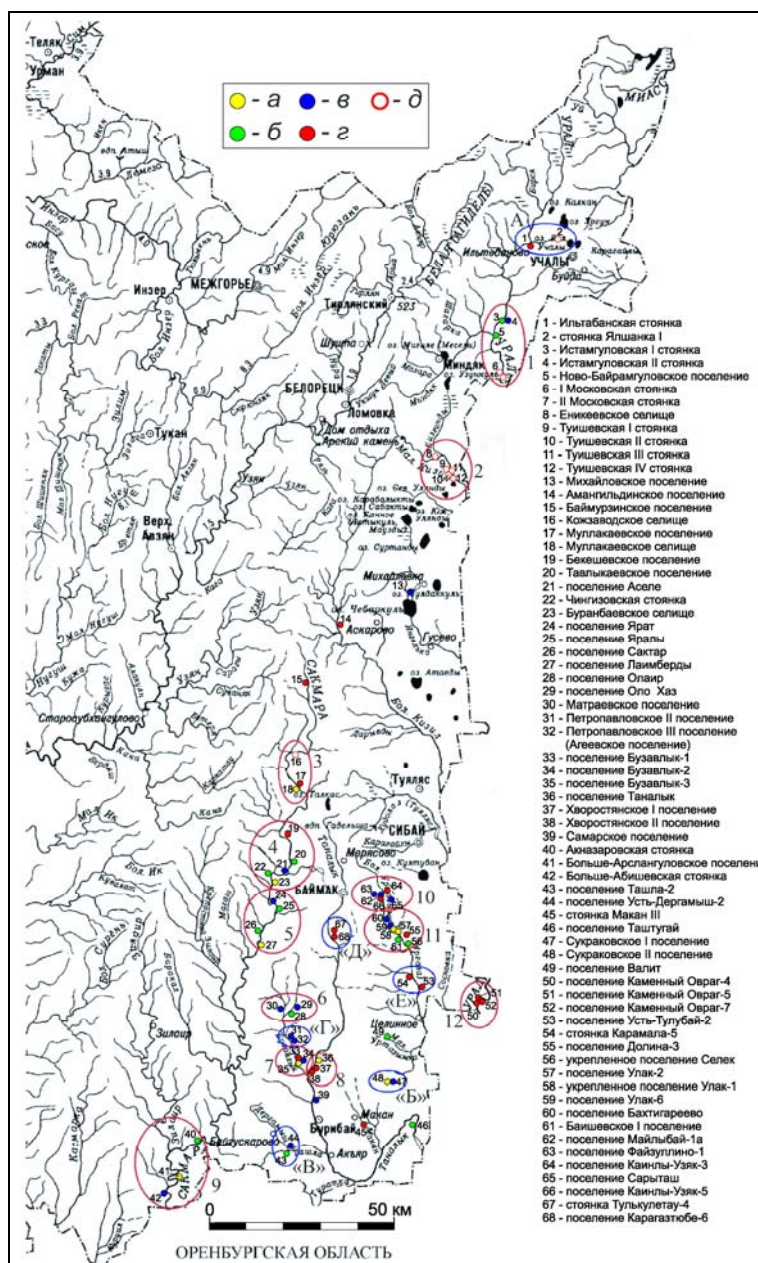

Рис. 8. Схема районирования поселенческих памятников эпохи бронзы

Башкирского Зауралья (микрорайоны/«кусты»):

«А» — бинарный комплекс № 1; «Б» — бинарный комплекс № 2; «В» — бинарный комплекс № 3; «Г» — бинарный комплекс № 4; «Д» — бинарный комплекс № 5; «Е» — бинарный комплекс № 6. а — поселения I типа (площадь более 20 тыс. м²); б — поселения II типа (от 20–19 тыс. до 12–11 тыс. м²); в — поселения III типа (от 11–10 тыс. до 4–3 тыс. м²); г — поселения IV типа (менее 3–2 тыс. м²); д — площадь памятника не определена. Обозначения микрорайонов на карте совпадают с их номерами в тексте

Результаты картографирования

Исследования системы пространственного распределения поселений эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья выявили возможные центральные памятники в выделенных 12 микрорайонах (кустах), являющиеся крупными поселениями I–II типов и в большинстве случаев характеризующиеся очень сильными и сильными гравитационными связями с памятниками определенного микрорегиона. О.В. Сергеева предполагает, что эти центральные поселения в силу своего положения, по-видимому, обладали максимально широким набором административных функций [2005, с. 54], что подтверждает мысль об иерархическом подчинении одновременных поселений бронзо-

вого века различной величины. Выявленные в ходе работы возможные центры поселенческих комплексов Башкирского Зауралья — Муллакаевское селище, поселения Лаимберды, Бузавлык-3, Таналык, Олаир, Улак-2 и др., вероятно, также можно сопоставить с хозяйственно-культурными центрами, выделенными В.С. Горбуновым, определяющим такого рода поселенческие памятники как региональные «столицы» не урбанизированной модели обществ континентальной периферии степной и лесостепной Евразии [1992, с. 81–83]. Отметим, что, по данным этнографии, в обычную структуру этнографического племени входило от 4 до 12 локальных групп, представляющих в своей основе отдельные хозяйственные единицы, включающие несколько компактно расположенных поселений и стоянок, отдаленных от другой группы поселений неосваиваемым пространством [Сергеева, 2005, с. 54]. Вероятно, выделенные кусты поселенческих памятников эпохи бронзы Башкирского Зауралья можно сопоставить и с данными хозяйственными единицами.

Картографирование поселений с выделением их доминантных культурных элементов показало следующую картину: памятники с доминирующими срубными признаками в большинстве случаев концентрируются в лесостепной зоне Башкирского Зауралья, в то время как андроновские — в степной (рис. 3).

В то же время в пределах территории распространения памятников с преобладающими срубными культурными стереотипами исключением выглядит выраженный алакульский слой, фиксируемый на Ново-Байрамгуловском, Амангильдинском, Бекешевском поселениях, а также Тушевской IV стоянке, отражающий спорадическое проникновение алакульского населения вглубь срубной территории. Сам же алакульский культурный компонент отчетливо проявляется на поселениях степной зоны региона и в памятниках, расположенных в лесостепной зоне межгорных долин хребта Ирэндык и его восточных предгорий.

Интерес представляет самобытная группа срубно-алакульских поселений, локализованных на границе степной и лесостепной зоны региона. При полном превалировании синкретической срубно-алакульской керамической серии здесь, в отличие от сопредельных территорий, наблюдается паритетное присутствие «чистых» срубных и алакульских типов керамики [Бахшиев, 2008, 2009]. Особенностью является и приуроченность всех этих памятников к устью р. Бузавлык и среднему течению р. Таналык (Оло Хаз, Олаир, Бузавлык-1–3, Таналык и др.).

Заключение

Ярко выраженная специфика алакульских и срубных памятников, с одной стороны, наличие многочисленных памятников, в которых элементы этих культур представлены в разноплановых сочетаниях, — с другой, является отражением сложных и неоднозначных процессов интеграции этих двух культурных общностей. Если в степной части Зауральской Башкирии взаимодействие происходило с явной культурной доминантой алакульского населения, то в предгорных долинах верхнего течения рек Сакмара и Урал влияние носителей срубных культурных стереотипов было ключевым. Особенностью изучаемой территории является чересполосное проживание срубного, алакульского и срубно-алакульского населения. На наш взгляд, это объясняется географическим положением региона. Межгорные равнины Урал-тау, Ирэндыка и Крыктытау образовывали своеобразный «карман», в котором оседало население, активно передвигавшееся между Южным Зауральем и Приуральем. Исследователи отмечают, что меридиональная ориентация верхнего течения рек Урал и Сакмара обеспечивала высокий уровень коммуникации этих двух регионов в древности [Савельев, 2011, с. 19]. Судя по преобладанию в степной части андроновских компонентов, именно носители этой культурной традиции являлись основным «поставщиком» инноваций. Концентрация срубных памятников в лесистой части бассейна р. Сакмара и в верховьях р. Урал, с одной стороны, и постоянная подпитка андроновским населением с юга и юго-востока — с другой, определили значение Башкирского Зауралья как кумулятивного региона для формирующейся синкретической срубно-андоновской культурной группы. Насколько массовым было проникновение и оседание восточного населения в Башкирском Зауралье, судить сложно. Можно только предполагать, что оно было достаточно мощным, чтобы положить начало трансформации культурной ситуации в Южном Зауралье и дать импульс формированию памятников смешанного типа, появление которых, как известно, отражает процессы смены и становления новых этнических и культурных образований.

Для восточных предгорий Южного Урала считаем возможным применение понятия «синтезная контактная зона», обозначающая территорию, в пределах которой это соприкосновение и взаимовлияние происходит. Это понятие уже много лет плодотворно развивается в работах

Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения...

В.А. Арутюновой-Фиданян, согласно которым о синтетической контактной зоне можно говорить в том случае, если обе культуры имеют различия и вместе с тем достаточно высокий уровень развития. В противном случае происходит культурная адаптация [Хвостова, 2006, с. 101]. Близкая ситуация наблюдается в эпоху бронзы и на территории Башкирского Зауралья, которая в наиболее выраженной форме проявляется в синкретических срубно-алакульских памятниках.

Список сокращений к табл.

КГ — культурные группы: алак. — алакульская; ср.-ал. — срубно-алакульская; сруб. — срубная (развитый этап); фед.-черк. — федоровско-черкаскульская; кожумб. — кожумбердинская; межов. — межовская; черк. — черкаскульская; сарг.-алекс. — саргаринско-алексеевская; р.ал. — раннеалакульская; р.ср. — раннесрубная; синт.-абаш. — синташтинско-абашевская.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

- АКБ — Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 263 с.
- Афанасьев Г.Е. Иерархия салтовских долговременных поселений лесостепного Приосколья // СА. 1990. № 4. С. 51–67.
- Бахшиев И.И. Хозяйственно-жилищный комплекс поселения Оло Хаз в Башкирском Зауралье // Вестн. ЧелГУ. История. 2008. № 26. С. 14–25.
- Бахшиев И.И. Проблема межкультурных контактов населения эпохи бронзы Башкирского Зауралья (по материалам поселенческих памятников) // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии, антропологии башкирского народа. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 30–33.
- Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р., Бахшиев Р.И. Анализ пространственных данных в современной археологии: Некрополи эпохи раннего средневековья южной части Уфимского полуострова // Этносы и культуры Урало-Поволжья: История и современность: Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Уфа: ИЗИ УНЦ РАН, 2012. С. 18–22.
- Гарустович Г.Н., Котов В.Г. Таналыкское I поселение // Уфим. археол. вестн. 2007. Вып. 6–7. С. 32–49.
- Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: БГПУ, 1992.
- Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
- Епимахов А.В. О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 169–173.
- Епимахов А.В. О факторах культурогенеза населения Южного Урала эпохи бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. науч.-практ. конф. Челябинск: ЧелГУ, 2006. С. 25–29.
- Епимахов А.В. Модели освоения территории по данным сплошного археологического обследования: (Эпоха бронзы Южного Зауралья) // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 2009. С. 98–100.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.
- Епимахов А.В., Чувеев Н.И. Абашевские и синташтинские памятники: Предварительные результаты пространственного анализа // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 2. С. 47–56.
- КПАБ — Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971–1980 годах / Авт.-сост. М.Ф. Обыденнов, В.А. Банников. Уфа: ГЖТ, 1982. 80 с.
- Михеева А.И. Метод пространственного анализа в характеристике системы расселения марийцев в XIV–XV веках (по материалам поселенческих памятников) // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 348–359.
- Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 19–40.
- ПАБ — Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1981–1986 годы / Авт.-сост. Р.М. Гиндулина, М.Ф. Обыденнов, В.С. Горбунов, Н.Я. Аюпова, В.В. Овсянников, Ф.М. Тагиров, Р. Шайбеков, Л.М. Каримова. Уфа, 1988. 95 с.
- Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.
- Савельев Н.С., Яминов А.Ф. Улак-1 — новое укрепленное поселение эпохи бронзы в Башкирском Зауралье // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Уфа: БашГУ, 2004. С. 204–215.
- Савельев Н.С. На границе Европы и Азии: Факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир. СПб.: Алетейя, 2011. С. 11–24.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- САГРБ — Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах / Авт.-сост. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2004. 184 с.

Сергеева О.В. Пространственный анализ поселений эпохи поздней бронзы Саратовского Правобережья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау. Саратов: СГПИ, 1997. С. 88–91.

Сергеева О.В. Пространственные связи срубных поселений бассейна реки Малый Иргиз // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: ООО «НПЦ», 2001. С. 352–354.

Сергеева О.В. Пространственные связи поселений эпохи поздней бронзы левобережных районов Нижнего Поволжья // Поволжский край. Саратов: СГУ, 2005. Вып. 12. С. 38–57.

Сергеева О.В. Анализ поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья: (Типы, площади, плотности заселения региона) // Археология восточно-европейской степи. Саратов: Науч. книга, 2007а. С. 119–135.

Сергеева О.В. Поселения и постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья: (Пространственный, социологический и палеодемографический аспекты): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007б.

Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 2008. 200 с.

Хвостова К.В. Механизмы воспроизводства цивилизаций // Цивилизации. 2006. Вып. 7. С. 92–104.

Архивные материалы (-А)

Акбулатов И.М. Научный отчет об археологических разведках в Абзелиловском и Баймакском районах Республики Башкортостан. Уфа, 2004 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Ахтарянова Д.И. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в южной части Баймакского района Республики Башкортостан в 2004 году. Уфа, 2005 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Бахшиев И.И. Научный отчет об археологической разведке в юго-восточной части Зилаирского района Республики Башкортостан в 2005 г. Уфа, 2005 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Бахшиев И.И. Научный отчет об итогах охранных раскопок поселения Оло Хаз в Зилаирском районе Республики Башкортостан в 2006 г. Уфа, 2007 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Бахшиев И.И. Полевые чертежи за 2007 год. Уфа, 2007а // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Бахшиев И.И. Полевые чертежи за 2008 год. Уфа, 2008 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Бахшиев И.И. Проект организации археологических работ в зоне строительства каменно-набросной защитной дамбы на р. Бузавлык Хайбуллинского района Республики Башкортостан. Уфа, 2010 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Бахшиев И.И. Научный отчет об итогах охранных археологических исследований памятника археологии «Бузавлык-3, поселение» в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2010 году. Уфа, 2013 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических работах в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан, на реке Таналык в 1995 г. Уфа, 1996 // Архив археологической лаборатории БашГУ.

Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических работах в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан на р. Макан в 1996 году. Уфа, 1997 // Архив отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН.

Гарустович Г.Н. Научный отчет об охранных археологических исследованиях в зоне затопления Сакмарского водохранилища в Баймакском районе Республики Башкортостан летом 2000 г. Уфа, 2001 // Архив отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН.

Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических исследованиях в Баймакском районе Республики Башкортостан на р. Сакмаре в 2001 г. Уфа, 2002 // Архив отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН.

Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан на р. Кизятас в 1997 г. Уфа, 2005 // Архив отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН.

Иванов В.А. Научный отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР и Оренбургской области в 1987 году. Уфа, 1988 // Архив отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН.

Котов В.Г. Научный отчет о разведочном обследовании в Баймакском, Бурзянском, Мелеузовском и Кугарчинском районах РБ. Уфа, 2004 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Котов В.Г. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Баймакском и Бурзянском районах РБ в 2004 году. Уфа, 2005 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции 1965 года. Уфа, 1966 // Науч. архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 659.

Минеева И.М. Научный отчет о разведочном археологическом обследовании территории ИАЛМЗ «Ирендик» в Баймакском районе Республики Башкортостан. Уфа, 2004 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения...

Минеева И.М. Научный отчет об археологических исследованиях на территории историко-археологического и ландшафтного музея-заповедника "Ирендык" в Баймакском районе Республики Башкортостан. Уфа, 2005 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Отчет об итогах археологических работ 1995 г. в зоне строительства Таналыкского водохранилища в Хайбуллинском районе. Уфа, 1996 // Архив археологической лаборатории БашГУ.

Рафикова Я.В. Научный отчет научным сотрудником отдела археологии НМРБ Янины Валерьевны Рафиковой об археологических разведках в Абзелиловском и Хайбуллинском районах Республики Башкортостан летом 1999 года. Уфа, 2000 // Личный архив Я.В. Рафиковой.

Рафикова Я.В. Научный отчет об исследованиях Ново-Байрамгуловского поселения в Учалинском районе Республики Башкортостан научным сотрудником отдела археологии Национального музея РБ Рафиковой Яниной Валерьевной летом 2005 года. Уфа, 2007 // Личный архив Я.В. Рафиковой.

Рафикова Я.В. Научный отчет об итогах инвентаризации памятников археологии Абзелиловского района Республики Башкортостан. Уфа, 2010 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Рафикова Я.В. Научный отчет об исследованиях поселения Ново-Байрамгулово-1 в Учалинском районе Республики Башкортостан доцентом Академии ВЭГУ Рафиковой Яниной Валерьевной летом 2012 года: В 3 т. Уфа, 2013 // Личный архив Я.В. Рафиковой.

Рязанов С.В. Научный отчет о выполнении государственного контракта № 8 от 23.04.2010 г. на инвентаризацию памятников археологии Республики Башкортостан в Хайбуллинском, Зианчуринском, Зилаирском, Баймакском районах в пяти томах. Уфа, 2010 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Савельев Н.С. Научный отчет об археологической разведке в Баймакском районе Республики Башкортостан в 1995 г. (Баишевский микрорайон). Уфа, 1997 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Савельев Н.С. Научный отчет об охранных археологических исследованиях в зоне строительства Акъярского водохранилища на р. Ташла (курганный могильник Ташла-1 и поселение Ташла-2) в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан, проводившихся осенью 1997 года. Уфа, 2008 // Архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 155.

Садыкова М.Х. Отчет об итогах работ археологической экспедиции в Башкирской АССР за 1963. Уфа, 1963 // Науч. архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 587.

Сунгатов Ф.А. Научный отчет об археологических раскопках в зоне затопления и строительства водохранилища на реке Сакмара в Баймакском районе Республики Башкортостан. Уфа, 2002 // Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

Уфа

*ИЭИ УНЦ РАН

ibahsh@gmail.com

**Башкирский государственный университет

rusbahsh@yandex.ru

The paper considers particulars of a spatial arrangement system regarding settlements of the late Bronze Age on the territory of Bashkir Trans-Urals, using methods based on the «rank-size» rule. Within a local territory, subject to construction being a hierarchy scheme of subordinate sites defined into limits of corresponding spatial settlement complexes — microregions/clusters.

Late Bronze Age, settlement sites, Bashkir Trans-Urals, spatial relations, gravitation models, microregion, rank-size, associative number.

ГЛИНЯНАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАУРАЛЬЯ

И.Ю. Чикунова

В IX–XII вв. в Зауралье бытовали культуры (юдинская, усть-ишимская, кинтусовская), в материале которых присутствует глиняная антропоморфная пластика. Фигурки небольшого размера изображают большей частью сидящих людей, одетых в искусно украшенные орнаментом одежды.

Эпоха средневековья, Зауралье, глиняная пластика, антропоморфные фигурки.

Некоторые категории предметов достаточно редко встречаются при археологических раскопках. Факты их нахождения и описание в научной литературе очень разрознены в хронологическом плане. Сказанное в полной мере относится к глиняной антропоморфной пластике. Одни из самых последних находок «глиняных человечков» были сделаны автором на городище Черепаниха 2 (Нижнетавдинский р-н Тюменской обл.), функционировавшем в IX–XI вв. и оставленном населением юдинской культуры [Чикунова, 2010; Чикунова, Якимов, 2012]. В процессе расширенного поиска аналогий и публикации материала было естественным решение о сборе данных по всем доступным изданиям и о необходимости продолжить начатое Н.В. Федоровой описание данной категории находок с созданием по возможности единой описательной базы. В статье не будет представлена новая типология «глиняных человечков», поскольку для некоторых целей и задач, поставленных другими исследователями, существенными могут оказаться признаки, совершенно противоположные тем, что были определены здесь как приоритетные.

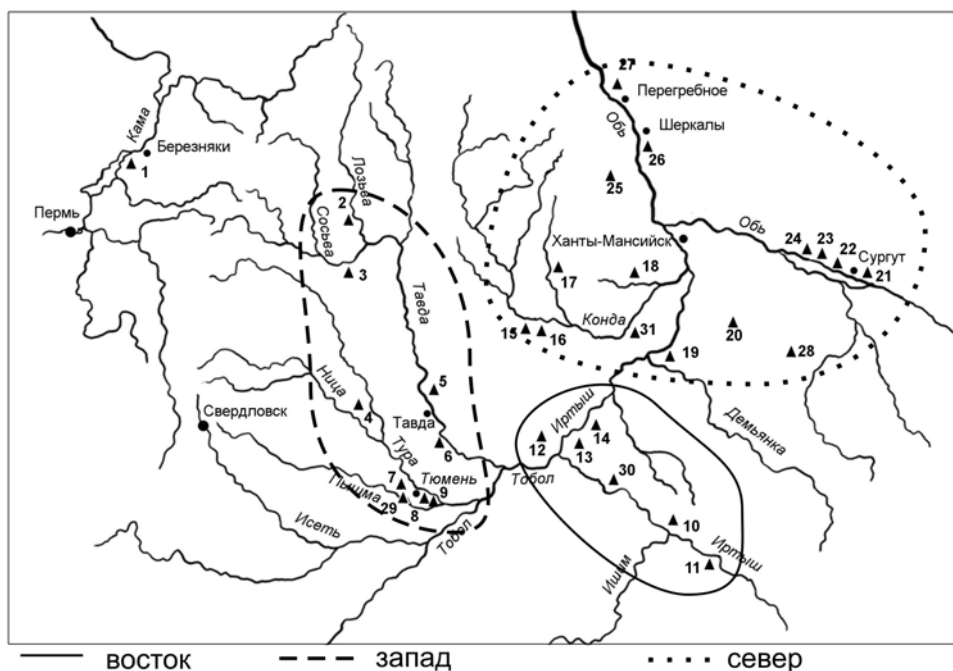

Рис. 1. Карта распространения глиняной антропоморфной пластики:

- 1 — Родановское городище; 2 — Ликийский могильник; 3 — поселение Махтыли; 4 — Юдинское городище; 5 — Янычково городище; 6 — Черепаниха 2, городище; 7 — Жилье, городище; 8 — Андреевское IV, городище (Андрюшин городок); 9 — Дуванское 1, городище; 10 — Новоникольское 1, городище; 11 — Кипо-Кулары, городище; 12 — Базабырь, городище; 13 — Уки II, городище; 14 — Кошелево, городище; 15 — Сотник, местонахождение; 16 — Чертова Гора, культовое место; 17 — Карым, поселение; 18 — Согом, поселение; 19 — Рачевский комплекс; 20 — Юрты Кинтусовы; 21 — Барсов Городок 1/32, городище; 22 — Барсов Городок 1/31, городище; 23 — Сайгатинский 1, могильник; 24 — Кучиминское IX, городище; 25 — Эмдер, городище; 26 — Шеркалы, городище; 27 — Перегребное, городище; 28 — Тапатьяга 2, городище; 29 — Песьянка, поселение; 30 — Долговское 1, городище; 31 — Болчары (случайная находка)

Глиняная антропоморфная пластика средневекового Зауралья

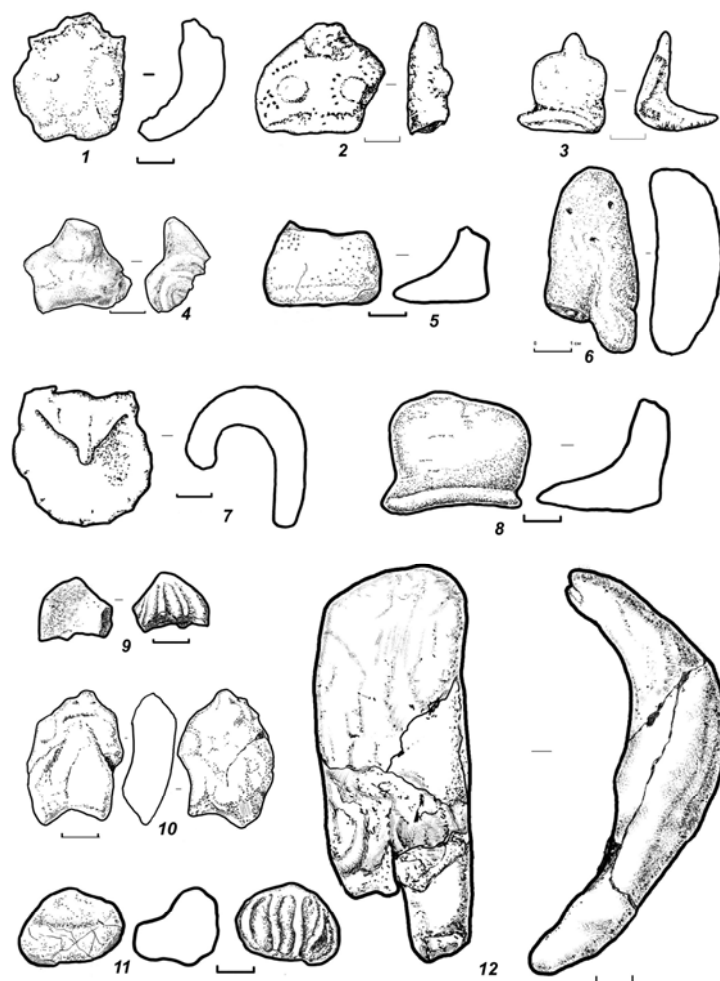

Рис. 2. Антропоморфные фигурки:
 1 — Янычково городище; 2, 3 — Юдинское городище; 4, 6, 10, 12 — Черепаниха 2, городище;
 5, 8, 9, 11 — Рачевский комплекс; 7 — Барсов Городок

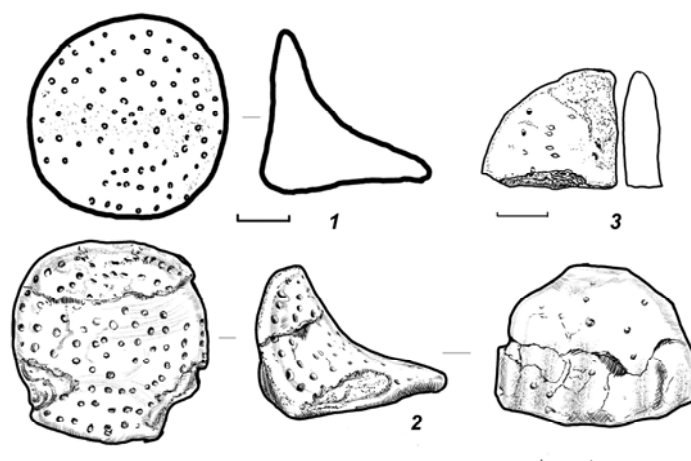

Рис. 3. Антропоморфные фигурки:
 1 — Дуванское 1, городище; 2 — Песьянка, поселение; 3 — Черепаниха 2, городище

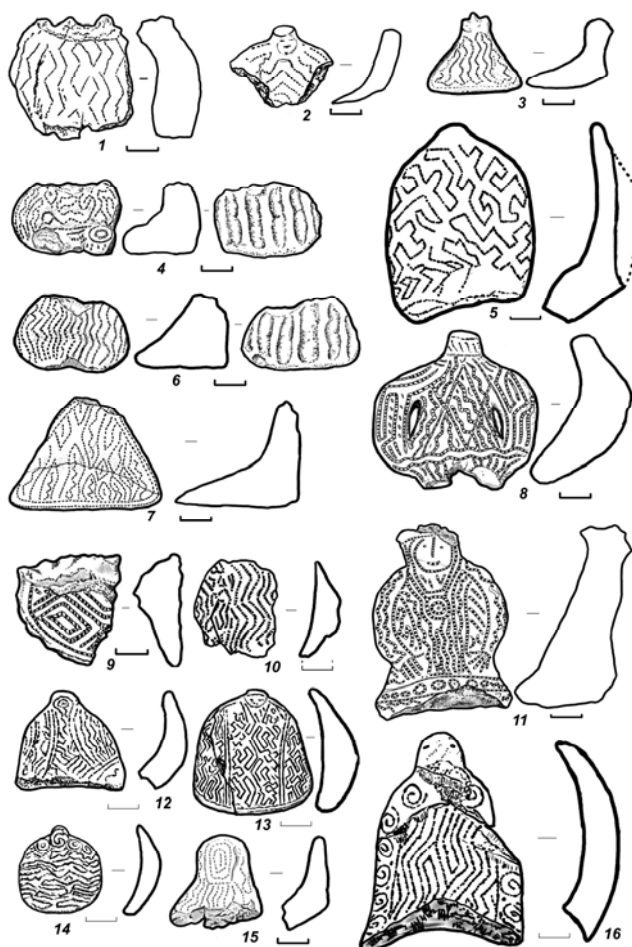

Рис. 4. Антропоморфные фигурки:
 1 — Янычково городище; 2 — Эмдер, городище; 3, 4, 6–9, 11, 15 — Рачевский комплекс; 5, 12–14, 16 — Барсов Городок;
 10 — Черепаниха 2, городище

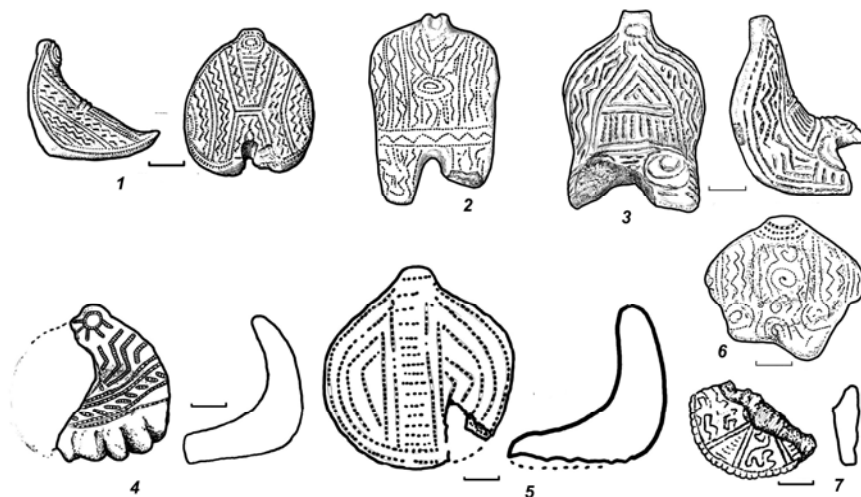

Рис. 5. Антропоморфные фигурки:
 1 — Андриюшин городок; 2 — Болчары; 3 — Кинтусовские Юрты; 4–7 — Барсов Городок

Глиняная антропоморфная пластика средневекового Зауралья

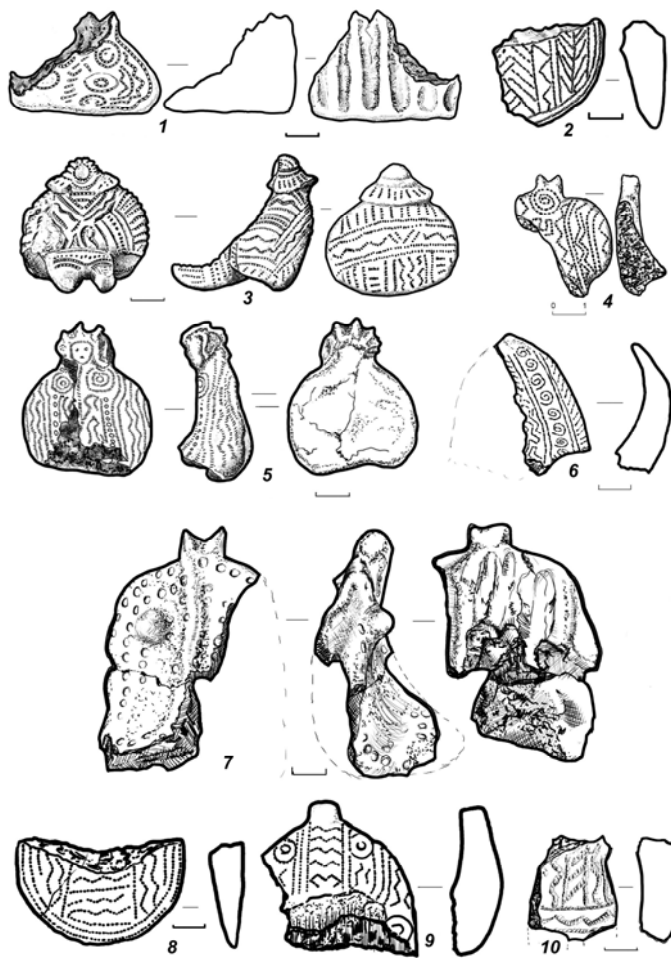

Рис. 6. Антропоморфные фигурки:

1, 2 — Рачевский комплекс; 3 — Жилье, городище; 4 — Ликинский могильник; 5 — Долговское городище; 6, 8, 9 — Барсов городок, городища; 7, 10 — Черепаниха 2, городище

Средневековые изображения людей, слепленные из глины, впервые были опубликованы В.Н. Чернецовым [1957, с. 178–179]. Им были представлены две глиняные фигурки с городищ Жилье и Андреевское 4, расположенных недалеко от Тюмени. Контекст обнаружения антропоморфных изображений позволил интерпретировать их как покровителей домашнего очага. Затем картография находок расширена публикацией В.И. Мошинской еще трех фигурок с Юрт Кинтусовых и гор. Роданово (Прикамье) [1959]. В этой же работе дано описание всех пяти фигурок, интерпретированных как детские игрушки.

Интенсивное освоение зауральских территорий вызвало естественное повышение интереса к древностям региона и увеличение количества археологических исследований в Притоболье и Обь-Иртышье. В 1979 г. Н.В. Федорова опубликовала 8 фигурок с городища Барсов Городок 1/31 и поселений Согом и Карым [1979], разработав собственную типологию этой категории находок мелкой пластики. Н.В. Федорова приблизительно наметила ареал распространения антропоморфных фигурок, косвенно выделив три пункта их локализации: Средний Урал, Среднее Приобье и Среднее Притоболье, и определила их хронологический диапазон второй половиной I тыс. н.э. Ею впервые было высказано предположение об антропоморфных фигурках как о маркирующем элементе, характеризующем материальную культуру населения обозначенного региона в конце I тыс. н.э.

Исследования средневековых памятников в последней четверти XX и начале XXI в. дополнили коллекцию глиняной антропоморфной пластики. В Притоболье от 1 до 15 фигурок были найдены на городищах Дуванском 1, Юдинском, Янычково, Черепаниха 2, пос. Песьянка [Моро-

зов, 1982; Морозов, Панина, 1997; Викторова, Кернер, 1988; Пархимович, 1997; Чикунова, 2010], на Иртыше — на городище Долговском 1, Кипо-Кулары [Адамов, 1999, 2000; Конигов, 2007]. В Приобье «глиняные человечки» были обнаружены в Ликинском и Сайгатинском могильниках, на культовом месте Чертова Гора, городищах Рачевском, Эмдер, Тапатьяга 2, Барсов Городок. Кроме этого известны факты случайных находок в Болчарах, на Барсовой Горе, в Лобвинской пещере и др. [Викторова, 2008; Терехова, Широков, 1986; Зыков и др., 1994; Зыков, Кокшаров, 2001; Чаиркин, Карачаров, 1999; Чемякин, 2008; Чемякин, Карачаров, 2002; Сладкова, 2002, 2007]. Интересен факт нахождения двух антропоморфных изделий на Родановском городище в Прикамье (рис. 7, 9, 10), попавших туда, вероятно, в результате торговых связей.

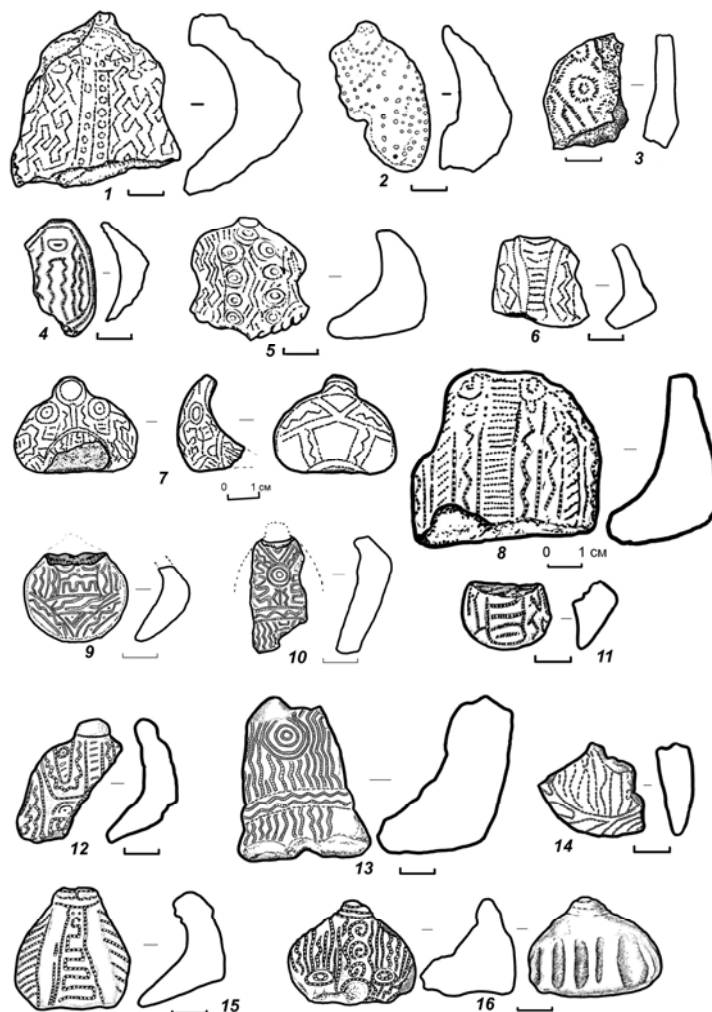

Рис. 7. Антропоморфные фигурки:

1, 2 — Янычково городище; 3–6 — Эмдер, городище; 7 — Тапатьяга 2, городище; 8 — Согом, городище;
9, 10 — Родановское городище; 11–16 — Рачевский комплекс

Всего на сегодняшний день в различных изданиях опубликовано около 100 глиняных фигурок, хотя, скорее всего, найдено их больше. Картография материала подтверждает намеченный ранее В.А. Могильниковым и Н.В. Федоровой ареал [Федорова, 1979; Могильников, 1987].

Здесь же следует упомянуть еще об одной категории мелкой глиняной пластики. Она не столь распространена, но, тем не менее, было бы странным оставить ее без внимания. На четырех археологических памятниках кроме антропоморфных фигурок были найдены глиняные орнаментированные изделия, интерпретируемые авторами как «фишки» (рис. 10). Их формы весьма разнообразны, но большая часть тяготеет к грибообразной или цилиндрическо-

Глиняная антропоморфная пластика средневекового Зауралья

уплощенной. Поверхность фишек украшена отпечатками гребенчатого штампа, «отступающей палочкой» и др. Орнаменты сходны композиционно с декором на антропоморфных фигурках, что позволяет предположить некоторую связь между этими категориями находок.

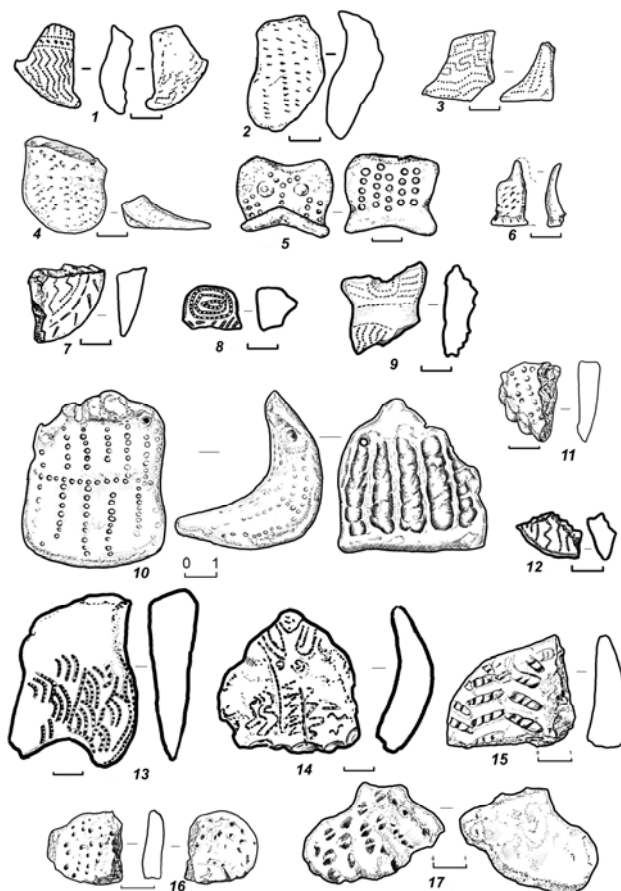

Рис. 8. Антропоморфные фигурки:

1, 2 — Янычково городище; 3–6 — Юдинское городище; 7 — Эмдер, городище; 8, 9, 12 — Рачевский комплекс; 10 — Песьянка, поселение; 11, 15–17 — Черепаниха 2, городище; 13 — Карым, городище; 14 — Барсов Городок

В данной статье собраны изображения практически со всех вышеназванных памятников. Рисунки фигурок заново выполнены автором, поскольку в некоторых публикациях были даны только фотографии находок. В этой же связи представлены не все проекции предметов, что, однако, мало снижает ценность первоисточника¹.

Мы попытались объединить не только все опубликованные материалы по антропоморфной пластике, но и «обновить» карту находок (рис. 1). Получилось три основных, достаточно обширных зоны. Первая (запад) включает таежное Зауралье и Притоболье, водоразделы рек Пышмы, Туры, Тавды². Вторая (восток) — Прииртышье. Третья (север) — самая значительная по территории и количеству находок: это среднее и нижнее Приобье.

Две трети от общего количества фигурок фрагментированы. Целые предметы с разной степенью стилизованности изображают человека — от чуть согнутой лепешки или глиняной «колбаски» (рис. 2, 5–8) до практически портретного изображения (рис. 4, 11; 7, 1). Разный угол и место сгиба предполагают сидячую (рис. 2, 3; 4, 13; 5, 1, 4, 5; 6, 3) или лежащую (рис. 2, 12; 6, 6; 8, 13; 9, 8) позу. Орнаментировано 90 % всех фигурок. Узор наносился разным способом: круглой полрой палочкой, тонкой лопаточкой, гребенчатым штампом. Орнамент также удивительно variabelен — от concentрических точечных кругов или рядов отпечатков тонкой палочки (рис. 3, 1; 8, 2, 4) до конкретного

¹ Выражаю искреннюю благодарность коллегам, оказавшим мне помощь в подборе материала для статьи.

² Сюда же отнесено и Родановское городище на Каме.

изображения всех деталей одежды вплоть до украшений (рис. 4, 11; 6, 5; 7, 7). То же можно сказать и об оформлении головы, лица. Встречаются даже конкретно обозначенные пальцы рук (рис. 4, 11). Некоторые незначительно поврежденные фигурки, позволяющие сделать практически полную реконструкцию, были приравнены к целым и учтены по возможным параметрам — всего 92 предмета.

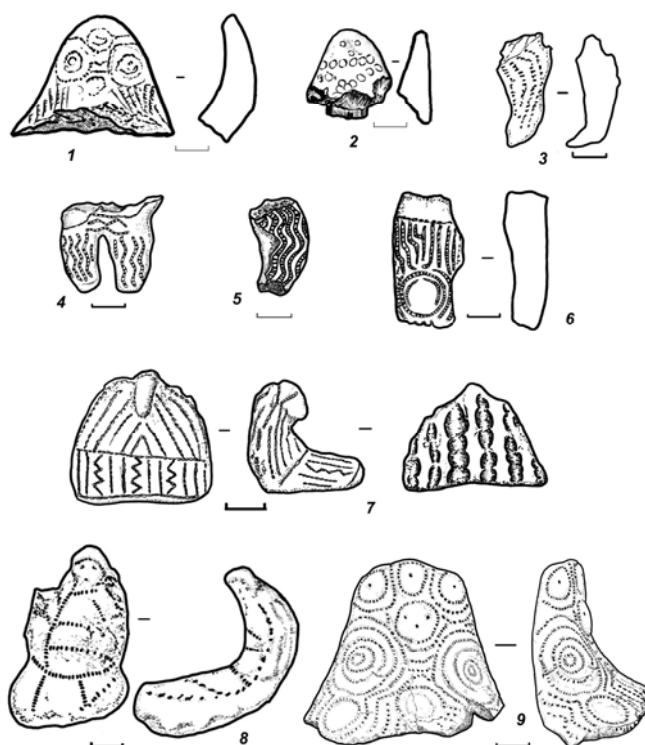

Рис. 9. Антропоморфные фигурки:

1, 2, 6 — Барсов Городок; 3 — Янычково городище; 4 — Рачевский комплекс; 5 — Лобвинская пещера;
7 — Чертова Гора; 8 — Долговское городище; 9 — Паныкино

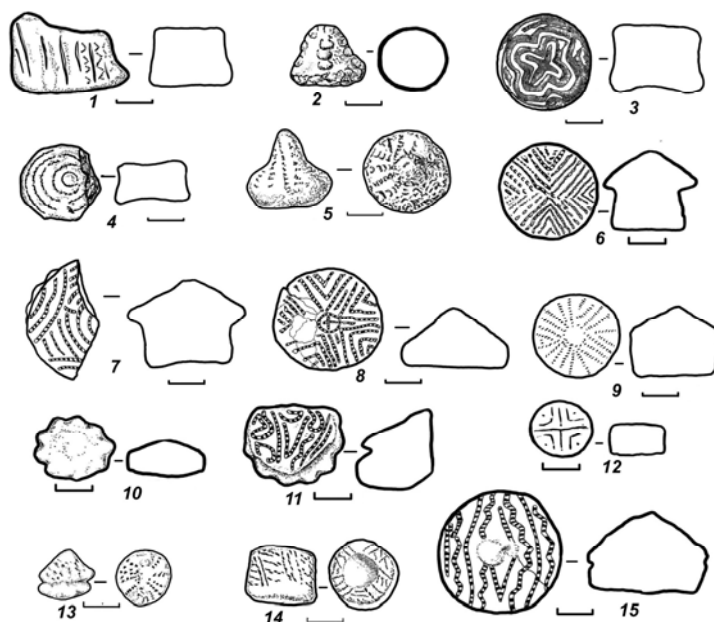

Рис. 10. Мелкая глиняная пластика — «фишки»:

1–5 — Эмдер, городище; 6–12, 15 — Рачевский комплекс; 13 — Долговское городище; 14 — Барсов Городок

Глиняная антропоморфная пластика средневекового Зауралья

Для создания более формализованной базы признаков антропоморфных фигурок автором были выделены 35 наиболее характерных и характеризующих показателей по 8 категориям (табл. 1).

Таблица 1

Категории признаков антропоморфных изделий

№ пр.	Признак	Категория признака
1	Целая	1. Целостность находки
2	Фрагмент	
3	Округлое	2. Форма «тела»
4	Подовальное/вытянутое	
5	Подтреугольное/трапециевидное	
6	Ужатое в «талии»	
7	Подпрямоугольное	3. Голова
8	Подпрямоугольная	
9	С ложбинкой	
10	Округлая	
11	Подтреугольная/трапециевидная	
12	«Ушки»/«рожки»	
13	Корона	4. Лицо
14	Без головы	
15	Пустой кружок	
16	Спираль	
17	Точки	
18	«Смайлик»	
19	Наклонные линии	
20	Вписанные окружности	
21	Без лица	
22	Неорнаментирована	5. Орнаментированность
23	Аверс (лицевая)	
24	Реверс (со спины)	
25	Сплошной, ковровый	6. Разновидности орнамента
26	С вертикальной планкой	
27	С горизонтальной каймой	
28	Украшение	
29	Защипы на спине	
30	Одежда	
31	Руки	7. Части тела
32	Ноги	
33	Грудь	
34	Сидит	8. Положение тела
35	Лежит	

Исходя из очевидного соответствия ареалов средневековых культур основным очагам находок и учитывая контекст нахождения фигурок, мы соотнесли выделенные выше три зоны с культурными образованиями: запад — юдинская (молчановская), восток — потчевашская и усть-ишимская и север — кинтусовская культура. Их хронологические рамки укладываются в VII–XII вв. В связи с отсутствием (за редким исключением) привязки фигурок к точным датам, основанной на ¹⁴C-анализе, большинство авторов ориентируются на коллекцию, в составе которой были сделаны эти находки. При этом мнения расходятся значительно и охватывают еще более широкий временной диапазон. Разными авторами предполагается, что фигурки появляются в середине I тыс., или не позже VIII–IX вв., или что они были созданы и распространены с конца XI — XII в. [Федорова, 1979, с. 151; Чаиркин, Карачаров, 1999, с. 197].

Интерпретация изделий различна. В.И. Мошинская предполагала, что это детские игрушки [1959, с. 184]. В.Д. Викторова считает, что они имели культовое значение, связанное с очагом или хранильницей очага [1968, с. 249]. Этот тезис развили Л.М. Терехова и В.Н. Широков [1986, с. 135], предложив выделить фигурки в особую группу, связанную с металлургией и металлообработкой. По мнению А.П. Зыкова и С.Ф. Кокшарова, это игральные фишки [2001, с. 123].

Думается, нельзя отвергать ни одну из предложенных ранее интерпретаций данной категории глиняной пластики. Однако ввиду факта нахождения антропоморфных фигурок на городище Черепаниха 2 неподалеку от металлургического очага, подобно Рачевскому комплексу, городищам Барсов Городок 1/31–32, Янычково, предположение о культовой принадлежности этих изделий звучит более убедительно.

Тезис Н.В. Федоровой об упрощении стиля в хронологическом плане спровоцировал сравнение комплексов фигурок из каждой зоны по 35 различным признакам как внутри групп, так и между собой (табл. 2). Но, учитывая, что из Прииртышья нашлись только пять опубликованных фигурок, пришлось работать в основном лишь с западной и северной зонами. В результате значительных расхождений между северными и западными фигурками не обнаружилось. Основные различия: в северной группе больше подтреугольных фигурок, а в западной — вытянутых овальных; на западе чаще встречается рельефное изображение груди, на севере — изображение украшений в виде круглых блях. В северной зоне больше фигурок, орнаментом на которых показана верхняя одежда. Практически одинаковы показатели по признакам оформления лица, округлой формы головы, степени орнаментации фигурок, присутствия защипов на обратной стороне и т.д.

Таблица 2

Распределение антропоморфных фигурок с определенными признаками по зонам распространения

№ признака	Общее кол-во (92 экз.)		Запад (32 экз.)			Восток (5 экз.)			Север (55 экз.)		
	Кол-во	% общ.	Кол-во	%	% к общ.	Кол-во	%	% к общ.	Кол-во	%	% к общ.
1	34	37	11	34	12	4	80	4	19	35	21
2	58	63	21	66	23	1	20	1,2	36	65	39
3	27	29	9	28	9,8	1	20	1,2	17	31	18
4	13	14	9	28	9,8	3	60	3,2	11	20	12
5	20	22	1	3	1,2				19	35	21
6	8	9	2	6	2,1	1	20	1,2	5	9	5,4
7	1	1,2							1	2	1,2
8	7	7,6	1	3	1,2	1	20	2,1	5	9	5,4
9	5	5,4	3	9	3,2			1,2	2	4	2,1
10	24	26	8	25	8,7	2	40		14	25	15
11	5	5,4				1	20	1,2	4	7	4,3
12	2	2,1	2	6	2,1						
13	2	2,1				1	20	1,2	1	2	1,2
14	19	21	4	12	4,3				15	27	16
15	5	5,4	1	3	1,2				4	7	4,3
16	3	3,2	1	3	1,2				2	4	2,1
17	8	8,7	2	6	2,1	2	40	2,1	4	7	4,3
18	6	6,5	1	3	1,2	2	40	2,1	3	5	3,2
19	2	2,1							2	4	2,1
20	5	5,4	1	3	1,2				4	7	4,3
21	19	21	9	28	9,8	1	20	1,2	9	16	9,8
22	9	9,8	6	19	6,5				3	5	3,2
23	79	86	26	81	28	5	100	5,4	48	87	52
24	8	8,7	5	16	5,4	1	20	1,2	2	4	2,1
25	79	86	26	81	28	3	60	3,2	50	91	54
26	24	26	3	9	3,2	1	20	1,2	20	36	22
27	11	12	3	9	3,2				8	14	8,7
28	20	22	1	3	1,2	1	20	1,2	18	33	20
29	9	9,8	2	6	2,1				7	13	7,6
30	27	29	5	16	5,4	1	20	1,2	21	38	23
31	8	8,7	4	12	4,3				4	7	4,3
32	19	21	8	25	8,7	1	20	1,2	10	18	11
33	4	4,3	4	12	4,3						
34	53	58	16	50	18	3	60	3,2	34	62	37
35	16	17	6	19	6,3	2	40	2,1	8	14	8,7

Таким образом, даже неполное сравнение, на наш взгляд, не позволяет однозначно решить вопрос о времени первоначального появления антропоморфных фигурок в определенном регионе. Высказанное уральскими коллегами предположение о существовании достаточно тесных торговых и других отношений между всеми названными культурами в рамках одной историко-культурной общности, что подтверждается близкими чертами в орнаментации и форме сосудов, наборах орудий труда, оружия и украшений, вполне удовлетворяет возможности быстрого распространения традиции изготовления глиняных антропоморфных фигурок на весьма обширной территории начиная с IX в. [Федорова и др., 1991, с. 143].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамов А.А. Глиняная антропоморфная фигурка из Прииртышья // Обские угры: Материалы II Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 218–221.
- Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 95 с.
- Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. // Тр. Камской археол. экспедиции. Пермь, 1968. № 191. (Уч. зап. ПГУ).
- Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала: (Страницы ранней истории манси). Екатеринбург: КВАДРАТ, 2008. 208 с.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 129–141. (ВАУ; Вып. 19).
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 158 с.
- Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ: Наука, 2007.
- Могильников В.А. Культуры лесного Зауралья VII–XIII вв. // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 164–177.
- Морозов В.М. Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 125–141. (ВАУ; Вып. 16).
- Морозов В.М., Панина С.Н. Городище Янычково: (Предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 76–91.
- Мошинская В.И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 181–184.
- Пархимович С.Ю. Новая находка глиняной пластики // Словцовские чтения-96. Тюмень, 1997. С. 135–137.
- Сладкова Л.Н. Фигурки сидящих человечков // Подорожник: Краевед. сб. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. Вып. 2. С. 170–174.
- Сладкова Л.Н. Предварительные итоги полевых исследований 1988, 2003, 2004 гг. на Чертовой горе в Кондинском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2007. Вып. 4. С. 152–164.
- Терехова Л.М., Широков В.Н. Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 131–138. (ВАУ; Вып. 18).
- Федорова Н.В. Новые находки мелкой антропоморфной пластики на поселениях конца I тыс. н.э. в Среднем Приобье // ВАП. Тюмень, 1979. С. 145–151.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1991. С. 126–145.
- Чаиркин С.Е., Карачаров К.Г. Материалы железного века из Лобвинской пещеры // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Изд-во БКИ, 1999. Вып. 3. С. 195–207.
- Чемякин Ю.П. Случайные находки на Барсовой Горе // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 28–43.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 9–66.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала. М.: Изд-во АН СССР, 1957. (МИА; № 58).
- Чикунова И.Ю. Глиняная пластика с городища Черепаниха 2 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 62–67.
- Чикунова И.Ю., Якимов А.С. Городище Черепаниха 2: К вопросу об определении статуса // УИВ. Екатеринбург, 2012. № 4 (37). С. 31–41.

Тюмень, ИПОС СО РАН
chikki@rambler.ru

The Middle Ages in Trans-Urals in IX–XII cc. is characterized by the existence of cultures (Yudinskaya, Ust-Ishimskaya, Kintusovskaya) in which archaeological material being such category of findings as clay anthropomorphic plastic arts. Figurines of a small size mostly depict sitting people dressed into clothes elaborately decorated with ornament.

Middle Ages, Trans-Urals, clay plastic arts, anthropomorphic figurines.

КАРЫМСКИЕ МОГИЛЬНИКИ ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ¹

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Дана характеристика карымских некрополей средней и южной тайги Западной Сибири, включая грунтовый могильник, открытый в Сургутском Приобье. Установлено своеобразие раннесредневековых курганных могильников, оставленных общинами со смешанным составом населения, в том числе потомками северных карымских и южных саргатских групп.

Западная Сибирь, тайга, раннее средневековье, карымский этап, могильники.

Введение

В таежном Приобье открыто более 80 поселенческих памятников с находками карымской керамики и лишь четыре могильника и одно одиночное захоронение. Один из некрополей расположен в центре тайги, остальные — в южно-таежной подзоне [Борзунов, Чемякин, 2013а, с. 38, рис.]. В данной работе представлена общая характеристика погребальных памятников. Находки из них будут рассмотрены вместе со всеми карымскими материалами.

Характеристика могильников

Сегодня известен один карымский могильник без следов инокультурного влияния — **Сайгатинский VI**. Он расположен в самом центре лесного Приобья, в подзоне средней тайги, в 30 км к западу от Сургута, у п. Сайгатино. Небольшой комплекс из чуть более десятка карымских могил, открытых в разные годы Л.М. Тереховой (1989–1990 гг.), Г.А. Степановой (1990 г.) и К.Г. Карачаровым (1990, 1998, 2001–2004, 2007 гг.), составлял лишь часть обширного некрополя с многочисленными разновременными грунтовыми погребениями IV–XI вв. При этом последние находились на руинах городища Кучиминское XIII и селища Кучиминское XXII калинkinской культуры VI–IV вв. до н.э. Карымские погребения урочища Сайгатино одиночные, грунтовые, расположены на коренной террасе правого берега Оби. Ранее над могилами, возможно, возвышались деревянные домовины. Умершие были помещены в узкие неглубокие подпрямоугольные ямы, вытянуто на спине, головой преимущественно на ЮЗ — к обской протоке Большой Гнилой (рис., 1–3). Инвентарь погребений скуден: фрагмент глиняного сосуда, железный нож, иногда точильный камень. В одну могилу рядом с головой покойного поместили небольшой целый горшок [Терехова, Карачаров, 1994, с. 279, рис. 42, 1; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42–43, рис. 14, 8; 2002, с. 35, рис. 14, 18; Карачаров, 2003, с. 261; Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 55, 122, 146, № 106]. Одно из погребений предположительно было совершено в лодке, и могильная яма имела подтреугольную форму [Карачаров, Носкова, 2007].

Остальные погребальные комплексы, также считающиеся карымскими или даже туманскими, приурочены к южной кромке таежной зоны. Большинство из них совершены под курганами, реже — в грунтовых могилах.

Козловский могильник расположен в Нижнем Приобье, близ г. Тюмени, на южном берегу Андреевского озера, в урочище «Козлова перейма» (Козлов мыс). Памятник открыт в 1950 г. В.Н. Чернецовым, исследовался им в 1955–1956 гг., а в 1959–1960 гг. — С.В. Зотовой. Позднее С.Н. Скочина сняла инструментальный план некрополя. В 2008 г. работы на памятнике продолжила Н.П. Матвеева. Материалы раскопок опубликованы частично [Чернецов, 1957, с. 162, 164–1966; Золотарева, 1957, с. 246–249; Матвеева, 2008]. Памятник состоял из грунтовых могил, расположенных рядами по всему мысу с промежутками в 3–4 м, а также из 15 небольших курганов, насыпанных в возвышенной части дюны. Ориентировка могил меридиональная с небольшими отклонениями. Грунтовые и подкурганные захоронения датируются примерно одинаково, хотя насыпи сооружены, возможно, чуть позже. При этом ни одно захоронение не нарушало другое. Это свидетельствует о наличии неких сооружений (типа традиционных деревянных «домовин» обских угров) над грунтовыми могилами. Как отдельные подкурганные захоронения обозначались на поверхности, сказать трудно. В.Н. Чернецов и С.В. Зотова вскрыли 62 могилы.

¹ Продолжение статей: [Борзунов, Чемякин, 2013а, б].

Карымские могильники Таежного Приобья

Одно или два погребения были обнаружены в 1967–1968 гг. В.Т. Ковалевой (Юровской) при раскопках неолитической стоянки. 14 погребений (в том числе два предположительно ранних, с позднебархатовской и иткульской (?) керамикой) исследованы Н.П. Матвеевой. При раскопках установлено, что в грунтовом некрополе умершие были положены в прямоугольные могилы, головой на север, вытянуто, на спину, с руками, сориентированными вдоль туловища. Могилы одиночные. Людей хоронили в «парадной» одежде, с личными вещами и заупокойной пищей. За головой у каждого из них стоял горшок. У некоторых погребенных были обнаружены бронзовые поясные пряжки с подвижным язычком, мелкие импортные стеклянные бусы синего, бледно-зеленого и красного цвета, у одного — бронзовый пинцет, у другого — остатки бронзового декора деревянной или берестяной посуды. В ряде случаев около могил в анатомическом порядке лежали кости черепов и зубы лошади. По заключению Н.П. Матвеевой, присутствие в могильнике разнокультурных погребений, а также сочетание грунтового и курганного обрядов захоронения свидетельствуют, что памятник мог быть оставлен одной полиэтнической (?) общиной, в которой традиция сооружения грунтовых кладбищ по каким-то причинам сменилась курганным обрядом [Юровская, А–1969, с. 17–24, рис. 6; Матвеева, 2008, с. 157]². В.Н. Чернецов под небольшими, частично слившимися округлыми насыпями диаметром 4–5 м, высотой от 0,2 до 0,4 м, зафиксировал прямоугольные могилы размерами 1,9–2,5×0,7–0,9 м, глубиной от 0,7 до 1,25 м. В ямах прослежены остатки «срубов». Размеры наиболее сохранившегося сооружения в погребении 2 (2,15×0,6 м), сложенного из бревен диаметром 15–30 см, явно превышали длину костяка (165 см). Погребения одиночные. Умершие лежали вытянуто, на спине, головой на север; слева от черепа покойного находился один горшок (реже — два) и кость лошади. Вещевой инвентарь небогат. В погребении 1 найдена медная гривна из прута круглого сечения с раскованными несомкнутыми концами, на которых прослеживались отверстия для шнура или металлической скрепки. Под костяком сохранилась подсыпка из белого песка. В могилах 2 и 4 у каждого погребенного был железный нож, подвешенный спереди на поясе. На самом поясе — спереди и сзади — находились по две круглые медные пряжки с длинными изогнутыми язычками. Под насыпями рядом с могилами обнаружены остатки кострищ, по-видимому связанные с культом огня. Керамика, по оценке В.Н. Чернецова, типичная поздняя ярсалинская и карымская — круглодонная гребенчатая и фигурно-штампованная, с обязательным пояском ямок в основании шейки. У сосуда из могилы 1 узор состоял из насечек по венчику и ямок на шейке [Чернецов, 1957, с. 162, 164–166, табл. XI]. В.Д. Викторова полагала, что керамика, найденная в могильнике, двух типов: лесного (туманского) и лесостепного, близкого речкинскому [А–1967, с. 147]. Последний тип сейчас интерпретируется как один из вариантов саргатской посуды. Н.П. Матвеева обнаруженную ею керамику соотнесла с карымской (основная группа), позднесаргатской, бакальской и кушнаренковской гончарными традициями [2008, с. 156]. Одной из черт, характеризующих общество, оставившее данный могильник, является прижизненная искусственная деформация черепов людей — кольцевого типа при помощи специальной налобной повязки. При этом было установлено, что хорошо сохранившиеся черепа мужчины и женщины (погребения 15 и 2) принадлежали представителям метисной популяции — промежуточной между монголоидным и европеоидным типами [Чернецов, 1957, с. 163, 164; Золотарева, 1957, с. 246–249, рис. 2; 3, 1а–в].

В 2009 г. в Красноярском археологическом комплексе, расположенном на правом берегу Иртыша, чуть выше устья Ишима, омские археологи раскопали могильник из четырех курганов — **Красноярка IV**, который определили как карымский. «Под тремя насыпями с линзами прокалов было расчищено 5 погребений, под четвертой — лишь небольшое скопление невыразительной керамики. Во всех могилах находились один-два сосуда и погребальный инвентарь. Костяки отсутствовали — лишь в трех погребениях были обнаружены обожженные (?) зубы, однако украшения и детали костюма найдены на соответствующих местах без следов воздействия огня» [Грачев и др., 2010, с. 239–240]. В состав погребального инвентаря входили глиняные сосуды, украшенные фигурно-штампованным орнаментом, разнообразные бронзовые украшения, детали костюма и культовые отливки, стеклянные бусы, железные детали ножен, остатки кожаного ремня с металлическими накладками, чаша из белого металла, каменный оселок и пр. [Там же, с. 240].

Еще **одно захоронение**, находившееся в 2 км от данного некрополя, возможно оставленное тем же населением, представляло собой могилу, рядом с которой стоял карымский горшок,

² Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора перед годом написания работы.

орнаментированный ромбическим штампом. По оценке исследователей, «параллели посуде из курганов обнаруживаются также в материалах могильника Усть-Тара VII, причем, в обоих случаях, вместе с карымской керамикой встречены сосуды с кушнаренковскими чертами» [Грачев и др., 2010, с. 240].

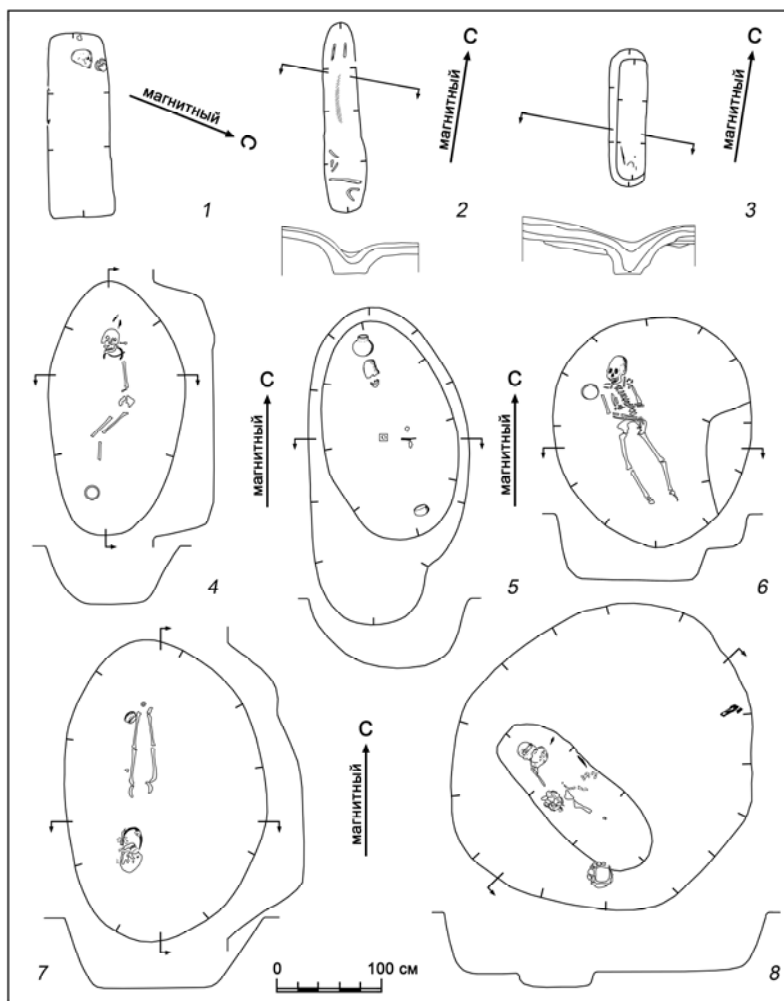

Рис. Карымские погребения Сургутского Приобья и Среднего Приртышья:

Сайгатинский VI могильник: 1 — погребение 40; 2 — погребение 54; 3 — погребение 55.

Могильник Усть-Тара VII: 4 — курган и погребение 14; 5 — курган и погребение 17; 6 — курган и погребение 3; 7 — курган и погребение 9; 8 — курган и погребение 8: 1–3 — по К.Г. Карачарову; 4–8 — по И.Е. Скандакову и Е.М. Данченко

Курганный могильник Усть-Тара VII открыт И.Е. Скандаковым в 1990 г. и полностью исследован им в 1990–1994 гг. Материалы раскопок детально проанализированы и опубликованы совместно с Е.М. Данченко [Скандаков, Данченко, 1999]. Памятник находился в 5,8 км к юго-востоку от д. Усть-Тара Тарского р-на Омской обл., на правом берегу р. Тары — правого притока Иртыша. Он состоял из 8 курганов с одиночными захоронениями, разбросанных среди естественных возвышений, первоначально принятых за курганы. В одной из таких насыпей найдены обломки карымского сосуда. Курганы песчаные, вероятно, распаханые, покрыты кустарником и отдельными соснами. Насыпи округлой и овальной формы, размерами от 3,0×1,2 до 7,0×4,5 м, высотой 0,10–0,55 м, ограждены прерывистыми ровиками, заполненными углями и обломками керамики. В одном ровике (кург. № 17) найдены кусочки спекшейся глины и обгорелая бронзовая пластинка. Под курганом № 9 рядом с погребением вместо ровика находилось вытянутое углубление, с другой стороны — округлая яма. В двух насыпях зафиксированы остатки сгоревших бревенчатых конструкций пятиугольной и подквадратной в плане формы — типа оградок. Могильные ямы широкие овальные, одна (№ 8) — подпрямоугольная (рис., 4–8). Размеры их

Карымские могильники Таежного Приобья

варьировались от 1,80×0,65 до 3,0×1,45 м, глубина — от 0,15 до 0,72 м. При этом в кургане № 8 могила занимала только часть пространства более обширной круглой (3,0×3,0×0,6 м) ямы. Дно могил ровное, иногда со ступенькой-выступом у одной из стенок. Половина ям были ориентированы в меридиональном направлении, остальные могилы вытянуты по осям СЗ–ЮВ и ЗСЗ–ВЮВ. В шести случаях удалось установить ориентировку покойных: положение головой на ССЗ было отмечено трижды, у остальных — на север, юг и СЗ. Умершие лежали вытянуто, на спине, только одна погребенная (кург. № 14) — на правом боку со слегка согнутыми ногами. По данным А.Н. Багашёва, в могильнике были захоронены семь женщин среднего и пожилого возраста (от 35 до 50 лет), молодая женщина (около 20 лет) и мужчина средних (35–40) лет. Их черепа имели прижизненную деформацию. Умершие были одеты в тканую, кожаную и меховую одежду, с украшениями (налобные повязки с бронзовыми бляшками, бронзовые серьги, височные подвески, шейные гривны, скреплявшие ворот одежды, стеклянные бусы и бисер), оружием и орудиями труда (железные ножи, наконечник стрелы, шило). У трех покойных были кожаные пояса с бронзовыми пряжками; кроме того, у одного пояса имелся бронзовый наконечник, у другого — прямоугольная бляха с рельефным декором. При этом в почти полностью разграбленном погребении мужчины были найдены обломок железного ножа, фрагмент изделия из яшмовидной породы с пропиленными пазами (подвеска?) для крепления шнура³ и зуб лошади. Остальные материалы, в том числе пояса с пряжками, ножи и наконечник стрелы, были положены женщинам. Керамика представлена 13 целыми или частично сохранившимися карымскими сосудами. Восемь из них найдены в погребениях (у головы и/или ног покойного), три — около могил, по одному — в заполнении рва и насыпи № 20, не содержащей следов захоронения. При одной женщине в горшке обнаружена бедренная кость годовалой лошади. Покойные были покрыты берестяными полотнищами, которые впоследствии почти полностью сгорели. Об этом свидетельствуют обугленные куски бересты, зафиксированные поверх погребального инвентаря и скелетов в могилах 8, 9 и 17. Помимо этого, огнем были уничтожены бревенчатые сооружения над курганами № 4 и 5, плахи, перекрывавшие могилу 14, кол на дне могилы 9, возможно, столбики в погребении 8 и другие деревянные конструкции. Продукты горения попали в ровики. Исследователи некрополя видят в этом проявление культа огня.

Обсуждение результатов полевых исследований

Грунтовые погребения Козловского могильника по ряду позиций (неглубокие узкие прямоугольные могилы, одиночные захоронения, вытянутое положение покойного, сосуд у его головы) сходны с карымскими объектами Сайгатинского VI могильника и более поздними северными некрополями таежного Приобья (рядность погребений, срубы, берестяные покрывала-полотнища). Тем не менее при оценке культурной принадлежности «карымских», «туманских» и карымско-саргатских могильников Нижнего Приобья, а также «карымских» Среднего Прииртышья обращает на себя внимание ряд черт погребального обряда, не свойственных средневековому населению северо-запада таежного Приобья. Для последнего (в рамках всего средневековья: IV–XVI вв.) характерны грунтовые могильники с мелкими узкими прямоугольными, вытянутыми овальными и подтреугольными ямами; расположение погребений очень плотно, малыми и большими рядами; наличие в могильных ямах срубов, рам из колотых плах, берестяных полотнищ, покрывавших дно погребений и самих покойных, жердяных и бревенчатых перекрытий ям; в исключительных случаях — устройство могил в форме лодок и/или с остатками лодок; речная ориентация могил и погребенных (последних — преимущественно головами на юго-запад и юг); одиночные, реже — парные и групповые захоронения; положение покойников вытянуто на спине; постановка сосуда с пищей у головы покойного; захоронения и подзахоронения черепов, в том числе завернутых в бересту; половозрастная дифференциация сопровождающего инвентаря (в первую очередь орудийного комплекса и оружия); захоронения кукол-«иттарма», вероятно символизировавших воинов, погибших далеко от дома; следы периодических тризн и «прикладов»; редкие трупосожжения и другие проявления культа огня [Арне, 2005; Терехова, Карачаров, 1994; Семенова, 1997, 2001; Зыков, Федорова, 2001, с. 50–63; Зыков, Кокшаров, 2001, с. 125–200; 2004, с. 330–331; Карачаров, 2002; Чемякин, Карачаров, 2002, с. 45–64; Борзунов, 2003а, б; Зыков, 2004, с. 333; Носкова, 2008, с. 187–197; 2010]. В южно-таежных некрополях, прежде всего прииртышских, расположенных за пределами основного ареала ка-

³ Не исключено, что этот предмет попал в могилу из слоя стоянки неолита — ранней бронзы Усть-Тара III.

рымских поселений, в окружении инокультурного населения, господствовал чуждый лесным охотникам и рыболовам курганный способ погребения умерших. Могилы под насыпями более глубокие, чем северные; нередко они — широкие овальные. К другим отличительным чертам южно-таежного «карымского» погребального обряда можно отнести ориентировку покойных преимущественно на север и северо-запад, разнообразный состав инвентаря, включавший ряд импортных предметов и вещей, созданных по чужим образцам, наличие в могиле одной женщины оружия (наконечник стрелы), в некоторых погребениях и рядом с ними — костей лошади, а среди карымских сосудов — необычных кринковидных и чашевидных форм. Еще один крайне важный показатель — прижизненная искусственная деформация черепов мужчин и женщин.

Подкурганные захоронения — традиционный элемент культуры степных обществ, воспринятый в конце эпохи бронзы и начале железного века в ряду других сакрально-мифологических новшеств большей частью населения евразийской лесостепи и некоторыми общинами, обитавшими на южной кромке лесной зоны. В южно-таежном Прииртышье курганы (в том числе со следами культа огня) известны у позднего богочановского населения (IV–II вв. до н.э.) [Данченко, 1996, с. 45–52, 109], в лесостепном Тоболо-Иртышье — у саргатского (V/IV вв. до н.э. — III/IV вв. н.э.) [Корякова, 1988, с. 46–58, 84–89, 131–134, рис. 3, 7]. Вполне вероятно, что первое заимствовало его у второго, подобно носителям новочекинской культуры, обитавшим в V–III вв. до н.э. на севере Барабы, в Обь-Иртышском междуречье [Полосьмак, 1987, с. 104–105; Данченко, 1996, с. 47]. Другим наследием степных и лесостепных скотоводческих племен является положение в могилы мяса и костей лошади. Кринковидные формы сосудов также считаются результатом саргатского влияния. Прижизненная деформация черепов в эпоху железа была характерна для некоторых групп населения Китая и степных народов, обитавших к северу от него. В евразийские степи эта мода была занесена, скорее всего, гуннами. С ними она появилась и в западно-сибирской лесостепи. Об этом косвенно свидетельствуют немногочисленные погребения, оставленные здесь этими кочевниками в III–V вв. н.э. [Генинг, 1968, с. 140; Уманский, 1978; Генинг, Стефанов, 1988, с. 8–9, рис. 2; Молодин, Чикишева, 1990; Егоров, 1993; Боталов, Полужкин, 1996, с. 184, рис. 8; Зыков, 2002; Зыков, Федорова, 2001, с. 23]. До этого деформированные черепа в Урало-Западносибирском регионе не встречались.

Все это наводит на мысль, что на южной окраине западно-сибирской тайги мы имеем дело уже не с собственно карымским типом памятников, а с некоей иной, видоизмененной и гетерогенной культурой (либо южным вариантом древностей карымского этапа обь-иртышской КИО), оставленной северными мигрантами, частично смешавшимися с южно-таежным населением — потомками северных саргатских и других местных коллективов. Скорее всего, именно от лесостепных и степных тоболо-иртышских общин рыболовы-охотники тайги восприняли чуждые для них черты погребальной обрядности, «моду» на вытянутые черепа и новые направления производящей хозяйственной деятельности.

В раннем средневековье степной курганный обряд проник и в Томско-Нарымское Приобье. По данным томских археологов, в релкинской культуре VI–IX вв. курганные могильники явно преобладали, в то время как в кулайскую «эпоху» на этой территории (VI в. до н.э. — V в. н.э.) известны лишь грунтовый могильник Алдыган, грунтовое детское погребение и женский череп (человеческое жертвоприношение?) на Саровском городище, грунтовая могила под средневековой насыпью в Усть-Киндинском могильнике [Яковлев, 2001, с. 7–10; Чиндина, 1978, с. 51–80; Чиндина, Терехин, 1992].

Кроме того, на южной кромке тайги выявлены позднейшие саргатские селища и некрополи со следами ярсалинско-карымского присутствия. Мы имеем в виду куст археологических памятников на оз. Ипкуль в Нижнем Притоболье, состоящий из поселения Ипкуль XV и Ипкульского могильника, исследованных свердловскими археологами под руководством Л.Н. Коряковой. В этой местности, близ устья р. Тавды — левого притока Тобола, остатки позднесаргатского населения проживали в долговременных стационарных поселках вместе с пришедшими с севера таежными коллективами с гребенчато-ямочной и фигурно-штампованной посудой. Судя по фаунистическим остаткам, жители поселения Ипкуль XV, в трех раскопанных жилищах которого вместе с позднесаргатской найдена керамика переходного ярсалинско-карымского облика, занимались скотоводством и в меньшей степени — охотой и рыболовством. В насыпях расположенного по соседству саргатского Ипкульского курганного могильника, частично сосуществовавшего с вышеупомянутым поселком, также найдена фигурно-штампованная керамика. Более того, в двух погребениях кургана 2 того же некрополя она залегала вместе с саргатской. Иссле-

Карымские могильники Таежного Приобья

дователи данной группы памятников отмечают в его керамических материалах «процесс смешения позднесаргатских, лесных и каких-то глубоко местных гончарных традиций» [Корякова и др., 1988, с. 126–127]. Хронология вышеупомянутых поселения и могильника, как и время первых саргатско-карымских контактов, могут быть определены IV или даже концом III — IV в. н.э. Возможно, здесь присутствуют самые ранние объекты южной периферии карымского ареала, предшествующие охарактеризованным выше южно-таежным «карымским» могильникам, оставленным гетерогенным населением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Викторова В.Д. Археологическая карта бассейнов рр. Туры и Тавды: (Опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Т. 1: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. III. Д. 127.

Юровская В.Т. Отчет о работе на Козловой перейме (Андреевское озеро близ г. Тюмени). Свердловск, 1969 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 67.

Литература

Арне Т.Й. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века / Науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой под ред. А.Я. Труфанова; Комментар. А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. рабочий, 2005. 184 с.

Борзунов В.А. Могильник Моховая XLV — новый памятник позднего средневековья в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2003а. Вып. 1. С. 137–163.

Борзунов В.А. Средневековый культовый комплекс городища Барсов городок I/20 // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003б. С. 113–120.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: История изучения, хронология и территория распространения // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013а. № 1 (20). С. 34–46.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013б. № 2 (21). С. 45–55.

Боталов С.Г., Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 178–193.

Генинг В.Ф. Работы в Среднем Прииртышье // АО 1967. М.: Наука, 1968. С. 139–140.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Работы Уральской археологической экспедиции в Среднем Прииртышье // Источники и историография. Археология и история. Омск: ОмГУ, 1988. С. 4–18.

Грачев М.А., Грачева О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 239–240.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: ОмГПУ, 1996. 212 с.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 77–78.

Золотарева И.М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) // МИА. 1957. № 58. С. 247–250.

Зыков А.П. Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 47–50.

Зыков А.П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 332–335.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Изучение комплекса памятников Большая Умытья 28 в Советском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 327–331.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 26–50.

Карачаров К.Г. Исследования на VI Сайгатинском могильнике в Сургутском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 261.

Карачаров К., Носкова Л. Археологические раскопки могильника Сайгатинский VI [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.northarch.ru/exp2007_2.htm.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. 240 с.

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 117–129.

Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГПУ, 2008. С. 155–158.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 161–179.

Носкова А.В. Археологические раскопки могильника Тат-Ягун 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень; Ханты-Мансийск: Колесо, 2008. Вып. 6. С. 187–197.

Носкова А.В. Раскопки могильника Сайгатинский IV в полевом сезоне 2009 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 331–339.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Семенова В.И. Итоги работ Северного отряда археологической экспедиции Объединения «Тюменский областной краеведческий музей» (1983–1993 гг.) // Ежегодн. ТОКМ. Новосибирск: Наука, 1997. С. 140–159.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.

Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность: Ежегодн. Омск: ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.

Терехова Л.М., Карачаров К.Г. Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: ТГУ, 1994. С. 277–289.

Уманский А.Г. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.

Чиндина Л.А. Саровское городище (Колпашевский район Томской области) // Вопр. археологии и этнографии Сибири. Томск: ТГУ, 1978. С. 51–80.

Чиндина Л.А., Терехин С.А. О кулайском компоненте на Усть-Киндинском курганном могильнике // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: ТГУ, 1992. С. 61–65.

Яковлев Я.А. Алдыган, комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: ТГУ, 2001. С. 7–10.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

victor.borzunov@usu.ru

yury-che@yandex.ru

The article describes Karym necropolises from West Siberian middle and south taiga, including a burial site discovered in Surgut Low Ob basin. Subject to establishment being originality of early medieval mound burial sites left by the communities with mixed population, among those descendants of north Karym and south Sargatka groups.

West Siberia, taiga, early Middle Ages, Karym stage, burial sites.

АНТРОПОЛОГИЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ И ИНГУМАЦИИ КАМЕННОГО МОГИЛЬНИКА С ОГРАДКАМИ МАЛЛИ (по результатам раскопок 2010 г.)¹

И.Г. Широбоков*, М.А. Юшкова**

Публикация посвящена изучению скелетных останков из раскопок 2010 г. могильника Малли, относящегося к культуре каменных могильников с оградками. Археологические материалы памятника относятся к двум этапам — раннеримскому времени и третьей четверти I тыс. н.э. Выявлены останки не менее 12 погребенных по обряду кремации и 12 — по обряду вторичной ингумации. Обнаружена связь между расположением слабообожженных и необожженных костей и находок римского времени, крупных скоплений кальцинированных костей и находок эпохи Мерovingов.

Кремация, ингумация, вторичные погребения, эпоха римских влияний, эпоха Мерovingов, Прибалтика, Ижорская возвышенность.

Введение

В последние годы на северо-западе Ижорской возвышенности (юго-запад Ленинградской обл.) была выявлена новая группа памятников первых веков н.э. Они относятся к культуре каменных могильников с оградками, основной ареал которой расположен на территории Эстонии и северной Латвии и являются ее локальным вариантом. Эта культура известна в основном по могильникам. В них осуществлялись коллективные погребения по обряду кремации и ингумации. Могильники сооружались из известняковых плит и валунов, обычно представляли собой цепочку прямоугольных оградок, стенки которых сложены известняковыми плитами или валунами и заполнены известняковой щебенкой и более мелкими камнями. Во внутреннем пространстве, а также в примыкающей к стенкам с внешней стороны краевой насыпи находится погребальный инвентарь и коллективные захоронения.

На Ижорской возвышенности известно 14 пунктов находок рассматриваемых древностей, среди них 5 могильников, 3 клада, несколько мест единичных находок. Целенаправленные раскопки производились пока только на двух могильниках. В 2008–2011, 2013 гг. авторами исследованы погребальные сооружения — каменные оградки в могильниках Кёрстово 1 и Малли (Кёрстово 2) [Юшкова 2010а, б; 2011; 2013; Юшкова, Кулешов 2010; Yushkova, Kulešov, 2011; Кулешов, Юшкова, 2012].

Могильник Малли (Кёрстово 2) состоит из каменного могильника с оградками и группы курганов средневекового времени. Каменный могильник представлял собой насыпь подпрямоугольной формы размерами не менее 12×20 м, высотой около 0,5 м. В 2010 г. были начаты раскопки этого сооружения, исследована часть насыпи и прилегающего к ней пространства. В раскопе была расчищена южная половина известняковой оградки. Стенки оградки были сложены из плит известняка, имели высоту до 0,5 м, ширину 0,8–1,5 м. Внутреннее пространство оградки было заполнено крупными валунами и засыпано известняковой щебенкой, с внешней стороны к западной стенке примыкала краевая насыпь шириной до 2 м, состоящая из известняковой щебенки. К югу от оградки изучена каменная вымостка из валунов. На уровне материка исследованы многочисленные ямы. В слое известняковой щебенки, при разборке каменных выкладок и материковых ям обнаружен сопроводительный инвентарь и фрагменты костей.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01223 «Прибалтийско-финские племена на Северо-Западе России: процессы расселения и культурного взаимодействия в раннем железном веке и раннем средневековье».

Сопроводительный инвентарь представлен двумя разновременными группами. Ранняя датируется римским временем, поздняя — третьей четвертью I тыс. н. э. (эпоха Меровингов). Каменная известняковая оградка, а также большая часть каменных вымосток были сооружены в раннеримский период, в третьей четверти I тыс. н.э. осуществлялись подзахоронения в уже существующую каменную насыпь. Находки римского времени встречались на всей площади раскопа — во внутренней части оградки, в краевой насыпи к западу от нее и среди каменной вымостки к югу от оградки, а также в материковых ямах. Находки более позднего периода происходят со всей поверхности исследованного участка (из слоя дерна) и концентрируются в каменной вымостке к югу от оградки.

Среди материалов римского времени представлены бронзовые украшения — фибулы, браслеты, перстни, височные кольца, пронизки, бляшки; железные орудия и оружие — наконечники копий, ножи, шилья, фрагменты керамики. Хронология этого этапа определяется находками 7 фибул, среди которых представлены Альмгрен-68, глазчатые эстонской серии, сильно-профилированные фибулы, в том числе одна переключчатая. Общая датировка этого этапа — середина I — рубеж II/III, возможно III в. н. э.

Материалы более позднего периода также представлены украшениями, оружием и бытовыми изделиями, однако иных типов, чем в предшествующее время. Многочисленны находки поясной гарнитуры — пряжки, накладки и ременные наконечники. Обнаружены фрагменты умбонов щитов. Среди бронзовых украшений представлены булавки, браслеты, подвески, пронизки, накладки, также найдены стеклянные бусы. К предметам обихода относятся железные бритвы, пинцеты, шилья, ножи, пряслица из эпифизов костей. На основании датировок различных типов пряжек предварительная дата данного этапа может быть определена в пределах от конца V до первой половины VII в. н.э.

Материалы раннеримского периода хорошо представлены на Ижорской возвышенности, наиболее полно они изучены в могильнике Кёрстово 1. Материалы позднего периода — эпохи Меровингов относятся к еще практически не выделенной культуре и уникальны для Северо-Запада России. Наиболее близкие аналоги им можно найти среди материалов различных культурных групп Эстонии, датирующихся V–IX вв.

Общая характеристика антропологических материалов

В результате работ 2010 г. на территории могильника в раскопе площадью 36 м² были зафиксированы многочисленные фрагментированные скелетные останки человека, общая масса которых составила 52 709 г. Фиксация костей проводилась по горизонтам и квадратам со стороны 1 м. Относительное положение значительной части анатомически идентифицируемых фрагментов скелета и скоплений костей в пространстве памятника дополнительно определялось по трем координатам при помощи тахеометра. Такая детальная фиксация останков позволила выявить некоторые пространственные закономерности расположения костей и археологических артефактов, о чем подробнее написано далее.

На памятнике преобладают захоронения по обряду кремации на стороне. Анатомический порядок в расположении как кремированных, так и необожженных костей отсутствует. Костные останки располагались дисперсно и скоплениями во всех горизонтах на всей площади раскопа. Как правило, каждое скопление содержит останки сразу нескольких индивидов, что предполагает либо коллективную кремацию, либо предумышленное объединение останков на месте коллективного захоронения.

На костях прослеживается весь диапазон возможных визуально определимых реакций на воздействие высокой температуры — от частичного обугливания и образования поверхностных трещин до деформации и полного разрушения костной структуры. Цветовые характеристики костей варьируются от бледно-коричневого и углистого черного до бледно-голубого и белого. При этом значительную часть останков составляют различные элементы скелета, не подвергавшиеся термическому воздействию. В подавляющем большинстве случаев такие останки также представлены фрагментами; целостность сохранили только отдельные кости стопы и кисти, а также зубы. Максимальные размеры фрагментов скелета, не несущих следов воздействия огня, в большинстве случаев составляют не более 50–60 мм, средние размеры фрагментов кальцинированных костей не превышают 10–15 мм.

Плохая сохранность большей части костных фрагментов не позволяет дать твердое определение их анатомической принадлежности. Сохранившиеся части подавляющего большинства

Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации...

трубчатых костей характеризуются небольшими размерами и не имеют надежных морфологических маркеров. Среди останков, анатомическую принадлежность которых удалось установить, представлены практически все элементы скелета: фрагменты различных отделов черепа, зубы, фаланги пальцев, другие кости стопы и кисти, фрагменты тазовых костей, позвонков, ребер, лопаток, ключиц, локтевых, лучевых, бедренных, больших и малых берцовых костей.

Подсчет гомологичных элементов скелета, проведенный с учетом наличия или отсутствия следов термического воздействия, позволил рассчитать минимальную численность погребенных на изученной площади памятника (табл. 1). Наиболее высокие показатели для захоронений по обряду кремации были получены по результатам подсчетов количества фрагментов правых скуловых отростков лобной кости (12 чел.). Данные для захоронений по обряду ингумации основаны на подсчетах числа клыков и моляров (9 чел.). Количество погребенных по обряду ингумации было также дополнено тремя детьми, скончавшимися в возрасте до 1 года, останки которых представлены фрагментами нижних челюстей, лопаток, локтевых и плечевых костей.

Таблица 1

Минимальная численность погребенных, определенная по результатам подсчетов различных гомологичных элементов скелета

Минимальная численность	Зубы	Кости черепа	Кости кисти	Кости стопы	Кости рук
Кремация	4	12	7	2	3
Ингумация	9	6	4	4	4

Таким образом, в исследованной части могильника были захоронены по меньшей мере 24 индивида: 12 погребенных по обряду кремации на стороне, а также 12 чел., захороненных по обряду ингумации. В реальности погребенных могло быть несколько больше, но фрагментарность останков не позволяет уточнить их число.

Особенности морфологии фрагментов длинных костей, фрагментов свода черепа и зубов свидетельствуют, что среди захороненных были как мужчины, так и женщины всех основных возрастных категорий, за единственным исключением: среди кремированных костей останки детей грудного возраста не прослежены. Причиной их отсутствия могут быть особенности погребального обряда: возможно, детей, скончавшихся до достижения определенного возраста, не подвергали кремации. С другой стороны, низкий уровень минерализации скелета маленьких детей приводит к повышенной неустойчивости их костей к воздействию высоких температур. Специальные исследования показывают, что масса кремированных останков взрослого человека составляет в среднем 3,5 % от прижизненной массы его тела. У подростков эта цифра составляет 2,5 %, у детей до 7 лет — 1 % [Warren, Maples, 1997]. Кроме того, кремированные детские кости быстрее разрушаются в почве, чем останки взрослых индивидов [Holck, 1995, p. 37]. Как следствие, анатомическая идентификация фрагментов детских костей часто оказывается затрудненной.

По результатам обследования скелетных останков из материалов памятника было зафиксировано два основных варианта погребального обряда: ингумация (вероятно, вторичная) и кремация на стороне.

Захоронения по обряду ингумации

Как уже отмечалось выше, значительная часть костных останков не имеет следов воздействия огня. Они принадлежат индивидам, захоронения которых проводились по обряду труположения. Отсутствие закономерностей в относительном положении на плане могильника идентифицированных элементов скелета и их фрагментов (костей кисти, стопы, фрагментов черепа, зубов) свидетельствует, что либо памятник, на котором были зафиксированы останки, не является территорией их первичного размещения, либо имело место вторичное обращение к останкам. В любом случае, по всей вероятности, ингумация не была одноактовым действием. Эта ситуация на Малли не уникальна. Так, например, каменные могильники с оградками на острове Сааремаа и в Северной Эстонии предримского и римского времени содержат захоронения, в которых, как правило, представлена только часть костей скелета, анатомический порядок часто отсутствует, некоторые кости несут следы длительного выветривания [Magi, 2004, p. 10; Kalman, 2000a–c; Lang, 2007, p. 179].

Одним из аргументов в пользу предположения о вторичном характере захоронений в Малли является нарушение количественного соотношения различных категорий зубов, не имеющих

следов воздействия огня. У взрослого человека зубная формула (количественное соотношение резцов, клыков, премоляров и моляров) имеет вид 2:1:2:3. Подсчеты показали, что в материалах Малли минимальная численность индивидов, установленная по количеству клыков, премоляров и моляров, примерно одинакова (9, 8 и 9 соответственно), тогда как по резцам она меньше (5).

Как показывают исследования, при вторичном обращении к останкам усопшего и его перезахоронении на новом месте потеря зубов наблюдается довольно часто [Roksandic, 2002, p. 101; Redfern, 2008, p. 284]. Примечательно, что при вторичных захоронениях именно передние зубы (резцы) выпадают из альвеолярных лунок в первую очередь. Именно такая картина наблюдается в материалах памятника.

Таблица 2

Минимальная численность погребенных, определенная по подсчетам костей кисти и стопы и их фрагментам

	Концевые фаланги	Фаланги	Кости пястья/плюсны	Кости запястья/предплюсны
Стопа	1	2	4	4
Кисть	3	4	4	4

Кроме того, минимальная численность индивидов, установленная по зубам, выше, чем таковая по костям кисти и стопы. В свою очередь, численность, установленная по фалангам кисти, выше, чем определенная по костям стопы, а по разным элементам кисти — примерно одинакова (табл. 2). В то же время значительная часть фаланг стопы очевидно отсутствует либо их строгая идентификация оказалась невозможной из-за разрушений. Кости ступней, защищенные обувью, сохраняют свою форму дольше, чем любые другие естественные связки элементов скелета. Однако в случаях, когда обувь отсутствует, связки между костями стопы (как и между костями кисти) разрушаются одними из первых [Roksandic, 2002, p. 102]. Вероятно, при перемещении в процессе перезахоронения останков покойного, сохранность всех костей которого не обеспечена специальным образом, кости стоп имеют несколько меньше шансов сохраниться вместе со скелетом, чем кости кистей, а те и другие — меньше, чем длинные кости конечностей.

По всей вероятности, при захоронении на территории могильника большинство костей сохраняло целостность, а фрагментированность останков является следствием воздействия постдепозиционных факторов. (Последние, очевидно, являлись также причиной уменьшения размеров обожженных фрагментов костей [Stiner, Kuhn, 1995; Henriksen, 2008, p. 8–11; Waterhouse, 2013].) Часть необожженных костей несет следы поверхностной эрозии, возникшей вследствие выветривания, изменений уровня влажности и температуры. Такие следы зафиксированы не только на фрагментах длинных костей, но и на коронках и корнях зубов. Вероятно, эти признаки свидетельствуют, что часть скелетных останков в определенный период времени располагалась на открытом воздухе или в непосредственной близости от уровня дневной поверхности.

Какие-либо достоверные следы преднамеренного дробления на костях не зафиксированы. Повреждения поверхности необожженных костей ограничиваются, помимо выветривания, следами погрызов, оставленными грызунами. Такие случаи выявлены для фрагментов ребра, ключицы и большой берцовой кости из квадратов 81/65, 83/66, 84/68.

Следует отметить, что какая-то часть фрагментов, не несущих визуально определимых следов воздействия огня, в действительности может происходить из захоронений по обряду кремации, поскольку при слабом обжиге факт пребывания костей в огне нередко можно определить лишь по содержанию коллагена в их составе [Holck, 2008, p. 90–92].

Захоронения по обряду кремации на стороне

Большая часть антропологических материалов представлена фрагментами кальцинированных костей, т.е. обожженными до стадии белого и серого каления. Сравнение с цветовыми шкалами, полученными независимыми группами исследователей в ходе многочисленных экспериментов [Shipman et al., 1984; Mays, 2002; Walker et al., 2008], позволяет предположить, что средняя максимальная температура кремации превышала 700–750 °С. Кроме того, большая группа исследованных останков, для которой преобладающими являются черный, коричневый, темно-синий оттенки, по всей вероятности, подвергалась кремации при средней максимальной температуре менее 500 °С.

Вопреки мнению ряда современных исследователей [Holck, 2008, p. 33; Goldhahn, Oestigaard, 2008, p. 219], проведение продолжительной высокотемпературной кремации на открытом

Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации...

воздухе возможно даже при отсутствии специальных технических средств. Как показали результаты эксперимента, в центре костра, основу которого составила груда из бревен и валежника, была достигнута температура 1430 °С, при этом в течение более 40 мин она превышала 800 °С [Shipman et al., 1984, p. 308]. Впрочем, маловероятно, что высокотемпературное воздействие было столь продолжительным в случае с материалами Малли. Большую группу материалов составляют кости, обожженные только до черного каления, т.е. подвергавшиеся воздействию огня не более чем при 500 °С. К ним относятся трубчатые кости с карбонизированной внутренней поверхностью, фрагменты свода черепа, фаланги пальцев рук и ног.

Анализ визуально определяемых характеристик костей позволяет также предположить, насколько продолжительным был период между наступлением смерти человека и его кремацией.

Наличие деформаций на трубчатых костях, криволинейных поперечных трещин и разломов часто рассматривается в качестве признака того, что тело было подвергнуто кремации вскоре после наступления смерти, до разложения мягких тканей. Экспериментальные данные, полученные группой европейских исследователей, показали, что, вопреки распространенному мнению, эти характеристики встречаются в некоторых случаях даже при сжигании костей давностью захоронения 45 лет [Goncalves et al., 2011]. Таким образом, деформации и криволинейные трещины сами по себе не являются надежным показателем и могут учитываться только при изучении статистически надежного материала.

При работе с массовым фрагментарным материалом, происходящим из могильника с коллективными захоронениями и вариативной погребальной обрядностью, подходящие параметры строгих статистических расчетов определить сложно. Однако следует отметить, что кальцинированные кости с криволинейным типом трещин и разломов зафиксированы на памятнике повсеместно. Значительная часть костей, доведенных до состояния черного и коричневого каления, в частности фрагменты свода черепа и фрагменты трубчатых костей, с внутренней стороны имеют гладкую, блестящую на свету, словно лощеную, поверхность. Такая поверхность характерна для костей, кремация которых протекала в период, когда в их составе сохранялись жиры и различные органические элементы.

Кроме того, поверхность передней области сохранившихся фрагментов нижних челюстей в большинстве случаев имеет худшую сохранность по сравнению с внутренней или даже полностью разрушена. В случае, при котором кремации подвергались бы просто скелетные останки, лишенные мягких тканей, даже относительно «свежие», для возникновения таких различий не было бы причин. Совокупность указанных признаков, как представляется, является надежным аргументом в пользу предположения о том, что в большинстве случаев сжиганию подвергались тела в течение первых месяцев после наступления смерти.

Кремация, по крайней мере, части погребенных осуществлялась вместе с предметами погребального инвентаря, о чем свидетельствуют следы окислов железа на некоторых фрагментах трубчатых костей. Такие следы встречены только на сильнообожженных костях, средняя максимальная температура обжига которых превышала 700 °С. Среди индивидуальных находок следы пребывания в костре отмечены в основном на бусинах из синего стекла, датирующихся третьей четвертью I тыс.; также найдено значительное количество оплавок неопределимых предметов.

Следы обжига на некоторых костях (как правило, слабообожженных) свидетельствуют, что термической обработке они подвергались уже после полного или почти полного разложения мягких тканей. Часть костных фрагментов характеризует поверхностное обугливание. Такие фрагменты, как правило, обладают меньшей массой и плотностью, чем кости, кремированные с мягкими тканями. Их отличает шероховатая поверхность, различия в цветности поверхности и места слома. Для таких костей не характерны глубокие трещины, трещины криволинейного типа и деформации. Кроме того, некоторые фрагменты трубчатых костей, а также свода черепа имеют следы более высокотемпературного воздействия с внутренней, а не с внешней стороны.

Целью обжига останков могло быть их высушивание и окончательное очищение от остатков мягких тканей. Являлся ли этот тип обращения с останками отдельным вариантом погребального обряда, по визуальным признакам установить невозможно. Случаи, в которых кремации подвергались останки спустя длительное время после наступления смерти, известны на территории Эстонии для захоронений в каменных могильниках предримского времени [Lang, 2007, p. 180; Kalman, 2000b, p. 427].

Связи между скелетными останками и археологическими артефактами

Планиграфический анализ позволяет выдвинуть предположение о хронологическом значении вариативности способов обращения с останками погребенных.

Как обожженные, так и необожженные фрагменты костей фиксировались на вскрытой площади памятника повсеместно. Определение примерного соотношения массы костных останков со следами термического воздействия различной степени интенсивности показало, что кости с разными характеристиками тяготеют к разным областям на плане могильника. Всего для анализа останки были разделены на три типа: кости, не имеющие визуально определимых следов обжига; слабообожженные (черного и коричневого каления) и сильнообожженные (серого и белого каления) фрагменты.

На рис. светлой заливкой отмечены квадраты, на площади которых масса костей с определенной характеристикой составляет не менее трети от общего объема обнаруженных костных фрагментов на данный горизонт данного квадрата. Темной заливкой отмечены квадраты, в которых кости с определенными характеристиками преобладают (составляют более половины всех останков).

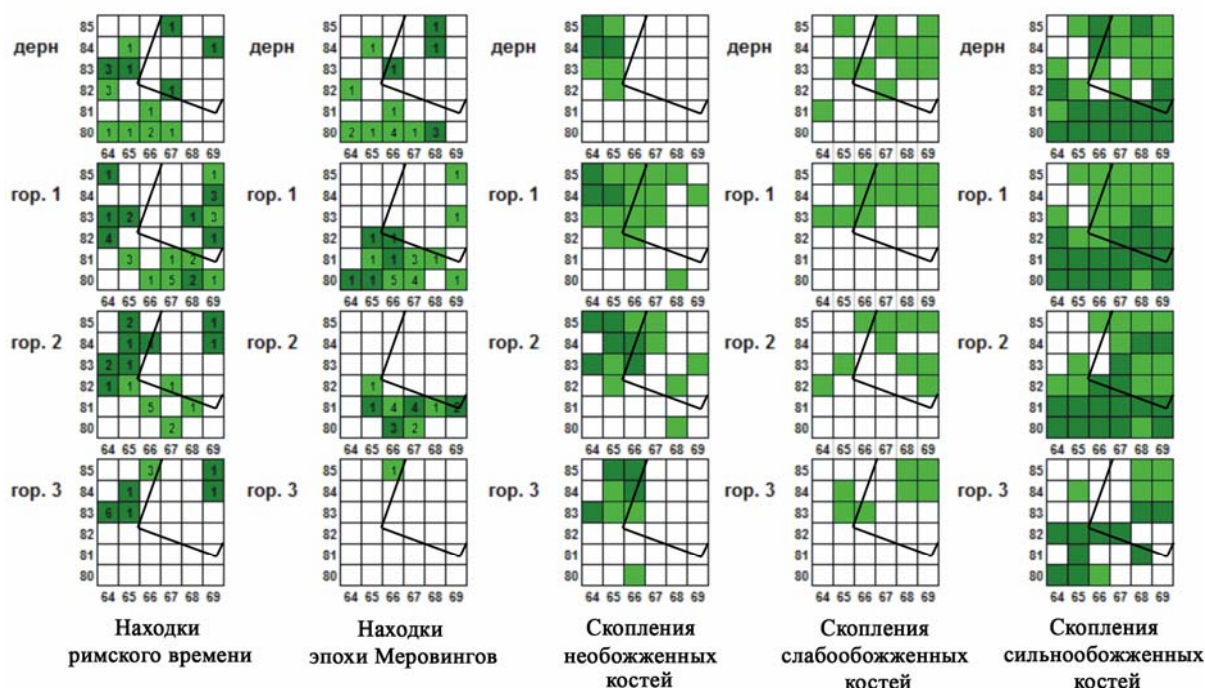

Рис. Распределение костных останков и археологических находок на плане раскопа 2010 г. могильника Малли. На плане раскопа схематично отмечены внешние границы известняковой оградки

В первых двух колонках заливкой отмечены вещи с установленной хронологической принадлежностью, при этом темная заливка обозначает квадраты, в которых на конкретном горизонте зафиксированы вещи, относящиеся только к одному периоду. Находки, относящиеся к эпохе Меровингов, концентрируются в южной части раскопа и повсеместно на поверхности могильника (в дерне), а вещи римского времени — на всей площади раскопа.

Наиболее высокий относительный процент необожженных останков на всех горизонтах встречен в северо-западной части раскопа, за пределами оградки. Слабообожженные фрагменты в наибольшем количестве встречены в северо-восточной области раскопа, в которой располагалась южная часть оградки, сложенной из известняковых плит. Кальцинированные фрагменты (кости серого и белого каления) зафиксированы в значительном количестве по всей площади раскопа, при этом максимальные концентрации приходится на южную половину раскопа.

При работе с материалами из коллективных безурновых захоронений не может быть установлена жесткая связь в относительном расположении между скелетными останками с различными характеристиками и вещами с установленной хронологической атрибуцией. Даже кремни-

Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации...

рованные скелетные останки, относящиеся к одному индивиду и происходящие из одного погребального костра, могут различаться между собой по степени обжига. В случае проведения кремации на открытом воздухе эти различия из-за постоянного притока холодного воздуха, по всей видимости, носят наиболее выраженный характер. Только в результате продолжительной высокотемпературной кремации скелетные останки утрачивают органические вещества и полностью кальцинируются.

Тем не менее различия в степени обжига между фрагментами костей, происходящими из одного погребального костра, все же ограничены. В материалах могильника Малли разнообразие характеристик цвета, типов трещин и разломов на костных фрагментах очевидно указывают на имевшую место вариативность погребального обряда. Анализ планиграфического взаиморасположения костей с различными характеристиками и индивидуальных находок различных периодов позволил выявить некоторые закономерности. Расположение необожженных костей и слабообожженных останков преимущественно совпадает с локализацией вещей римского времени и не совпадает с зоной концентрации находок эпохи Меровингов. По всей вероятности, они связаны с погребальным обрядом, характеризующим ранний этап функционирования могильника. На площади квадратов, в которых преобладают находки римского времени, значительную долю составляют кости, кремированные при относительно низкой температуре (до стадии черного и коричневого каления), но также высоко содержание кальцинированных костей. Концентрация находок эпохи Меровингов совпадает с зоной, где относительный процент кальцинированных костей наиболее высок.

Скелетные останки, слабообожженные или не имеющие визуальных следов воздействия огня, преобладают в материалах из раскопок соседнего памятника эпохи римских влияний — могильника с оградками раннеримского периода Кёрстово I [Широбоков, в печати]. В последнем зафиксированы кости и костные фрагменты 38 индивидов обоих полов и всех основных возрастных категорий. Какой-либо анатомический порядок в расположении элементов скелета отсутствовал. Кости, сожженные до белого каления, представлены небольшой группой. Преобладают скелетные останки, сожженные до черного и коричневого каления (средняя максимальная температура кремации не превышала 600 °С), а также кости, не имеющие визуальных следов обжига. Возможно, последние относятся к вторичным захоронениям по обряду ингумации или являются частью останков, подвергнутых кремации при относительно низкой температуре и находившихся на периферии основного источника горения. Ряд признаков указывает, что кремации подвергались уже скелетированные или частично разложившиеся останки. Сочетание аналогичных вариантов обряда — ингумации и низкотемпературной кремации — реконструируется по костным останкам для захоронений в каменных могильниках с оградками северной и северо-восточной Эстонии предримского времени [Kalman, 2000a–c].

Постепенно накапливаемые антропологами данные говорят о том, что варианты захоронений по обряду трупосожжения не менее разнообразны, чем варианты, не предполагающие использования огня, и не могут быть сведены к простым схемам даже в рамках локальных территорий. К сожалению, анализ кремированных костных останков с территории Эстонии проводился для сравнительно небольшой группы памятников, и пока невозможно выстроить общую хронологическую колонку изменений особенностей обряда трупосожжения для памятников рассматриваемой культуры. Опубликованные данные свидетельствуют, что захоронения с низкотемпературными кремациями преобладают в ранних тарандах [Lang, 2007, p. 180; Kalman, 2000a–c]. В погребениях эпохи поздней бронзы [Kalman, 2000a, p. 394–395] и эпохи Викингов [Kalman, 2000c, p. 439; Lang, 2003, p. 153–154; Magi, 2004, p. 15] фиксируются в основном кальцинированные кости, свидетельствующие об иной погребальной традиции, для которой характерна более тщательная и продолжительная кремация. (Несомненно, значительную роль играли тип и размеры погребальной конструкции, предназначенной для проведения кремации.) Распределение материалов на плане могильника Малли показывает, что кости с признаками высокотемпературной кремации, проведенной в течение первых месяцев после наступления смерти, можно соотнести с захоронениями эпохи Меровингов. Выявление истоков и времени исчезновения традиции низкотемпературного обжига останков требует отдельного исследования.

Заключение

В целом распределение и количество скелетных останков, как подвергавшихся воздействию огня, так и необожженных, свидетельствуют о коллективном характере захоронений в ка-

менном могильнике с оградками Малли. Всего в раскопе 2010 г. выявлены останки не менее 12 захоронений по обряду кремации и 12 захоронений по обряду ингумации. Слабообожженные кости (стадия черного и коричневого каления) можно связать с находками римского времени, наиболее значительная их часть располагается в пределах вскрытой части каменной оградки и в краевой насыпи к западу от нее. Здесь же, к западу от оградки, слабообожженные фрагменты, как правило, встречаются вместе с костями, не имеющими каких-либо визуально определимых следов воздействия огня и, вероятно, представляющими собой остатки вторичных захоронений по обряду ингумации.

Остатки высокотемпературных кремаций встречаются повсеместно по всей площади памятника, однако наиболее крупные скопления концентрируются к югу от каменной конструкции. Они совпадают с концентрацией находок эпохи Мерovingов и, вероятно, в большинстве случаев относятся к третьей четверти I тыс. н.э. Визуально определимые характеристики кальцинированных костей свидетельствуют, что период между кремацией и моментом смерти был минимальным, тогда как в римское время, возможно, практиковалось также использование огня для уничтожения остатков мягких тканей на скелетированных останках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кулешов В.С., Юшкова М.А.* Могильники с каменными оградками культура // БРЭ. М., 2012. Т. 20. С. 568.
- Юшкова М.А.* Могильник Кёрстово 1 — уникальный памятник эпохи римских влияний на Северо-Западе России // Вестн. СПбГУ. СПб., 2010а. Сер. 2. Вып. 3. С. 46–52.
- Юшкова М.А.* Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tagandgräberkultur) на западе Ижорской возвышенности // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010б. С. 316–329.
- Юшкова М.А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
- Юшкова М.А.* Раскопки могильников раннего железного века на Ижорской возвышенности в 2008–2011 гг. // Актуальная археология: Археологические открытия и современные методы исследования. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 59–61.
- Юшкова М.А., Кулешов В.С.* Кёрстово 1 — новый могильник эпохи римских влияний на северо-западе России // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула: Астра, 2010. Конф. 2. Вып. 1. С. 231–253.
- Ширококов И.Г.* Захоронения по обряду кремации эпохи римских влияний на Северо-Западе России: Первые итоги исследования костных останков из материалов Кёрстово I // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. В печати.
- Goldhahn J., Oestigaard T.* Smith and death — cremations in furnaces in Bronze and Iron Age Scandinavia // Facets of Archaeology. Essays in Honour of Lotte Hedeager on her 60th Birthday. Oslo: Oslo Acad. Press, 2008. P. 215–242.
- Goncalves D., Thompson T.J.U., Cunha E.* Implications of heat-induced changes in bone on the interpretation of funerary behaviour and practice // Journ. of archaeol. science. 2011. Vol. 38. P. 1308–1313.
- Henriksen M.B.* Prehistoric cremation technique — archaeological evidence and experimental experience // The consequences of fire. Annual conference of Association for environmental archaeology. Denmark, 2008. P. 8–11.
- Holck P.* Why are small children so seldom found in cremations? // Cremation studies in archaeology (Proceedings of the symposium, Amsterdam, 26–27 Oct.). Amsterdam, 1995. P. 33–38.
- Holck P.* Cremated bones. A medical-anthropological study of an archaeological material on cremation burials. Oslo, 2008.
- Kalman J.* Stone grave II Tõugu — skeletal report // V. Lang Keskusest ääremaaks: Viljelusmajandusliku asustuse kujunemine ja areng Vihasoo-Palmse piirkonnas Virumaal. App. 3. Tallinn, 2000a. P. 423–436.
- Kalman J.* Tandemägi stone grave — osteological report // Lang V. Keskusest ääremaaks: Viljelusmajandusliku asustuse kujunemine ja areng Vihasoo-Palmse piirkonnas Virumaal. App. 5. Tallinn, 2000b. P. 423–436.
- Kalman J.* Uusküla II skeletal analysis // V. Lang. Keskusest ääremaaks: Viljelusmajandusliku asustuse kujunemine ja areng Vihasoo-Palmse piirkonnas Virumaal. App. 6. Tallinn, 2000c. P. 437–442.
- Lang V.* From centre to periphery. Establishment and history of the agricultural settlement in the Vihasoo-Palmse area (Virumaa, North Estonia) // Acta Archaeologica. 2003. Vol. 74. P. 123–188.
- Lang V.* The Bronze and Early Iron Age in Estonia. Tartu: Tartu Univ. Press, 2007. (Estonian Archaeology; Vol. 3).
- Magi M.* From stone graves to churchyards. Burial traditions in the late prehistoric and early medieval island of Saaremaa // Folklore: Electronic journ. of folklore. 2004. No. 27. P. 7–28.
- Mays S.* Archaeology of human bones. N. Y., 2002.
- Redfern R.* New evidence for Iron Age secondary burial practice and bone modification from Gussage All Maiden Castle (Dorset, England) // Oxford journ. of archaeology. 2008. Vol. 27 (3). P. 281–301.

Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации...

Roksandic M. Position of skeletal remains as a key to understanding mortuary behavior // *Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory and Archaeological Perspectives*. Boca Raton; L.; N.-Y.; Washington: CRC Press, 2002. P. 100–117.

Shipman P., Foster G., Schoeninger M. Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage // *Journ. of archaeological science*. 1984. V. 11. P. 307–325.

Stiner M.C., Kuhn S.L. Differential burning, recrystallization, and fragmentation of archaeological bone // *Journ. of archaeol. science*. 1995. Vol. 22. P. 223–237.

Walker P.L., Miller K.W.P., Richman R. Time, temperature and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bones // *The analysis of burned human remains*. San Diego: Acad. Press, 2008. P. 129–135.

Warren M.W., Maples W.R. The anthropometry of contemporary commercial cremation // *Journ. of forensic science*. 1997. Vol. 42 (3). P. 417–423.

Waterhouse K. The effect of weather conditions on burnt bone fragmentation // *Journ. of forensic and legal medicine*. 2013. Vol. 20. P. 489–495.

Yushkova M.A., Kulešov V.S. Kyorstovo 1: A new burial ground of the period of Roman influences in North-Western Russia // *Archaeologia Lituana*. Vilnius, 2011. T. 12. P. 99–121.

Санкт-Петербург

*МАО РАН

ivansmith@bk.ru

**ИИМК РАН

marija_ju@mail.ru

The publication is devoted to studying skeleton remains from excavations-2010 of Malli burial site belonging to the culture of stone burial sites with enclosures. The archaeological materials of the site date back to two stages — the early Roman time and the third quarter of I millennium A.D. Subject to identification being remains of at least 12 persons buried in accordance to the ritual of cremation, and those of other 12 — to the ritual of secondary inhumation. They discovered a relation between location of slightly burnt and unburnt bones and findings of the Roman time, and between big accumulations of calcined bones and findings of Merovingian time.

Cremation, inhumation, secondary burials, time of the Roman influence, Merovingian time, Baltics, Izhora Hills.

НАСЕЛЕНИЕ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (по материалам из могильника Мокринский I)¹

С.Г. Комаров*, Е.П. Китов**

Статья посвящена изучению краниологической серии золотоордынского времени, полученной в результате раскопок могильника Мокринский I в Западно-Казахстанской области Республики Казахстан. Кочевая группа, оставившая серию, характеризовалась монголоидными особенностями строения черепа. Сравнительный анализ мужских и женских черепов показал наличие единого морфологического комплекса мужчин и женщин, погребенных в могильнике. Население Волго-Уральского междуречья, представленное исследованными черепами, по совокупности расовых черт относится к числу групп с наиболее ярко выраженными монголоидными особенностями в масштабе степной зоны Восточной Европы эпохи монгольского владычества.

Палеоантропология, краниология, Золотая Орда, кочевники, Волго-Уральское междуречье.

Курганный могильник Мокринский I расположен в Жангалинском районе Западно-Казахстанской области Республики Казахстан, в бассейне р. Большой Узень у Камыш-Самарских озер [Бисембаев, 2003, с. 61]. Археологические работы проводились в 1974–1975 гг. экспедицией Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина под руководством Г.А. Кушаева и Б.Ф. Железчиков [Кушаев, Железчиков, 1975, 1976] и в 2008–2009 гг. экспедицией Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии под руководством Д.В. Марыксина [Марыксин, 2009]. Выявленные в ходе раскопок погребения относятся к золотоордынской эпохе; принимая во внимание нумизматический материал, можно определить время использования могильника в пределах 1310–1340-х гг. [Марыксин, 2010, с. 312, 314]. Большинство исследованных курганов представляют собой оплывшие сырцовые оградки, что может свидетельствовать об оседлом или полuosедлом типе хозяйства и высоком социальном статусе погребенных. Высказывалась даже гипотеза о связи могильника с населением городского центра, локализованного на Селитренном городище [Там же, с. 312–313]. На наш взгляд, более логичным прозвучит предположение о том, что могильник мог быть оставлен жителями не выявленного до сих пор золотоордынского поселения. Вместе с тем на современном уровне знаний памятник рассматривается как «родовое кладбище отдельной группы кочевого общества» [Бисембаев, 2010, с. 124].

В данной работе излагаются результаты изучения краниологической серии из Мокринского могильника, хранящейся в Западно-Казахстанском областном центре истории и археологии (г. Уральск)². Серия, составившая основной материал исследования, состоит из 32 единиц хранения с равным числом мужских и женских черепов.

Обратимся к краниометрическому описанию выборки. Мужские черепа суммарно характеризуются резкой брахикранией; очень большое значение черепного указателя обусловлено сочетанием малого продольного и большого поперечного диаметров (табл. 1). Брахикранные пропорции имеют все черепа серии. Величина высотного диаметра от ba находится на границе малых и средних значений; высота свода от po средняя. Горизонтальная окружность через g средняя; в эту же категорию попадает и величина поперечной дуги $po-b-po$. Категориальная оценка наименьшей и наибольшей ширины лба существенно различается: лобная кость узкая по первому признаку и широкая — по второму. Угол профиля лба от n средний. Высота изгиба лобной кости малая. Основание черепа очень широкое при средней длине. Ширина затылочной кости средняя.

Лицевой скелет высокий и широкий (по размерам скулового диаметра и средней ширины лица), в вертикальной плоскости мезогнатный. Средний лицевой угол демонстрирует очень большую величину. Альвеолярный угол средний. Орбиты крупные; соотношение большой ши-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект 12-31-01338) и гранта Президента Российской Федерации (проект МК-3947.2013.6).

² Пользуясь случаем, выражаем благодарность сотрудникам Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии за неоценимую помощь в организации исследования.

Население Волго-Уральского междуречья в эпоху Золотой Орды...

рины и высоты дает мезоконхное значение орбитного указателя. Нос высокий при средней ширине, по указателю мезоринный. Угол выступления носовых костей к плоскости лица малый. Переносье узкое и невысокое. Лицевой скелет характеризуется сочетанием сильной уплощенности на верхнем уровне при средней величине зигомаксиллярного угла. Клыковая ямка неглубокая.

Таблица 1

Краниометрическая характеристика мужских черепов из могильника Мокринский I

Обозначение признака	Название признака	<i>n</i>	<i>x</i>	min	max	σ
1	Продольный диаметр	14	172,6	167,0	180,0	3,80
8	Поперечный диаметр	12	149,8	140,0	156,0	5,65
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	12	131,5	125,0	140,0	4,54
20	Высотный диаметр от <i>po</i>	13	114,1	107,5	121,0	4,04
5	Длина основания черепа	12	99,8	92,0	108,0	5,47
9	Наименьшая ширина лба	15	91,5	84,0	100,0	3,98
10	Наибольшая ширина лба	15	120,9	115,0	127,0	4,04
11	Ширина основания черепа	12	135,3	127,0	141,5	4,83
12	Ширина затылка	15	111,0	103,0	121,0	4,27
23	Горизонтальная окружность	12	512,4	499,0	525,0	8,83
24	Поперечная дуга <i>po-b-po</i>	12	318,3	303,0	333,0	8,37
8:1	Черепной указатель	12	87,2	81,1	91,7	3,12
17:1	Высотно-продольный указатель от <i>ba</i>	12	76,2	72,2	80,0	2,54
17:8	Высотно-поперечный указатель от <i>ba</i>	11	86,8	83,6	93,8	2,84
20:1	Высотно-продольный указатель от <i>po</i>	13	66,0	61,7	70,0	2,31
20:8	Высотно-поперечный указатель от <i>po</i>	11	75,4	71,2	82,1	2,91
40	Длина основания лица	10	98,2	88,0	110,0	6,91
45	Скуловой диаметр	10	139,0	131,0	145,0	5,23
48	Верхняя высота лица	14	76,0	64,0	81,0	4,67
43	Верхняя ширина лица	15	105,1	99,0	111,0	3,51
46	Средняя ширина лица	15	101,7	94,0	111,0	5,18
55	Высота носа	15	55,1	48,2	57,3	2,38
54	Ширина носа	15	25,9	23,5	28,0	1,59
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	15	44,4	41,8	50,2	2,14
52	Высота орбиты	15	35,3	32,7	39,8	2,23
FC	Глубина клыковой ямки	15	3,8	2,0	6,7	1,33
MC	Максиллофронтальная ширина	14	16,9	14,0	19,2	1,53
MS	Максиллофронтальная высота	14	4,8	2,6	7,0	1,40
SC	Симотическая ширина	15	6,9	4,5	10,0	1,53
SS	Симотическая высота	15	2,7	1,7	4,6	0,97
48:45	Верхний лицевой указатель	9	54,5	48,5	59,5	3,20
54:55	Носовой указатель	15	47,1	42,0	56,0	3,59
52:51	Орбитный указатель	15	79,5	74,6	86,5	3,31
SS:SC	Симотический указатель	15	39,9	27,4	68,7	10,24
72	Общий лицевой угол	11	84,8	78	91	3,60
73	Средний лицевой угол	12	90,8	83	95	3,91
74	Угол альвеолярной части	11	73,0	64	81	4,69
75(1)	Угол выступления носа	12	20,4	14	31	5,42
77	Назомулярный угол	14	146,5	137,2	155,0	5,40
<zm'	Зигомаксиллярный угол	14	135,7	124,7	148,9	6,09

Продольный диаметр женских черепов малый, при этом ширина мозговой коробки очень большая (табл. 2). Соответственно женские черепа серии, так же как мужские, характеризуются резкой брахикранией. Суммарная характеристика является полным отражением внутригрупповой изменчивости: черепной указатель во всех случаях свидетельствует о брахикрании. Высота свода от *ba* средняя, от *po* — большая. Горизонтальная окружность через *g* средняя. Величина поперечной дуги *po-b-po* относится к разряду больших значений. Лобная кость среднеширокая по наименьшей ширине и широкая — по наибольшей. Угол профиля лба от *n* средний. Высота изгиба лобной кости средняя. Основание черепа среднее по длине и очень широкое — то же сочетание, что наблюдалось в мужской части серии. Затылок широкий.

Лицевой скелет ортогнатный, высокий и широкий (по значениям верхней и средней ширины лица; скуловой диаметр очень большой). Средний лицевой и альвеолярный углы, как и на мужских черепках, дали очень большое и среднее значения соответственно. Орбиты широкие и средневысокие, мезоконхные по указателю. Нос высокий при средней ширине, по указателю

мезоринный. Угол выступания носовых костей малый. Переносье узкое и невысокое. Сочетание углов горизонтальной профилировки также повторяет характеристику мужских черепов: сильную уплощенность верхнего уровня сопровождается умеренная профилированность на уровне зигомаксиллярных точек. Клыковая ямка среднеглубокая.

Считаем важным остановиться на характеристике нескольких признаков, которые чаще всего обходятся стороной при анализе краниологических серий. Речь идет о трех хордах и трех дугах черепной коробки. В исследуемой нами серии наблюдается полное совпадение категориальной оценки этих шести признаков на мужских и женских черепах: средние значения дали лобная и затылочная хорды и затылочная дуга, малыми значениями характеризуются теменная хорда, лобная и теменная дуги.

Таблица 2

Краниометрическая характеристика женских черепов из могильника Мокринский I

Обозначение признака	Название признака	<i>n</i>	<i>x</i>	min	max	σ
1	Продольный диаметр	13	165,3	162,0	171,0	3,52
8	Поперечный диаметр	13	146,8	136,0	156,0	5,96
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	10	129,1	121,0	133,0	4,15
20	Высотный диаметр от <i>po</i>	11	112,6	107,0	117,5	3,70
5	Длина основания черепа	10	95,1	91,0	101,0	2,96
9	Наименьшая ширина лба	16	92,8	84,5	103,0	4,65
10	Наибольшая ширина лба	15	118,7	104,5	134,0	7,85
11	Ширина основания черепа	13	132,2	122,0	146,0	6,11
12	Ширина затылка	13	110,2	105,0	115,0	3,69
23	Горизонтальная окружность	13	496,7	476,0	513,0	10,86
24	Поперечная дуга <i>po-b-po</i>	13	310,9	293,0	327,0	10,89
8:1	Черепной указатель	13	88,9	80,7	93,4	3,57
17:1	Высотно-продольный указатель от <i>ba</i>	10	78,0	74,7	82,1	2,40
17:8	Высотно-поперечный указатель от <i>ba</i>	10	88,7	82,7	97,8	5,04
20:1	Высотно-продольный указатель от <i>po</i>	11	68,2	65,1	72,5	2,38
20:8	Высотно-поперечный указатель от <i>po</i>	11	77,3	72,4	82,6	3,27
40	Длина основания лица	9	92,6	90,0	101,0	3,36
45	Скуловой диаметр	14	133,2	127,0	139,0	4,08
48	Верхняя высота лица	11	70,5	66,0	75,0	3,13
43	Верхняя ширина лица	16	103,3	98,0	109,0	3,78
46	Средняя ширина лица	14	97,9	91,5	107,0	4,54
55	Высота носа	14	50,8	46,0	54,9	2,80
54	Ширина носа	14	25,4	22,7	28,4	1,47
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	15	42,4	40,5	44,7	1,39
52	Высота орбиты	14	34,3	29,8	38,1	2,12
FC	Глубина клыковой ямки	14	4,0	1,1	10,4	2,38
MC	Максиллофронтальная ширина	12	17,7	14,7	21,7	1,99
MS	Максиллофронтальная высота	12	4,6	3,1	5,9	0,78
SC	Симотическая ширина	12	7,5	3,0	11,4	2,41
SS	Симотическая высота	12	2,3	1,2	3,3	0,69
48:45	Верхний лицевой указатель	11	53,0	48,9	59,1	2,78
54:55	Носовой указатель	14	50,0	43,5	53,7	3,18
52:51	Орбитный указатель	14	80,9	70,0	87,4	5,04
SS:SC	Симотический указатель	12	32,1	23,6	46,9	8,03
72	Общий лицевой угол	10	86,3	83	89	1,83
73	Средний лицевой угол	11	92,1	88	95	2,17
74	Угол альвеолярной части	10	74,1	67	80	4,58
75(1)	Угол выступания носа	11	18,8	8	26	4,60
77	Назомаллярный угол	15	147,6	140,8	155,2	4,39
<zm'	Зигомаксиллярный угол	14	135,9	122,4	149,4	6,84

Совокупность морфометрических характеристик свидетельствует о принадлежности населения, оставившего серию, к большой монголоидной расе. Однако более детальная расовая диагностика затруднена тем, что в выборке присутствуют как черепа, которые можно связать с популяциями восточной части Евразии, так и черепа, сочетающие европеоидные и монголоидные особенности, характерные для населения региона в средневековье и в более позднее время вплоть до настоящего [Афанасьева, Китов, 2011, с. 253]. Правильнее, на наш взгляд, будет ограничиться констатацией наличия в серии черепов южно-сибирского и центрально-азиатского облика.

Население Волго-Уральского междуречья в эпоху Золотой Орды...

Сравнительный анализ мужской и женской частей серии позволяет сделать вывод о едином морфологическом комплексе, характерном для мужчин и женщин, погребенных в Мокринском могильнике. Проверить последнее утверждение можно сравнением коэффициентов полового диморфизма исследуемой группы со стандартными показателями внутригрупповых половых различий (табл. 3). Из 40 рассчитанных коэффициентов лишь 5 превышают стандартные, остальные находятся в пределах нормы либо — большей частью — демонстрируют меньшую величину. Исходя из этого можно уверенно говорить о тенденции к сглаженности полового диморфизма в группе индивидов, захороненных в Мокринском могильнике.

Таблица 3

Сравнительная характеристика мужских и женских черепов серии по коэффициентам полового диморфизма

Обозначение признака	Название признака	КГД эмп.	КГД ст. (по: [Алексеев, Дебец, 1964])	Пределы средних величин (по: [Алексеев, Дебец, 1964])
1	Продольный диаметр	1,044	1,049	1,044–1,054
8	Поперечный диаметр	1,020	1,037	1,032–1,042
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	1,019	1,047	1,043–1,051
20	Высотный диаметр от <i>po</i>	1,013	1,046	1,042–1,050
23	Горизонтальная окружность	1,032	1,043	1,040–1,046
24	Поперечная дуга <i>po-b-po</i>	1,024	1,040	1,037–1,043
25	Сагиттальная дуга	1,022	1,037	1,034–1,040
5	Длина основания черепа	1,050	1,054	1,049–1,059
9	Наименьшая ширина лба	0,985	1,032	1,026–1,038
10	Наибольшая ширина лба	1,019	1,040	1,034–1,046
11	Ширина основания черепа	1,023	1,048	1,045–1,051
12	Ширина затылка	1,007	1,038	1,033–1,043
26	Лобная дуга	1,013	1,041	1,036–1,046
27	Теменная дуга	1,019	1,038	1,033–1,043
28	Затылочная дуга	1,024	1,036	1,032–1,040
29	Лобная хорда	1,030	1,042	1,039–1,045
30	Теменная хорда	1,027	1,041	1,036–1,046
31	Затылочная хорда	1,004	1,032	1,030–1,034
Sub Nβ	Высота изгиба лба	0,965	0,996	0,992–1,000
40	Длина основания лица	1,061*	1,042	1,037–1,047
45	Скуловой диаметр	1,043	1,072	1,067–1,077
47	Полная высота лица	1,071	1,077	1,070–1,084
48	Верхняя высота лица	1,078	1,076	1,069–1,083
43	Верхняя ширина лица	1,017	1,040	1,035–1,045
46	Средняя ширина лица	1,039	1,054	1,049–1,059
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	1,048	1,041	1,034–1,048
52	Высота орбиты	1,031*	1,005	0,999–1,011
54	Ширина носа	1,019	1,041	1,032–1,050
55	Высота носа	1,083*	1,061	1,054–1,068
SC	Симотическая ширина	0,909	1,000	0,994–1,006
SS	Симотическая высота	1,173	1,207	1,199–1,215
FC	Глубина клыковой ямки	0,962	1,100	1,086–1,114
61	Ширина альвеолярной дуги	1,033	1,054	1,048–1,060
62	Длина альвеолярной дуги	1,028	1,051	1,044–1,058
63	Ширина неба	1,058*	1,050	1,044–1,056
65	Мыщелковая ширина	1,037	1,062	1,056–1,068
67	Передняя ширина	0,998	1,035	1,029–1,041
69	Высота симфиза	1,086	1,107	1,101–1,113
69(3)	Толщина тела нижней челюсти	1,109*	1,056	1,050–1,062
71a	Наименьшая ширина ветви	1,029	1,070	1,064–1,076

* — завышенное значение.

Обратимся к анализу вариабельности краниометрических признаков в серии из Мокринского могильника с целью установить степень ее однородности (табл. 4). Численность материалов позволяет вычислить показатели дисперсии как для мужской, так и для женской части выборки.

На мужских черепях в 16 случаях из 43 значения среднего квадратического отклонения и/или коэффициента вариации превышают норму. Однако если учитывать только наблюдения, при которых оба показателя дисперсии завышены, число признаков с повышенной вариабельностью существенно сокращается — до четырех. Таким образом, в целом можно признать от-

носительную однородность мужской части серии. Большая часть признаков, демонстрирующих высокие параметры изменчивости, характеризует строение лицевого скелета мужских черепов.

Таблица 4

**Показатели дисперсии в серии из могильника Мокринский I
в сравнении со стандартными (по: [Алексеев, Дебец, 1964])**

Обозначение признака	Мужские черепа				Женские черепа			
	σ	$\sigma_{ср.}$	V	$V_{ср.}$	σ	$\sigma_{ср.}$	V	$V_{ср.}$
1	3,8	6,1	2,2	3,35	3,5	5,8	2,1	3,35
8	5,0	5,0	3,4	3,5	6,0*	4,8	4,1*	3,5
17	4,5	4,9	3,5	3,65	4,2	4,7	3,2	3,65
20	4,0	4,0	3,5	3,5	3,7	3,8	3,3	3,5
5	5,5*	4,1	5,5*	4,1	3,0	3,9	3,1	4,1
9	4,0	4,4	4,4	4,6	4,7*	4,3	5,0*	4,6
10	4,0	4,8	3,3	4,05	7,9*	4,6	6,6*	4,05
11	4,8	4,8	3,6	3,85	6,1*	4,6	4,6*	3,85
12	4,3	4,5	3,9	4,1	3,7	4,3	3,4	4,1
23	8,8	14,3	1,7	2,8	10,9	13,7	2,2	2,8
24	8,4	10,3	2,6	3,25	10,9*	9,9	3,5*	3,25
25	13,2	13,0	3,8*	3,55	11,4	12,5	3,4	3,55
26	6,4	6,1	5,3*	4,75	6,6*	5,9	5,6*	4,75
27	7,8	7,9	6,8*	6,2	9,0*	7,6	8,0*	6,2
28	5,3	7,35	4,7	6,4	7,9*	7,05	7,3*	6,4
29	4,7	4,6	4,3	4,1	3,9	4,4	3,7	4,1
30	5,5	6,1	5,2	5,45	6,5*	5,9	6,3*	5,45
31	3,7	5,1	3,8	5,3	5,4*	4,9	5,6*	5,3
8:1	3,1	3,2	—	—	3,6*	3,2	—	—
17:1	2,5	3,1	—	—	2,4	3,1	—	—
17:8	2,8	4,4	—	—	5,0*	4,4	—	—
20:1	2,3	2,5	—	—	2,4	2,5	—	—
20:8	2,9	3,3	—	—	3,3	3,3	—	—
40	6,9*	4,9	7,0*	5,0	3,4	4,7	3,6	5,0
45	5,2	5,1	3,8	3,8	4,1	4,8	3,1	3,8
48	4,7*	4,1	6,1	5,8	3,1	3,8	4,4	5,8
43	3,5	3,85	3,4	3,65	3,8	3,65	3,7	3,65
46	5,2*	4,7	5,1	4,9	4,5	4,45	4,6	4,9
55	2,4	2,9	4,3	5,6	2,8	2,7	5,5	5,6
54	1,6	1,8	6,2	7,1	1,5	1,7	5,8	7,1
51	2,1*	1,8	4,8*	4,3	1,4	1,7	3,3	4,3
52	2,2*	1,9	6,3*	5,6	2,1*	1,9	6,2*	5,6
FC	1,3	1,1	34,6*	21,6	2,4*	1,0	59,8*	21,6
SC	1,5	1,8	22,3*	21,0	2,4*	1,8	32,0*	21,0
SS	0,97	0,9	35,4*	24,9	0,7	0,7	29,7*	24,9
48:45	3,2	3,15	—	—	2,8	3,15	—	—
54:55	3,6	4,1	—	—	3,2	4,1	—	—
52:51	3,3	5,0	—	—	5,0	5,0	—	—
SS:SC	10,2	11,7	—	—	8,0	11,7	—	—
72	3,6*	2,9	—	—	1,8	2,9	—	—
75(1)	5,4*	4,6	—	—	4,6	4,6	—	—
77	5,4*	4,4	—	—	4,4	4,4	—	—
<zm	6,1*	5,4	—	—	6,8*	5,4	—	—

* — завышенное значение.

В женской части серии ситуация принципиально отличается: в 18 случаях зафиксирована повышенная вариабельность признаков, причем в 13 из них средние значения превышают и квадратическое отклонение, и коэффициент вариации. Соответственно женская часть выборки несколько более разнородная по сравнению с мужской. Наблюдается существенная разница в перечне признаков с высокими параметрами изменчивости: большая их часть характеризует особенности мозговой коробки женских черепов.

Для того чтобы выяснить, какое место среди жителей восточно-европейских степей занимали кочевники, оставившие Мокринский могильник, используем программу Б.А. Козинцева (1991) для проведения канонического дискриминантного анализа — традиционного способа межгруппового сопоставления. В качестве сравнительных материалов в анализ были вовлече-

Население Волго-Уральского междуречья в эпоху Золотой Орды...

ны данные по мужским черепам 17 краниологических серий золотоордынской эпохи, характеризующих морфологические особенности кочевников Восточной Европы и жителей городских центров Нижнего Поволжья и Волго-Уралья (см. подпись к рис.). Лишь серия из могильников Карагандинской области Республики Казахстан выходит за обозначенные географические рамки. Ее использование продиктовано в первую очередь тем обстоятельством, что это одна из немногих опубликованных серий монгольского времени с огромной территории Казахстана.

Основу сравнения краниологических комплексов составили 14 признаков: продольный, поперечный и высотный (от *ba*) диаметры черепной коробки, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, ширина и высота орбиты, ширина и высота носа, угол выступания носовых костей, назомаллярный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель.

Первый канонический вектор (далее — КВ) отражает 56,63 % межгрупповой изменчивости (табл. 5); основную дифференцирующую роль играют угол выступания носа, верхняя высота лица, зигомаксиллярный угол, высота орбиты, высота носа, назомаллярный угол, скуловой диаметр, ширина черепной коробки, ширина орбиты и симотический указатель. Очевидно, что признаки с высокими нагрузками являются ключевыми при определении различий в масштабе европеоидной и монголоидной рас.

Таблица 5

Факторные нагрузки в каноническом анализе (пересчитано в программе Statistica 8.0)

Обозначение признака	КВ I	КВ II	КВ III
1	-0,14	-0,17	0,08
8	0,69	-0,27	0,22
17	-0,34	-0,07	0,22
9	-0,18	-0,41	0,07
45	0,72	-0,20	-0,08
48	0,83	0,01	0,27
51	0,63	0,28	0,62
52	0,77	0,20	0,32
54	0,47	0,26	0,60
55	0,75	0,40	0,02
75(1)	-0,84	-0,34	-0,61
77	0,73	0,36	0,47
<zm'	0,78	-0,02	0,38
SS/SC	-0,59	-0,31	-0,56
% общей дисперсии	56,63	29,89	13,48

Любопытно, что КВ II, объясняя без малого 30 % общей изменчивости, не имеет признаков со статистически значимыми нагрузками. По этой причине на графике, демонстрирующем расположение серий в пространстве двух первых КВ (рис.), основное внимание будет уделено сущности различий по комплексу расово-диагностических признаков. Согласно нагрузкам на признаки, в левой части графика должны находиться выборки с наименьшими координатами КВ I, и, следовательно, характеризующиеся в масштабе сравниваемых групп узкой черепной коробкой, большим углом выступания носа, низким узким лицом с низкими орбитами и носом, значительной профилировкой обоих уровней лицевого скелета, высоким значением симотического указателя. Соответственно в правой части графика должны быть сосредоточены серии с противоположными характеристиками.

Пределы межгрупповых вариаций по комплексу расово-диагностических признаков маркирует, с одной стороны, выборка из могильника Маячный бугор с «наиболее европеоидным» строением черепа, а с другой — серия из Мокринского могильника, демонстрирующая в ярко выраженной форме особенности монголоидной расы. Наряду с исследуемой в данной работе выборкой крайнее правое положение на графике с весьма схожими краниологическими характеристиками занимает серия из Давыдовки. Согласно результатам анализа, в несколько меньшей степени монголоидные черты отражены в морфологических комплексах четырех других групп золотоордынских номадов, представленных сериями из могильников Западно-Казахстанской и Карагандинской областей, Тягинки и Кривой Луки. В масштабе всего населения степей Восточной Европы в эпоху монгольского владычества кочевники, оставившие вышеперечисленные серии (кроме, разумеется, выборки из Карагандинской области), представляли «наиболее монголоидные» группы.

Мы имеем возможность выяснить, насколько близка исследуемая серия к выборке из Давыдовки и соответственно насколько реальны ее различия с другими кочевыми монголоидными группами,

проиллюстрированные результатом канонического анализа. Для этого воспользуемся сравнением средних значений краниометрических признаков с помощью парного t -критерия Стьюдента. Сопоставление серий проводилось на основе значительно большего числа признаков по сравнению со стандартным набором для канонического анализа (табл. 6). Статистически достоверные различия между мокринской серией и черепами из Давыдовки, Кривой Луки и Западно-Казахстанской области наблюдаются лишь в 4 случаях из 43. В 5 случаях различия достоверны между исследуемой выборкой и черепами из могильников Карагандинской области. Наконец, наибольшее число различий — 8 — изучаемая серия имеет с черепами из Тягинки. Таким образом, мы вправе сделать вывод о несомненной близости краниометрических характеристик черепов из Мокринского могильника и серий из Давыдовки, Кривой Луки, могильников Западно-Казахстанской и Карагандинской областей. Из числа наиболее монголоидных групп кочевников наименьшее сходство с погребенными в Мокринском могильнике проявляет группа, оставившая могильник в Тягинке.

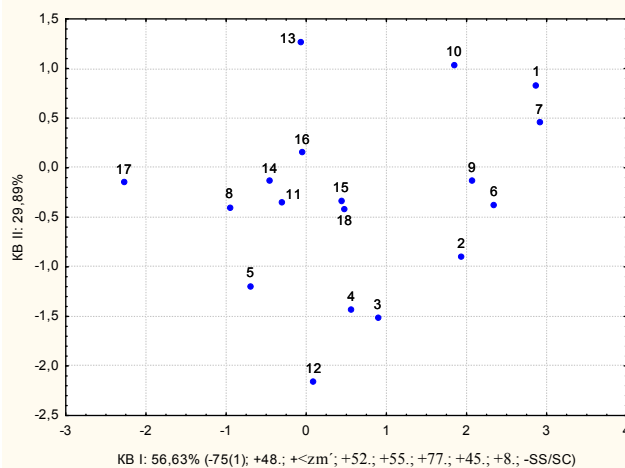

Рис. Расположение краниологических серий золотоордынской эпохи в пространстве двух первых канонических векторов:

Серии кочевников: 1 — Мокринский могильник; 2 — Тягинка, Херсонская обл. Украины (измерения С.Г. Комарова); 3 — могильники Нижнего Подонья [Батиева, 2010]; 4 — могильники Ставрополя (материалы Д.В. Пежемского, М.М. Герасимовой и Л.Т. Яблонского³); 5 — Калиновский могильник, Волгоградская обл. [Гинзбург, 1959]; 6 — Кривая Лука, Никольское; Астраханская обл. (измерения С.Г. Комарова); 7 — Давыдовка, пограничье Саратовской и Волгоградской обл. (измерения С.Г. Комарова); 8 — курганы Букеевской степи, Западно-Казахстанская обл. Республики Казахстан [Комаров, 2012]; 9 — могильники Западно-Казахстанской обл. [Гинзбург, Фирштейн, 1958]; 10 — могильники Карагандинской обл. [Гинзбург, 1956].

Серии городского населения: 11 — Водянское, Волгоградская обл. [Яблонский, 1987]; 12 — Царевское, Волгоградская обл. [Залкинд, 1972; Яблонский, 1987]; 13 — Селитренное, Астраханская обл. [Яблонский, 1987]; 14 — Шаринный бугор, Астраханская обл. (измерения С.Г. Комарова); 15 — Хан-Тюбе, Астраханская обл. [Шевченко, 1980]; 16 — Вакуровский бугор, Астраханская обл. [Балабанова, 2011]; 17 — Маячный бугор, Астраханская обл. [Ходжайов, 2005; Балабанова, 2011]; 18 — Сарайчик, Атырауская обл. Республики Казахстан [Гинзбург, Залкинд, 1955]

Обозначенная ситуация может быть проверена, на наш взгляд, результатом анализа абсолютных значений t -критерия в каждом из пяти сравниваемых случаев. Мы прибегли к подсчету значений, которые меньше условного порога для констатации почти полного отсутствия различий между группами — единицы. Таких значений при сравнении черепов из Мокринского могильника с серией из Давыдовки оказалось 23, с выборкой из могильников Карагандинской области — 19, с черепами из Кривой Луки и могильников Западно-Казахстанской области — по 17. При сопоставлении исследуемой серии и черепов из Тягинки получено наименьшее число малых значений t -критерия — 14. Получается, что количественное выражение различий между пятью парами сравниваемых групп продемонстрировало ту же картину, что мы наблюдали при подсчете числа статистически достоверных различий.

Вернемся к графику. Считаем необходимым коснуться вопроса о расположении двух серий, территориально близких к Мокринскому могильнику, — из курганов Букеевской степи и Калиновского

³ Выражаем благодарность Д.В. Пежемскому, М.М. Герасимовой и Л.Т. Яблонскому за возможность использования неопубликованных материалов.

Население Волго-Уральского междуречья в эпоху Золотой Орды...

могильника. Указанные выборки существенно отклоняются от других кочевнических краниологических серий в сторону европеоидных характеристик строения черепа. Происхождение населения, оставившего Калиновский могильник, логично связывать с кочевыми группами начала II тыс. [Комаров, 2012, с. 54], не исключая возможности монголоидной примеси извне, привнесенной в эпоху монгольского владычества [Гинзбург, 1959, с. 583]. Курганы Букеевской степи, вероятно, являлись местом захоронения потомков европеоидного сарматского населения Волго-Уральского региона, чей краниологический комплекс не отражен в облике средневековых кочевых групп [Дебец, 1948, с. 271; Комаров, 2012, с. 54]. В то же время в пределах степного региона Восточной Европы начала — первой половины II тыс. практически отсутствуют краниологические серии выраженного монголоидного облика [Комаров, 2013, с. 12]. В связи с этим в вопросе о происхождении Мокринского могильника и населения, его оставившего, наиболее вероятным представляется предположение о мигрантах с Востока, пришедших сюда уже в золотоордынское время.

Таблица 6

Сравнительная характеристика мужских черепов при помощи парного *t*-критерия Стьюдента

Обозначение признака	Мокринский мог. — Давыдовка	Мокринский мог. — Кривая Лука, Никольское	Мокринский мог. — могильники Западно- Казахстанской обл.	Мокринский мог. — могильники Карагандинской обл.	Мокринский мог. — Тягинка
1	2,66*	2,08	1,72	3,93**	6,41**
8	0,18	0,87	0,54	0,66	2,09
17	0,05	1,21	0,26	0,60	1,67
20	0,39	1,06	0,15	0,17	2,71*
5	0,94	1,08	0,82	0,52	1,85
9	2,32*	2,14*	2,53*	3,31**	3,96**
10	0,60	1,54	3,44**	1,39	2,48*
11	0,00	0,09	0,40	0,63	2,03
32	0,95	1,15	1,08	0,35	0,12
8:1	1,63	1,15	1,03	2,67*	2,23*
17:1	2,60*	2,17*	0,68	1,66	2,82*
17:8	0,50	1,12	0,43	0,16	0,02
40	0,26	1,05	0,03	0,08	0,10
45	0,30	0,07	1,69	0,20	0,30
48	1,30	0,51	0,12	0,07	0,45
46	2,76*	0,59	0,50	1,18	0,76
51	1,26	0,97	0,67	0,37	1,58
52	0,19	0,33	0,43	0,69	0,44
54	0,90	0,47	1,08	1,10	0,85
55	1,91	0,65	1,00	1,19	0,00
MC	1,21	1,35	2,05	3,59**	3,76**
MS	0,33	1,79	1,48	2,65*	1,78
SC	0,92	2,16*	1,28	1,13	1,65
SS	1,31	3,12**	2,19*	1,03	1,76
48:45	0,06	0,00	0,69	0,76	0,96
54:55	0,21	0,80	0,36	0,60	0,74
52:51	0,91	0,31	1,36	1,32	2,08*
SS:SC	0,80	2,00	1,47	0,29	1,27
72	0,98	0,00	1,16	0,45	1,27
73	0,48	0,96	1,07	1,55	0,05
74	0,51	1,16	2,20*	0,75	1,49
75(1)	0,46	0,57	0,34	0,44	0,74
77	1,01	0,36	0,98	0,04	1,39
<zm'	0,08	0,36	0,61	0,15	0,03

* — достоверно при $p \leq 0,05$; ** — достоверно при $p < 0,01$.

Подведем итоги. Могильник Мокринский I оставлен группой, суммарно характеризуемой монголоидным краниологическим комплексом с весьма схожими особенностями мужских и женских черепов. Вместе с тем население, использовавшее могильник, нельзя охарактеризовать как однородное по совокупности морфологических черт, причем женская часть группы ощутимо более разнородная по сравнению с мужской. В пределах степной зоны Восточной Европы эпохи Золотой Орды кочевники, представленные изученной серией черепов, относятся к числу групп с наиболее ярко выраженными монголоидными характеристиками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Афанасьева А.О., Китов Е.П. Палеопатологические особенности зубочелюстного аппарата по материалам могильника Мокринский I // Археология Казахстана в эпоху независимости: Итоги, перспективы: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. 3. С. 253–255.
- Балабанова М.А. Антропологический облик населения Красноярского городища по данным краниологии // Антропология Красноярского городища золотоордынского времени. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. 180 с.
- Батиева Е.Ф. Материалы к антропологии нижнедонского населения эпохи Золотой Орды // Человек: Его биологическая и социальная история: Тр. междунар. конф., посвященной 80-летию акад. РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). М., 2010. Т. 1. С. 130–138.
- Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск, 2003. 232 с.
- Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе, 2010. 248 с.
- Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // ТИЭ. Нов. сер. Антропол. сб. I. 1956. Т. 33. С. 238–298.
- Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по материалам Калиновского могильника) // МИА. 1959. Т. I. № 60. С. 524–594.
- Гинзбург В.В., Залкинд Н.Г. Материалы к краниологии казахов // СМАЭ. 1955. Т. XVI. С. 432–461.
- Гинзбург В.В., Фирштейн Б.В. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана // СМАЭ. 1958. Т. XVIII. С. 407–417.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 4. 392 с.
- Залкинд Н.Г. Краниологические материалы из Нового Сарая (Сарай Берке) // Тр. Моск. о-ва испытателей природы. М.: Изд-во МГУ, 1972. Т. 43. С. 162–166.
- Комаров С.Г. Население Букеевской степи в эпоху Золотой Орды по данным краниологии // Вестн. Калмыц. ин-та гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 45–57.
- Комаров С.Г. Население степей Восточной Европы II тысячелетия по данным краниологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.
- Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Отчет об археологических исследованиях в Уральской области в 1974 г. // Архив Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1389-1392, связка № 88. Уральск, 1975.
- Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1975 г. // Архив Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК. Инв. № 1468-1472, связка № 93. Уральск, 1976.
- Марыксин Д.В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопр. истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 246–272.
- Марыксин Д.В. Археологический комплекс времен Золотой Орды Мокринский I // Археология Нижнего Поволжья: Проблемы, поиски, открытия: Материалы III Междунар. Нижневож. археол. конф. (г. Астрахань, 18–21 окт. 2010 г.). Астрахань, 2010. С. 312–317.
- Ходжайов Т.К. Средневековые краниологические материалы из Астраханской области // Вестн. антропологии. 2005. Вып. 12. С. 76–97.
- Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения низовьев Волги по краниологическим материалам могильника Хан-Тюбе // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 139–168.
- Яблонский Л.Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии: (Монголы в средневековых городах Поволжья) // М.М. Герасимова, Н.М. Рудь, Л.Т. Яблонский. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. С. 142–236.

Москва, ИЭА РАН
 *snirrrr@mail.ru
 **kadet_eg@mail.ru

The article is devoted to studying craniological series of the Golden Horde time, obtained from excavating Mokrinsky I in West Kazakhstan Oblast, the Republic of Kazakhstan. A nomadic group to have left the series was characterized by Mongoloid features in the anatomy of the skull. A comparative analysis of the male and female crania demonstrated the existence of the common morphological complex for both males and females buried in the site. The population of Volga-Urals interfluvium represented by the investigated crania, after a combination of racial features, was a group with most strongly marked Mongoloid features on a scale of East Europe steppe zone under the sway of the Golden Horde.

Paleoanthropology, craniology, Golden Horde, nomads, Volga-Urals interfluvium.

АНАЛИЗ ВНУТРИГРУППОВОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ СЕРИЙ ИЗ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ КЛАДБИЦ ГОРОДОВ УРАЛА¹

Е.О. Святова, Д.И. Ражев

Представлены результаты внутригруппового анализа краниологических материалов, происходящих из русских городских православных кладбищ XVII — начала XX в., расположенных на территории Среднего и Южного Урала. В составе обобщенной выборки были выделены и проанализированы три достоверно различающиеся морфологические группы, имеющие оригинальное происхождение. Первая морфологическая группа представлена черепами европеоидного облика, вторая — европеоидными черепами с примесью монголоидных черт, третья — смешанным европеоидно-монголоидным типом.

Русские, городское население, Урал, краниология, внутригрупповой анализ, популяция, антропологический тип.

В рамках исследования русского городского населения Урала нового времени был проведен анализ краниологических материалов, происходящих из захоронений восьми кладбищ, расположенных на территории Среднего и Южного Урала, преимущественно в городах Свердловской области.

Изучаемые коллекции имеют различную датировку и различаются по количеству представленных в них индивидуумов (табл. 1). Сопровождающий материал и палеодемографические исследования [Ражев, Святова, 2005, 2006; Святова, 2008] показывают, что социальный статус индивидуумов с разных кладбищ неоднороден.

Таблица 1

Состав краниологических коллекций православных кладбищ городов Урала

Некрополь	Дата	Количество	
		М	Ж
Верхотурский кремль	Начало XVII в.	12	5
Знаменская церковь, г. Верхотурье	XVIII в.	7	3
Свято-Троицкий собор, г. Каменск-Уральский	XVIII — начало XIX в.	7	4
Крестовоздвиженский собор, г. Туринск	Вторая половина XVIII в.	6	6
Богоявленский собор, г. Екатеринбург	1747–1770-е гг.	8	4
г. Ревда	XVIII в.	10	8
Старый город, г. Челябинск	1730–1780-е гг.	14	14
Ново-Тихвинский монастырь, г. Екатеринбург	40-е гг. XIX в. — начало XX в.	47	67
Объединенная выборка	Начало XVII — начало XX в.	111	111

Поскольку городское население с биологической точки зрения не представляет собой популяцию в строгом смысле, на первом этапе работы встал вопрос об однородности краниологических выборок. Визуальный осмотр показал, что вариационные ряды признаков не имеют выраженной полимодальности. Поэтому дальнейшая проверка на гомогенность (гетерогенность) групп проводилась путем анализа изменчивости краниометрических признаков. Для этого было осуществлено сравнение среднеквадратичного отклонения исследуемых выборок с эталонной однородной группой по критерию Фишера (уровень значимости 0,05) [Лакин, 1990]. В качестве гомогенного эталона был принят верхний предел среднеквадратичного отклонения для соответствующего признака в мировых выборках, признаваемых однородными [Алексеев, Дебец, 1964, табл. 12–14]. Анализ проводился только по абсолютным размерам.

При превышении вычисленного значения над критическим значением критерия Фишера, делался вывод о повышенной изменчивости признака в выборке. Далее высчитывался процент признаков, вариационные ряды которых неоднородны (табл. 2).

¹ Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Изменчивость адаптивных возможностей и санологического состояния аборигенов Сибири в конце I — середине II тыс. н.э.»), гранта РФФИ 13-06-00158.

**Характеристика распределения признаков с повышенной изменчивостью
в краниологических сериях Урала**

Выборка	Пол	Кол-во признаков	Кол-во признаков с повышенной изменчивостью (%)	Признаки с достоверно повышенной изменчивостью
Каменск-Уральский	М	42	14,3	17, 32, 68, 68 (1), DC, FC
	Ж	42	4,8	43, DC
Туринск	М	17	11,8	51, 77
	Ж	17	0,0	—
Екатеринбург, Богоявленский собор	М	40	17,5	1, 17, 10, 45, DC, DS, FC
	Ж	40	15,0	47, 32, 72, DC, DS, SS
Екатеринбург, Ново-Тихвинский монастырь	М	17	58,8	17, 43 (1), 77, 75 (1), 51, 52, 54, Zm, SC, SS
	Ж	17	14,3	40, 51, 77, 68, DC, DS
Ревда	М	41	9,8	51, 51a, 68, FC
	Ж	41	14,6	17, 20, 27, DC, SS, FC
Челябинск	М	26	11,5	DC, SC, SS
	Ж	26	15,4	32, DC, SS, FC
Верхотурье, кремль	М	44	20,5	8, 11, 45, 46, 26, 29, 75 (1), 68, 72
	Ж	44	15,9	17, 27, 29, 77, 75 (1), Zm, DS
Верхотурье, Знамен. церковь	М	28	0,0	—
Объединенная выборка	М	17	64,7	1, 8, 45, 77, 75 (1), 51, 52, 72, Zm, SC, SS
	Ж	17	29,4	8, 17, 77, 75 (1), SS

В результате было выяснено, что процент признаков с повышенной изменчивостью в мужских группах находится в пределах от 0,0 до 58,8 %, в женских — 0,0–15,9 %. В связи с этим встал вопрос об определении критериев однородности/неоднородности группы. Стоит ли признавать гомогенными только те группы, в которых все признаки характеризуются пониженной изменчивостью, или же в выборке допустим определенный процент признаков с повышенной изменчивостью (если допустим, то какова его величина)?

Для решения этой задачи по той же схеме были проанализированы 21 мужская и 11 женских русских выборок нового времени, представленные материалами из раскопок кладбищ и сборов мацерированных трупов при медицинских факультетах в конце XIX — начале XX в. [Алексеев, 2008, табл. 40–44, 46–47, 49–53, 55–57, 59, 61–63, 66–69]. Анализ показал, что процент признаков с повышенной изменчивостью в группах, опубликованных В.П. Алексеевым, довольно разнообразен. В мужских сериях он варьируется в пределах от 0,0 до 23,7 %, а в женских — от 0,0 до 26,3 % (табл. 3).

Таблица 3

Признаки с повышенной изменчивостью в некоторых выборках русских

Выборка	Пол	Кол-во признаков	% признаков с повышенной изменчивостью
Старая Ладога XVII–XVIII вв.	М	38	7,9
	Ж	38	7,9
Себеж XVIII в.	М	38	5,3
	Ж	38	5,3
Казань XVII–XVIII вв.	М	37	2,7
	Ж	37	5,3
Симбирск XVII–XVIII вв.	М	37	18,9
	Ж	37	5,3
Петербургская губ.	М	38	5,3
	Ж	38	26,3
Новгородская губ.	М	38	10,5
	Ж	33	21,2
Витебская губ.	М	38	7,9
	Ж	36	2,7
Смоленская губ.	М	38	0,0
Ярославская губ.	М	38	23,7
Тверская губ.	М	38	21,1
	Ж	37	8,1
Московская губ.	М	38	2,6
	Ж	34	0,0
Калужская губ.	М	38	10,5
	Ж	32	0,0

Анализ внутригрупповой изменчивости краниологических серий...

Среднее значение количества признаков с повышенной изменчивостью для мужских выборок — 9,4 %, для женских — 7,8 %.

Количественное распределение признаков с повышенной изменчивостью представлено на рис. 1. Особый интервал, показывающий 0 %, был выделен, чтобы показать количество выборок, в которых все признаки обладают пониженной изменчивостью.

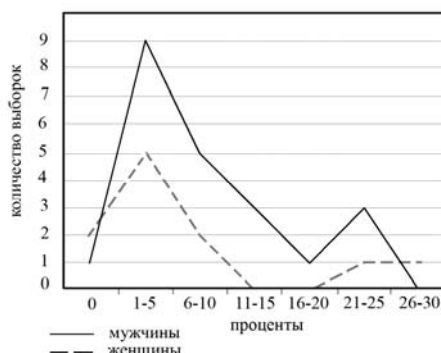

Рис. 1. График распределения количества признаков с повышенной изменчивостью в выборках русских европейской части России

Доля таких выборок составляет 4,5 % для мужчин и 18,2 % для женщин (табл. 4). Анализ распределения признаков выявил преобладающие модальные пики и в женских, и в мужских выборках в интервале 1–5 %. В пределах от 0 до 11 % оказались 68,1 % мужских и 81,9 % женских групп.

Таблица 4

Распределение групп европейской части России по интервалам количества признаков с повышенной изменчивостью

Группа		0 %	1–5 %	6–10 %	11–15 %	16–20 %	21–25 %	26–30 %
Мужчины	Количество	1	9	5	3	1	3	0
	%	4,5	40,9	22,7	13,6	4,5	13,6	0,0
Женщины	Количество	2	5	2	0	0	1	1
	%	18,2	45,5	18,2	0,0	0,0	9,1	9,1

В соответствии с этим полагаем, что (условно) гомогенными выборками допустимо признать группы, в которых количество признаков с повышенной изменчивостью составляет менее 11 %. На сами признаки может оказать значительное влияние ошибка, связанная с погрешностью измерительных приборов (от 0,05 до 0,5 мм) или ошибка измерения [Ражев, 2009, с. 77–78]. В первую очередь речь идет о признаках, измеряемых до десятой доли миллиметра, и углах.

Таким образом, проверка на гомогенность выборок с кладбищ русских городов Урала показала, что только одна из восьми мужских групп может рассматриваться как однородная по составу (коллекция с кладбища Знаменской церкви г. Верхотурья). Из семи женских групп одна является номинативно гомогенной (г. Туринск) и еще одна группа (г. Каменск-Уральский) может быть признана гомогенной по определенным выше условиям.

Поскольку большинство представленных в исследовании групп неоднородны по составу, а количество индивидуумов в каждой из них невелико, проведение анализа по выборкам авторы не посчитали возможным и приняли решение объединить их в единую совокупность. В объединенной выборке количество высокоизменчивых признаков значительно увеличилось и составило 65 % для мужчин и 29 % для женщин. Причем в число неоднородных попали такие значимые в расово-диагностическом отношении признаки, как: продольный, широтный и высотный диаметры черепа, скуловая ширина, углы горизонтальной и вертикальной профилировки лица, размеры орбит и показатели профилированности переносья (табл. 2).

Для установления структуры морфологической изменчивости и рекогносцировочного выявления обособленных групп традиционно используется метод факторного анализа. Мы также использовали этот метод, положив в основу анализа 16 признаков (продольный, поперечный и высотный диаметры черепа, длина основания черепа и лица, скуловая ширина, назомаллярный и зигомаксиллярный углы, угол выступания носа, верхняя ширина лица, ширина и высота орбит и носа, ширина и высота переносья) и применив при обработке пропущенных данных их построчное удаление.

В результате отбора в работу были включены данные по 82 индивидуумам — 45 мужчинам и 37 женщинам. Используя формальный критерий отсеивания Каттелла [Ким и др., 1989, с. 38; Дерябин, 2001, с. 76], в мужской объединенной выборке выделили три фактора, описывающих 50,6 % изменчивости. Определяющим признаком фактора I стал скуловой диаметр (нагрузка 0,85), фактора II — продольный диаметр черепа (нагрузка 0,76) и длина его основания (нагрузка 0,80), фактора III — верхняя высота лица (нагрузка 0,81). Однако ни одна диаграмма рассеивания не позволила определенно очертить какие-либо обособленные группы (рис. 2, А). При анализе женской объединенной выборки (рис. 2, Б) также выделились три фактора, описывающих 49,7 % изменчивости: фактор I — угол выступления носа и симотическая высота (нагрузки -0,82 и -0,76 соответственно), фактор II — высота носа (нагрузка 0,74), фактор III — длина основания лица (нагрузка 0,78).

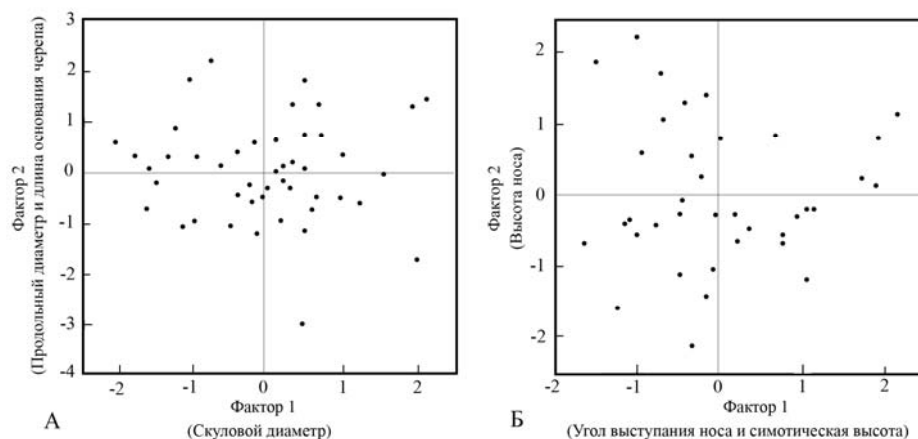

Рис. 2. Диаграмма рассеивания представителей объединенной выборки русских Урала в поле 1 и 2 факторов: А — мужчины, Б — женщины

При попытке усилить выделение морфологических групп некоторые измерительные признаки были заменены индексами. Помимо общепринятых соотношений (8:1, 40:5, 54:55, SS:SC), был введен модуль компонентов уплощенности лица $(\angle zm + \angle 77)/2$ [Гохман, 1980, с. 11]. Однако, как и в предыдущих случаях, особенности рассеивания не позволили выделить очевидно обособленных скоплений ни в мужской, ни в женской серии.

Таким образом, проведя несколько обработок объединенной выборки русских Урала на различных основаниях, авторы пришли к выводу, что метод факторного анализа не позволяет говорить о выделении каких-либо морфологических комплексов в ее составе. При этом не только диаграммы рассеивания не показали ожидаемых результатов, но и величина общей изменчивости, которую описывают выделенные факторы, в подавляющем большинстве случаев составила около 50–55 %, в то время как при результативном анализе должна находиться в пределах 75–90 % [Дерябин, 2001, с. 75].

Следующим шагом в исследовании стал кластерный анализ методом *K*-средних [Боровиков, 1998]. При его использовании первоначально задается количество кластеров и вычисляются их центры тяжести. Затем каждое наблюдение перемещается в ближайший к нему кластер. Далее вычисляются центры тяжести вновь образованных кластеров. Описанная процедура повторяется до тех пор, пока кластеры не перестанут изменяться. Особенность данного метода заключается в том, что количество кластеров задается пользователем на нематематических основаниях. Авторы предположили, что необходимо проводить анализ, последовательно увеличивая количество кластеров с двух и до тех пор, пока стандартное отклонение признаков вновь образованных кластеров не позволит сделать вывод о гомогенности полученных групп. Выбор наблюдений, лежащих в основу образуемых кластеров, осуществлялся с помощью метода максимизации начальных расстояний. В качестве метода обработки пропущенных данных использовалось построчное удаление. Анализировались данные по 16 абсолютным признакам 45 мужчин и 37 женщин.

Кластеризация мужской объединенной выборки дала искомый результат при разделении на три кластера (табл. 5). Два кластера (I и III) гомогенны по всем признакам. В кластере II неоднород-

Анализ внутригрупповой изменчивости краниологических серий...

ность обнаруживается по назомаллярному углу, что составляет 6 % от общего числа признаков, принятых в обработку, и, следовательно, эту группу также можно признать условно гомогенной.

Таблица 5

Краниологические характеристики кластерных выборок русских Урала. Мужчины

Признак	Кластер I			Кластер II			Кластер III			t-критерий		
	n	x	s	n	x	s	n	x	s	I-II	I-III	II-III
1. Продольный диаметр	13	177,6	4,93	16	182,5	6,19	16	172,9	4,86	2,37	2,59	4,86
8. Поперечный диаметр	13	140,3	4,40	16	149,9	4,12	16	139,3	5,63	6,05	0,51	6,09
17. Высотный диаметр	13	135,6	5,38	16	139,8	5,78	16	133,2	3,19	2,02	1,44	4,02
20. Ушная высота	6	114,0	7,30	4	121,3	3,69	10	107,1	11,3	2,07	1,49	3,54
11. Ширина осн. черепа	6	122,2	4,76	4	126,8	6,08	10	124,6	5,13	1,25	0,94	0,62
12. Ширина затылка	6	109,3	6,12	3	114,7	4,04	10	107,8	4,02	1,56	0,55	2,58
5. Длина осн. черепа	13	99,7	2,13	16	103,9	3,85	16	99,5	3,69	3,72	0,11	3,25
10. Наиб. ширина лба	7	120,7	6,34	4	128,1	3,33	10	118,5	4,78	2,53	0,81	4,31
9. Наим. ширина лба	11	95,7	4,76	4	98,5	5,74	15	94,3	5,51	0,88	0,68	1,31
32. ∠ проф. лба от n	8	84,1	5,14	3	85,3	6,81	12	82,7	4,19	0,28	0,67	0,64
GM/FH. ∠ проф. лба от m	5	72,1	3,05	3	77,3	7,09	9	73,2	3,99	1,10	0,33	0,95
72. Общий лицевой угол	9	84,3	4,15	3	85,3	7,02	13	85,1	4,09	0,23	0,42	0,06
8:1. Попереч.-продольн.	13	79,1	3,91	16	82,2	3,68	16	80,7	4,33	2,24	1,05	1,11
17:1. Высот.-продольный	13	76,4	4,32	16	76,7	4,05	16	77,1	2,36	0,16	0,48	0,34
17:8. Высот.-поперечный	13	96,8	5,61	16	93,3	5,20	16	95,7	4,48	1,71	0,55	1,40
20:1. Высот.-продольн.	6	63,9	4,61	4	68,3	1,78	10	62,5	6,55	2,14	0,49	2,59
20:8. Высот.-поперечный	6	81,8	7,76	4	81,0	4,13	10	76,6	7,29	0,20	1,33	1,44
9:10. Широтный лобный	7	79,4	4,11	4	76,8	2,98	10	77,9	3,46	1,18	0,79	0,56
9:8. Лобно-поперечный	11	68,4	3,07	4	65,8	4,74	15	67,8	4,90	0,10	0,36	0,74
12:9. Затылочно-лобный	6	114,5	8,51	3	113,2	4,76	10	117,3	8,50	0,31	0,62	1,06
40. Длина осн. лица	13	97,6	3,83	16	97,7	4,85	16	97,4	5,99	0,05	0,08	0,11
43. Верхн. ширина лица	11	103,7	3,55	4	104,6	2,87	15	104,3	3,69	0,50	0,38	0,21
45. Скуловой диаметр	13	128,3	4,55	16	136,4	4,84	16	132,5	5,30	4,65	2,31	2,18
46. Сред. ширина лица	11	90,6	4,48	4	97,1	7,77	15	96,6	5,42	1,58	3,07	0,13
77. Назомаллярн. угол	13	137,0	4,45	16	139,4	5,96	16	141,6	4,05	1,26	2,90	1,22
Zm. Зигомаксил. угол	13	120,5	2,63	16	128,6	5,83	16	131,4	4,44	4,96	8,15	1,50
75(1). Угол выступ. носа	13	33,8	3,98	16	31,9	5,82	16	24,8	4,80	0,99	5,51	3,80
48. Верхняя высота лица	13	70,3	3,37	16	70,5	3,51	16	70,6	4,12	0,17	0,21	0,06
51. Ширина орбиты	13	41,4	1,40	16	42,9	2,21	16	40,7	1,82	2,18	1,13	3,00
51a. Шир. орбиты (дакр.)	11	38,8	1,95	3	40,5	0,56	14	38,6	2,33	2,55	0,24	2,73
52. Высота орбиты	13	32,8	1,76	16	33,4	2,14	16	32,2	1,91	0,81	0,85	1,63
54. Ширина носа	13	24,4	2,11	16	25,1	1,47	16	24,4	1,83	1,10	0,10	1,17
55. Высота носа	13	50,1	2,53	16	51,9	2,97	16	50,7	3,29	1,75	0,58	1,05
DC. Дакр. ширина	11	20,7	2,19	4	21,9	2,30	13	21,2	2,48	0,92	0,54	0,52
DS. Дакр. высота	11	13,1	1,89	4	12,8	1,31	13	11,8	1,80	0,40	1,71	1,16
SC. Симот. ширина	13	8,6	1,51	16	9,8	1,71	16	8,8	2,44	2,03	0,29	1,34
SS. Симот. высота	13	4,1	0,87	16	4,7	1,17	16	4,1	1,20	1,49	0,07	1,42
FC. Глубина клык. ямки	9	6,2	4,05	3	6,0	1,81	14	4,5	1,22	0,13	1,24	1,38
40:5. Выступания лица	13	97,9	3,75	16	94,3	3,80	16	97,9	4,56	2,56	0,03	2,40
48:17. Вертик. фациоцер.	13	51,7	4,15	16	50,0	3,73	16	53,1	3,48	1,14	0,96	2,40
45:8. Попер. фациоцер.	13	91,5	3,68	16	91,1	4,42	16	95,2	4,38	0,30	2,47	2,67
9:45. Лобно-скуловой	11	75,1	3,85	4	72,8	6,02	15	71,4	4,42	0,71	2,29	0,45
48:45. Верхний лицевой	13	54,6	3,19	16	51,2	3,28	16	53,3	2,72	2,78	1,11	1,99
47:45. Общий лицевой	4	91,5	5,69	1	84,9	—	1	81,6	—	2,31	3,46	—
52:51. Орбитный	13	80,3	5,76	16	77,9	5,27	16	79,1	4,45	1,13	0,60	0,69
52:51a. Орбитный дакр.	11	85,4	5,38	3	82,0	5,01	14	83,2	5,83	1,03	0,95	0,39
54:55. Носовой	13	48,7	4,27	16	48,5	3,52	16	48,4	5,02	0,11	0,18	0,10
SS:SC. Симотический	13	48,1	6,21	16	48,4	11,5	16	48,8	16,5	0,10	0,17	0,09
DS:DC. Дакриальный	11	63,5	6,65	4	58,9	10,1	13	56,2	9,84	0,85	2,13	0,46
ПФЦ	10	88,9	2,42	4	88,3	6,02	15	91,8	3,63	0,18	2,39	1,09
УЛС	10	11,3	7,17	3	17,7	26,0	9	43,3	22,8	0,42	4,02	1,51
УДМЭ	10	-18,7	13,8	4	-19,3	32,0	10	32,3	33,2	0,04	4,48	2,70

Примечание. Жирным шрифтом выделены достоверно отличающиеся значения при $p > 0,05$.

Устойчивость результатов K-кластеризации была подвергнута проверке методом иерархической классификации [Боровиков, 2008]. Классификация проводилась по измерительным признакам и по индексам. Все полученные результаты сопоставлялись с выделенными ранее кластерными группами. В мужской части выборки использование евклидова расстояния и метода полной связи позволило сопоставить группы ветвей дендрограммы со всеми тремя K-кластерами (рис. 3). Таким образом, по нашему мнению, анализ методом иерархической классификации подтвердил, что разделение мужской выборки на три морфологические группы, полученные при помощи кластеризации методом K-средних, имеет реальные основания.

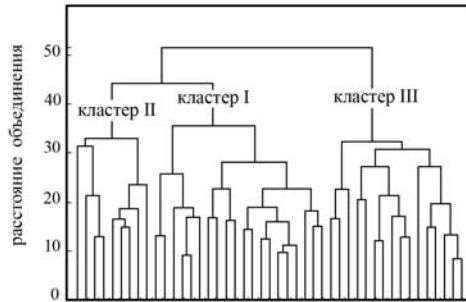

Рис. 3. Дендрограмма группировки мужских черепов русской выборки Урала. Евклидово расстояние, метод полной связи

При кластеризации женской объединенной выборки уже при разбивке на два кластера были получены гомогенные группы. Повышенная изменчивость в обоих случаях наблюдалась только по симотической высоте, что составило 6 % от общего числа признаков. Однако применение иерархической классификации показало, что построенные дендрограммы стабильно образуют в женской выборке три кластера. В связи с этим *K*-кластеризация женской группы была продолжена. Разделение на три кластера показало, что группы, образованные кластерами I и III, гомогенны (табл. 6). Кластер II имеет только один признак с повышенной изменчивостью, это симотическая ширина; следовательно, группу также можно считать однородной.

Столь однозначной картины соответствия *K*-кластеров и групп ветвей дендрограмм, как в мужской выборке, в женском объединении не возникло. Во всех случаях классификации с использованием евклидова расстояния со значительной наполняемостью в самостоятельную группу выделяется кластер I и с несколько меньшей наполняемостью — кластер II (рис. 4). На дендрограмме, построенной методом взвешенного попарного среднего, выделился также кластер III (рис. 5). Принимая во внимание результаты кластерного анализа, авторы посчитали возможным принять три кластера женской выборки, выделенные методом *K*-средних, в качестве основы для дальнейших исследований.

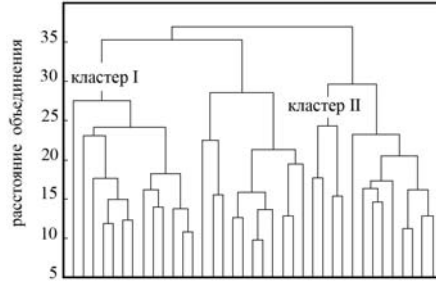

Рис. 4. Дендрограмма группировки женских черепов русской выборки Урала. Евклидово расстояние, метод полной связи

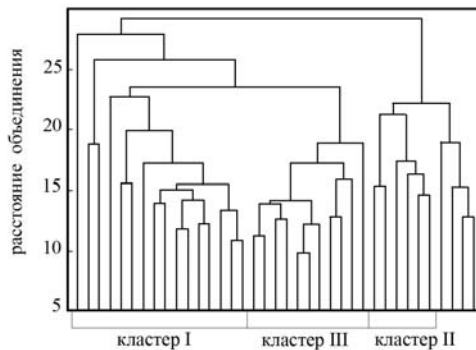

Рис. 5. Дендрограмма группировки женских черепов русской выборки Урала. Евклидово расстояние, метод взвешенного попарного среднего

Анализ внутригрупповой изменчивости краниологических серий...

Для проверки достоверности различий между полученными группами и мужской, и женской выборок были проведены однофакторные дисперсионные анализы, в которых категориальными предикторами стали полученные кластеры. В результате в мужской серии выявились достоверные отличия по 49 % анализируемых признаков. В женской серии количество признаков, по которым получены достоверные отличия между морфологическими группами, превысило 71 %. Попарные сравнения кластеров по критерию Стьюдента детализировали характер этих различий (табл. 5 и 6).

Таблица 6

Краниологические характеристики кластерных выборок русских Урала. Женщины

Признак	Кластер I			Кластер II			Кластер III			t-критерий		
	n	x	s	n	x	s	n	x	s	I-II	I-III	II-III
1. Продольный диаметр	19	172,7	5,65	6	180,2	4,71	12	172,5	3,80	3,21	0,14	3,46
8. Поперечный диаметр	19	141,5	3,89	6	139,7	5,89	12	135,4	4,40	0,70	3,90	1,56
17. Высотный диаметр	19	129,8	5,21	6	135,7	3,27	12	127,0	3,28	3,25	1,87	5,30
20. Ушная высота	10	111,6	6,21	2	118,0	0,00	3	109,8	6,88	3,28	0,40	2,06
11. Ширина осн. черепа	10	119,6	4,46	2	122,5	0,71	3	120,0	1,00	1,92	0,25	3,27
12. Ширина затылка	10	106,8	3,68	2	111,5	2,12	3	105,7	1,15	2,48	0,85	3,55
5. Длина осн. черепа	19	96,0	2,30	6	99,0	1,79	12	95,5	3,42	3,36	0,42	2,85
10. Наим. ширина лба	10	120,2	3,55	2	118,5	3,54	3	120,0	4,58	0,62	0,07	0,41
9. Наим. ширина лба	11	94,3	3,55	5	97,6	2,7	8	95,4	4,10	2,03	0,59	1,18
32. ∠ проф. лба от n	9	85,0	5,1	4	88,3	9,03	7	90,4	2,07	0,67	2,90	0,48
GM/FH. ∠ проф. лба от m	8	83,9	6,36	1	82,0	—	1	82,5	—	0,83	0,61	—
72. Общий лицевой угол	9	84,6	2,88	5	84,0	2,92	7	86,1	3,39	0,34	0,99	1,17
8:1. Попереч.-продольн.	19	82,0	3,42	6	77,5	3,00	12	78,5	3,43	3,05	2,71	0,64
17:1. Высот.-продольный	19	75,2	3,92	6	75,3	2,71	12	73,6	2,11	0,07	1,47	1,35
17:8. Высот.-поперечный	19	91,8	3,72	6	97,3	5,80	12	93,9	3,76	2,19	1,49	1,33
20:1. Высот.-продольн.	10	65,6	4,37	2	64,5	1,50	3	62,4	4,96	0,61	0,98	0,67
20:8. Высот.-поперечный	10	78,6	4,12	2	84,3	0,00	3	81,8	4,72	4,38	1,05	0,93
9:10. Широтный лобный	10	78,0	2,97	2	81,0	1,22	2	81,9	4,91	2,34	1,07	0,24
9:8. Лобно-поперечный	11	66,7	3,34	5	70,9	3,18	8	71,2	2,22	2,38	3,46	0,17
12:9. Затылочно-лобный	10	114,0	3,24	2	116,2	3,92	2	107,6	2,21	0,75	3,39	2,69
40. Длина осн. лица	19	92,1	3,31	6	96,8	4,07	12	93,7	4,42	2,60	1,07	1,51
43. Верхн. ширина лица	11	100,5	3,87	5	104,2	2,77	9	103,0	4,06	2,17	1,40	0,65
45. Скуловой диаметр	19	124,7	4,11	6	127,7	1,97	12	125,5	4,64	2,41	0,50	1,39
46. Сред. ширина лица	11	88,3	5,25	5	92,4	1,52	9	94,9	2,76	2,37	3,59	2,18
77. Назомаларн. угол	19	139,6	3,98	6	139,7	3,93	12	142,8	4,43	0,05	2,02	1,50
Zm. Зигомаксил. угол	19	124,9	4,58	6	130,2	3,87	12	133,8	2,96	2,72	6,50	2,00
75(1). Угол выступ. носа	19	31,7	4,16	6	18,7	4,37	12	23,9	2,71	6,46	6,33	2,70
48. Верхняя высота лица	19	67,4	4,10	6	65,5	2,51	12	68,3	2,31	1,38	0,79	2,32
51. Ширина орбиты	19	40,4	1,39	6	40,9	2,35	12	40,2	1,45	0,45	0,50	0,68
51a. Шир. орбиты (дакр.)	11	37,8	1,47	5	39,6	1,36	8	38,0	1,85	2,31	0,18	1,78
52. Высота орбиты	19	33,9	1,59	6	31,6	2,18	12	32,7	1,51	2,48	2,11	1,19
54. Ширина носа	19	23,4	1,67	6	25,8	1,69	12	24,7	1,04	3,07	2,71	1,47
55. Высота носа	19	49,2	2,13	6	48,0	1,22	12	49,8	1,57	1,73	0,88	2,66
DC. Дакр. ширина	11	19,3	2,98	5	21,6	1,17	8	23,5	4,11	2,14	2,43	1,26
DS. Дакр. высота	11	10,3	2,82	5	11,4	0,58	8	11,6	1,25	1,24	1,31	0,30
SC. Симот. ширина	19	10,0	1,77	6	9,7	3,23	12	9,3	2,06	0,16	0,88	0,29
SS. Симот. высота	19	4,6	1,08	6	3,8	0,99	12	3,1	1,06	1,55	3,75	1,46
FC. Глубина клык. ямки	7	4,9	1,75	5	5,2	1,23	8	4,4	1,78	0,37	0,51	0,94
40:5. Выступания лица	19	96,0	4,07	6	97,8	3,06	12	98,1	3,33	1,15	1,56	0,19
48:17. Вертик. фациоцер.	19	51,9	2,49	6	48,3	1,85	12	53,8	1,99	3,85	2,34	5,84
45:8. Попер. фациоцер.	19	88,2	3,22	6	91,5	2,76	12	92,8	4,34	2,47	3,15	0,75
9:45. Лобно-скуловой	11	76,3	3,30	5	76,7	2,10	8	77,0	3,01	0,33	0,49	0,19
48:45. Верхний лицевой	19	54,1	3,17	6	51,3	2,27	12	54,5	2,57	2,36	0,40	2,69
47:45. Общий лицевой	2	98,5	2,39	0	—	—	1	89,5	—	—	3,72	—
52:51. Орбитный	19	84,0	3,76	6	77,4	6,42	12	81,6	4,22	2,40	1,61	1,46
52:51a. Орбитный дакр.	11	88,4	3,18	5	79,1	5,34	8	86,5	4,06	3,61	1,06	2,68
54:55. Носовой	19	47,5	3,40	6	53,7	3,25	12	49,6	2,69	4,03	1,90	2,68
SS:SC. Симотический	19	46,5	10,2	6	40,9	5,89	12	33,7	10,6	1,66	3,30	1,84
DS:DC. Дакриальный	11	52,6	12,1	5	53,1	4,52	8	50,9	12,6	0,12	0,31	0,46
ПФЦ	11	90,3	2,20	5	88,9	1,60	8	91,8	2,26	1,40	1,53	2,75
УЛС	11	15,0	11,1	5	34,2	13,8	8	45,9	33,6	2,73	2,51	0,88
УДМЭ	11	-16,4	24,3	5	7,2	11,4	7	21,6	16,3	2,64	3,97	1,81

Примечание. Жирным шрифтом выделены достоверно отличающиеся значения при $p > 0,05$.

Таким образом, анализ показал, что полученные в результате кластеризации и мужские и женские морфологические группы достоверно отличаются друг от друга по краниологическим характеристикам. И в женской, и в мужской краниологических выборках выделились по три морфологические группы. Выявленные гендерные группы хорошо сопоставимы друг с другом.

Первая группа представлена черепами европеоидного облика. В ней объединены 13 мужских и 19 женских черепов кластеров I. Они происходят практически из всех исследуемых некрополей (табл. 7).

Таблица 7

Распределение черепов из русских некрополей Урала в морфологических группах

Некрополь	Группа		
	I	II	III
Верхотурский кремль	0/1	1/0	6/0
Знаменская церковь, г. Верхотурье	2/2	1/0	1/1
Свято-Троицкий собор, г. Каменск-Уральский	1/0	1/0	1/1
Крестовоздвиженский собор, г. Туринск	1/1	4/0	0/2
Богоявленский собор, г. Екатеринбург	3/2	0/0	0/0
г. Ревда	1/1	0/0	4/1
г. Челябинск	4/1	0/3	4/6
Ново-Тихвинский монастырь, г. Екатеринбург	1/11	9/3	0/1
Всего	13/19	16/6	16/12

Примечание. В числителе — количество мужских черепов, в знаменателе — женских.

Мужские черепа первой группы характеризуются мезо-, гипси- и метриокранией. Продольные размеры мозговой коробки малые, поперечный и высотный диаметры средние. Лоб наклонный, метриометопный. Лицевой отдел мезоортогнатный, мезопрозопный, средневысокий; среднеширокий и профилированный на верхнем уровне и узкий, сильно профилированный — на среднем. Скуловой диаметр малый. Орбиты мезоконхные при средней ширине и малой высоте. Грушевидное отверстие мезоринное при малых абсолютных размерах. Переносье высокое и широкое, угол выступания носа большой.

Женские черепа этой группы имеют средние продольный и высотный размеры мозговой коробки и большой поперечный диаметр, суббрахикранные при гипси- и тапейнокрании. Лоб наклонный, метриометопный. Лицевой отдел также мезоортогнатный и мезопрозопный, хорошо профилированный в горизонтальной плоскости на обоих уровнях. Ширина лица на верхнем уровне — средняя, на нижнем — малая, скуловой диаметр средний. Орбиты и грушевидное отверстие отличаются от мужских большей высотой (средние значения признаков) при сохранении мезопропорций. Переносье очень высокое и широкое, угол выступания носа очень большой.

По преаурикулярному фациоцеребральному указателю и степени уплощенности лицевого скелета и мужские и женские черепа первой морфологической группы относятся к европеоидному типу. Условная доля монголоидного элемента имеет отрицательные значения.

Вторая группа представлена 16 мужскими и 6 женскими черепами кластеров II. Половой диморфизм в данной группе выражен сильнее, чем в остальных.

Мужские черепа этой серии характеризуются гипси-, метрио- и суббрахикранией, со средними продольными размерами мозговой коробки при больших поперечных и высотных размерах, с наклонным, стенометопным лбом. Лицевой отдел ортогнатный, мезопрозопный, профилированный в горизонтальной плоскости. Ширина и высота лица средние. Орбиты мезоконхные по максиллофронтальному указателю при средних абсолютных размерах и хамеконхные по дакриальному при средней высоте и большой ширине. Грушевидное отверстие мезоринное, со средними абсолютными размерами. Угол выступания носа большой, переносье широкое, высокое. Значения преаурикулярного фациоцеребрального указателя относят мужскую часть группы к европеоидной расе, по степени уплощенности лицевого скелета — позиция пограничная между европеоидным и смешанным европеоидно-монголоидным типами. Условная доля монголоидного элемента имеет отрицательные значения.

Женские черепа субдолохокранны при гипси- и метриокрании, с большими продольными и высотными размерами мозговой коробки при очень большой ушной высоте и средними поперечными. Лоб прямой, зуриометопный. Лицевой отдел мезопрозопный, с большой шириной лица на верхнем уровне и средним скуловым диаметром, профилированный в горизонтальной плоскости. Отличается от мужских черепов описываемой группы склонностью к мезогнатии. Орбиты мезоконхные по обоим указателям при средних абсолютных размерах. Носовая область у женщин характеризуется хамэринией при большой ширине и средней высоте. Угол выступания носа малый при широком и высоком переносье. По показателю ПФЦ женские черепа

Анализ внутригрупповой изменчивости краниологических серий...

соответствуют мужским, УЛС относит их к смешанному европеоидно-монголоидному типу. Условная доля монголоидного элемента в женской группе составляет 7 %.

В целом вторая морфологическая группа представлена черепами европеоидного облика с примесью монголоидных черт.

Третья группа представлена 16 мужскими и 12 женскими черепами кластеров III.

Череп мужской части группы характеризуются гипси-, метрио- и суббрахикранией, наклонным, метриометопным лбом. Черепная коробка имеет малые продольные и средние поперечные и высотные размеры при очень малой ушной высоте. Лицевой отдел ортогнатный, мезопрозопный при средних абсолютных размерах, среднепрофилированный в горизонтальной плоскости. Орбиты мезоконхные при малых абсолютных размерах. Грушевидное отверстие мезоринное, также с малыми размерами. Переносье высокое при средней ширине, угол выступления носа средний. По преаурикулярному фациоцеребральному указателю и степени уплощенности лицевого скелета выборка относится к смешанному европеоидно-монголоидному типу. Условная доля монголоидного элемента составляет 32 %.

Женские черепа данной группы обладают средними абсолютными размерами мозговой коробки, мезо-, метрио- и ортокранией, прямым, зуриометопным лбом. Лицевой отдел также ортогнатный и мезопрозопный, среднепрофилированный на обоих уровнях, характеризуется большей, чем у мужчин, шириной лица на среднем уровне. Орбиты и грушевидное отверстие отличаются большими абсолютными размерами при сохранении характера пропорций. Высота и ширина переносья средние при среднем угле выступления носа. Условная доля монголоидного элемента в женской части группы несколько ниже, чем в мужской, и составляет 22 %.

Краниологическую серию третьей морфологической группы можно охарактеризовать как черепа смешанного европеоидно-монголоидного облика.

Расстояния Пенроза между морфологическими группами показывают, что наибольшие различия фиксируются по форме, а не по размерам черепов и в женской серии эти различия выражены сильнее (табл. 8).

Таблица 8

Расстояния Пенроза между морфологическими группами краниологической серии русских Урала

Группы	C_Q^2 (по размеру)	C_H^2 (по форме)	C_R^2 (общая)
I-II	0,421/0,049	0,722/1,009	0,361/0,967
I-III	0,001/0,009	0,593/0,910	0,593/0,903
II-III	0,392/0,017	0,792/0,628	0,456/0,614

Примечание. В числителе — показатели мужских выборок, в знаменателе — женских.

Можно предположить, что группа черепов европеоидного облика с примесью монголоидных черт сформировалась в результате метисации между европеоидным и европеоидно-монголоидным населением городов. Однако размеры групповых средних показывают, что данная серия в целом обладает наибольшими абсолютными размерами по продольному и высотному диаметрам черепа, длине основания черепа и лица, скуловой ширине, ширине орбит и носа (табл. 5, 6). Мужская часть группы также имеет самые большие поперечный диаметр черепа, значения высоты орбит и грушевидного отверстия. У женских черепов группы, напротив, фиксируются самые низкие показатели высоты лица, орбит и носа, а также самый малый угол выступления носовых костей. Таким образом, авторы приходят к выводу, что все полученные морфологические группы имеют самостоятельное происхождение в структуре городского населения Урала и продолжение исследования видят в поиске их истоков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы // Избранное: В 5 т. М.: Наука, 2008. Т. 4. 342 с.
 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
 Боровиков В.П. Популярное введение в программу STATISTICA. М.: Компьютер-пресс, 1998. 276 с.
 Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // СМАЭ. Л., 1980. Вып. 36. С. 5–34.
 Дерябин В.Е. Многомерные биометрические методы для антропологов. М.: МГУ, 2001. 314 с.

Е.О. Святова, Д.И. Ражев

Ким Дж.-О., Мьюллер, Ч.У., Клекка У.Р., Олдендерфер М.С., Блэшфилд Р.К. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1989. 215 с.

Лакин Г.Ф. Биометрия. М.: Высш. шк., 1990. 352 с.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.

Ражев Д.И., Святова Е.О. Палеодемографический анализ кладбища нового времени г. Верхотурья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: ОмГУ, 2005. 415 с.

Ражев Д.И., Святова Е.О. Феномен матуризации женских скелетов с кладбища нового времени г. Екатеринбург // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб.: МАЭ РАН, 2006. 180 с.

Святова Е.О. Палеодемографический анализ кладбища нового времени г. Каменск-Уральского // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПермГПУ, 2008. Вып. V. 247 с.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
svyatova@inbox.ru
rajevd0@gmail.com

The paper presents results of intragroup analysis of craniological materials originating from Russian urban Orthodox cemeteries of XVII — early XX cc. on the territory of the Middle and South Urals. As part of the generalized sampling, subject to identification and analysis being three reliably differing morphological groups of indigenous origin. The first morphological group is presented by crania of Caucasian look, the second one — by Caucasian crania with an admixture of Mongoloid features, while the third one — by mixed Caucasian-and-Mongoloid type.

Russians, urban population, Urals, craniology, intragroup analysis, population, anthropological type.

ЭТНОЛОГИЯ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ¹

А.Н. Багашёв*, Р.Ю. Федоров**

Статья посвящена историко-этнографическим исследованиям жизни белорусских крестьян, переселившихся на территорию Дальнего Востока в конце XIX — начале XX столетия. Рассмотрены процессы ассимиляции и сохранения отдельных элементов этнокультурной идентичности переселенцев.

Белорусские переселенцы, белорусы на Дальнем Востоке, аграрные переселения, традиционная белорусская культура, этнокультурные взаимодействия.

Изучение историко-этнографических аспектов жизни белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке представляет значительный исследовательский интерес. В географии массовых крестьянских миграций второй половины XIX — начала XX столетия Дальний Восток естественным образом явился крайней точкой, которой достигли волны аграрного освоения Азиатской России. Поселившиеся здесь крестьяне, преодолевшие такие же колоссальные расстояния, что и европейские колонизаторы Нового Света, столкнулись с непривычными природно-климатическими условиями. Еще более необычным оказалось новое этническое окружение переселенцев. На своей родине предки белорусов на протяжении многих столетий проживали в этноконтактной зоне, переходной между славянской и балтской культурами, православием и католицизмом, русской и европейской моделями социально-политического устройства общества. Дальний Восток — противоположный, азиатско-тихоокеанский, фронт — стал местом этнических контактов заселявших его выходцев из разных уголков Российской империи с китайцами, японцами, корейцами, а также малыми коренными народами. Данные обстоятельства обусловили специфические тенденции в этнокультурной адаптации белорусских переселенцев, во многих случаях отличавшиеся от прототипов, имевших место на территории Сибири.

В июле 2013 г. в рамках реализации совместного гранта РГНФ-БРФФИ по теме «Традиционная культура белорусских переселенцев в аграрной среде Сибири и Дальнего Востока: истоки и трансформации» нами была организована экспедиция на территорию Амурской области и Приморского края. В ее основные задачи входило выявление мест компактного проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев, а также проведение на их территории полевых этнографических исследований. Помимо этого, поездка включала в себя ознакомление с работой местных белорусских землячеств и изучение малоизвестных библиографических источников, хранящихся в региональных библиотеках.

Собранные нами в поездке материалы дали возможность получить общие сведения об историко-этнографических аспектах жизни белорусских переселенцев на Дальнем Востоке. В то же время ограниченные сроки проведения экспедиции не позволили охватить значительную часть деревень, представляющих существенный этнографический интерес. Поэтому данная статья является лишь первым эскизом к будущим углубленным исследованиям.

Анализ библиографических источников свидетельствует, что на сегодняшний день отсутствуют обобщающие исследования, которые могли бы сочетать в себе историографию и анализ этнокультурных процессов в среде белорусских переселенцев на территории Дальнего Востока. Исключение составляет лишь несколько пионерных исследований, проведенных на территории Приморского края, представляющих по ряду причин значительную научную ценность. Первой подобной работой стала монография Л.Е. Фетисовой [2002]. Ее уникальность состоит в том, что в ней обобщен тридцатилетний опыт полевых исследований автора в местах компактного про-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-21-01000 а(м).

живания потомков белорусских переселенцев на территории Приморского края. Учитывая тот факт, что отдельные сельские поселения, рассмотренные в книге, в настоящее время прекратили свое существование, а большинство информаторов уже ушло из жизни, эта монография является единственным исследованием многих, ныне утраченных фольклорных и обрядовых традиций белорусских переселенцев в Приморье.

Еще одно интересное исследование историко-этнографических аспектов жизни белорусских переселенцев в Приморском крае — книга «Мельниковы. Бондарь. Головки. Семейные хроники» [Бутковская, Смирнова, 2008]. Это российско-белорусское исследование можно условно разделить на две части. Первая из них, подготовленная историком-краеведом из Владивостока Н.В. Бутковской, посвящена изучению родословной переселенцев из д. Неглюбка Верещацкой волости Суражского уезда Черниговской губернии (ныне — Ветковский район Гомельской области), основавших в 1882 г. деревни Ивановка и Николаевка на территории Южно-Уссурийского уезда (ныне — Михайловский район Приморского края). Опираясь на документальные источники, автор подробно воссоздает обстоятельства первых морских переселений крестьян в Приморье, а также исследует родословную переселенцев. Вторая часть книги, подготовленная белорусским этнографом И.Ю. Смирновой, посвящена региональным особенностям традиционной культуры из мест выхода переселенцев.

Кроме этих двух работ, следует отметить отдельные публикации Ю.В. Аргудяевой, в которых автор обратила внимание на белорусскую компоненту в этнокультурной среде Приморья [1993, 1997], а также книгу «Традиционная свадьба. Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье» [1998], в которой, помимо украинского материала, зафиксированы отдельные элементы, присущие белорусской свадебной обрядности. В 2011 г. в Новосибирске был издан том «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока» из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», представляющий собой своеобразную антологию семейно-обрядовых песен белорусских переселенцев.

Наибольшее количество белорусских крестьян основывали свои поселения на плодородных землях южных районов Дальнего Востока. Помимо расположенных на территории Приморского края, нами было выявлено большое количество белорусских деревень в Амурской области. В отличие от приморских, о них отсутствуют фундаментальные исследования. Государственный архив Амурской области также располагает незначительным кругом документов, связанных с крестьянскими переселениями. Поэтому основными источниками, которые помогли нам выявить места компактного расселения белорусов в Приамурье, стали краеведческие издания, посвященные истории отдельных районов Амурской области, а также районные периодические издания².

Проведенные нами полевые экспедиционные исследования охватили Михайловский район Приморского края, где были записаны рассказы информаторов, а также исследованы некоторые образцы материальной культуры потомков белорусских переселенцев³.

Крестьянские переселения белорусов на Дальний Восток

Массовая аграрная колонизация территории Дальнего Востока началась вскоре после подписания в 1858 г. с Китаем Айгунского договора, по условиям которого левый берег Амура признавался принадлежащим России, а правый берег до реки Уссури — Китаю. Пекинский договор 1860 г. закрепил за русскими территорию Приморья. Вскоре вслед за казаками, обеспечивавшими военно-оборонительные задачи на русско-китайской границе, на Дальний Восток начали прибывать первые крестьяне.

Особенностью крестьянской колонизации Дальнего Востока стало то, что, помимо транссибирских путей сообщения, на ее ранних этапах использовался морской путь. А.А. Кауфман отмечал, что «заселение Приморской области и в частности Южно-Уссурийского края, начавшись несколько раньше заселения Амурской области, происходило первоначально сухопутными маршрутами и шло очень медленно. Всего с 1860 до 1890 г. сюда прибыло сухим путем

² Авторы статьи выражают большую признательность В.В. Смирновой и другим сотрудникам отдела краеведения Амурской областной научной библиотеки им. Н.Н. Муравьева-Амурского за помощь в поиске библиографических материалов.

³ Авторы статьи выражают глубокую благодарность Н.В. Андрущенко, Г.В. Никитиной и другим сотрудникам управления культуры и внутренней политики администрации Михайловского муниципального района Приморского края за активную помощь в организации экспедиционных полевых исследований.

Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев...

862 семьи и 4642 души обоего пола» [2006]. А.А. Кауфман объяснял эти малые цифры большой продолжительностью (около двух лет) и тяжелыми условиями сухопутного передвижения в Южно-Уссурийский край. В целях ускорения заселения края правительство принимает решение о переселении крестьян морским путем. «Чтобы преодолеть отвращение крестьянина к передвижению морем, решено было в течение трех лет отправлять за казенный счет по 250 семей переселенцев, причем каждой семье, кроме сложения недоимок и всех прочих льгот по закону 1861 г., полагались безвозвратно: даровой проезд от Одессы; продовольствие на 1½ года; 100 руб. на заготовку материалов для жилища; пара голов рабочего скота и корова; семена для полевых посевов и огорода и различные предметы хозяйственного обзаведения, от землевладельческих орудий до печных приборов и сит для просеивания муки» [Там же].

Морское сообщение Одесса — Владивосток было открыто в 1879 г. [Бутковская, Смирнова, 2008, с. 65]. Большинство пароходов следовали на Дальний Восток через Черное и Средиземное моря, Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан и через моря Тихого океана. В среднем время в пути составляло от 45 до 70 суток. По данным А.А. Кауфмана, с 1883 по 1885 г. морским путем бесплатно было перевезено 754 семьи (4668 чел.). Все они ранее проживали в Черниговской губернии [Кауфман, 2006]. В работе Н.В. Бутковской и И.Ю. Смирновой приведено подробное описание того, как в 1882 г. из Одессы отправился пароход Общества Добровольного флота «Нижний Новгород» (рис. 1) с первыми ходоками, делегированными крестьянами Черниговского, Сосницкого, Мглинского и Суражского уездов Черниговской губернии для переселения в Южно-Уссурийский край. В числе прибывших на Дальний Восток ходоков был Дорофей Софронович Мельников из д. Неглюбка Верещацкой волости Суражского уезда Черниговской губернии. Он выбрал два участка в среднем течении р. Лефу, положивших начало деревням Ивановке и Николаевке, расположенным на территории современного Михайловского района Приморского края. В 1883 г. на пароходах «Россия» и «Петербург» вслед за ходоками в Приморье было отправлено более полутора тысяч переселенцев [Бутковская, Смирнова, 2008, с. 69].

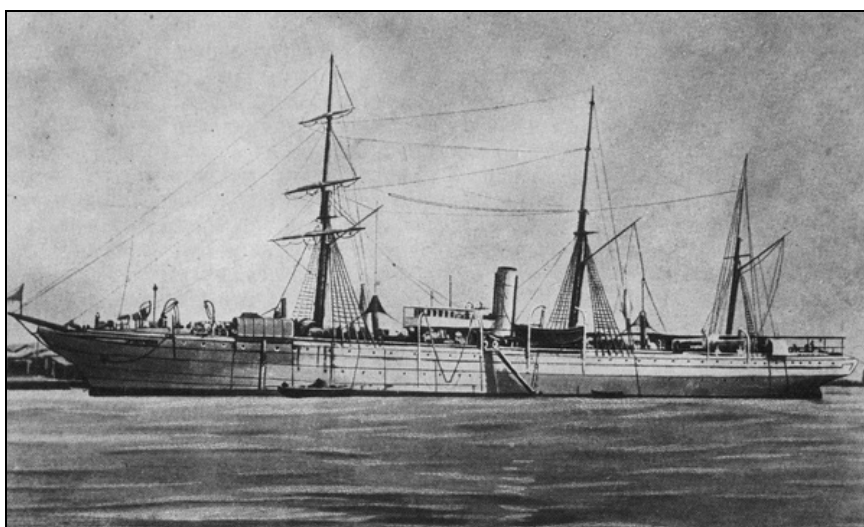

Рис. 1. Пароход «Нижний Новгород» (фото опубл.: [Бутковская, Смирнова, 2008])

Трансформации этнокультурной идентичности белорусских переселенцев на Дальнем Востоке

Рассмотрим подробнее процессы трансформации этнокультурной идентичности белорусских переселенцев. Одним из ее характерных примеров является история основанной в результате морских переселений д. Ивановки, расположенной в Михайловском районе Приморского края. По рассказам старожилов, из белорусского поселения она достаточно быстро превратилась в «смешанную деревню». Н.В. Бутковская отмечает, что в результате последующих подселений в деревне сформировались улицы и даже своеобразные «микрорайоны», в которых селились представители отдельных землячеств. Эти места назывались Киевщиной, Харьковщиной, Могилевщиной, Полтавщиной и т.д. Например, район около больницы, в котором проживали украинские переселенцы, называли Балабухой [Бутковская, 2008, с. 83].

Экспедиционные исследования, проведенные нами в Ивановке в июле 2013 г., указывают на то, что к настоящему времени среди ее населения практически не сохранилась белорусская самоидентификация. Большинство жителей села воспринимают его украинским. Об этом свидетельствует записанная нами беседа с директором Ивановского дома культуры Надеждой Ивановной Садовской. По ее словам, численный перевес выходцев с Украины способствовал растворению в их среде белорусских переселенцев, чья этническая самоидентификация была выражена слабее. Сходство двух восточно-славянских культур способствовало быстрому нивелированию региональных этнокультурных особенностей у жителей села. Примечательно, что в 2013 г. для участия в фестивале национальных культур «Венок дружбы», проводимом в районном центре — с. Михайловском, в белорусском фольклорном коллективе были вынуждены принимать участие преимущественно потомки украинских переселенцев, так как в селе почти не осталось носителей аутентичной белорусской песенной традиции.

Несмотря на вышеуказанные обстоятельства, сохранившиеся в Ивановке элементы традиционной культуры представляют большой интерес с точки зрения изучения их общих и особенных черт, встречающихся у русских, украинцев и белорусов. Одним из подобных примеров являются зафиксированные нами особенности поминальных обрядов. По рассказам жительниц села Н.Н. Вишни и Н.И. Садовской, потомки белорусских и украинских переселенцев чаще называли Радуницу «родительским днем», как это сегодня принято в большинстве регионов России. С их слов, из-за того что священнослужитель был один на весь район, в деревнях поминавшие усопших происходило в разные дни. В одной деревне родительский день мог отмечаться в понедельник, на следующую неделю после Пасхи, в другой — во вторник, в третьей — в среду. Примечательно, что в современной Республике Беларусь Радуница, отмечаемая во вторник, является официальным выходным днем. А в разных районах Украины праздник сегодня может отмечаться как в понедельник, так и во вторник. Присутствие священнослужителя в дни поминовения информаторы считали обязательным. В советское время был период, когда глава сельсовета делал днем поминовения воскресенье, чтобы не занимать рабочие дни. Причины перечисленных различий в названии и времени проведения праздника можно связать с двумя факторами. Во-первых, в годы советской власти местные жители были вынуждены отступать от традиций ввиду недостатка священнослужителей и невозможности нарушать установленный сельсоветом трудовой распорядок. В то же время встречающиеся на Украине «плавающие» даты проведения праздника и предпочтение русского названия «родительский день» белорусскому «Радуница» можно трактовать в качестве одного из индикаторов преобладания украинских и русских компонентов традиционной культуры среди сегодняшнего населения Ивановки.

Раньше в селе на родительский день было принято накрывать на кладбище общий поминальный стол. Если не было стола, то скатерть расстилалась на земле. Приносили традиционные для поминовения блюда — кутью, яйца, блины, выпечку. Поминали спиртным, но «не в таких количествах и не так часто, как сейчас» (Н.И. Садовская). Ранее стопка водки на могилу усопшего никогда не ставилась. В настоящее время ее часто ставят, мотивируя это тем, что так принято в городской среде. На кладбище из дома специально приносился рушник, который расстилался на могиле. На него было принято ставить горячую пищу, «чтобы передать тепло предкам» (Н.И. Садовская). После похорон и на родительский день также было принято обвязывать могильные кресты рушниками. Жители Ивановки считают данную традицию характерной как для белорусов, так и для украинцев. Она почти не сохранилась. Местные жители объясняют утрату этой традиции тем, что современные мраморные надгробные памятники стало неудобно обвязывать рушниками. При осмотре кладбища Ивановки нами были обнаружены специфические примеры модернизации этого обряда. Несколько металлических памятников, увенчанных звездой, были обвязаны красными лентами или выцветшими от времени полотенцами. На одном кресте повязан не традиционный домотканый рушник, а полотенце фабричного производства. Другой мраморный памятник на недавнем захоронении обвязан саваном с православной символикой (рис. 2).

Анализ полевых этнографических материалов, собранных на территории Приморского края и Амурской области, свидетельствует о серьезных различиях в принципах этнокультурной самоидентификации белорусских переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке. На территории большинства районов Сибири, в которые осуществлялись массовые крестьянские переселения во второй половине XIX — начале XX в., уже успела сложиться прослойка русского старожильческого населения. Значительная часть его предков поселилась на этих землях в течение XVII–

Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев...

XVIII вв. Эти люди чаще всего называли себя чалдонами. В противовес этому крестьян, прибывавших в Сибирь со второй половины XIX в. из западных губерний, часто называли самоходами. Наиболее распространенным данное самоназвание было среди белорусских переселенцев. По одной из версий, его происхождение связывают с белорусским словом «самохаць», которое означает «добровольно, по собственному желанию» [Багашёв, Федоров, 2012, с. 125]. По данным проведенных нами в 2009–2013 гг. экспедиционных исследований в местах компактного проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев, ареал самоназвания «самоход» отчетливо фиксировался на территории от Зауралья до Прибайкалья. На Дальнем Востоке упоминание этого самоназвания ни разу не было нами зафиксировано. Его отсутствие подтверждает и тот факт, что имеющие многолетнюю практику полевых исследований в Приморье сотрудники Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (к.филол.н. Л.Е. Фетисова, к.и.н. Г.Г. Ермак) в частных беседах отмечали, что никогда не сталкивались с этим понятием. Отсутствие специфических самоназваний у выходцев из западных губерний можно объяснить тем, что на территориях «позднего освоения» разные группы переселенцев находились в более или менее равных условиях и это способствовало их быстрой этнокультурной консолидации. Конфликты, которые возникали между ними, чаще всего были связаны с сугубо хозяйственными проблемами. Одна из них состояла в том, что до 1900 г. переселенцам выделялись наделы по 100 дес. на семью, тогда как последующим группам прибывших в Приморье крестьян начали выделять по 15 дес. на душу. Данная ситуация нередко вызывала хозяйственные споры между «стодесятинниками» и новоселами [Фетисова, 1999, с. 34], но эти конфликты, как правило, не были связаны с этнокультурными противоречиями в Сибири между чалдонами и самоходами.

Рис 2. Намогильные памятники в д. Ивановке Михайловского района Приморского края.
Фото Р.Ю. Федорова, 2013 г.

Ввиду отсутствия в Приморье самоназваний, акцентирующих подобно слову «самоход» национальность, а новый этнокультурный статус переселенцев, на его территории доминирует традиционная для Европейской России национальная самоидентификация. Подавляющее большинство потомков переселенцев — восточных славян, включая украинцев и белорусов,

сегодня склонны считать себя русскими. В то же время украинская идентичность также продолжает оставаться заметной во многих деревнях Приморья. При этом результаты переписи населения свидетельствуют о стремительном падении ее значения. Если в 2002 г. 4,58 % жителей Приморья относили себя к украинцам, то в 2010 г. таковыми себя считали только 2,76 % опрошенных. Схожая ситуация отмечается и с белорусами. В 2002 г. их численность составляла 11 627 чел. (0,57 %), но к 2010 г. она сократилась почти вдвое — до 5930 чел. (0,33 %) [Национальный состав населения Приморского края, 2012, с. 5]. Очевидно, что данная ситуация в большей степени связана не с миграциями или естественной убылью населения, а с трансформациями этнического самосознания потомков переселенцев. Так, представитель Владивостокского украинского общества «Просвіта» В.А. Черномаз отмечал, что в обыденном сознании жителей Приморья бытует мнение, что не менее половины его сельского населения имеет украинские корни [1999, с. 26]. Автор объясняет незначительные статистические показатели удельной доли украинцев в Приморье высокой степенью их ассимиляции, вызванной близостью культуры, языка, религии русских и украинцев, а также слабой развитостью или отсутствием социальных институтов, воспроизводящих украинскую культуру (национальные школы, периодические издания, специализированные учреждения культуры и т.д.). Можно констатировать, что подобная ситуация, только в меньших масштабах, характерна и для белорусского населения Приморья.

Другая проблема состоит в том, что значительная часть белорусов прибывала в Приморье из этноконтактных зон белорусско-русского и белорусско-украинского пограничья (нередко находившихся в границах русских или украинских территорий). К ним в первую очередь можно отнести выходцев из Суражского, Мглинского, Новозыбковского, Стародубского и Городнянского уездов Черниговской губернии. Так как на момент переселений белорусское национальное самосознание еще не успело окончательно сформироваться в крестьянской среде мест выхода, переселенцы из этих районов чаще всего называли себя «руськими», а свою родину «Расеей» [Фетисова, 2002, с. 21]. Помимо этого, на территории Дальнего Востока была распространена региональная, а не этническая самоидентификация, когда переселенцы отождествляли себя с «могилевскими» или «витебскими». Данные примеры были широко распространены на территории всей Сибири, и их с уверенностью можно назвать общими для всего белорусского переселенческого движения того периода.

Для адекватного понимания процессов социальной и хозяйственной адаптации белорусских переселенцев на Дальнем Востоке большое значение имеет изучение их взаимодействий с новым этнокультурным окружением. Особого внимания заслуживают исследования перенесения моделей межнациональных взаимодействий из мест выхода переселенцев в районы их компактного проживания на новой родине. Ю.В. Чернявской был предпринят анализ архетипов «своего/чужого» на примере иноэтничных соседей белорусов, в роли которых чаще всего выступали проживавшие в непосредственной близости от них евреи, цыгане или татары [2010]. Соседей, с которыми у белорусских крестьян устанавливались дружественные хозяйственные и социальные контакты, «инородцев», ввиду культурных различий, нередко отождествляли в местном фольклоре с персонажами, связанными с потусторонними силами. Автор отмечала, что «о близости Еврея (или вообще Чужого) к «тому свету» свидетельствует ряд белорусских обычаев. Так, на ряжении (на Коляды, на Пасху) полесские крестьяне надевали маски еврея, цыгана или татарина» [Чернявская, 2010, с. 218]. Большого внимания заслуживает трансформация этой традиции на Дальнем Востоке. Здесь в роли «чужого» для белорусских крестьян начали выступать живущие поблизости китайцы и корейцы, встречавшиеся в качестве святочных персонажей [Фетисова, 2002, с. 78–79].

Однако переселенцы не только противопоставляли себя новому этническому окружению, но и заимствовали у них некоторые хозяйственные традиции. Так, в ряде деревень, расположенных на территории современной Амурской области, местные жители под влиянием китайцев начали выращивать сою. Взаимодействие переселенцев с местным природным миром могло подчас показаться полным экзотики для жителей западных губерний. Так, Л.Е. Фетисова приводит выдержку из газеты «Владивосток» за 1887 г., в которой сообщалось о набегах тигров, в результате которых жители переселенческих деревень лишались свиней и собак [2002, с. 28].

Еще одной интересной гранью историко-этнографических аспектов жизни белорусских переселенцев на Дальнем Востоке является топонимика основанных ими деревень. Наиболее часто названия деревень, связанные с местами выхода белорусских переселенцев, можно встретить в Амурской области. Приведем лишь некоторые примеры таких деревень, сохранив-

шихся на территории Свободненского района. Село Рогачевка было основано в 1898 г. переселенцами из Рогачевского уезда Могилевской губернии. Деревня Костюковка основана в 1901 г. выходцами из одноименного села, расположенного в Костюковической волости Могилевской губернии. Село Нижние Бузули основали в 1909 г. выходцы с Украины и из Белоруссии. В переводе с белорусского «бузуи» означает «ходыки, искавшие новое место». Старожилы деревни утверждают что буква «л» была позднее вставлена в ее название для более твердого звучания. Село Семеновка было основано в 1908 г. украинцами и белорусами. По преданию, местные жители тянули жребий, чьим именем назвать село. Жребий выпал Семену Иванову. Первый колхоз в Семеновке появился в 1929 г. и назывался «Красный Белорус», что указывает на процессы «белорусизации», имевшей в те годы место не только на территории БССР, но и в ряде национальных районов проживания белорусов в Сибири и на Дальнем Востоке [Летопись сел Свободненского района, 2010].

Подведем первые итоги нашего исследования. В отличие от Сибири, на территории Дальнего Востока сложилось больше предпосылок для полной ассимиляции белорусских крестьян. В первую очередь они были связаны с тем, что территорию большинства аграрных районов Дальнего Востока русские, украинцы и белорусы заселяли практически одновременно. Освоение новых земель общими усилиями способствовало этнокультурной консолидации переселенцев. Данная ситуация контрастирует с этнографическими материалами, собранными во многих районах Сибири, в которых можно отчетливо проследить разделение на старожильческие и новопоселенческие культурно-бытовые традиции и принципы самоидентификации. В отличие от Сибири, для аграрной среды Дальнего Востока более характерно не обособление отдельных групп восточно-славянских переселенцев, а своеобразный синтез локальных этнических традиций, привнесенных ими из мест выхода.

Несмотря на общие процессы ассимиляции потомков белорусских переселенцев на территории Дальнего Востока, сегодня среди них можно наблюдать и процесс своеобразной «латентной идентичности». Ее активизация была зафиксирована нами в ходе чрезвычайной ситуации. В августе 2013 г. во время стихийного бедствия, связанного с масштабным наводнением в Приамурье, имела место активная консолидация и взаимопомощь людей по национальному, «земляческому» принципу. Так, добровольцы действующей в Благовещенске автономной некоммерческой организации «Белорусское землячество», возглавляемой уроженцем г. Рогачева Гомельской области Н.М. Васильевым, оказывали адресную помощь жителям «белорусских» деревень. Члены землячества брали шефство над наиболее незащищенными пожилыми жителями затопленных селений, оказывали помощь в их эвакуации, а также в восстановлении пострадавших от наводнения домов. Правительство Республики Беларусь доставило в Благовещенск транспортным самолетом Ил-76 сорок три тонны гуманитарной помощи, основу которой составило детское питание. Помимо этого из Беларуси по железной дороге для всех пострадавших жителей Приамурья были доставлены консервы и картофель. Данная ситуация свидетельствует, что сохранение национального самосознания и культурных традиций переселенцев во многих случаях можно рассматривать в качестве важного социального капитала, способствующего сплочению людей в чрезвычайных обстоятельствах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аргудяева Ю.В. Белорусы-литвины в Приморье (конец XIX в.) // Проблемы культуры Дальнего Востока: Науч. конф. Владивосток, 1993. С. 15–18.
- Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. — начало XX в.). М., 1997. С. 45–47.
- Багашёв А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 124–129.
- Бутковская Н.В., Смирнова И.Ю. Мельниковы. Бондарь. Головки. Семейные хроники. Владивосток, 2008. 435 с.
- Кауфман А.А. Переселения крестьян в России // Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: Современная версия: В 24 т. М.: Эксмо, 2006. Т. 13. 255 с.
- Летопись сел Свободненского района / Сост. Л.Л. Сандырева; Межпоселенческая б-ка Свободненского р-на. 2010. 84 с. Рукоп.
- Национальный состав населения Приморского края. Владивосток: Приморскстат, 2012. 91 с.
- Традиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / Сост. И.В. Семенова. Владивосток, 1998. 118 с.

А.Н. Багашёв, Р.Ю. Федоров

Фетисова Л.Е. Белорусы в Приморье // Многонациональное Приморье: История и современность: Материалы науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. морской акад., 1999. С. 34–37.

Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. 240 с.

Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1: Семейно-обрядовые песни и причитания. Новосибирск: Наука, 2011. 548 с.

Черномаз В.А. Украинцы Приморья: Прошлое и настоящее // Многонациональное Приморье: История и современность: Материалы науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. морской акад., 1999. С. 26–32.

Чернявская Ю.В. Белорусы: От «тутэйших» к нации. Минск: ФУАинформ, 2010. 512 с.

Тюмень
*ИПОС СО РАН
bagashev@tmn.ru
**ИКЗ СО РАН
r_fedorov@mail.ru

The article is devoted to historical-and-ethnographic investigations with regard to life of Byelorussian peasants migrated into the territory of the Far East in the late XIX — early XX century. The paper considers assimilation processes and preservation of certain elements of ethnocultural identity with the migrants.

Byelorussian migrants, Byelorussians in the Far East, agrarian migrations, traditional Byelorussian culture, ethnocultural interactions.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА КАТОЛИКОВ СИБИРИ В 1830–1917 гг.

Т.Г. Недзелюк

Статья посвящена характеристике процесса формирования конфессионального сообщества католиков Сибири в период наиболее массового миграционного движения из западных регионов империи на восток. Источниковой базой исследования послужили материалы статистики. В результате исследования с применением методик контент-анализа, методов обобщающих показателей, а также анализа и синтеза сделаны выводы о поступательном увеличении доли католиков в населении Сибири в период с 1830 по 1917 г. Массовые миграции были обусловлены как политическими, так и социально-экономическими причинами.

Конфессиональное сообщество католиков Сибири, состав и численность населения, демографические характеристики, политическая ссылка, экономические миграции.

История политических и экономических миграций, определивших массовую количественную основу конфессионального сообщества сибирских католиков, неоднократно становилась предметом исследований. Долгое время наиболее изученной считалась польская диаспора Восточной Сибири [Шостакович, 1974; Федорчук, 1994; Тимофеева, 2001], однако на рубеже XX–XXI столетий активизировался исследовательский интерес и к представителям европейских диаспор Западной Сибири [Европейские общины..., 2010; Мулина, 2012; Пяткова, 2008; Скубневский, 1998, 2009]. К проблемам миграционного поведения немцев обращается целая плеяда исследователей [Вибе, 2007; Дятлова, 1998; Кротт, 2006; Малиновский, 1996; Розина, 2006; Смирнова, 2010; Шайдуров, 1996, 2013]. Мотивация к переселенческому поведению выявлена в сочинениях П.П. Вибе [1996, 2007]. Условия переселения добровольных мигрантов-агров немцев немецкой национальности в Сибирь изучены Е.К. Розиной [2006]. Объяснительная модель предпринимательской активности немцев-протестантов в сравнении с немцами-католиками разработана Л.В. Малиновским и И.И. Кроттом [Малиновский, 1996; Кротт, 2006].

Демографические характеристики первой волны массовой ссылки поляков в Сибирь, составившей основу католических приходов и выступивших с инициативами возведения культовых зданий, выявлены Р.В. Оплаканской [2001]. Анализ численности и состава, профессиональной принадлежности и семейного положения ссыльных в Западную Сибирь пореформенного периода выполнен С.Г. Пятковой [2008]. Современный взгляд на социальный и демографический состав польской ссылки предложен С.А. Мулиной [2012]. Численность, размещение и персональный состав представителей польского католического духовенства в сибирской ссылке охарактеризованы И.Н. Никулиной [2011].

Результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи для характеристики католического сообщества в России и в Сибири были востребованы В.А. Скубневским [1998] и Б.В. Тихоновым [1977]. Тема миграционных потоков агров немецкой и польской национальностей католического вероисповедания отражена в работах С.В. Леончика [2002] и В.Н. Шайдурова [2013]. Скрупулезный анализ численности, состава и размещения польского населения в Сибири на рубеже XIX–XX вв. проведен в монографии Л.К. Островского [2011].

Процесс миграции граждан Российской империи римско-католического вероисповедания на бескрайние просторы Сибири приобрел массовый характер во второй четверти XIX в., после знаменитого Ноябрьского восстания в Польше. Так как точного статистического учета ссыльных и переселенцев в Сибирь из западных регионов империи не велось, для реконструкции и подсчета численности поляков специалистами по исторической демографии были разработаны специальные методики. Результатом исследований Р.В. Оплаканской стал поименный список («Генеральная картотека персоналий»), составленный на основе поименных списков ссыльных, извлеченных из фондов ГАРФ и ИСАОО. Для учета количества добровольных переселенцев исследователь использовала метрические книги Томского костела. В картотеку вошли данные о 401 политическом ссыльном и 799 польских переселенцах [Оплаканская, 2001, с. 18]. Таким образом, мы достоверно можем утверждать, что 1200 католиков польского происхождения оказались в Томской губернии в период 1831–1860 гг. (до начала второй волны политической

ссылки). Данные, полученные с помощью анализа метрических книг, были соотнесены с поименными списками отправленных в Сибирь, составленными польским историком М. Яником на основе документов Речи Посполитой [Janik, 1991]. В генеральной картотеке персоналий зафиксированы: дата и место рождения человека, выступавшего в роли учетной единицы; происхождение, социальный статус и род занятий как до появления в Сибири, так и после; семейное положение и круг общения [Оплаканская, 2001, с. 19]. В состав ученых вошли не только непосредственные участники Ноябрьского восстания, но и «заливщики» (участники партизанского движения под руководством Ю. Заливского), «конарщики» (члены конспиративной организации Ш. Конарского).

Так как строгого статистического учета высланных и добровольно переехавших в Сибирь в период 1830–1862 гг. не велось, мы не можем делать категорических оценок. Исследователи предлагают и обосновывают следующие цифры. Польский историк В. Масярж, характеризуя иркутский приход, указывает на его относительно стабильную численность в течение длительного периода: в 1853 г. — 1179 чел., 1855 г. — 1171, 1856 г. (после амнистии 1856 г.) — 965, 1861 г. — 1478 [Masiarz, 2002, s. 128]. Оценивая общую численность высланных в Сибирь, другой польский историк, Л. Заштовт, настаивает на общей цифре в 14 тыс. чел. в период между Ноябрьским восстанием 1830 г. и Январским восстанием 1863 г. в губерниях Царства Польского [1998, с. 165–170]. Массовые миграции представителей немецкого этноса данного вероисповедания в Сибирь будут иметь место значительно позже, в 80-е гг. XIX столетия, а потому мы можем рассматривать поляков в качестве инициаторов основания католических общин.

Попытка выявления численности и персонального состава участников Январского восстания 1863 г. была предпринята Варшавским центром исторических исследований под руководством В. Сливовской. Разработанная польскими историками-демографами «Картотека польских ссыльных» базировалась на унифицированных данных анкеты. Исследование носило комплексный характер, одновременно проводилось в архивах польских городов (Варшава, Краков, Люблин, Седльце, Радом) и в России: в ГАРФ и РГИА, государственных архивах Вятки, Твери, Перми, Оренбурга, Иркутска, Омска, Томска, что позволяет судить о его достаточной репрезентативности. Сравнение персональных данных позволило коллективу авторов максимально точно выявить имена повстанцев, фигурировавших в списках мест выхода (населенные пункты в Польше), транзитных списках (Вятка, Пермь и Оренбург) и собственно в сибирских перечнях. Результатом исследовательского поиска стал перечень из 40 тыс. имен [Сливовская, 2010].

Динамику изменения численности Иркутского прихода во время второй волны польской ссылки в Сибирь проследил В. Масярж: в 1864 — 1906 чел., 1865 — 2954, 1868 — 5179, в том числе 924 женщины, в 1870 — 4271, 1871 — 3996, 1903 — 3756 чел. [Masiarz, 2002, s. 129]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Красноярском приходе: 1888 г. — 4188 чел., 1895 — 6998 чел. [Там же, s. 132]. Таким образом, второй хронологический этап формирования католического населения Сибири охватывает период 1863–1880 гг. (первый «сибирский транспорт» с осужденными за участие в Январском восстании отправился из Варшавы 16 сентября 1863 г., а последний — 16 июня 1880 г., несмотря на то что ряд «пונесших наказание Сибирью» уже были амнистированы) [Стшижевская, 2002].

В 70–80-е гг. XIX в. строгого статистического учета прибывших в Сибирь по-прежнему не велось, на что в 1867 г. сетовал тобольский генерал-губернатор Деспот-Зенович: «...до сих пор не заведен алфавитный список лиц, высланных из Царства Польского и Западного края под надзор полиции... постоянно обнаруживаются беспорядки по этой части» [ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 1, д. 146, л. 74]. Не существовало общего алфавитного списка, но «алфавиты на записку преступников», водворенных в уезды сибирских губерний, передавались губернскими полицейскими управлениями уездным исправникам. Это позволило В.Н. Асочаковой уточнить поименные списки сосланных и сделать вывод, что основной поток польских ссыльных в Минусинский уезд начался после подавления польского повстанчества в 1863–1864 гг., итоговая численность их составила 1026 чел. К концу 1864 г. в Енисейскую губернию было сослано 2686 католиков и 1547 лютеран, из них в Минусинском округе были поселены 505 и 928 соответственно, т.е. 18,8 % от общего количества католиков и 59,9 % лютеран в губернии [Асочакова, 2007, с. 77].

Высокой степенью достоверности характеризуются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., которые содержат информацию о численности и национальном составе населения по губерниям, уездам, крупным населенным пунктам. Важны для нашего исследования сведения о вероисповедном составе, половозрастной структуре и уровне грамотности населения, позволяющие выявить своеобразие сибирского населения с

Формирование конфессионального сообщества католиков Сибири в 1830–1917 гг.

точки зрения его конфессиональной структуры, географического и социально-политического положения края, принадлежности к огромной евро-азиатской империи. В целом по империи в 1897 г. католики составляли 9,09 % от общего состава населения, что характеризует их как третью по количеству конфессиональную группу: 69,54 % от общего количества населения составляли православные с единоверцами и 11,06 % — мусульмане. На четвертом месте — протестанты, но их число значительно меньше: 2,98 %. Мужчины и женщины среди католиков наличествовали приблизительно в равном количественном соотношении: 5 664 665 и 5 756 262 чел. соответственно; незначительное преобладание женского населения над мужским вписывается в рамки нормального демографического распределения. Если сравнивать количество католиков по регионам, то заметим, что в Европейской России их было 4,6 %, в привисленских губерниях — 74,3 %, на Кавказе — 0,5 %, а в Сибири — 0,6 % [ПВПН РИ, 1901, т. 6, с. 19].

Если сравнивать статистику по сибирским регионам, то заметим, что в 1897 г. процентное отношение католиков к основной массе сибирского населения было несколько большим в Восточной Сибири, нежели в Западной. В абсолютных данных максимальное число католиков проживало в Томской губернии — 8587 чел., но в процентном соотношении на первом месте находилась Енисейская — 1,08 %, на втором Иркутская — 0,78, далее Тобольская — 0,5 и лишь затем Томская губерния — 0,44, области Забайкальская — 0,3 и Акмолинская — 0,25 % (табл. 1).

Таблица 1

Количество католиков среди населения Сибири по переписи 1897 г.*

Губерния, область	Мужчин	Женщин	Всего	
			Абс.	% к общему числу жителей
Енисейская	4561	1607	6186	1,08
Иркутская	2990	1042	4032	0,78
Тобольская	4378	2707	7085	0,5
Томская	5388	3199	8587	0,44
Забайкальская	1440	455	1895	0,3
Акмолинская	997	707	1704	0,25
<i>Итого</i>	19754	9717	29471	0,56

* Составлено по: [ПВПН РИ, 1901, с. 2–5, 34–37].

Объективно к рубежу XIX–XX вв. в Сибири сложились четыре значимые в численном отношении группы, составившие демографическую основу сибирских католических приходов. К ним относились: 1) бывшие польские ссыльные и их потомки; 2) добровольная экономическая миграция (рабочие и служащие на строительстве Сибирской железной дороги); 3) добровольная крестьянская миграция (выходцы из малоземельных губерний европейской части России, в том числе поволжские немцы); 4) военная миграция в годы Первой мировой войны.

Политическая ссылка поляков прекратилась в 1915 г., как только царские войска покинули территорию Польского королевства. Однако ссыльные поляки, хотя и были первым источником основания «сибирской Полонии», дали впоследствии лишь 10–15 % от общего числа поляков-сибиряков.

В. Масярж акцентирует значение добровольной заработанной миграции польской интеллигенции, которая началась со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали [Masiarz, 2008]. Представители этой миграционной волны, которая продолжалась вплоть до 1914 г., — чиновники, служащие, юристы, учителя, купцы, врачи, а более всего инженеры и квалифицированные рабочие — поселялись в городах и на станциях вдоль железной дороги. Наиболее крупной группой поселенцев-поляков, по мнению польского ученого, в чем мы с ним полностью согласны, явилась волна добровольной аграрной миграции, массовой с 1907 г.; этих людей поселяли в деревнях либо на вновь подготовленных земельных участках. Последняя, четвертая волна стала прибывать в Сибирь в 1914–1915 гг. с началом войны: это переселенцы, эвакуированные властями, беженцы и военнопленные из австрийской и германской армий.

В первые десятилетия XX в., ввиду изменения мотивации переселений, большее число переселенцев стало оседать в Западной Сибири, нуждавшейся в сельскохозяйственном освоении. Для выявления мест максимального локального сосредоточения католиков на территории Сибири сопоставим данные ПВПН РИ в табл. 2 и статистического справочника «Города России в 1910 г.» [1914, с. 1030–1033, 1100–1101].

Округа Сибири с наиболее многочисленным католическим населением (1897 г.), чел.*

Западная Сибирь			Восточная Сибирь		
Томская губ.	Тобольская губ.	Акмолинская обл.	Енисейская губ.	Иркутская губ.	Забайкальская обл.
Каинский округ (3594 чел.)	Тюкалинский округ (2359 чел.)	Омский округ (1214 чел.)	Красноярский округ (2094 чел.)	Иркутский округ (1696 чел.)	Читинский округ (695 чел.)
Томский округ (3179 чел.)	Ишимский округ (1413 чел.)	Кокчетавский округ (229 чел.)	Канский округ (1576 чел.)	Нижнеудинский округ (1106 чел.)	Верхнеудинский округ (306 чел.)
Мариинский округ (1406 чел.)	Тарский округ (1199 чел.)	Петропавловский округ (229 чел.)	Минусинский округ (1243 чел.)	Балаганский округ (861 чел.)	Нерчинско-Заводской округ (298 чел.)

* Составлено по: [ГВПН РИ, 1904–1905, т. 73, с. 2–3; т. 74, с. 2–3; т. 75, с. 2–3; т. 78, с. 2–3; т. 79, с. 2–3; т. 81, с. 2–3].

Исходя из проанализированных нами цифровых данных заключаем, что больше всего католиков в 1897 г. проживало в Каинском и Томском округах Томской губернии, Тюкалинском округе Тобольской губернии, Красноярском округе Енисейской губернии и Иркутском округе Иркутской губернии.

Проследим конфессионально-демографическую картину в развитии. Динамика за 13 лет, с 1897 по 1910 гг., демонстрирует сохранение высокого количества католиков в городах Красноярске, Омске, Томске, Иркутске. В процентном соотношении самыми насыщенными католическим населением оказались в 1910 г. Атамановский хутор Акмолинской области и г. Красноярск Енисейской губернии и (по 8,7 %), г. Тобольск Тобольской губернии (5,7 %), города Мариинск (4,2 %), Новониколаевск (3,9 %), Томск (3,6 %) Томской губернии, г. Иркутск Иркутской губернии (3,9 %), г. Омск Акмолинской области (3,8 %) [Города России..., 1914, с. 1030–1033, 1100–1101]. Подавляющее большинство католиков-сибиряков являлись гражданами польской национальности, за исключением г. Бийска, где все католики оказались немцами. В городах Мариинске, Новониколаевске, Тобольске, Омске, наряду с поляками, прихожанами католической церкви являлись литовцы, латыши, белорусы, немцы. Любопытная ситуация складывалась в городах Петропавловске Акмолинской области и Ишиме Тобольской губернии, где поляков, для которых католичество является традиционной религией, наблюдалось даже больше относительно общего числа католиков. Вероятно, некоторые из них, ассимилировавшись с местным населением, приняли православие либо стали атеистами, что после манифеста 1905 г., провозгласившего свободу вероисповедания, официально не преследовалось.

Более других этнической и конфессиональной ассимиляции были подвержены белорусы. Сибирский этнограф Е.Ф. Фурсова на материале полевых данных этнографических экспедиций сделала вывод, что этнические белорусы, в зависимости от вероисповедания, делились на две неравные части: большую составляли православные, идентифицировавшие себя с русскими и считавшие родным русский язык, и католики, которые относили себя к белорусам, но православными братьями звались «поляками». В связи с этим белорусские поселки Северной Барабы и северо-западной части Новосибирской области часто в народе назывались «польскими», так как сами белорусы осознавали свою веру как «польскую» [Фурсова, 2000, с. 102–104]. Жизнь в отдаленных от этнической территории странах, как замечает Л.М. Лыч [2000, с. 127–131], всегда сопряжена с постепенной утратой оторванными от нее людьми своей принадлежности к родной национальности. Перейдя в силу разных причин на стандарты русской или украинской жизни, белорусы могли принять и их национальность. Таким образом, в зависимости от этнической идентичности выходцев из западных губерний можно разделить на три группы: 1) те, чьи родители считали себя белорусами, а их дети — русскими, хотя знали о своем происхождении; по вероисповеданию часто православные; 2) те, кто считал своих родителей и себя русскими и родным языком — русский, достоверно зная о своем православном происхождении; 3) те, у кого родители считали себя этническими белорусами, дети и внуки, часто даже при наличии записи в паспорте «русский», понимали родной язык и говорили на нем дома, соблюдали католические религиозные традиции.

Таким образом, именно к третьей группе белорусского населения мы относим тех, кто в ходе полевых исследований дает о себе сведения: «родителей привезли в детском возрасте из д. Ельна Минской губ. Полоцкого уезда, католик», «родители приехали из Витебской губ. в 1900 г., считает себя белорусской, католичка», «Родители из России, откуда точно неизвестно. Национальности не знает, считает себя «полячкой, католичка»; и что более всего показательно, «белорус, католик, более точных данных нет» [Лыч, 2000, с. 127–131].

Формирование конфессионального сообщества католиков Сибири в 1830–1917 гг.

Сведениями о конфессиональной принадлежности часто подменялись данные для графы «национальность» в социологических исследованиях первой половины XX в., и не только в отношении белорусов. В списках домовладельцев, составленных Алтайской губернской земской управой в 1916 г., под рубрикой «национальность» во многих поселениях указано «католик», в то время как о протестантах написано просто «немец» [КГУ ГААК, ф. 233, оп. 1. д. 1072]. Относительно поляков наблюдается обратная связь: зачастую указание на польскую национальную принадлежность как само собой разумеющееся предполагало римско-католическую конфессиональную ориентацию, поэтому католические церкви до сих пор в просторечии часто именуется «костелами», а священнослужители в них «ксендзами», несмотря на этнически разнородный состав прихожан. Наши выводы подтверждаются сравнением конфессионального состава сибирского населения в 1910 г. (табл. 3).

Таблица 3

Конфессиональный состав населения зауральского региона в 1910 г., %*

Губерния (область)	Православные с единоверцами и старообрядцами	Магометане	Католики	Протестанты
Амурская	88,05	0,54	0,35	0,60
Енисейская	96,04	0,86	1,08	0,66
Забайкальская	81,00	0,48	0,30	0,10
Иркутская	83,62	1,48	0,78	0,15
Приморская	63,58	0,57	1,65	0,47
Тобольская	94,12	4,47	0,50	0,43
Томская	95,62	2,12	0,44	0,10
Якутская	98,47	0,70	0,15	0,07
Акмолинская	34,31	64,43	0,25	0,77
Закаспийская	9,03	88,07	1,23	0,28
Самаркандская	1,59	97,62	0,18	0,06
Семипалатинская	10,20	89,71	0,03	0,02
Семиреченская	9,76	90,18	0,02	0,01
Сырдарьинская	3,12	96,37	0,19	0,13
Тургайская	8,95	90,99	0,03	0,01
Уральская	25,60	74,15	0,04	0,02
Ферганская	0,63	99,09	0,10	0,02
Всего по империи	69,90	10,83	8,91	4,85

* Составлено по: [Ежегодник России. 1910 г., 1910, с. 74].

Видим, что мусульмане, католики и протестанты составляли наиболее массовые конфессиональные группы в зауральском регионе, значительно отставая от доминирующей совокупности православных, единоверцев и старообрядцев. Сохранялось относительное превалирование в процентном соотношении Восточной Сибири над Западной, а в абсолютных данных — Западной над Восточной. Последнее обстоятельство объяснялось активными экономическими миграциями в сельские местности Западной Сибири немецкого католического населения. Замечено, что «масштабы расселения католиков и лютеран в Сибири... зависели от политики государства и условий, необходимых для осуществления колонизации» [Асочакова, 2007, с. 76]. Экономические миграции привлекли в Сибирь представителей разных национальных и конфессиональных групп, а великие потрясения были еще впереди, поэтому и процентные соотношения в национальном составе региона оставались в 1910 г. такими же, как и 13 лет назад.

Перед российским правительством стояла двуединая задача: с одной стороны, необходимость учитывать военно-стратегические и экономические задачи освоения малонаселенных окраин страны, с другой — сохранять экономическую и социальную стабильность в губерниях европейской части России. Сибирь стала рассматриваться правительством в качестве одного из основных колонизируемых регионов еще в начале 80-х гг. XIX столетия в результате обострения экономического кризиса, вызванного русско-турецкой войной и неурожаем 1880 г., ростом самовольного переселенческого движения и увеличения антиимперских, антипомещичьих выступлений. Таким образом, католики — политические ссыльные сменились в Сибири качественно иной категорией переселенцев: католики — вольные работники. Добровольные переселенцы, крестьяне, имели право выбора и сами определяли, где им поселиться.

Неудачный для российской армии ход военных действий в 1915 г. привел к тому, что в Сибирь из западных губерний России хлынул поток беженцев, многие из которых были католика-

ми. Большинство их располагалось и пыталось обосноваться в городах, на железнодорожных станциях, вблизи транспортных магистралей. Омский декан — настоятель католического прихода Непорочного Зачатия Богородицы докладывал в Консistorию, что «через Омский приход, Акмолинской области, следует волна беженцев, направляясь в дальнейшие пункты Сибири. В самом г. Омске беженцев-католиков зарегистрировано до 1000 чел.» [РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 328, л. 167]. По сведениям Особого совещания по устройству беженцев, к тому моменту по Сибирской магистрали прошло уже 15 тыс. беженцев, многие из которых разместились в крупных городах по линии железной дороги [РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 328, л. 133]. В дальнейшем беженцы расселялись в более мелких населенных пунктах, в сельской местности.

О географии расселений стало известно из доклада управляющего Могилевской архиепархией епископа Иоанна Цепляка. 18 ноября 1917 г. он докладывал в ДДД ИИ МВД, что в г. Кургане Тобольской губернии и окрестных селениях остановились 150 чел. Беженцев в г. Тюмени той же губернии — около 100 чел., в Томске — 1770 чел., из них $\frac{3}{4}$ поляков, в с. Тимофеевка и других окрестных селениях Каинского уезда — 25 семейств, в г. Барнауле — 200 чел., г. Бийске — 50 чел., Боготольском приходе — 70 семейств, «но всё прибывают новые» [РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 1426, л. 133].

В действительности, отмечал Цепляк, число беженцев гораздо больше, так как регистрация коснулась лишь части их. Основная масса беженцев-католиков была размещена в Омске, Красноярске и Иркутске, а к августу 1916 г. число осевших в одной только Томской губернии составляло 56 тыс. чел. [РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 1426, л. 133, 167].

Томский историк А.Я. Манусевич отметил, что «временное польское население России в годы Первой мировой войны состояло из переселенцев, прибывших в Россию на заработки сравнительно незадолго до войны (примерно 300 тыс. чел.), из политических заключенных и ссыльных (более 3 тыс. чел.), из беженцев (до 1,5 млн чел.), военнослужащих (500 тыс. чел.), военнопленных (100 тыс. чел.). Всего, следовательно, в России к 1917 г. находилось до 2,5 млн чел. временного польского населения. Признавая несомненную условность этой цифры, можно считать бесспорным, что речь идет о больших человеческих массах» [1965, с. 41]. Местами выхода беженцев, как и в предыдущие периоды, были Виленская, Витебская, Ковенская, Сувалкская губернии. Другими центрами миграции, не фигурировавшими ранее в качестве источника массовых переселенцев, явились Курляндская, Лифляндская, Ломжинская, Холмская губернии. Социальный и возрастной состав вынужденных переселенцев был необычайно широк: от одиноких домработниц с детьми младенческого возраста до глубоких стариков, от чернорабочих до потомственных шляхтичей. Рабочие и служащие: плотники, столяры, печники, сапожники, портные, колбасники, кузнецы, дорожные мастера, учителя, врачи — определялись на жительство со своими семьями главным образом в города Новониколаевск и Томск. Тех же, кто на родине занимался земледелием и указал это при обследовании, Бюро по учету беженцев направляло в сельскую местность. Удивительно, что даже в обстановке всеобщей сумятицы учитывалась национальная и конфессиональная принадлежность водворяемых: новыми местами их обитания стали Барнаул, Бийск, Боготол, Каинск, Мариинск, т.е. те населенные пункты, где они могли найти не только дом и работу, но и близкую культурную среду [Беженцы..., 1916, с. 1–156]. Стремительно увеличивавшееся количество лиц католического исповедания уже не успевали обслуживать священники сибирских деканатов. В помощь им, с согласия МВД, в 1915 г. было командировано еще около 100 пастырей, в основном также из числа беженцев [РГИА, ф. 821, оп. 128, д. 1426, л. 325].

К сожалению, сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. не предоставляют данных для сравнения конфессионального состава населения Сибири в динамике, так как Первая всеобщая российская сельскохозяйственная перепись 1916 г. была произведена по распоряжению министра земледелия и преследовала узкую цель — учет сельскохозяйственного населения для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Переписи не подлежало население городов, полосы отчуждения железных дорог и население, не занимавшееся непосредственно сельским хозяйством. Перепись 1917 г. проводилась в период с мая по октябрь, т.е. накануне революционных событий, и могла бы показать качественный и количественный состав населения, но, к сожалению, ее данные не могут быть признаны вполне репрезентативными в контексте нашего исследования, так как ряд труднодоступных районов Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области не были охвачены переписью. В.Н. Разгон, разрабатывая материалы переписи населения 1917 г., пришел к выводу, что польские крестьяне Алтая в большей степени, чем русские и украинские, занимались промыслами. Если процент русских, занятых в промысловой деятельности сельского хозяйства Алтайского округа, составлял в 1917 г.

Формирование конфессионального сообщества католиков Сибири в 1830–1917 гг.

5,3 %, а украинцев — 3,5 %, то поляков — 16,7 %. Больше значение зафиксировано только среди протестантов-литовцев — 28,5 % [Разгон, 1996, с. 145]. По совету В.Н. Разгона мы проанализировали материалы коллекции Алтайской губернской земской управы и изучили переписные листы. Была установлена следующая закономерность: в графе «национальность» переписные крестьяне указывали не национальную, а конфессиональную принадлежность, если она отличалась от эталонной в России (не являлась православной) [КГУ ГААК, ф. 233, оп. 1, д. 406, 763, 986, 1005, 1072]. Выявленный факт позволяет сделать вывод о превалировании к 1917 г. конфессиональной самоидентификации над национальной в среде переселенцев.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов. Конфессиональное сообщество католиков Сибири формировалось в период с Ноябрьского восстания 1830 г. в Царстве Польском, давшего первую массовую волну ссыльных католического вероисповедания в Сибирь, по 1917 г. включительно за счет мигрантов из европейских губерний империи. Демографические характеристики состава членов конфессионального сообщества католиков в западном и восточном регионах Сибири принципиально различны. Для восточного региона побудительным мотивом формирования католического сообщества выступила главным образом политическая ссылка. В Западной Сибири системообразующим фактором стали в большинстве случаев аграрные переселения либо заработная миграция при строительстве Транссибирской железной дороги. Оказавшись в новых социокультурных условиях, переселенцы придерживались традиционных для себя религиозных ценностей, что обусловило формирование в рамках указанного хронологического периода на данной территории конфессионального сообщества католиков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Неопубликованные источники

ГУТО ГАТ. Ф. 152. Тобольское общее губернское управление.

КГУ ГААК. Ф. 233. Алтайская губернская земская управа.

РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.

Опубликованные источники

Беженцы в Томской губернии. Список семейств беженцев и их адреса. Томск: Тип. Г.И. Ливен, 1916. Вып. 1–2. 696 с.

Города России в 1910 г. СПб.: Центр.-стат. ком. МВД, 1914. [2], III, 1158, XXXII с.

Ежегодник России. 1910 г. СПб., 1910.

ПВПН РИ — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПб.: Изд. Центр. стат. ком., 1901. 39 с.

ПВПН РИ. Т. 73: Енисейская губерния. СПб., 1904. 185 с.

ПВПН РИ. Т. 74: Забайкальская область. СПб., 1904. 183 с.

ПВПН РИ. Т. 75: Иркутская губерния. СПб., 1904. 171 с.

ПВПН РИ. Т. 78: Тобольская губерния. СПб., 1905. 247 с.

ПВПН РИ. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904. 245 с.

ПВПН РИ. Т. 81: Акмолинская область. СПб., 1905. 135 с.

Литература

Асочакова В.Н. Особенности религиозно-конфессиональной ситуации в Хакасско-Минусинском крае в XVIII в. — 1861 г. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2007. С. 72–79.

Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков // Немцы. Россия. Сибирь. Омск: Изд-во ОГИК музея, 1996. С. 5–57.

Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: Социально-экономический аспект. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 368 с.

Дятлова В.А. Немцы Красноярского края: Исторический аспект // Немцы в России: Люди и судьбы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 40–47.

Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул: Азбука, 2010. 210 с.

Заштовет Л. Депортации и переселения польского населения из западных губерний вглубь Российской империи после январского восстания 1863–1864 гг. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: Региональные центры. Казань: Изд-во КазГУ, 1998. С. 165–170.

Кротт И.И. Этническое предпринимательство: к проблеме социокультурных условий хозяйственной адаптации немцев в Западной Сибири в конце XIX — начале XX века // Немцы Сибири: История и современность Омск: Наука, 2006. С. 12–15.

Леончик С.В. Поляки юга Енисейской губернии. История ссылок и заселения // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 52–58.

Лыч Л.М. Национально-культурное строительство в БССР и белорусская диаспора Сибири (1920-е — первая половина 1930-х гг.) // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 127–131.

Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул: Позитив, 1996. 186 с.

Манусевич А.Я. Польские интернационалисты в октябрьской революции: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1965. 68 с.

Мулина С.А. Мигранты поневоле: Адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. 200 с.

Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные в Западной Сибири в XIX в. (20-е — первая половина 70-х гг.). Иркутск, 2011. 254 с.

Оплаканская Р.В. Польская диаспора в Сибири в конце XVIII — первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 32 с.

Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890–1930-е годы). Новосибирск: Сибстрин, 2011. 460 с.

Пяtkова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода. Сургут: РИО СурГПУ, 2008. 161 с.

Разгон В.Н. Промысловые занятия сельского населения Алтая по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Историческое профессиоведение. Барнаул, 1996. С. 142–147.

Розина Е.К. Условия переселения немецких крестьян в Сибирь в начале XX века // Немцы Сибири: История и современность. Омск: Наука, 2006. С. 5–8.

Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: Региональные центры. Казань: КазГУ, 1998. С. 170–176.

Скубневский В.А. Поляки в административной и хозяйственной деятельности на Алтае в XVIII — начале XX века // Мир Евразии. 2009. № 3 (6). С. 66–71.

Сливовская В. Польская Сибирь — мифы и действительность // Новая Польша. 2010. № 1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.nowpol.ru/index.php?id=1262>.

Смирнова Т.Б. История немецких населенных пунктов Любинского района Омской области // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития: Омск: Омскбланкиздат, 2010. Ч. I. С. 123–127.

Стшижевская С. Ссылные участники Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 124–133.

Тимофеева М.Ю. Участники польского национально-освободительного движения в забайкальской ссылке (1830–1850 годы). Чита: ЗабГПУ, 2001. 151 с.

Тихонов Б.В. Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. 1977. № 1. С. 110–121.

Федорчук С. Поляки на Южном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1994. 88 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX — начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 102–104.

Шайдуров В.Н. Самовольные поселения немецких крестьян на Алтае (конец XIX — начало XX вв.) // История и культура российских немцев. Саратов, 1996. Вып. 3. Ч. 1. С. 66–75.

Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX — начала XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 2 (21). С. 88–97.

Шостакович Б.С. Поляки в Сибири в 1870–1890-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. 43 с.

Masiarz W. Powstanie i rozwój pierwszych parafii rzymskokatolickich na Syberii Wschodniej (1805–1937) // Kościół katolicki na Syberii. Historia — Współczesność — Przyszłość. Wrocław: Silesia, 2002. S. 125–140.

Masiarz W. Projekt utworzenia biskupstwa katolickiego w Tomsku na Syberii na przełomie XIX–XX wieku // Polacy w nauce i kulturze Tomsku oraz Syberii Zachodniej. Wrocław, 2008. S. 279–295.

Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Wrocław: Biblioteka zesłanca, 1991. 196 s.

Новосибирск,

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС
tatned@list.ru

The article is devoted to formation of a confessional community of Siberian Catholics under mass migration from west regions of the empire to the east. The investigation source basis is constituted by statistic data. Using methods of content-analysis, method of aggregating indexes, together with methods of analysis and synthesis, the author comes to a conclusion on a progressive increasing a share of Catholics in the population of Siberia from 1830 to 1917. The mass migration was due to both political and social-economic reasons.

Confessional community of Siberian Catholics, composition and number of the population, demographic characteristics, political exile, economic migrations.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУРЫ ПОЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XX в.¹

И.В. Чернова

На основе полевых этнографических материалов и похозяйственных книг сельских советов некоторых районов Омской, Новосибирской и Томской областей охарактеризован ряд элементов материальной и духовной культуры польского населения Западной Сибири, степень и причины их сохранности/трансформации в ходе социально-культурной и экономической адаптации польских переселенцев к сибирским условиям на протяжении XX в.

Поляки Западной Сибири, материальная и духовная культура, хозяйство, адаптация.

К настоящему времени достаточно подробно освещены сюжеты, связанные с историей и культурой поляков дореволюционного периода, исследованы проблемы этнической идентичности поляков Западной Сибири, а также создан корпус работ, посвященных спецпереселениям. При этом механизмы социально-культурной и хозяйственной адаптации польского населения к новым, сибирским условиям большинство авторов рассматривают применительно к XIX — первой четверти XX в., оставляя за рамками советский период [Крих, 2012; Мулина, 2012; Шайду-ров, 2013]. Это связано как с особенностями источниковой базы, так и со сложностями в определении границ группы польских переселенцев в XX в. из-за процесса «обрусения» поляков в западно-сибирском регионе. Его основные причины, по мнению ряда исследователей, следует искать не только в распространении смешанных браков в послевоенное время, но также в неизбежной унификации традиционной культуры, невозможности долгое время удовлетворять религиозные потребности из-за отсутствия поблизости католического храма, утрате знания польского языка [Восток России..., 2011; Крих, Скуратович, 2005; Масленников, 2003]. Именно поэтому в рамках анализа происходящих в XX в. в среде польского населения Западной Сибири этнокультурных и этносоциальных процессов требуется привлечение материалов этнографических экспедиций.

В основу данного исследования положены интервью, собранные в 2011–2013 гг. в рамках экспедиционных поездок к полякам Омской, Томской и Новосибирской областей, а также Казахстана. Для комплексной оценки имеющейся информации мы использовали не только интервью с потомками поляков, но и воспоминания жителей близлежащих населенных пунктов, относящихся к иным этническим группам (в основном это русские, белорусы, немцы). Характеристика некоторых элементов культуры была дополнена информацией из похозяйственных книг сельских советов за 1930–2000-е гг.

Беседы с респондентами строились по тематическим опросникам, охватывающим темы общности (семейной и календарной), истории населенных пунктов, материальной культуры, религии. При их разработке за основу были взяты методики, апробированные при изучении славянского и немецкого населения, которые в дальнейшем адаптировались к региональным и этническим особенностям поляков Западной Сибири. Этнографические материалы были собраны в д. Деспотзиновке Саргатского района Омской области, в Знаменском (дд. Поляки, Никольское, с. Слобода), Шербакульском (с. Максимовка), Одесском (сс. Одесское, Лукьяновка) и Тарском (д. Минск-Дворянск) районах Омской области, в Кыштовском (д. Тынгица и с. Колбаса) и Колыванском (с. Пихтовка и г. Колывань) районах Новосибирской области, в Кривошеинском районе Томской области (с. Белосток), а также в г. Омске. В настоящее время дд. Поляки и Минск-Дворянск уже не существуют, так как их жители разъехались в 1960-е гг. В д. Тынгица на момент экспедиции 2012 г. проживало 3 семьи. В связи с этим нами были опрошены жители соседних сел, а также проведена дополнительная работа по сбору материалов, освещающих жизнь и быт населения уже исчезнувших населенных пунктов в местных муниципальных архивах и краеведческих музеях.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-31-00214а1 «История и культура поляков Западной Сибири в XVIII–XX вв.».

Обследование затронуло две группы польского населения — потомков добровольных переселенцев XIX — первой половины XX в. и вынужденных переселенцев 1930–1950-х гг. (часть из них родились и выросли внутри польской диаспоры на территории Северного Казахстана, а в 1990-е гг. по разным причинам переехали в Омскую и Новосибирскую области).

Первым шагом стало обозначение маркеров польской культуры и выяснение механизмов ее трансляции. Если в XIX — начале XX в. доминирующую роль здесь играл польский язык, то начиная с 1930–1940-х гг. он все реже используется на уровне бытового внутрисемейного общения, а затем в воспоминаниях информантов уступает место другому маркеру польской идентичности — отправлению религиозных обрядов. Исследователи, занимающиеся сибирской полонией, объясняют эту трансформацию «русификацией», превалярованием иноэтничного окружения, государственной политикой расселения [Масленников, 2003, с. 140; Красильников и др., 2010, с. 211–249].

В этой связи можно привести в пример д. Деспотзиновку Саргатского района Омской области. Здесь, как отмечают некоторые из информантов, их родственники знали польский язык, а в середине 1930-х гг. в деревне проживал специально приглашенный учитель польского языка, звали его Владислав, но его ученики (наши информанты), рожденные в конце 1920-х гг., польскому языку обучены так и не были. Лишь 2 человека из опрошенных указали, что их самих родители учили польскому языку. Молитвы на польском языке знает только один из жителей деревни, он же упомянул, что на польском общались между собой его родители [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1, л. 8, 11, 14]. Большая же часть современных жителей деревни польского языка не знают и поляками себя не считают [Крих, 2012].

В д. Тынгица Кыштовского района Новосибирской области прослеживается аналогичная ситуация. Информантов, которые родились в начале 1940-х гг., родители научили молиться по-польски, но в быту польский язык не употреблялся, поэтому смысл молитв информантам непонятен: «переведи, говорят, а мы не понимаем» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 40].

Католицизм как важный элемент польской идентичности также претерпевает изменения. Источники свидетельствуют, что в населенных пунктах, которые находились на отдаленном расстоянии от церкви, постепенно часть церковных функций (исполнение треб, например) перешла к семье и общине. В дальнейшем, в период гонений на церковь, этот механизм использовался для сохранения религиозной специфики. Подобная стратегия поведения не уникальна, в Сибири ее жизнеспособность и эффективность была доказана, например, старообрядцами. У поляков она привела к сохранению лишь внешних атрибутов католичества. Практически повсеместно у польского населения Западной Сибири дома можно обнаружить католические иконы.

В уже упоминаемой д. Деспотзиновке многие из потомков поляков отмечали, что ранее основные религиозные обряды отправляли пожилые женщины [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1, л. 8, 11, 14]. Аналогичная ситуация фиксируется и в группе поляков-спецпереселенцев 1930–1940-х гг., указывающих, что до 1990-х гг. «молитвы читали дома... Женились без “шлюба” (венчания)» [Там же, л. 35].

Важным фактором, повлиявшим на формирование и трансформацию культуры поляков, стали межэтнические браки, получившие широкое распространение и в XIX в., и в начале 1950-х гг. Однако принципы выбора брачных партнеров различались в указанные периоды. В XIX — начале XX в. актуальными были браки с сибирячками, помогавшие адаптироваться в новой среде [Мулина, 2012, с. 137–139]. При этом вплоть до начала 1930-х гг. польское сообщество, в основном выходцы из некрестьянских групп, пыталось их ограничивать. Одна из жительниц д. Минск-Дворянск Тарского района Омской области вспомнила несколько сюжетов: «мама моя была русской, так родня папы (это была его третья жена) говорила: “Отвези ты, ..., эту гадовку, назад”... Приходили поляки и плевали на маму» (описаны события 1930-х гг.) [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 30 об.].

Начиная с 1940-х гг. межэтнические браки стали актуальны, так как позволяли выжить/не выделяться в условиях проводимой государственной политики. Этот механизм прослеживался у всех групп польского населения наравне со сменой этнической принадлежности в документах [Крих, Скуратович, 2005; Крих, 2012]. При выборе брачных партнеров поляки Западной Сибири ориентировались на белорусов и русских, реже — украинцев, встречались также браки с представителями других групп: к примеру, есть упоминание о браках с чувашами. Несколько иная ситуация наблюдалась в районах Северного Казахстана, где на территории Северо-Казахстанской, Акмолинской, Карагандинской и Костанайской областей тесно соседствовали немецкая,

О некоторых особенностях культуры польских переселенцев Западной Сибири в XX в.

польская и украинская диаспоры. Поляки здесь при выборе брачных партнеров отдавали предпочтение близким по культуре и религии немцам.

В Сибири же польско-немецкие брачные связи были редким явлением, так как в период 1930–1960-х гг. это было опасно. В похозяйственных книгах с. Пихтовка Колыванского района Новосибирской области за 1946–1948 гг. зафиксирована единственная семья, глава которой — поляк, муж главы — немец, внук главы — русский. Изменение национальной принадлежности мальчика при сохранении фамилии, скорее всего, было вынужденным шагом. Подобный механизм защиты широко использовали спецпереселенцы независимо от своего статуса.

Характеризуя особенности семей поляков, заметим, что польские семьи 1920–1960-х гг. отличались многодетностью, нередко в них насчитывалось по 5–9 детей. Об этом свидетельствуют и данные генеалогий, собираемых в ходе этнографических экспедиций, и материалы похозяйственных книг, и статистическая информация. Так, в д. Поляки Знаменского района Омской области на протяжении 1937–1978 гг. около 50 % семей имели 4–6 детей, в 25 % семей было по 2–3 ребенка, в остальных случаях это были семьи, где дети повзрослели и отделились от родителей [ТФ ИсаОО, ф. 60, оп. 1, д. 21, л. 29–63; д. 95, 16 л.; Похозяйственная книга Завьяловского сельского совета (1976, 1977, 1978 гг.). д. Поляки]. В д. Гриневичи в 1940–1977 гг. фиксируется схожая ситуация [ТФ ИсаОО, ф. 512, оп. 3, д. 194, 52 л.; д. 195, 24 л.; д. 77, 61 л.].

Большое количество детей — характерный признак периода 1920–1960-х гг. У поляков важную роль в этом сыграли два обстоятельства — строгое воспитание, связанное с неприятием абортов, и продолжение крестьянских традиций, когда большое количество детей приравнивалось к большому числу рабочих рук. Женщины, с которыми мы беседовали, довольно часто повторяли такую фразу: «Грех на душу не брала, абортов не делала» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 34, 36, 37 об.–38].

Добрачные половые отношения и внебрачные беременности осуждались и строго наказывались, но при возникновении такой ситуации ребенка обычно сохраняли. Несколько информантов вспомнили подобные случаи: «...Забеременела, отец ее из дома выгнал, только что не убил, жила у сестры с дитем, потом простил, но вот замуж она так и не вышла. Жила потом с отцом, люди его корили за то, что он в нее стрелял, а она с ним до смерти жила... Если была одна такая на всю деревню... Фамилию и отчество давали по отцу матери»². «Я сама “дочь целины”... Мама родила меня вне брака, папа потом уехал к себе на родину, хотел меня с мамой забрать, а бабушка (мать матери) не отпустила... Так что записана я на мамину девичью фамилию...»³.

Черты традиционного воспитания прослеживаются и в рамках внутрисемейных отношений — почти все информанты родителей и старших членов семьи всегда называли на «Вы». Одна из жительниц с. Одесское Омской области рассказала, что родня мужа — украинца постоянно укоряла ее за «неправильное» воспитание детей: «Как так может быть, чтобы отца называли на «ты» или по имени, а мать всегда на «Вы»?... Дети же видят, как я общаюсь со своей матерью, и все впитывают... У нас, поляков, так принято», — замечает информант [МЭЭ ОмГУ 2013, п.о. 1].

Помимо социализации и семейных традиций, связанных с воспитанием, важным элементом семейной обрядности является погребальный обряд. Именно он длительное время служил маркирующей чертой в традиционной культуре польского населения Западной Сибири. В ряде населенных пунктов сохранились «польские» кладбища.

Одно из «польских» кладбищ было обнаружено в Деспотзиновке. Видимо, на нем хоронили не только поляков, но всех католиков: на памятниках встречаются немецкие и литовские фамилии. Наиболее распространенным типом намогильных сооружений здесь были четырехконечные кресты, получившие в Сибири название католических. Часть из них выкрашена в черный цвет, почти на всех укреплены распятия и фотографии покойного с указанием годов жизни. Однако большинство надписей выполнены на русском языке, что подкрепляет вывод об интегрированности в русскоязычное сообщество. Кроме крестов широко распространены пирамиды, сваренные из металлического прута, а также плиты и памятники из камня. Некоторые из них имеют надписи на польском языке. На ряде могил деревянные кресты и каменные памятники соседствуют друг с другом, являя собой симбиоз традиционных «польских» норм и современных, унифицированных правил и традиций обустройства и ухода за могилами.

² Записано в 2012 г. в с. Максимовка Шербакульского района Омской области. Описанная ситуация произошла в д. Зеленый Гай Красноармейского района Кокчетавской области, примерно в середине 1940-х гг.

³ Информант 1956 г.р., м/р Чкаловский район Кокчетавской области.

Подобные сюжеты обнаруживаются и в погребальной обрядности поляков и их потомков Знаменского района Омского Прииртышья и Кыштовского района Новосибирской области. Деревня Поляки Знаменского района Омской области не имела собственного кладбища, что подтверждают современные полевые материалы. Жители соседнего с Поляками с. Слобода Знаменского района Омской области вспоминают, что «...возле Виноградовки у поляцких (жители деревни Поляки Знаменского района Омской области. — *И. Ч.*) кладбище было» [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1]. «В д. Поляки не было своего кладбища, и до 1960-х гг. покойников хоронили либо на кладбище Виноградовки, либо возили в Никольск на кладбище» [Там же]. Странная ситуация: хоронить возили за 5–8 км. Чем была обусловлена такая традиция? По всей видимости, это было связано с наличием фамильных захоронений и особенностями взаимоотношений между старожилами и переселенцами во время образования деревни. В рассказах об образовании деревни есть сюжет о покупке земли переселенцами у старожилов из с. Пушкарево [МАЭ ОмГУ, ф. I, п. 163-7, л. 7, 9]. Рассказывают также, что поляки приехали на новое место семейными кланами: «Основали деревню высланные из Польши (территория современной Западной Украины) поляки. Первыми приехали семь семей: четыре семьи братьев Козьминых (Козьма), две семьи Пшеготских и Бажуки...» [Там же].

К настоящему времени на кладбище Виноградовки сохранилось 7 погребений с надписями, кроме того, есть 2 могилы без надписей, судя по размеру крестов, детские. Намогильные сооружения — в основном деревянные кресты, характерные для православного населения. Есть также 2 могилы с металлическими обелисками (могилы А.Я. Бажук и Д.Д. Жевнерова). Из общей массы выбивается лишь крест на могиле Козьмы К.С., он самый большой из всех и по форме похож на католический крест. Из 7 обнаруженных могил половина принадлежит семье Козьма, причем даты смерти указывают на то, что захоронения здесь продолжались и после расформирования д. Поляки.

Другой пример — кладбище в почти уже разъехавшейся к настоящему времени д. Тынгица Кыштовского района Новосибирской области. Здесь имеется общее молельное место в виде большого деревянного креста с распятием, украшенным полотенцами и искусственными цветами. Его описание приведено в статье А. Назимко: «При переезде в Сибирь переселенцы привезли с собой молитвенники на польском языке и религиозные обряды исполняли согласно католическим канонам... Привезли они с собой и деревянную скульптуру Иисуса Христа. На кладбище сделали навес с крышей и полом, поставили крест из лиственницы (крест католический. — *И. Ч.*), на нем и укрепили распятие» [Назимко]. Судя по всему католическое распятие — не просто дань традиции, ведь переселенцы привезли его в Сибирь специально и сохраняли на протяжении двух-трех поколений, даже в период гонений на церковь. Встречаются упоминания об использовании его в родительский день — рядом с этим крестом молились, а затем садились за общий стол. На кладбище в этот день приносили хлеб, «яишню», блины, водку и перловую/рисовую кашу с изюмом [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1]. Есть на кладбище Тынгицы еще одно памятное место — список репрессированных в 1937 г., в котором большая часть — обладатели польских фамилий. Он был установлен потомками тех жителей деревни, которые погибли в результате репрессий.

Материалы о погребальной обрядности поляков дополняются визуальными источниками, свидетельствующими о сохранении архаичных черт в этой сфере семейной обрядности. В фотоархиве одного из жителей Тынгицы есть фото с похорон его дочери, которая умерла от кори в 1966 г. в возрасте полугода. Девочка изображена на нем в брачном венце, что говорит о бытовании отдельных элементов так называемой свадьбы мертвых, детально описанной в литературе. Этот обряд рассматривается исследователям в качестве реликта, существовавшего в Европе лишь до XIX в. [Смирнова, 2008; Народы России..., 1878, с. 62].

В Тынгице были собраны и другие сведения о бытовании архаичных общеславянских верований. Речь идет об обряде опахивания, который сохранялся и использовался в практике вплоть до середины 1950-х гг. В засуху, чтобы вызвать дождь, «собирались вдовушки (холостые женщины), расплетали косы, раздевались, впрягались в соху и пахали вокруг кладбища. Перед сохой обязательно несли икону и читали какую-то молитву. Чтобы дождь прекратился, на Троицу “городили огород”» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1]. Других подробностей информант не вспомнил, так как сам участия в обряде не принимал, а лишь наблюдал со стороны.

Семейные обряды были тесно связаны с традиционной календарной обрядностью, повествования о которой идентичны у всех групп польского населения Западной Сибири. Поляки опирались на католическую традицию, включая в число важных праздников Рождество (25 декаб-

О некоторых особенностях культуры польских переселенцев Западной Сибири в XX в.

ря), с его обязательными атрибутами — гадаaniem и святками; Пасху (с Пальмовым воскресеньем), а также троицкие обряды. Троицкие обряды наиболее вариативны. В северных районах в Троицу «всегда ходили на кладбище, так как она всегда приходилась на воскресенье, после (посещения. — *И. Ч.*) кладбища все располагались на полях, в бору,— всей деревней гуляли» [Там же, л. 33 об.]. Переселенцы из Казахстана вспоминали, что у них было принято праздновать летом «Зеленые сваты», в этот праздник также нельзя было работать 3 дня и обязательно нужно было сходить на кладбище [Там же, л. 38; МЭЭ ОмГУ 2013, п.о. 1]. Вполне вероятно, что «Зелеными сватами» именовали какой-либо из троицких обычаев, так как Троицу нередко в среде поляков называли «Зеленые Святки».

В д. Тынгица в состав календарной обрядности включались как католические, так и православные праздники. Рождество здесь, например, праздновали 25 декабря («польское Рождество») и 7 января («Рождество»), Иван Купала отмечали по православному обычаю 7 июля. Вызывает интерес и упоминание в числе праздников «Пречистых» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 40]. К сожалению, информант не смог указать дату празднования, но из общего контекста повествования следует, что скорее всего это день Успения Пресвятой Богородицы, который принадлежит к 12 самым большим праздникам церковного года. Успение совпадает у католиков и православных (отмечается 15 августа по старому стилю, 28 августа — по новому) [Баранова].

В д. Поляки календарная обрядность была ориентирована на почитание св. Николая. «Важнее всего в Поляках были такие праздники, как Никола Зимний (19 декабря) и Никола Летний (22 мая)» [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1]. Это были съезжие праздники, тесно связанные с семейной обрядностью и православием. Среди польского населения д. Поляки не получил распространения католический вариант включения дня св. Николая в рождественский цикл обрядов [Иванова-Бучатская, 2011, с. 17–22].

В д. Минск-Дворянск Тарского района Омской области наряду с воспоминаниями о праздновании католического Рождества встретилось упоминание о стрельбе на Пасху: «На Пасху в 12 часов ночи все выходили на улицу и начинали стрелять из ружей... накрывали столы и угощали гостей из Борисовки и Урозая» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 33 об.]. Подобные нетипичные для поляков действия были распространены в основном у восточно-славянского населения, как отражение архаичных воззрений о том, что злые духи боятся шума.

Таким образом, календарная обрядность демонстрирует нам ситуацию религиозного синкретизма, в котором католические нормы сочетаются с традициями православия и язычества.

Как уже отмечалось, в комплекс семейной обрядности включены также свадебные обряды, трансформация которых у поляков происходит с конца 1940-х гг. Большинство опрошенных нами потомков поляков в это время были детьми, но, говоря о свадебном обряде, чаще всего вспоминают, что «свадьбы особо не гуляли, время было послевоенное тяжелое». Только при дальнейших расспросах можно восстановить некоторые детали.

Подготовительным, досвадебным этапом было знакомство. Будущие супруги часто приглядывали себе пару во время съезжих (иногда их называли «гулевыми») праздников. Такой сценарий был характерен не только для поляков, встречается он в воспоминаниях белорусов, украинцев, русских. Иногда знакомились во время игр и танцев. «Танцевали по воскресеньям в конторе, ходили туда после 20 лет, в 16–20 лет только смотрели... молодые сильно не ходили» [Там же, 2011, п.о. 1, л. 9]. Интересно, что, в отличие от белорусов и русских, польская молодежь не ходила на вечерки.

Следующим этапом было сватовство. В источниках встречаются разные варианты описаний этого события, но почти во всех, до того как свататься, будущий жених спрашивает согласие невесты: «Три года встречались до брака. В феврале сказал: “приду свататься, не откажи”... пришли в девятом часу, пришли свекорь, дочь его старшая от другой жены и жених... мать испекла калачики, на стол собрали... меня за шкирку и сюда привели, потом вечер собрали» [Там же, л. 8 об.–9]. «Три свата с женами было и родители жениха... перед сватовством невесту спрашивали, чтоб не отказала... меня мой муж целый день сидел, уговаривал замуж выйти» [Там же, 2012, п.о. 1, л. 35 об.].

Добровольным характером вступления в брак поляки отличались от белорусского населения некоторых районов Западной Сибири, в среде которого решающую роль играло мнение родителей. Одна из жительниц с. Колбаса Кыштовского района Новосибирской области вспоминала, что в своем стремлении выдать замуж/женить нередко они (родители. — *И. Ч.*) шли на различные ухищрения. Например, в Колбасе распространенной была практика обмана будущих

супругов на этапе сватовства: «вот если в семье сын какой “дурачок”, или бедненький, или страшный, то свататься вели другого — здорового, красивого... Потом невеста давала согласие, привозили ее после свадьбы домой к себе, и там уже показывали настоящего жениха... Соседку мою так замуж выдали... Ох, намучилась она» [Там же, п.о. 1].

Между сватовством и свадьбой обычно проходил месяц. Это время отводилось на непосредственную подготовку к мероприятию — ставили самогон, брагу, варили солод, делали колбасу, жених и невеста готовили костюмы. Приданое невеста готовила заранее, в него входили перина, постельные принадлежности, шторы, белье. О размере и составе приданого договаривались заранее.

Свадьбу гуляли 2, иногда 3–4 дня. В свадебной обрядности поляков обнаруживается много параллелей с белорусскими и украинскими традициями. Речь идет прежде всего о раздельном праздновании свадьбы родней жениха и невесты. «Гуляли сначала в доме невесты, на следующий день — в доме жениха» [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 5, л. 10; п.о. 13, л. 10–11].

Из сохранившихся польских обычаев следует отметить наличие венка у невесты, причем венок делали из «оранжевых и красных бумажных цветочков», а не из белых, как это распространилось позднее. Наряд к свадьбе, фату и венок делали невеста и дружки.

Важным элементом свадьбы, отраженным в полевых материалах, является приглашение духового оркестра: «Первый раз вышла замуж в 20 лет, в семье было 4 дочери... все удивлялись, что семья бедная, а свадьба была большая, с духовым оркестром» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1, л. 35, 37 об.; 2013, п.о. 1]. Этот сюжет встречается и в историко-этнографических описаниях польской культуры XIX в. «Шествие открывают трубачи и другие музыканты. Музыка составляет такую необходимую принадлежность свадьбы, что без нее не обходится, бедные занимают деньги для того, чтобы заплатить музыкантам» [Народы России..., 1878, с. 60].

После свадьбы молодые обычно жили какое-то время с родителями жениха, что подтверждают и данные похозяйственных книг, фиксирующие наличие неразделенных семей в дд. Поляки, Гриневичи, Тынгица, с. Пихтовка в 1930–1950-х гг. Иногда фиксировались случаи, когда жених «шел в примаки», в хозяйство/семью невесты. Но они были единичны, так как примачество в среде поляков осуждается до сих пор. Отношение к данному явлению ярко иллюстрирует поговорка, записанная в с. Белосток Кривошеинского района Томской области: «Доля примачья — доля собачья!» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1].

Переход из категории девушки в разряд замужней женщины обозначался изменением прически: «девушки заплетали две косы, а после замужества надевали платок и соединяли свои две косы наверху в одну» [Там же; МЭЭ ОмГУ 2013, п.о. 1]. Указанная особенность описана и в литературе: «Девушки заплетают волосы в две косы, которые ниспадают по плечам; конца кос украшены лентами» [Народы России..., 1878, с. 37]. Подтверждают это и фото. На нескольких фотографиях четко видна обозначенная разница между незамужними девушками и замужними женщинами. Этот способ маркирования нового статуса был связан исключительно с изменениями, происходящими в результате замужества: на одной из фотографий изображена мать одного из наших информаторов после рождения ребенка, но с девичьими двумя косами, так как замужем она не была.

Со сферой семейной обрядности была тесно связана и материальная культура. Она формировалась под воздействием нескольких факторов, среди которых определяющими были природно-географические условия, этносоциальный состав окружения и государственная политика в области трансформации хозяйства и перераспределения миграционных потоков.

В исследовательской литературе достаточно представлен массив данных о той части вынужденных переселенцев-поляков конца XIX — начала XX в., которая осела в городах. В числе наиболее привлекательных для польского сообщества экономических ниш выделяют земледелие, торговлю, обработку материалов и сферу услуг [Мулина, 2012; Шайдуров, 2013].

При характеристике бытовых условий и хозяйства информанты часто используют такую категорию, как «зажиточность», объясняя это следующим образом: «кто хотел и умел работать, те и жили хорошо всегда». Особенно выделяется обозначенная категория в воспоминаниях о 1930–1940-х гг.

«У моей матери был сепаратор, со всей деревни ходили молоко сепарировать», — делятся с нами жители д. Тынгица Кыштовского района Новосибирской области и переселенцы из д. Зеленый Гай Красноармейского района Кокчетавской области [МЭЭ ОмГУ 2013, П.о. 1; 2012, п.о. 1, л. 35]. Или, как вспоминает один из наших информантов: «Мама хорошо ткала, покупала у тряпичников краски... были одеяла... всем девкам по 2 одеяла шерстяных подарила, много ска-

О некоторых особенностях культуры польских переселенцев Западной Сибири в XX в.

тертей — вязаных и льняных» [Там же, л. 30]. Жители с. Слобода Знаменского района Омской области отмечают: «поляцкие всегда жили дружно, своих никогда не выдавали и даже в голодные годы там от голода никто не умирал». Вспоминались даже курьезы, например, дочь председателя колхоза в д. Поляки рассказывала: «Придет отцу разрядка по кулакам, соберут собрание и начинают решать, кого назначить кулаком в этот раз» [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1].

Анализ данных похозяйственных книг позволяет выделить несколько хозяйственных комплексов, существовавших в разные периоды. В XIX — начале XX в. это было личное подворье. Применительно к этому периоду его можно подробно охарактеризовать, проанализировав документы имущественного учета переселенцев д. Минск-Дворянск Тарского района Омской области [РГИА, ф. 391. оп. 2, д. 1035]. Как следует из переселенческого списка, в 1903 г. казенную землю арендовали 8 хозяйств, члены которых принадлежали к дворянскому сословию, 1 хозяйство мещанина и 1 — крестьянское. Половина из них была образована в 1891 г., остальные — в промежутке между 1894–1897 гг. К моменту создания документа на каждом подворье были жилое помещение, гумно, амбар, овчарник, пригоны и огороды. Бани были в 50 % хозяйств, а навесы и сараи — лишь у 20 % хозяев [Там же]. Хозяйство базировалось на сочетании зернового сельскохозяйственного производства и животноводства. Набор культур в 1903 г. включал в себя лишь озимые: рожь и овес, только в одном хозяйстве есть запись о посевах пшеницы [Там же]. Держали скот — коров, лошадей, овец, свиней. В источнике содержится и перечень хозяйственного инвентаря, наличествующего в каждом хозяйстве: плуги, бороны, телеги, сани, упряжь и сибирская соха [Там же]. Стоимость и состав имущества при этом увеличивались в зависимости от давности проживания и состава семей. Например, хозяйство Адама Антоневиича, приехавшего в 1891 г. и проживающего совместно с женой и семьями двух сыновей, оценивалось в 1622 руб. Наименьшая стоимость в 310 руб. была у хозяйства А.К. Лукашевича, водворившегося в 1896 г. [Там же].

Помимо состава семьи и длительности проживания, на материальную культуру поляков в Западной Сибири влияли природно-географические условия. Прежде всего они наложили отпечаток на усадебный комплекс. В северных районах, богатых лесом, переселенцы сразу начали строить деревянные дома, используя в качестве основного строительного материала сосну [Латыпова, 2011, с. 55–57; Поляки..., 2009; Чернова, 2013]. Взглянуть со стороны на технологию домостроительства позволяют воспоминания А.И. Цветаевой, которая выделяет главное отличие сибирских домов, продиктованное природными условиями, — завалинку: «В полметра ширины обходит под полом классически сделанная завалинка (победит даже память о страшной зиме у хозяина, где на полу, на мешке с соломой меж Тониным и моим топчаном бывало 50 мороза!)» [1988, с. 107].

Группа спецпереселенцев выделяется на этом фоне рядом особенностей: традиции строительства им переходилось перенимать у местного населения. Они своими силами обустроили часть поселков, потому что к их приезду не успели подготовить дома [Там же, с. 88]. Подобный вариант ранее был реализован, например, в спецпоселках на территории Тюменского севера [МЭЭ ОмГУ 2003, п.о. 4, л. 15–16 об.].

В южных (степных) районах бытовал иной тип жилища — информанты вспоминают, что их родители и они сами «жили в землянках» либо «строили “саманки”» [Там же, 2012, п.о. 1, л. 37]. Технология их строительства заимствовалась у местного населения и у других групп переселенцев.

Несмотря на различные варианты жилищ, для большинства населенных пунктов в Сибири характерна линейная застройка — дома располагались вдоль дороги фасадами к улице. В д. Деспотзиновка Саргатского района Омской области, например, была одна улица. На характер застройки здесь повлияла близость оз. Тобол-Кушлы — Деспотзиновка выстроена вдоль его берега. Линейная застройка фиксируется и в д. Тынгица Кыштовского района Новосибирской области. По словам одного из наших информантов, «в 1961 г. здесь было более 100 домов и 2 улицы» [Там же, 2012, п.о. 1, л. 40 об.]. Подобная застройка свидетельствовала об адаптации польских переселенцев к сибирским условиям, так как традиционной для поляков все же являлась радиальная планировка населенных пунктов.

Происходили изменения и в системе хозяйства. Наибольшее влияние на личное и общественное производство оказала война. Результатом ее воздействия стало сокращение размеров личных подсобных хозяйств, трансформация состава и величины пахотных участков. Сельскохозяйственный комплекс в личном производстве переориентировался с зерновых культур на технические и овощные, уменьшилось количество скота [Чернова, 2013].

С другой стороны, в сравнении с периодом конца XIX — начала XX в. документы фиксируют расширение перечня культур в составе посевов на приусадебных участках. Так, в 1940–1950-х гг. в Тынгизе в 80 % польских хозяйств выращивали ячмень (0,03–0,04 га в среднем), коноплю (0,02 га), лен (0,02–0,04 га), овощи (0,01 га), корнеплоды (0,01 га), картофель (от 0,15 до 0,5 га) [ОАС Кыштовского района НСО, ф. 18. оп. 3]. Информанты вспоминают, что «садили много репы, капусты, а вот картофель плохо уродился, пока не завезли «мичурку», только после этого урожаи стали более-менее» [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1].

Таким образом, можно констатировать, что в хозяйстве польских переселенцев произошла унификация, в нем обнаруживалось много сходных черт с хозяйственной сферой других групп (переселенческих и старожильческих). Однако поляки-спецпереселенцы, судя по всему, адаптировались «поневоле», под воздействием внешних обстоятельств [Цветаева, 1988, с. 89].

Несмотря на сложности в хозяйственно-бытовой сфере, благодаря высокому уровню грамотности, в том числе среди женщин, наличию опыта в несельскохозяйственных областях их труд был востребованным. Так, например, в с. Пихтовка Колыванского района Новосибирской области из 56 поляков, упомянутых в музейных и архивных материалах, у семерых было среднее и высшее образование. Помимо рядовых колхозников в списках значились представители таких профессий, как: сапожник, учитель (3 чел.), медсестра (2 чел.), кузнец, бухгалтер, завгар, фельдшер, была даже актриса [Колыванский историко-краеведческий музей, р III, п-56]. В д. Гриневичи в 1940 г. среди поляков были: кузнец (2 чел., судя по личным данным — дядя и племянник. — *И. Ч.*), портной, конюх, плотник (2 чел.), сапожник и счетовод [ТФ ИсаОО, ф. 512, оп. 1, д. 8, л. 65 об.–89].

Польское население Западной Сибири сохраняло и транслировало национальные черты также в традиционной пище: среди традиционных блюд назывались кровяная колбаса, колбаса, начиненная рисом, закрытые пироги с капустой и курицей, копченое свиное мясо, тушенная в печи курица с капустой, пирожки с черемухой [МЭЭ ОмГУ 2012, п.о. 1]. В Деспотзиновке, например, информанты вспомнили о приготовлении клёцок с маком на Рождество и воловьего желудка на Пасху [МЭЭ ОмГУ 2011, п.о. 1, л. 10–11 об.]. Встретились нам рассказы и о том, как в семье «запекали целый окорок в печи... поросенка или курицу шпиговали начинкой и также запекали...» [Там же, 2012, п.о. 1, л. 33 об.]. Один из наших информантов, рассказывая о пище, отметил, что готовили в основном свинину: «говядину не ели» [Там же, л. 40].

В Северном Казахстане, где поляки оказались в окружении более близких им немцев, традиционные элементы в пище сохранились лучше. В источниках упоминаются некоторые блюда, не встречающиеся у польского населения Западной Сибири. Среди них: «струдели» — «завернутые сладкие пироги (типа рулета) с молотыми яблоками; «сальтисон/сальцесон» — мясо, соленное в желудке, добавляли туда перец, соль, лавровый лист... повесят и летом по кусочкам резали»; «томленная в печке гречка, которой предварительно в сыром виде фаршировали широкие кишки», и жаренная с луком свиная кровь» [Там же, л. 36; Там же, 2013, п.о. 1].

Завершая характеристику традиционной культуры поляков в Западной Сибири, отметим, что трансляция этнокультурных черт начиная с 1950-х гг. происходит на русском языке, польский язык сохраняется на уровне обозначения отдельных бытовых предметов и явлений. Несмотря на антирелигиозную государственную политику, в процессах адаптации важную роль сохраняет католичество, выступающее в качестве одного из маркеров польской культуры в Западной Сибири. Материальная культура поляков в Сибири демонстрирует большую гибкость под воздействием внешних обстоятельств. На всем протяжении исследуемого периода материальная составляющая позволяла удовлетворять практически все возникающие потребности. Самобытные черты сохраняются в основном в пище.

Внутри польской культуры в Сибири мы наблюдаем процессы аккультурации с одновременной трансляцией традиционных элементов. Они отражаются в основном в комплексе семейной обрядности: во внешних атрибутах погребальной обрядности, в категориях, связанных с внутрисемейными отношениями, а также в праздничной обрядности. Этнографические материалы подтверждают, что основным центром социализации, интеграции и трансляции культуры была семья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баранова О.Г. Успение Богородицы // Российский этнографический музей: Календарные народные праздники и обряды. Весенне-летние праздники и обряды [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2089/4282.htm>.

О некоторых особенностях культуры польских переселенцев Западной Сибири в XX в.

Восток России: Миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.

Иванова-Бучатская Ю.В. Немецкое Рождество: Традиционные компоненты, предметы и символы в лекциях и архивных материалах МАЭ // Культурное наследие народов Европы. СПб.: Наука, 2011. С. 8–92.

Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки: Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. М.: Росспэн, 2010. 327 с.

Крих А.А. Белорусы, русские или поляки? К вопросу об этнической идентификации населения в Сибири // Сайт кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=981>.

Крих А.А. История и этническая идентичность поляков деревни Деспотзиновки // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития. Омск: Наука, 2012. Ч. 1. С. 401–404.

Крих А.А., Скуратович И.В. Судьба польских дворян в Сибири: смена этнической идентичности (на примере Скуратович) // Сайт кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=871>.

Латыпова В.В. Поляки на Южном Урале (вторая половина XIX — XX век): Добровольная миграция. Уфа: БашГУ, 2011. 84 с.

Масленников А.В. Римско-католическая церковь в Сибири: Проблемы и реформы в начале XX века // Вестн. ТГУ. 2003. № 276. С. 140–147.

Мулина С.А. Мигранты поневоле: Адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 г. в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. 200 с.

Назимко А. Деревня детства моего // Правда Севера. Б/н.

Народы России: Белорусы и поляки: Историко-этнографическое описание. СПб.: Досугъ и Дѣло, 1878. 68 с.

Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / А.В. Черных и др. СПб.: Маматов, 2009. 160 с.

Смирнова Т.Б. Обычай венчания покойников у немцев Сибири // ЭО. 2008. № 5. С. 133–144.

Цветаева А.И. Моя Сибирь: Повести. М.: Сов. писатель, 1988. 288 с.

Чернова И.В. Материальная культура поляков Омского Прииртышья начала 1920 — 1970-х годов XX века // Культурологические исследования в Сибири [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=363>.

Шайдунов В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX — начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. 260 с.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
volokhina@rambler.ru

Basing of field ethnographic materials and household books of Village Councils from certain areas of Omsk, Novosibirsk and Tomsk Oblast, subject to a description being certain elements of material and spiritual culture with Polish population from West Siberia, the extent and reasons of their preservation / transformation under social-and-cultural and economic adaptation of the Polish migrants to Siberian conditions throughout XX c.

Poles of West Siberia, material and spiritual culture, economy, adaptation.

СЕВЕРНЫЕ СЕЛЬКУПЫ: СИСТЕМА ТРАДИЦИОННЫХ ВЗГЛЯДОВ В ЗЕРКАЛЕ ОДНОГО ИНТЕРВЬЮ

О.Б. Степанова

Через призму одной беседы с информантом рассматривается система традиционного мировоззрения северных селькупов и выявляются некоторые неизвестные ее элементы. Анализ интервью позволяет сделать вывод о степени сохранности традиционной культуры северных селькупов.

Северные селькупы, традиционное мировоззрение, традиционная культура, фольклорные тексты, обряды, полевые материалы, этнография.

Интервью, о котором пойдет речь, было записано во время экспедиции 2012 г.¹ в селе-фактории Кикки-Акки Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа у селькупа Василия Геннадьевича Морокова, рыбака и охотника, 1971 г. рождения. Записано оно было не мной; когда мы договаривались с В.Г. Мороковым о визите, он отказался давать интервью чужим женщинам, но согласился побеседовать с одним из участников нашей экспедиционной группы — А.С. Кулишом, тоже селькупом, из местных, находящимся с ним в отдаленном родстве. А.С. Кулиш записал интервью на диктофон, и эта запись была положена в «общий котел» собранных тогда нашим отрядом материалов. Информант говорил на русском языке. По возвращении из экспедиции запись была мной расшифрована и сдана вместе с другими материалами в архив Кунсткамеры [АМАЭ РАН, к-1, оп. 2, № 2123].

Беседу с Василием Мороковым я оцениваю как одну из самых информативных за все время моей полевой работы. Темой беседы стали сказки, шаманы, народные приметы, представления о животных. Информант говорил охотно, с интересом, от души, далеко выходя за рамки заданной темы. По качеству и количеству записанной информации можно судить, что В. Мороков, как и его окружение — семья, друзья и соседи, — родную культуру знают хорошо, «живут в своей культуре». Интервью демонстрирует сохранность и преемственность традиционных представлений в народной среде. В беседе с В. Мороковым, как в зеркале, отразилась система традиционных селькупских взглядов на мир, в том числе неизвестных и малоизвестных, что придало беседе особую ценность.

Для легкости комментариев я разбила (без купюр) рассказ Василия Морокова на фрагменты, объединив их тематически. Фрагменты имеют разный объем, но в равной мере показательны.

«Добыли медведя... Обычаи сейчас кто соблюдает... Старшему — шкуру, желчь, по желанию. Кости когда варят, в одну кучу собирают и на рогатине сушат. Кушают, говорят «куук», как вороны. У нас женщине мясо медведя кушать можно — у всех по-разному. Необходранного медведя женщине переступить нельзя, лучше даже не подходить. Обдирают медведя мужчины. Раскидают по запчастям — мясо уже. Потом варят. Гадают на правой отрезанной лапе. Она должна точно упасть когтями вниз. Значит, угадал (имя). Те, кто считает, что лапа должна когтями вверх быть, это неправильно. Шкуру медведя когда потрясешь, пурга поднимается».

В этом фрагменте информант говорит об обряде, связанном с добычей медведя. В прошлом каждый раз, убив медведя (который якобы сам вышел на охотника), селькупы гадали на медвежьей лапе, выясняя, кто из умерших родственников в гости пришел. Потом тушу медведя разделявали и варили, что сопровождалось жестко регламентированными правилами и запретами. Многие сегодняшние селькупы лишь понаслышке знают об этом обычае. Василий Мороков знаком с обрядом в деталях, он, будучи охотником, неукоснительно его соблюдает и знает, как правильно его проводить. В традиционном мировоззрении селькупов представления о родстве человека с медведем, посмертном превращении человека в медведя и еще шире — тоте-

¹ Совместная экспедиция Окружного центра национальных культур ГАУК ЯНАО, Окружного Дома ремесел ГБУК ЯНАО (г. Салехард) и Музея антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург) в Красноселькупский район ЯНАО. Сроки проведения — сентябрь 2012 г. Работа проводилась по проекту «Золотой фонд народной культуры Ямала» в рамках окружной долгосрочной целевой программы «Культура Ямала» (2011–2015 гг.) ЯНАО. Финансирование — бюджет ЯНАО.

мистические представления занимают значительный сегмент: селькупы ведут свое происхождение от животного или от божества-первопредка в обличье этого животного. Животному-предку и частям его тела приписываются магические свойства.

Образ медведя/медведицы — лишь один из длинного ряда мифологических образов селькупских тотемических предков (самый «разработанный», лучше других сохранившийся). Родовыми/племенными тотемными предками селькупы считали (и до сих пор считают, это часто фиксируется во время полевой работы) также орла, глухаря, кедровку, журавля, ворона, лебедя, ястреба, филина [Прокофьева, 1952, с. 90, 106], сороку, сорогу/щуку, окуня, мышь [Степанова, 2008, с. 72, 74], бобра, ворона [Пелих, 1972, с. 113–114], ящерицу, змею [Прокофьева, 1949, с. 346; 1961, с. 58], лягушку [Пелих, 1972, с. 350; Степанова, 2008, с. 31] и т.д. Всем селькупским духам-первопредкам может быть дана следующая характеристика: 1) тотемный дух ведает человеческой судьбой, жизнью и смертью, 2) служит «формой» посмертного, инобытийного состояния человека и образом человеческой души, 3) он — дух-«охранитель» человека и границы миров, также 4) он дух-помощник шамана, 5) всякому духу присущи магические способности, у тотемного духа-предка они имеют особую силу.

Данная характеристика помогает дать комментарии к дальнейшему рассказу В. Морокова: *«По нашему обычаю нельзя убивать только журавля. Это, вроде бы, всех селькупов касается. Это шаманская птица, у нее клюв длинный, может достать из человека болезнь. Орла можно убивать»*. Скорее всего, предки В. Морокова принадлежали к роду Журавля, а не к роду Орла, в противном случае был бы озвучен запрет на убийство орла. О том, что селькупы не убивают орлов, писала еще Е.Д. Прокофьева [1952, с. 98]. Журавль у селькупов, действительно, часто выступал как дух-помощник шаманов, о чем свидетельствуют кованные изображения журавлей на многих шаманских костюмах.

Образ зайца в мифологических представлениях селькупов изучен плохо — по причине скудности известных данных. Следующий пищевой запрет из сообщения В. Морокова говорит о вере селькупов в магические качества зайца и косвенно подтверждает существование в прошлом у селькупов рода Зайца: *«У зайца голову и сердце молодые не едят. Старики могут. Молодым голову не дают, чтобы у их детей заячьей губы не было. Сердце молодым не дают, вот таким отдать — бояться будут, как зайцы»*. Поставить зайца в ряд тотемных предков селькупов позволил сравнительно недавно ставший известным миф о том, как у зайца появилась заячья губа, у лягушки ее — маленькие размеры, а у человека — олени. В этом мифе заяц и лягушка выступают как тотемные предки двух родов/половин народа, дарующие народу культурные блага — олени [Степанова, 2012, с. 6].

Рассказанная В. Мороковым сказка-миф о кукушке очень популярна среди селькупов и много раз фиксировалась исследователями. *«Жила давно женщина, детей пятерых или шестерых имела. Жили-жили. Стареть женщина стала. Заболела, занемогла, слегла. Попросила детей пить принести. Те шумят, играют, ее не слышат. Старшего просила, средних, младших. Те — сама, мол, принеси. Старухой она стала. На нос наперсток надела, чтобы он в клюв превратился, из двуручного скребка, которым кожу выдeldывают, крылья сделала, из круглого скребка — хвост, надела малицу и превратилась в кукушку. Взлетела на дерево. Дети ее звали, но она отказалась к ним вернуться и улетела. Дети бежали за ней с ковшиком воды, хотели дать ей воды, но она не оборачивалась. Дети бежали до тех пор, пока в кровь не изодрались. С тех пор говорят, что красные пятна в чашечках беломошника — это кровь детей бедной женщины. Кукушка до первой грозы прилетит — ягоды будет мало»*. Миф содержит этиологические мотивы и объясняет, как появилась птица кукушка и отчего возникли красные пятна на ягеле. Но если рассмотреть образ кукушки в мифологических представлениях селькупов шире, то окажется, что кукушка — один из образов главного божества селькупов старухи *Илынты кота* — матери-первопредка. Старуха в облике кукушки «весь мир охраняет», ведает человеческим рождением и смертью, устанавливает нормы общественной морали, помогает матерям в воспитании детей, от нее зависит урожай ягод и шишек в лесу [Прокофьева, 1961, с. 56, 61; 1976, с. 118; Степанова, 2008, с. 29]. Отражение всех этих «обязанностей» кукушки можно найти в приведенном мифе.

Кукушка «вместе» со Старухой-первопредком «отвечает» также за профессиональное становление шаманов. Старуха «выдает» шаману первые его инсигнии [Прокофьев, 1930; Прокофьева, 1949], а кукушка участвует в шаманской инициации: *«Убил кукушку, из всех пород деревьев нужно костер сделать, разрезать кукушку на 7 частей и сделать чопсы (шашлык на*

рожнах. — О. С.). *Когда съешь, на том же дереве спать ложишься. Тут уже тебе второй контроль нужен, чтобы никуда не убежал. Будет сниться, что тебя, как кукушку, разделяют, режут, тоже на 7 кусков: руки, ноги, голову и т.д. отрезают и выкидывают. У кого голова слабая, тот с ума сойдет. Кто это все выдерживает, становится таким же, как шаман: шаманы раньше себя саблями резали, прокалывали и хоть бы что. И тебе это все уже нипочем будет».* Первая часть этого фрагмента рассказа В. Морокова уже была когда-то записана и опубликована А.В. Головневым [1995, с. 519]. Здесь особую ценность представляет вторая часть. Это недостающая часть краткого варианта селькупского фольклорного текста, описывающего происходящее во время испытания шамана-новичка (хочется надеяться, что когда-нибудь будет записан его полный вариант), — со всеми положенными такому тексту маркерами: сон, смерть, расчленение, помутнение рассудка, проводящий инициацию дух-предок (кукушка), священное дерево, возрождение, обретение особых способностей («легко» умирать и возрождаться). Такие тексты записаны у многих сибирских народов, и теперь, хоть в кратком варианте, такой текст есть и у селькупов!

Содержится ли тотемический мотив в сказке о кедровке, записанной у Василия Морокова, сказать сложно, вероятность этого есть: *«Козыра — кедровка. Медведь по лесу идет, шишки ищет, а шишек нет. Или пустые, съеденные попадают. Поднимает он голову, а там кедровка сидит, шишки клюет. Ни одной полной медведю не оставляет. Он говорит: “Всю жизнь будешь летать с тоненькими ногами, сало на них никогда не нарастет. Сколько шишек ни съешь, не потолстеешь”».* О том, что медведь и кедровка — хорошо известные как селькупам, так и исследователям тотемные животные селькупских родов, уже говорилось выше.

Как показывает полевая работа, у каждого селькупа-информанта имеются свои истории о покойниках, и В. Мороков не является исключением. Несмотря на то что преподносятся эти истории как реально произошедшие, относить их следует к фольклорным текстам мировоззренческого/мифологического содержания. В основе этих текстов лежат традиционные представления о смерти, устройстве и населении «того мира», правилах перехода границы миров. *«В прошлом году с другом Павликом шли из Тольки, и у нас кончилось топливо, недалеко уже от Кикки-Акк. Сошли на берег и пошли пешком. Был вечер, серая погода. Шли, шли, забазарились и не сразу заметили, что мимо кладбища идем. “Как это, помянуть надо же. Давай присядем”. Была банка вместо стакана, пачка сигарет. Налил, плеснул через плечо, как положено. Сигареты заломал, бросил (не прикуривая — сухой мох вокруг). Налил первому, потом Павлику, потом себе, выпили, сидим, курим. Говорю: “Пойдем”. Встали, бычки потоптали. Тут я не понял, — один человек у нас через дорогу прыг, потом за дерево, еще раз за дерево, там показался, сям мигнул. Я Павлику: “Не понял!” Как галлюцинация. Это мы сидели, пили и курили еще с одним! Он с нами сидел. А мы и не заметили сразу. Потом мы в одну сторону, он в другую. Лица, когда он сидел, не видать было. Одет он был по старой моде: в кедах, хэбэшке застиранной, такая энцефалитка темная, конусом, такую одежду мы раньше носили, 70–80-х годов».* В этом рассказе следует обратить внимание на следующие моменты: описываемые события происходили вечером в серую погоду, на кладбище положено соблюдать меры предосторожности — «помянуть» — жертвовать/«кормить», покойник имеет человеческий облик, встреча с покойником произвела сильное впечатление на рассказчика (=напугала его). Согласно традиционным взглядам, кладбище представлялось селькупам иным миром, «тем светом», миром мертвых, где домами умершим служили могилы, где день начинался, когда в мире людей наступала ночь, темнота, тогда мертвые могли выходить из своих «домов». В «том» мире все устроено наоборот, все «испорченное», не как у людей, поэтому, угощая его обитателей сигаретой, ее заламывают. Также портят во время похорон имущество умершего, которое отправляют вместе с ним на тот свет, — одежду и постель разрывают и распарывают, посуду пробивают, нарты ломают и т.д. Страх перед покойниками испытывают все селькупы. Вызван он тем, что покойник/умерший считается лозом (духом), существом уже не этого, а потустороннего мира, он обладает особыми способностями. Умершие, унесшие с собой обиду на людей, «неуспокоенные» умершие могут вредить людям, создавая им угрозу смерти, такую же угрозу могут создавать умершие из любви к своим (живым) близким: они могут увести с собой душу человека, которого любили. По сей день во всех селькупских домах лежит под порогом дома топор, создавая защиту от покойников-лозов. Если в селе несколько «свежих» покойников, защиту дома усиливают ножовкой. *«Уходя с кладбища, “закрывают дорогу” — заламывают, подрубают молодые деревца. Это должен делать мужчина лет 40 или старей, следить за тем, чтобы все ушли, а затем “закрывать дорогу”, — о том, что заламыванием молодого дерева положено*

закрывать границу миров, хорошо известно со слов многих информантов; Василий Мороков добавил к этому факту малоизвестную деталь о поле и возрасте производящего этот ритуал человека. Эту деталь я отношу к совсем неизученной теме «знающих» и «хранителей» у селькупов, беру на заметку и пока не комментирую. В связи с использованием в описанном ритуале дерева, нужно сказать несколько слов о роли дерева в селькупском мировоззрении. Дерево в традиционном мироздании селькупов занимает, в прямом смысле, центральное место: священное/мировое/семикорневое/«с пустым дуплом»/«небесное с поплавками» и т.д. дерево соединяет три мировые сферы — небесную, земную и подземную. От священного дерева зависит жизнь и судьба каждого селькупа — от рождения до смерти включительно. Один из семантических смыслов дерева — это дорога, по которой происходит сообщение между сферами мироздания. В ритуале, совершаемом при уходе с кладбища, дерево, вне сомнения, выступает как дублер дороги из мира мертвых в мир живых. Заламывая или подрубая дерево, символически разрывают, перекрывают, нарушают эту самую дорогу, чтобы предотвратить движение/ попадание покойников в мир живых людей. По материалам Е.Д. Прокофьевой, раньше существовал и другой способ закрывания границы: «сажной головней на тропе проводили черту» [Прокофьева, 1977, с. 74].

Следующая «история» В. Морокова о покойниках, тоже типичная для рассказов информантов, конструирует селькупское устройство «того» света. *«Еще легенда. Слышал, что у туруханских селькупов зимой человек умер. Похоронили. Весной одни шли мимо кладбища, решили зайти помянуть. Табачок тому, тому, тому насыпали. Сами сели у свежей могилки. Слышат — человек кричит. Они к ветке (лодке-долбленке. — О. С.) побежали — нет никого. Обрато пошли. Снова слышат — кричит. Прислушались — крик из свежей могилы идет. Раскопали, все сдернули, гроба крышку сняли. Точно — живой человек встал. Спрашивают: “Курить будешь? — Так ведь вы уже давали мне курить. — Покушаешь? — Я недавно кушал”. Вечерело. Яму закопали. Спать хотят, устали за день. Он говорит: “В ветку ложитесь, я сам поведу, мне видно все”. Поплыли. Тот глухарей х...ит из лука — ночью! Те утром проснулись, местами поменялись: он спит. Они гребут. “Мне темно”, — говорит. Подъехали к его стойбищу. У него там жена, дети. Он: “Предупредите их, что я живой”. Та не поверила. Увидела — точно, живой. Потом он днем спит, ночью охотится, работу по дому делает. Год так жил, потом как обычный человек стал. У нас день, у них там ночь, и наоборот».* «Показательный» смысл этого рассказа заключен в последней фразе: «у них там» все наоборот, не как в мире людей, даже день и ночь свои, «перевернутые». Обращу также внимание на то, что в тексте выделяются исключительные способности того, кто вернулся из другого мира (здесь это охотничий талант), а также на то, что не всегда покойники представляют собой угрозу для живых, часто они используют свои сверхспособности в помощь своим «спасителям». Похожие фольклорные тексты, только с более высоким градусом волшебности потусторонних персонажей, были записаны Г.И. Пелих [1972, с. 327].

Серию рассказов В. Морокова о покойниках продолжает история, где умерший уже не простой человек: *«Раньше старик был. Видно, знал чего-то. Умереть хотел. Наказал: поставьте на помост на семь дней (“подержите на навесе”), сразу не хороните. Умер. А зима, мороз крепкий. Положили его на помост. Семь дней прошло. На седьмой день люди сидят, слышат звук, будто с крыши прыгнул кто-то. Дверь открывают, смотрят, с северной стороны человек идет. А его сразу не надо ловить. Из тальника гибкого кольцо делаешь на палочке. И на шею ему или на руку набрасываешь, чтобы захватить. Теперь его можно хватать, как человека. И этого так поймали. Все, обратно зашел. Гроб раскололи, в печку бросили. Ожил человек. Кто-то скажет, что летаргический сон у него был. Какой сон! Он же неделю на морозе под 60 градусов пролежал! Он при смерти был и увидел, что оживет. Умереть быстрее хотел, говорил, что там лучше живут, там все есть».* Единственная черта портрета этого старика — «знал чего-то», — так у селькупов иносказательно называют шаманов. Особый статус старика отчасти подтверждается и его просьбой о захоронении на помосте (путь и временем) — таким способом селькупы обычно хоронят своих шаманов. В мировоззрении селькупов смерть простого человека — это процесс его перехода из мира живых в мир мертвых и трансформация из состояния «человек» в состояние «умерший/лоз» (к слову, процесс этот имеет многочисленные варианты мифологического выражения). С шаманами все обстоит сложнее: шаман во время посвящения уже пережил смерть, возродился и получил возможность «легко» и незаметно для окружающих многократно умирать и возрождаться, переходя, когда возникала такая необходимость, границу миров в обоих направлениях. Шаманы особенные во всем; даже когда подходит к концу срок их жизни, они могут «узнать», что этот срок им продлили. Природа

шамана — медиатор — получеловек, полулоз. Но данный текст, как мне кажется, не шаманский: он не имеет задачи пояснить или подчеркнуть природу шамана. В нем описываются «обычные» правила перехода границы миров и возвращения из мира мертвых в мир живых людей, просто делается это на шаманском примере (в других подобных фольклорных текстах это делается на примере таких же «непростых» героев). Текст конструирует/объясняет один из элементов картины мира селькупов. Маркерами перехода служат смерть/мороз — возрождение/помост/петля из тальника. Тальниковый прут выступает здесь в роли животворящего/трансформирующего священного дерева и маркирует границу миров (к слову, захват духа/мертвеца кольцом из тальникового прута в фольклоре селькупов встречается очень редко). Не вдаваясь в подробности, скажу, что мировоззрение селькупов в способ захоронения на помосте так же вкладывает смысл последующего возрождения [Головнев, 1995, с. 236]. Как, в конечном счете, и во всякую модель перехода: все они реализуют идею непрерывности бытия и циркуляции жизненного начала во вселенной. И последнее, на что хочу обратить внимание в этом тексте, — дополнение к описанию картины «того» света: *«там лучше живут, там все есть»*.

Два следующих текста из рассказанного Василием Мороковым относятся к самой излюбленной у информантов теме «о подвигах шаманов». *«Шаман бескровно лечит, без раны: прогрызает, высасывает и выплевывает. Дед и отец Кумаров (Тимофея Николаевича и Анатолия Николаевича), шаманами были. Дед — тот, первый самый Кумар, старый. У него еще ружье было с шампуром. На Ватыльку (Ватылька и Каралька — притоки Верхнего Таза. — О. С.) они ходили пешком, летом, — какая лодка тогда. Вот на Ватыльке он сыну своему, отцу Кумаров, лет 18 тому было, до революции еще, случайно почку прострелил, в темноте за медведя принял. Сразу своих людей послал на Каральку, по прямой, летом дело было. Купец он тоже был. Там как раз в тот момент несколько шаманов собралось, трое или четверо. На танец съехались. У них, у шаманов это принято было раньше, такая традиция. Рассказал там все. Шаманы говорят: “Давай, гость, садись чай пить. Завтра поедем. Ничего не случится. Ничего не будет”. Переночевали, отдохнули, на второй день вышли. Приезжают, а парень не умер даже, лежит, как лежал. Давай его лечить. Пулю, пыжи, еще что-то, кровь, гной высосали и выплюнули. Сказали день, когда он встанет. Точно в тот день и встал. Потом он жил, жил, семья у него была. Но, видно, судьба у него такая. Потом он самого себя случайно прострелил, около глаза. Опять шаманов позвали. Те колдовали-колдовали, на ноги опять поставили. Жил он долго, до 70–80-х. Я уже родился, а он все еще жил»*.

«Раньше в Каральке старик-шаман жил. Ему топор понадобился. Раньше на оленях все возили, железо было нужно. Попросил он у одного топор. Тот сказал: “Спляшешь свой танец шаманский, я дам тебе топор”. Старик говорит: “Хорошо, только давай из дома на улицу выйдем”. Вышли они на улицу, старик схватил замороженный топор и топором себя в живот — бац, по самую ручку: “Если вырвешь, заберешь свой топор”. Те вдвоем, вчетвером тянули, не вытянули. Так старик с топором в животе к себе и уехал. А они без топора остались. Потом за точку себе делали, а тогда и брусков-то нормальных не было».

За время полевой работы я выслушала множество подобных рассказов. Нужно отметить неподдельную веру всех без исключения рассказчиков в магическую силу шаманов и в реальность этих историй. Современные рассказы о шаманах по содержанию можно разделить на три основных типа: как шаманы лечили, как шаманы во время похорон защищали родственников умершего, и как шаманы воевали со своими врагами, главным образом с представителями советской власти.

Какой селькупам представлялась шаманская сущность и почему шаман не боялся смерти, я уже описывала выше. К главным шаманским характеристикам добавлю: шаман творил чудеса (выполнял свои функции), входя в контакт с потусторонним миром, миром духов. Делал он это, превращаясь в одного из своих духов-помощников или посылая своих духов-помощников в иные миры с заданием. Все «спасительные» и «карательные» действия производились в невидимом мире и назывались «путешествиями» шамана. В реальном мире был виден только результат. Редкой деталью в первом рассказе является упоминание о том, что шаманы съезжались на совместный танец.

Когда-то каждый селькупский род имел своих шаманов. Интересную информацию сообщил Василий Мороков о том, как в его семье хранятся родовые шаманские вещи: *«Шаманы вещи свои в отдельных лабазах хранят. У нас тоже шаманские вещи есть, только не надо их показывать, это грех. Я даже не знаю, где они. Говорили, но я не знаю уже. Старый умер, так и не показал. У нас вещи не в лабазе лежат, а на рогатине. В вываренную бересту, как в брезент, все хозяйство заворачивают, дерево вот так рушится, как бы тройное, чтобы дер-*

жало. Так веками лежать будет, дождь не страшен. И колокольчик там у нас — рода нашего. Если с чистой душой человек подойдет, подпустит. Если с х..вой душой — нет. Один шел, колокольчик ему телогрейку порвал. Он улетает куда-то вверх, в небеса, если плохой человек пришел. А так нет, лежит на том же месте. Если лежит — люди нормальные пришли. Камлали, видно, много над этим колокольчиком. Но это уже не моя история». О хранении шаманских вещей «на рогатине» мне до сих пор не приходилось ни читать, ни слышать. Обычно шаманские вещи селькупы хранят в нарте, на *поры* (помосте на столбе/столбах) или в лабазе/амбаре/сараяе (также поставленном на двух или четырех столбах), который служит аналогом *поры* и называется *кор*. В помосты, лабазы и «рогатины», как и во все конструкции, поднятые над землей (к таким относятся еще чердаки и помосты, укрепленные на развилках деревьев или между деревьями), селькупы вкладывают смысл верхнего мира. То есть шаманские вещи — они же шаманские духи — принадлежат верхнему миру. Это, в свою очередь, служит знаком бессмертия [Головнев, 1995, с. 236]. Очень интересной мне кажется информация о магической силе колокольчика, который охраняет шаманские инсигнии мороковского рода. По-видимому, колокольчик здесь выступает как шаманский дух. Тема колокольчика в традиционной культуре селькупов еще ждет своего исследователя. Говоря о запрете показывать родовые шаманские вещи, В. Мороков употребил слово «грех», взятое не из селькупского лексикона. Очевидно, он бессознательно соотнес часть смысла этого слова — «запрет/наказание» — с главным, неукоснительно соблюдаемым всеми современными селькупками, строжайшим запретом даже подходить к шаманским вещам. Поскольку, по общему мнению селькупов-информантов, «шаманов больше нет», к вещам, когда-то принадлежавшим шаманам, сегодня может прикасаться, выполнив определенные ритуалы, только старший мужчина в семье, глава рода — «хранитель». Многие семьи предпочли спрятать вещи своих старых шаманов подальше, в глухом лесу, и навсегда забыть к ним дорогу. Такое отношение вызвано представлением об опасности, исходящей от шаманских вещей: в них, как считают селькупы, живут особенно сильные (бессмертные) духи. Селькупы верят, что нарушители запрета обязательно понесут наказание — и свои, и чужие.

Вера в кару духов очень сильна. В полевой работе все время на слуху истории о приезжих, которым приходится расплачиваться за незнание и несоблюдение селькупских запретов. Вот одна из них, рассказанная Василием Мороковым: *«На месте Кикки-Акки, как люди говорят, сперва только склад и магазин был. В чумах люди жили. Первые бригадники появились здесь давно, на лошадях еще. Поехал один такой за дровами и срубил зачем-то (леса, что ли, мало вокруг) листовяк (лиственницу) на краю поселка. Года после этого не прожил».* Поясню, что «бригадники» — это приезжие лесозаготовители, которые работали бригадами. Лиственница на краю села, по-видимому, считалась у местных селькупов священной. В реальном воплощении священные деревья селькупов (используемые для проведения обрядов), как правило, были срубленными и поставленными, но известны и растущие деревья, к которым селькупы относились как к священным. В Кикки-Акках мне рассказывали, что раньше на краю села росла листовенница, которая однажды спасла его жителей от смерти, что якобы об этом есть легенда (текст этой легенды никто из информантов не вспомнил).

С множеством запретов у селькупов связано посещение священных мест. В интервью с В. Мороковым есть описание одного такого места, почитаемого местными жителями. *«Порге Мач — там раньше засольная была, чумы стояли. Рыбаки рассказывали, что по ночам там слышали звуки стойбища: топот всадников на конях, голоса пьяных людей, как у нас. Как рассветало, все — ничего нет, ничего не слышно. Судьбу там проверяют тоже: кто взойдет на гору, долго жить будет. Кому жизнь короткая предписана, тот до середины дойдет, отметку поставит и уходит — ноги отказываются идти наверх. Русские туристы приехали, двое из них хотели бегом добежать. Один человек оттуда откуда-то вышел, мол, попробуйте залезть, и посмотрел на них по-особому. Они испугались. Он потом исчез. На обратном пути те двое даже до Красноселькупа не доехали, оба умерли».* Это место находится на высоком берегу верхнего течения р. Таз ниже впадения в нее р. Ширта. Название *Порге Мач* — Идола Бор — было дано месту в честь «большого» духа, который считался хозяином той земли. Когда-то «по этому духу» было вырезано *порге* — изображение на дереве. В описании *Порге Мач* присутствует картина нижнего мира: внутри горы, в подземном мире, живут такие же люди, как на земле, только день у них наступает ночью. Хозяин подземного мира — тот же дух. Русское название *Порге Мач* — Шаман гора. По рассказам, в давние времена здесь жил великий шаман (или два шамана), который(-ые) после своей смерти превратился(-лись) в медведя(-ей) и в этом обли-

ке продолжает(-ют) следить за порядком в своих владениях. *«На Шаман гору и женщинам подниматься можно. Залез — нормально. Ближайшие 7–10 лет проживешь. Я сам видел, как шаман в обличье медведя прогнал оттуда заночевавших русских туристов: кидал в них палками и камнями»*. Говорят, что в тот год, когда гроб одного из шаманов упал со сгнившего порога (помоста, на котором захоранивают шаманов), «много селькупов поумирало, год был високосным».

Рассказывая о близлежащем священном месте, В. Мороков дважды, не называя, сравнил с ним главное священное место тазовских селькупов — *Лозыль лака* (Священную Сопку), которое находится на *Лозыль-то* — Чертовом озере в среднем течении р. Толька. Фраза рассказчика *«судьбу там проверяют тоже»* подразумевает, что на *Порге Мач* судьбу проверяют так же, как на *Лозыль лака*. Говоря, что *«на Шаман гору и женщинам подниматься можно»*, В. Мороков имел в виду, что этим находящаяся близ устья Ширты Шаман гора отличается от *Лозыль лака*, на вершину которой разрешено подниматься только мужчинам.

Эти два священных места объединены общими чертами: в каждом из них живет большой силы дух — хозяин окрестных земель, этот дух определяет судьбу людей на ближайшие 7 лет и наказывает за нарушение запретов и неуважительное отношение к себе. Особенно хозяева священных мест не любят «русских туристов», т.е. всех чужаков, которые априори не могут соблюдать селькупские традиции. Еще недавно на каждом из этих мест было святилище с жертвенными деревьями, где селькупы приносили жертвы духам.

«Сказку о непослушных детях» в детстве рассказывали всем моим информантам. Василий Мороков пересказал ее не лучшим образом, половину текста он забыл. Но я обещала ничего не вырезать из интервью, тем более что сказка показательная. *«Сказка. Давно мне рассказывали. Жили в одном месте в лесу две семьи. Одна нормальная: как вечер, они спать ложатся. А вторая семья, — им, как говорится, все без разницы. Хоть ночь, хоть что, они еще шустрее становятся. Бегают взад-вперед, туда-сюда, балуются, в общем. Та семья говорит: “Ну, успокойтесь, ночь уже, медведь придет, лоз”. Те: “Нам лозы что, мы его ошпарим или еще что”. Потом первая семья перекаслала, что ли, от них. Им воля стала уже, давай баловаться. Ну этим что... А там речка что ли. С той стороны медведь выходит, говорит: “У-у, у меня голова заболела... У-у, у меня уши аж гудят”. Ну и переплыл он их. Они кричат: “Медведь тонет!” Медведь уже под водой по самую голову. Они все кричат: “Медведь тонет!” Медведь вышел к чуму. “А-а, сейчас мы медведя этого собаками потравим!” Медведь собак побил, к ним зашел, разобрался с ними. А мужики их уехали на охоту. Они возвращаются с охоты, тот, из хорошей семьи, говорит: “Медведь переплыл”. Муж: “Да что с ними случится, они ничего не боятся. Вот мои дети и жена все стоят”. Подъезжают, а это их головы на колышках торчат. Вот почему нельзя баловаться ночью»*. Этот фольклорный текст постулирует нормы поведения в определенной ситуации и моделирует традиционную картину мира: ночью граница потустороннего мира проходит совсем близко — по порогу дома, и даже звуковое нарушение ее связано с опасностью. Второй вариант границы миров из этого текста — река: иной мир лежит по ту сторону реки.

Интересно, что некоторые сюжеты мифологического или волшебного содержания информант пытается представить былью, историями, которые происходили в реальности. *«Старик был, дибиковский прадед (Дибиковы — селькупский род с кетскими корнями. — О. С.). Это быль. С рождения у него нога была, как у слона, не рыхлая, а со сверхсильными мышцами. А другая нога человеческая. Дети у него были, мальчишки. Пойдет, бывало, по дрова, принесет домой листвяк со стволом и комлем, а верхушку в лесу оставит. Детей пошлет верхушку принести. Тем никак. Это он их проверял, есть ли у кого такая возможность. Не было ни у кого. Человек мощный был, как трактор»*. Мне кажется, что подобные тексты отражают способ, механизм народного мифотворчества: реальное лицо в этих историях героизируется, его способности преувеличиваются, и рассказ становится мифологическим текстом, объясняющим какой-либо элемент в системе мировоззрения.

В прошлом каждую весну и осень селькупы устраивали праздничный обряд по случаю прилета и отлета птиц. Это был большой, всенародный праздник. Наиболее полное описание этого праздника есть у А.В. Головнева [1995, с. 244–245]. Частью весеннего праздника был обряд оживления шаманских инсигний, подробнейшим образом рассмотренный в работах Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых [Прокофьев, 1930; Прокофьева, 1949; 1981, с. 67]. По сведениям нынешних информантов, этот праздник давно уже не проводится. Сообщение В. Морокова позволяет предположить, что праздник, возможно, сохраняется до сих пор — в другом масштабе, без комплекса проводимых шаманами ритуалов, но с прежним базовым смыслом благодарения духов за очередное обнов-

Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью

ление природы. «Наш старик имел обычай: первая утка летит, он ее добывает, толпу соберет, праздник сделает. Кружку утиного жира (бульона) в костер выливал — угостить-то огонь нужно». Традиция угощать огонь коренится в анимистическом восприятии мира: в представлениях селькупов дух-огонь имеет образ бабушки [Прокофьева, 1977, с. 79].

В традиционном мировоззрении селькупов одушевляется и такой элемент неживой природы, как ветер: «Наросты на деревьях, спутанные комком ветки — это дом ветра, если зимой морозы сильные стоят, по нему колотят, бьют палкой,— через день-два потеплеет, снежок пойдет». Уверена, народных примет В. Мороков мог бы рассказать и больше, если бы его попросили, но здесь только одна.

Итак, в интервью с Василием Мороковым, как в зеркале, отразилась система традиционных селькупских взглядов на мир. Свойство традиционной культуры — изменчивость, приводящее ее в конечном счете к поглощению другой культурой или унификации. В фиксации и изучении традиционной культуры, а также ее модификаций состоит задача науки. Исторически сложилось, что традиционная культура северных селькупов описана и изучена недостаточно, меньше, чем культуры других сибирских народов. Беседа с В. Мороковым дает надежду, что традиционная культура селькупов жива и сохраняется в довольно полном объеме. В. Мороков также обогатил знание о ней несколькими до сих пор неизвестными науке фрагментами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Полевые материалы О.Б. Степановой: Экспедиционная поездка 01.09.2012–14.09.2012 в Красноселькупский район Тюменской области // АМАЭ РАН. К-1, оп. 2, № 2123.

Литература

- Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 605 с.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 421 с.
- Прокофьев Г.Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Изв. ЛГУ. Л., 1930. Т. II. С. 365–373.
- Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // СМАЭ. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 335–375.
- Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сиб. этногр. сб. М.; Л., 1952. С. 88–107 (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 18).
- Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // СМАЭ. М.; Л., 1961. Т. 20. С. 54–74.
- Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
- Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1977. С. 66–79. (СМАЭ; Т. 33).
- Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 42–68.
- Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: Представления о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 304 с.
- Степанова О.Б. Фольклор северных селькупов: Полевые сборы 2004, 2005 и 2008 гг. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2012. Вып. 12. С. 5–31.

Санкт-Петербург, МАЭ РАН
stepanova67@mail.ru, step67@kunstkamera.ru

The article considers a system of traditional world outlook with North Selkups through the prism of a talk with an informant, revealing its certain unknown elements. The analysis of the interview makes it possible to draw a conclusion on the extent of preservation of traditional culture with North Selkups.

North Selkups, traditional world outlook, traditional culture, folklore texts, rites, field materials, ethnography.

СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА В СИСТЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ОБСКИХ КОМИ: ТРАДИЦИИ, НОВАЦИИ И АРХЕТИП¹

О.В. Голубкова

Почитание священных мест у финно-угорских народов имеет ярко выраженные формы. Поселившись в бассейне Нижней Оби, по соседству с народами ханты и манси, коми-ижемцы (сформировавшие этноареальную группу обских коми) стремились проявлять свою самобытность и не раствориться в иноэтничной среде. В поле взаимодействия обских коми с природой, местным угорским населением, а также божествами и святилищами обских угров прослеживаются две основных тенденции. С одной стороны, переселившись за Урал, коми-ижемцы стремились освоить территорию и обозначить ее как «свою». Таким маркером в первую очередь было христианство (в его народном понимании). Ландшафтно-мифологическая граница, маркирующая «свое пространство», нередко обозначалась поклонными и обетными крестами. С другой стороны, обские коми нередко признавали запреты, связанные с посещением культовых мест хантов и манси, опасаясь гнева богов и духов — хранителей земель Северного Приобья. Таким образом, обские коми приняли и включили в свою мифологию священные места обских угров.

Обские коми, мифология, традиционная культура, мифотворчество, святые места, сакральная маркировка пространства, народное христианство.

Введение.

Почитание священных мест (некоторых водоемов, холмов, рощ или отдельно растущих деревьев и т.д.) у финно-угорских народов имеет ярко выраженные формы. Священные рощи были и остаются значимыми культовыми объектами как на территории Европейской России — у вепсов, финнов, карел, удмуртов, марийцев, чувашей [Вольтер, 1915; Винокурова, 1994; Конкка, 1986; Логинов, 1992, 2004; Макаров, 1976; Садиков, 2002; Шутова, 2001; и др.], так и в Западной Сибири — у обских угров [Гемуев, Сагалаев, 1986; Гемуев, 1990; Гемуев, Бауло, 1999; Бауло, 2005]. Одним из значимых компонентов, составляющих структуру комплекса *святых мест*, является культ деревьев. Культ растительности у коми (зырян и пермяков) был выражен несколько иначе, чем у других финно-угорских народов: он проявлялся в почитании отдельных деревьев. Коми верили, что каждый человек имеет свое дерево, в котором заключена его душа. Если человек найдет свое дерево и начнет его рубить, то такое дерево будет истекать кровью, по-человечески разговаривать; а вещи, сделанные из дерева-двойника, имеют чудодейственную силу [Белицер, 1958, с. 321]. Коми также верили, что в дерево вселяется душа после смерти человека. До христианизации особым почитанием у коми пользовались береза, ель, рябина и черемуха. Из жизнеописания Стефана Пермского известно, что он срубил священную березу, которая была особо почитаема коми-зырянами и обладала чудодейственной силой. Язычники коми поклонялись этой березе, вешали на нее меха, а впоследствии на том месте была построена Архангельская церковь (в с. Усть-Вымь). Свидетельство о культе деревьев есть в жизнеописании Трифона Вятского, срубившего священную ель у остяков в Пермском уезде, а также присутствует в ряде этнографических источников второй половины XIX — начала XX в. [Кандинский, 1889, с. 108–109; Теплоухов, 1892; Налимов, 1907; Белицер, 1958, с. 321–323]. Известны православные культовые строения (в частности, колокольня в Чердынском уезде Пермского края, часовня в Вологодской обл.), в которых были заключены деревья, очевидно, почитаемые как языческие святыни [Белицер, 1958, с. 322]. Таким образом происходило слияние православия с языческими традициями, маркировка древних сакральных объектов символами новой веры.

Не только христианизация финно-угорских народов, но, даже в большей степени, атеистическая политика советской власти ослабили традиции почитания священных мест, многие из них были забыты и уничтожены. В постсоветский период (1990–2000-е гг.) в различных уголках России начали возрождаться утраченные традиции; население довольно активно стало принимать участие в крестных ходах, в церковных и псевдоцерковных праздниках. Подобные «возобновленные» культы нередко представляли собой совершенно новые ритуальные действия, мало связанные с традиционной обрядностью. Они основывались на легендах и суевериях по-

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ 12-01-00199 а.

Священные места в системе мировоззрения обских коми: традиции, новации и архетип

следних нескольких десятилетий. Тем не менее мифотворческие процессы, как правило, не выходили за рамки традиционных мировоззренческих архетипов. Вероятно, поэтому новации в религиозно-обрядовой сфере укоренялись довольно легко и быстро, обретая статус возрожденных «древних» традиций.

В течение 2003–2011 гг. проводилась работа по выявлению критериев сходства и различия почитания священных мест и культовых объектов у северных (ижемских) коми по обе стороны Полярного Урала — на Севере Западной Сибири (ХМАО, ЯНАО Тюменской области) и Северо-Востоке Европейской России (Ижемский р-н Республики Коми).

Формирование ареальной группы обских коми (исторический экскурс)

Ижемские коми издавна осваивали пути в Зауралье, занимаясь охотой, промыслами, отгонным оленеводством (ижемские оленеводы кочевали в восточных предгорьях Полярного Урала и бассейне Нижней Оби), коммерцией. Они поддерживали торговые связи с местным населением — ханты, манси, ненцами. Выявленные в последние годы археологические, фольклорные и лингвистические материалы позволяют утверждать, что отдельные группы коми начинали переселяться в Нижнее и Среднее Приобье уже в XI–XIII вв. [Повод, 2006, с. 31; История Ямала, 2010, с. 261]. Манси интенсивно контактировали с коми-пермяками на Урале и коми-зырянами восточных районов Коми края. В XV–XVI вв. вогулы неоднократно совершали набеги на земли коми, а те, в свою очередь, принимали активное участие в военных походах русских князей за Урал. На Сибирском Севере коми-зыряне основали ряд торговых и промысловых поселков (Обдорск, Мангазей, Уркар, Войкар), участвовали в строительстве городов (Березов, Пелым, Верхотурье) и селились в них в качестве посадских, торговых и служилых людей. В XVI–XVII вв. группы северных зырян довольно широко расселились по Зауралью и северу Западной Сибири [Бахрушин, 1935; Жеребцов, 1982, с. 177–178; Повод, 2006, с. 32–47; История Ямала, 2010, с. 262–267]. С 1840-х гг. началось активное переселение ижемских оленеводов на сибирские земли, положившее начало формированию этноареальной группы *обских коми*. Ижемцы основали деревню Саранпауль, обосновались в городке Березове и селе Мужи; на рубеже XIX–XX вв. появились в поселках Ломбовож, Няксимволь, Казым, Подгорный, Овгорт, Ямгорт [Жеребцов, 1982, с. 180; Повод, 2006, с. 48–70; История Ямала, с. 266–268]. Процесс заселения Нижнего Приобья ижемскими зырянами происходил стремительными темпами. К началу XX в. в ряде поселков хозяйства коми стали составлять значительную часть относительно мансийских и хантыйских дворов, а нередко численно преобладали [Конаков, Котов, 1991, с. 49–59]. Формирование коми-ижемских поселений за Уралом было связано, наряду с другими факторами, с наличием церкви или миссионерского стана. С середины XIX в. во всех крупных поселках коми появлялись церкви; обские коми активно участвовали в жизни церковных приходов и (по записям А. Алквиста во второй половине XIX в.) характеризовались как хорошие христиане, «равные по набожности русским» [Повод, 2006, с. 145–154]. Таким образом, был сформирован ареальный центр культуры ижемских коми-зырян в Нижнем Приобье.

Факторы культурной адаптации коми на Сибирском Севере

Процессы этнокультурной адаптации, сопровождавшие расселение коми-зырян в Западной Сибири, способствовали распространению верований и обрядовых практик, бытовавших в их среде, и вместе с тем формировали тенденции локализации и усиления специфических черт, маркирующих этническую принадлежность: коми-ижемцы стремились проявлять свою самобытность и не раствориться в иноэтнической среде. Несущественное различие ландшафта и природы по обе стороны Полярного Урала, по всей видимости, обеспечило (в рамках единого лесного ландшафта) также и минимальную трансформацию механизмов мировоззренческо-экологической адаптации коми. Переселившись за Урал, ижемцы продолжали заниматься оленеводством, выделкой кожи, охотничьим промыслом, рыболовством. Характерной особенностью обских зырян являлись интенсивные торговые и миграционные контакты с Коми краем; сохранялись культурные и хозяйственно-бытовые традиции. Вместе с тем, осваивая западно-сибирские земли, коми неизбежно становились участниками культурно-бытовых взаимоотношений с народами ханты и манси, ранее обосновавшимися на данной территории, что приводило к некоторым изменениям в культурно-бытовом укладе зырян, причем не только в сфере материальной культуры, но и в религиозно-обрядовом комплексе. Модификации, касающиеся духовной культуры, были связаны не с заимствованием у обских угров тех или иных традиций, а в

основном являлись результатом переосмысления издавна существовавших у коми обычаев и обрядов.

Начиная с XVI в. (крещения перми вычегодской) этнокультурные традиции коми формировались уже при доминирующей роли народного православия (следует сделать акцент на народном понимании христианского культа, порой весьма далеком от церковных канонов). В то же время восточные соседи коми — ханты и манси — были обращены в православие значительно позже, в XVIII в. В силу географической удаленности, а также других причин обские угры сохраняли языческие традиции, обрядовые практики и культовую атрибутику на протяжении всей последующей истории, вплоть до рубежа XX–XXI вв. [Гемуев, Сагалаев, 1986; Гемуев, 1990; Гемуев, Бауло, 1999; Бауло, 2005]. Переселившись за Урал (речь идет о массовом переселении второй половины XIX в.), коми-ижемцы оказались на землях, уже освоенных обскими уграми — в культурном и культовом отношении. Таким образом, этноареальная группа обских коми формировалась в условиях иноэтничного окружения, в то время как природно-ландшафтная среда и хозяйственная деятельность оставались привычными.

Разделение своего и чужого пространства в мифологическом мировосприятии обских коми

В поле взаимодействия обских коми с природой, местным угорским населением, а также божествами и святилищами обских угров прослеживаются две основные тенденции. С одной стороны, переселившись за Урал, коми-ижемцы стремились освоить территорию и обозначить ее как *свою*. Таким маркером в первую очередь было христианство (в его народном понимании), включавшее в систему верований, помимо культов святых покровителей, также целый сонм демонологических персонажей, анимические и анималистические воззрения. Тем не менее именно православная вера коми противопоставлялась язычеству обских угров. С другой стороны, обские коми нередко признавали запреты, связанные с посещением культовых мест хантов и манси, опасаясь гнева богов и духов — хранителей земель Северного Приобья.

Итак, **первая тенденция** взаимодействия с природой коми-ижемцев на сибирском Севере проявлялась в том, что они довольно четко определяли для себя границу *своего* и *чужого* пространства. Даже по данным исследований начала XXI в., несмотря на относительную давность проживания в Сибири, обские коми продолжали считать зауральскую территорию в большей степени хантыйской и мансийской, чем своей. Абсолютное большинство информантов коми родину предков (Ижемский район Коми края) считали своей родной землей. Сменилось несколько поколений уже в Сибири, но практически в каждой семье помнили названия сел, откуда пришли в Зауралье их предки; многие поддерживали связи с дальними родственниками из Коми края (по ПМА — многочисленные записи в селах Мужи, Шурышкары, поселках Восяхово, Овгорт, Ямгорт ЯНАО; поселках Березова, Сосьва, с. Саранпауль ХМАО; 2004, 2006, 2011 гг.).

Одним из примеров противопоставления *своего* и *чужого* пространства у коми Нижнего Приобья являются рассказы о лесных духах — страшных существах, опасных для человека, появление которых обские коми нередко связывали с хантыйскими и мансийскими захоронениями. В этом отношении обращает на себя внимание обычай северных хантов хоронить покойников, не закапывая глубоко в землю, а в ряде случаев — в надземных сооружениях [История Ямала, с. 403]. Очевидно, что подобные способы погребения могли провоцировать архетипический страх перед мертвецами, весьма распространенный у коми [Белицер, 1958, с. 318–319, 329–332; Несанелис, Шарапов, 1994]. Былички о *лешаках* и прочих представителях нечистой силы широко известны коми-ижемцам не только на Приобском Севере, но и в Коми крае. Однако коми, проживавшие в бассейне Печоры и Ижмы, происхождение вредоносных мифологических персонажей обычно не соотносили с иными этносами, например ненцами. *Там (на Ижме) всегда почему-то чудилось. То ли за Урал нечистая сила не переходит. Там всегда рассказывали, случаи разные были. А здесь — другое. Нечистая сила не могла Урал пересечь* (ПМА: Тюменская обл., ЯНАО, с. Мужи, 2004). *Бабушка рассказывала, на Ижме много чего было. Лешаки ходили, по ночам в окна заглядывали, много всякой нечистой силы к людям лезло* (Там же, п. Восяхово, 2006). *Наши предки Урал перешли, а здесь другая религия. Манси верят в своих духов, нехристианских. Они (духи) здесь природой управляют* (Там же, ХМАО, п. Саранпауль, 2011). Таким образом, в мировоззрении зауральских коми духи обских угров считаются хозяевами и хранителями приобских земель, способными оградить свою территорию от вторжения представителей потусторонних сил из других регионов.

Священные места в системе мировоззрения обских коми: традиции, новации и архетип

Ландшафтно-мифологическая граница, маркирующая свое пространство, нередко обозначалась поклонными и обетными крестами (рис. 1), традиция установки которых была известна в Коми крае [Голубкова, 2006, с. 101–111]. Первые ижемские колонисты Нижнего Приобья в знак памяти о переходе через Северный Урал воздвигли деревянный крест, отмечавший середину их пути. *Народ в Сибирь шел с Ижмы, с Коми-то. Многие семьи со своими оленями, с баранами через Урал перевалили. Много народа пришло сюда. И на гору сюда поднялись. И увидели реку. Река, значит, кончаются горы, скоро поселок будет. И на этом месте крест поставили* (ПМА: Тюменская обл., ЯНАО, с. Мужы, 2004). Разрушенный в советские годы (местные предания повествуют о неоднократных разрушениях и восстановлении креста), крест был заново сооружен в конце 1990-х гг. на прежнем месте и являлся объектом паломничества зауральских коми. Около этого креста оленеводы останавливались передохнуть, молились, приносили жертву (хлеб, спиртное) и пили водку из медных колокольчиков, снимая их с оленей [Голубкова, 2006, с. 102]. Связанные с крестом легенды представляют собой обращение к его апотропейным функциям. Обетные и придорожные кресты в XIX — первой половине XX в. стояли во многих поселках коми: как в центре, так и на границе селений, защищая людей от эпидемий, мора скота, нечистой силы и прочих вредоносных духов (по ПМА 2004, 2006, 2011 гг.).

Рис. 1. Крест около Салехарда. Фото 2011 г.

Включение священных мест обских угров в систему мировоззрения обских коми

Вторая тенденция, связанная с культурной адаптацией коми-ижемцев на Сибирском Севере, включала святилища обских угров в систему мировоззрения коми, поселившихся в Нижнем Приобье. *Мы на хантыйской земле живем, поэтому боги хантов и на нас влияют* (ПМА: Тюменская обл., ЯНАО, п. Ямгорт, 2004). *За Уралом одни духи были, а здесь совсем другие, мансийские. На нас они тоже могут подействовать, хоть мы и христиане* (Там же, ХМАО, п. Саранпауль, 2011).

Зауральские коми старались соблюдать нормы, регламентирующие правила поведения на территории, где «хозяйничали» духи обских угров, придерживаться запретов на посещение святилищ (рис. 2). Чаще всего мотивацией подобного отношения был страх перед возможной карой со стороны разгневанных духов — хранителей территории и хозяев святилищ. *Мы на святые места не ходим, там манси своим богам поклоняются, а мы — люди христианской веры* (Там же). *Все манси колдуны, идолопоклонники, значит, им нечистая сила помогает* (Там же). *Там святилище манси, они в ту сторону на лодках ездят, а наши туда никогда не ходят. Там ихние идолы стоят, лучше не трогать и даже не смотреть, может приключиться что-то недоброе* (Там же). *Один рыбак несколько лет назад заехал на святилище и утонул потом. Нам еще старые люди говорили, что нельзя на мансийские святилища ходить. У них там свой бог, а у нас свой* (Там же). *Однажды зашел на святую землю охотник. Туда, где манси своим богам молятся. Чужим туда нельзя ходить, они (манси) даже своих не всех допускают. А он еще взял что-то себе, одна вещь ему очень понравилась. На следующий год пошел в лес и не вернулся, потом нашли мертвого. Его медведь задрал* (Там же, п. Сосьва,

2011). Соответственно обские коми приняли и включили в свою мифологию некоторые элементы традиционных верований обских угров (в частности, святые места хантов и манси).

Рис. 2. Святое место манси (р. Ляпин). ХМАО, Березовский р-н, 2011 г.

Заключение

Согласно предварительным выводам, основные отличия у локальных групп коми в почитании священных локусов заключаются в том, что обские коми более активно осваивали сакральное пространство и связанные с ним мифологические представления у соседних народов — ханты и манси. Вероятно, данный факт можно объяснить достаточно поздним заселением (на постоянной основе) коми-ижемцами Севера Западной Сибири: они пришли на территорию, где к этому времени уже обосновались обские угры. Причем у последних на тот момент была сформирована и адаптирована к местным природно-географическим условиям религиозно-мировоззренческая система, включающая обширный комплекс святилищ различного уровня.

У обских угров, до XVIII в. находившихся в относительной изоляции от воздействия православного духовенства, складывался комплекс представлений и обрядовых практик, основанный на древнеуральских и угорских мировоззренческих компонентах, при сильном влиянии митраизма [Гемуев, Сагалаев, 1986; Гемуев, 1990]. С XVIII в. — времени первых попыток крещения народов ханты и манси — начинались процессы постепенного восприятия православной культуры, повлиявшей на традиционный мифоритуальный комплекс. Более чем за два столетия христианизации обских угров православная обрядность достаточно прочно закрепилась и в ряде случаев соединилась с местными культурами. Кроме того, оказавшись соседями переселившихся за Урал коми-ижемцев, остяки и вогулы могли воспринять у них и приобщить к своей ритуальной практике часть обрядов и символов, относящихся к народно-христианским и демонологическим верованиям (возможно, даже принимая их за православные канонические культы). С одной стороны, народы коми, тесно контактировавшие с восточно-славянским населением Европейской России и более полно сохранившие элементы общих славяно-финских мифологических представлений (поскольку приняли православие позже, чем русские), на более позднем этапе, уже переселившись в Западную Сибирь, стали для обских угров своеобразными трансляторами «русской» культуры. Мифологические представления этнической группы, вероятно, могли подвергаться некоторым изменениям под влиянием религиозных воззрений доминирующего иноэтничного окружения, но лишь частично — если новый, видоизмененный мифологический образ или обряд был в какой-то степени созвучен старым, традиционным представлениям и не противоречил им. С другой стороны, в этой ситуации имели место факты этнокультурной дивергенции, основанной на противопоставлении православного и языческого культов. И таким образом происходил процесс эндотнической консолидации, наиболее актуальной для диаспор. Соответственно на примере почитания священных мест и культовых объектов, а также отношения к ним у коми-ижемцев Северного Приобья был выявлен ряд мировоззренческих концептов, связанных с освоением этносом новой территории, и рассмотрены механизмы включения чужого пространства в свою культурную среду обитания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауло А.В. Религиозное мировоззрение и обрядовая практика // Сынские ханты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 145–172.
- Бахрушин С.В. Остяцкие и Вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1935. 87 с.
- Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 394 с. (ТИЭ. Нов. сер.; Т. XLV).
- Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX вв.). СПб.: Наука, 1994. 124 с.
- Вольтер Э.А. Крестовые сосны (ristipetäiä): К вопросу о некрокульте у финских народностей // ЖС. 1915. Вып. III. Прил. № 3. С. 33–35.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святые места манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культовые места XIX — начало XX в. Новосибирск: Наука, 1986. 190 с.
- Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие русских и северных коми-зырян в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 101–111.
- Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. 224 с.
- История Ямала: В 2 т. / Под общ. ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы / Под ред. Н.В. Федоровой, А.П. Зенько и др. 416 с.
- Кандинский В.В. Из материалов сысольских и вычегодских зырян: Национальные божества (по современным верованиям) // ЭО. 1889. Кн. 3. С. 102–110.
- Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.
- Конкка А.П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск: Изд-во КФ АН СССР, ИЯЛИ, 1986. С. 85–112.
- Логинов К.К. О жертвоприношениях в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: Изд-во КФ АН СССР, ИЯЛИ, 1992. С. 46–67.
- Логинов К.К. Деревья и кустарники в поверьях народов Карелии // ЖС. 2004. № 3. С. 2–6.
- Макаров Д.М. Культ дерева у народов Поволжья и Приуралья // Вопр. истории и историографии чувашского народа. Чебоксары: ЧГУ, 1976. С. 173–194.
- Налимов В.П. Загробный мир по верованиям зырян // ЭО. 1907. № 1–2. С. 1–23.
- Несанелис Д.А., Шаралов В.Э. Тема смерти в детских играх: Опыт этносемиотического анализа (по материалам традиционной культуры коми) // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар: Изд-во СГУ, 1994. С. 122–134.
- Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Садиков Р.Р. Культ священных рощ у закамских удмуртов // Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 2002. С. 257–259.
- Теплоухов Ф.А. Народное празднество «Три елочки» в Богородской вол. Пермского уезда // Пермский край. Пермь, 1892. Т. I. Вып. 1. С. 138–148.
- Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмурт. ИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.

Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
Olga-11100@yandex.ru

Reverence of holy places with Finno-Ugric peoples is noted for strongly pronounced forms. Upon settling in the basin of the Low Ob', in the vicinity of Khanty and Mansi, the Izhma Komi (to have formed the Ob' Komi ethnic areal group) tried to show their originality, without vanishing in the alien ethnic environment. One could trace two basic tendencies in the interaction field of the Ob' Komi with nature, with the local Ugric population, as well as with gods and holy places of the Ob' Ugrians. On the one hand, upon their migration across the Urals, the Izhma Komi tried to develop the new territory, denoting it as their own space. In the first place, it was Christianity (in its folk interpretation) that served such marker. A landscape-and-mythological border, delimiting its space, was often marked by worship and votal crosses. On the other hand, the Ob' Komi often recognized prohibitions connected with visiting Khanty and Mansi cultic places, avoiding wrath of their gods and spirits — the land protectors of the north Low Ob' basin. Thus, the Ob' Komi recognized the holy places of the Ob' Ugrians, including those into their mythology.

The Ob' Komi, mythology, traditional culture, myth-making, holy places, sacral marking of the space, folk Christianity.

ДИНАМИКА ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ СРЕДНЕОБСКОГО КОСТЮМНОГО КОМПЛЕКСА ОБСКИХ УГРОВ ПО ФОТОГРАФИЯМ 1930–1970-х гг.

Р.К. Бардина*, А.А. Богордаева**

На основе анализа коллекции фотографий из семейных архивов обских угров рассматривается процесс изменения традиционного женского костюма и динамика его использования в 1930–1970-е гг. Трансформация одежды происходила по пути усложнения ее украшений и уменьшения площади их расположения. Динамика использования традиционного костюма заключается в его постепенном переходе из категории повседневной одежды в категорию праздничной.

Ханты, манси, среднеобский костюмный комплекс, традиционная одежда, традиционные украшения, аппликация, бисер, чирки, вязаные чулки, вязаные рукавицы, этнографический источник, историческая фотография.

Среди предметов материальной культуры традиционная одежда выделяется свойством изменяться, сохраняя при этом этническую специфику. Поскольку этот процесс значительно растянут во времени, а отдельные изменения почти незаметны, то в итоге приходится фиксировать уже произошедшую трансформацию. Имеющийся вариант бывает настолько отличен от первоначального, что сложно их сопоставить. Представить динамику традиционной одежды помогают хронологически последовательные изобразительные источники. Со второй половины XIX в. такую возможность дает фотография. И хотя с этого времени фотографические изображения традиционной одежды не являются редкостью для этнографических описаний, не часто из них можно собрать последовательные ряды одежды одних и тех же видов, из одних и тех же населенных пунктов.

Другие возможности открываются при работе с семейными архивами, на основе которых можно рассмотреть изменения одежды в отдельной семье, роде, населенном пункте, а в комплексе — и в регионе. С развитием и быстрым распространением фототехники в XX в. расширились сферы и потенциал ее применения. В семейных архивах появляются любительские бытовые фото, на которых показаны члены семьи в различных ситуациях и в процессе разнообразной деятельности. Соответственно мы можем видеть праздничную, повседневную, рабочую и иную одежду. Важно еще и то, что на этих снимках мы видим культуру изнутри, глазами ее носителей. Особый интерес представляют коллекции фотографий, не связанных идеей показа традиционной одежды, поскольку они позволяют проследить ее использование в общем культурном контексте.

Основой нашего исследования, целью которого является изучение динамики женской одежды среднеобского костюмного комплекса обских угров в 1930–1970-е гг., стала коллекция фотографий, собранная в ходе изучения генеалогии обских угров. Она включает 355 снимков 1930–1970-х гг. из семейных архивов манси и хантов, проживающих в населенных пунктах, расположенных на берегах Большой и Малой Оби и в низовьях Северной Сосьвы. Административная принадлежность этой территории в течение XX в. менялась несколько раз, в настоящее время это Октябрьский (дд. Верхние Нарыкары, Нижние Нарыкары, Чемаши и с. Перегребное), Березовский (пп. Березово, Игрим, дд. Ломбовож, Новинские/Новое, Шайтанка, сс. Ванзетур и Теги) и Белоярский (п. Белоярский, д. Пашторы, сс. Полноват и Тугияны) районы и г. Нягань Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. На фотографиях представлены и жители из уже несуществующих деревень, в том числе: Мулигорт, Комратка, Комудваны, Вежакары, Проточные, Неремово, Морохово, Лорба (территория Октябрьского района), Ёлка-Шапка, Люликары, Резимово, Чуанель (территория Березовского района).

В начале XX в. большая часть данной местности входила в ареал распространения среднеобского костюмного комплекса, который фиксируется с XIX в. у хантов и манси, проживавших в низовьях Иртыша и вниз по Оби от ее слияния с Иртышом, по берегам Большой и Малой Оби в селениях, административно относившихся к Чемашевской, Естыльской, Шеркальской, Нангакарской, Большеатлымской, Малоатлымской, Ендырской, Васпухольской, Белогорской волостям Березовского уезда и Самаровской и Темлячевской волостям Тобольского уезда Тоболь-

ской губернии. Ареал бытования одежды, входящей в состав среднеобского комплекса, включал также район низовьев Северной Сосьвы и Малую Сосьву, что, очевидно, связано с сезонными перемещениями коренного населения и давними устоявшимися родственными связями с жителями Оби. Поскольку эта территория является центральной частью транспортной магистральной, связующей север и юг, запад и восток Северо-Западной Сибири, и здесь неоднократно проходили различного рода экспедиции, описания одежды местного населения дают возможность представить ее специфику. В это время отмечается две особенности одежды хантов и манси, проживающих здесь: во-первых, она отличалась от одежды оленеводческого населения и, во-вторых, в ней было много «русских» заимствований [Источники..., 1987, с. 213; Дунин-Горкавич, 1995, с. 88–89]. В дальнейшем были сделаны более подробные описания одежды среднеобских хантов первой половины и середины XX в. [Прыткова, 1953], обских хантов второй половины XX в. [Соколова, 1982, с. 30, 66; Молданова, 1999], обских и нижнесосьвинских манси конца XIX — XX в. [Федорова, 1994, с. 106–215]. На прилагающихся иллюстрациях показаны в основном некоторые виды женской одежды, относящиеся к концу XIX — началу XX в.: рубахи, халаты, рукавицы и т.п. [Прыткова, 1953, с. 177, рис. 57, с. 180, рис. 60, с. 181, рис. 61, с. 182, рис. 63; Федорова, 1994, с. 162, рис. 17, с. 181, рис. 21, с. 184, рис. 22, с. 196, рис. 26]. О видах и способах декоративной отделки одежды обских хантов, приемах вязания, видах бисерных украшений рассказывается в монографии Т.А. Молдановой, где имеются также снимки современного традиционного женского костюма обских хантов из пп. Ванзеват, Полноват, Тугияны [1999, с. 19–38]. Женскую одежду обских хантов мы можем видеть на фотографиях, сделанных З.П. Соколовой в ходе экспедиционных исследований в 1960-е гг. в п. Тугияны, а женскую одежду обских манси — на снимке Е.Г. Федоровой конца 1980-х гг. [Народы..., 2005, с. 115, 122, 124, 252].

Изучение одежды среднеобских и обских хантов, нижнесосьвинских и обских манси показали, что особенности костюма этих групп объединяют их и выделяют из всего обскоугорского ареала [Федорова, 2000, с. 232]. Их одежда была отнесена к отдельному комплексу, получившему название «среднеобской» [Богордаева, 2006, с. 184]. Было установлено, что его специфика заключается в смешении элементов одежды южного (охотничье-рыболовецкого) и северного (олeneводческого) происхождения [Там же]. В развитии комплекса выделено два периода, которые характеризуются использованием определенных видов одежды и приемов ее украшения. Первый период длился с XIX до начала XX в. Женский костюм этого времени включал вышитую рубаху из холста, поверх которой в теплое время надевали вышитый холстяной или украшенный аппликацией хлопчатобумажный халат, а также пояс-повязку, вязаные чулки и чирки, расшитые бисером, платок, нагрудные бисерные украшения (*пальсак* (манс.), *тур лопс* (хант.), *турлапс* (манс.), *мальсоупс/магисунт* (манс.)), кольца, серьги; в зимнее время кроме того носили вязаные рукавицы и шубу из птичьих шкурок, оленьих шкур или шкурок пушных зверей, поверх которой надевали халат из ткани [Прыткова, 1953, с. 170–172, 195–196; Федорова, 1994, с. 161–163, 181–182, 184–186, 195, 198; Дунин-Горкавич, 1995, с. 90; Богордаева, 2006, с. 184]. В начале XX в. вышитую одежду из холста постепенно вытесняют украшенные аппликацией рубахи и халаты из хлопчатобумажных тканей. И во второй период, охватывающий весь XX в., женский костюм среднеобского комплекса состоял из хлопчатобумажных халата и рубахи-платья, украшенных аппликацией и бисером, вязаных шерстяных чулок, расшитых бисером чирков, нагрудных бисерных украшений, платка [Соколова, 1982, с. 66; Источники..., 1987, с. 213; Молданова, 1999, с. 19–21, 24–31; Богордаева, 2006, с. 189]. Зимний женский костюм в это время постепенно выходит из использования, но еще можно было встретить женские шубы, поверх которых надевали расшитые аппликацией хлопчатобумажные халаты, вязаные рукавицы и стилизованную камусную обувь (бурки), украшенную бисером [Источники..., 1987, с. 213; Молданова, 1999, с. 19–21; 24–31; Богордаева, 2006, с. 189].

Позже вышло сразу несколько изданий, в которых представлены фотографические материалы по традиционной одежде обских угров. Так, Н.В. Лукина опубликовала часть своего фотоархива отдельной книгой в серии «Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии» [2006]. В 2007 г. был издан альбом, в котором собраны фотографии, полученные в ходе экспедиционных исследований З.П. Соколовой на Обском Севере [2007]. В 2008 г. в Тарту Эдгаром Сааром напечатан первый в этнографии обских угров фотоальбом, посвященный традиционному костюму северных хантов [Saar, 2008]. В альбом вошли фото и рисунки эстонских исследователей, побывавших в 1980-е гг. на Обском Севере, в том числе в д. Теги, пп. Тугияны, Ванзеват, Полноват. Представлены черно-белые фотографии женщин в традиционном облаче-

нии, а также цветные рисунки одежды и ее орнаментированных деталей. Иллюстрации расположены группами по виду одежды: платья, халаты, шубы, рукавицы, обувь, чулки. На снимках можно увидеть и нагрудные и головные украшения. После женского костюма показана одежда девочек, затем — мужчин и мальчиков. В соответствии с этим принципом даны общие характеристики одежды: описания типов ее покроя и способов украшения. В конце размещены снимки местного населения в современных покупных вещах, в том числе семейные, детские, свадебные, рабочие фото. Женская одежда интересующей нас группы хантов показана на 20 снимках и 15 рисунках. Большинство фотографий носит постановочный характер и демонстрирует особенности традиционного костюма хантов в 80-е гг. XX в.

В 2009 г. впервые были опубликованы и фотографии из изучаемой коллекции в книге, посвященной этносоциальной истории обских и нижнесосьвинских манси XVIII — начала XXI в. [Бардина, 2009]. В дальнейшем часть снимков вместе с современными цветными фото, изображающими в том числе традиционный костюм обских хантов и манси и нижнесосьвинских манси начала XXI в., вошли и в другие монографии [Бардина, 2010, 2011]. Всего было опубликовано 78 снимков с традиционной одеждой, из них черно-белых — 55 (11 — в 2009 г., 22 — в 2010 г., 22 — в 2011 г.), цветных с современной традиционной одеждой — 23 (10 — в 2009 г., 7 — в 2010 г., 6 — в 2011 г.).

В заключение историографического обзора отметим, что мы имеем достаточно полное описание женской одежды среднеобского костюмного комплекса, основанное на наблюдениях и музейных коллекциях. Массовые изобразительные материалы по ней относятся к 1960–2010 гг. и представляют в основном костюм, сформировавшийся на рубеже XIX–XX вв.; его вариант используется и в настоящее время, как правило, в качестве праздничной одежды. Как видим, проследить по опубликованным изобразительным материалам динамику этого комплекса достаточно сложно, поскольку они если и относятся к одному населенному пункту, то при этом имеют большие разрывы во времени, а если принадлежат к одному и тому же временному периоду, то показывают одежду жителей разных населенных пунктов. В целом опубликованным материалам не хватает массовости в определенных временных и территориальных границах. Такую возможность дает нам коллекция черно-белых фотографий. С ее помощью мы можем определить направление, в котором происходили изменения в традиционном женском костюме, а также выявить и проследить динамику использования традиционной женской одежды среднеобского костюмного комплекса обских угров в 1930–1970-е гг.

Исследуемая коллекция формировалась с начала 2000-х гг. Работа с фотографиями включала три этапа. На первом этапе велось изучение семейных архивов, осуществлялся сбор информации о фото (место и время проведения съемки, имена запечатленных на снимке и фотографа). На втором этапе фотографии скопировали в необходимом для последующей печати разрешении и менее всего опознанные из них разместили в одной из социальных сетей с целью сбора дополнительной информации. Кроме того, в это же время проводились консультации с другими информантами, проживавшими некогда в изучаемых населенных пунктах или имеющими родственные связи с их жителями¹. В это же время снимки были систематизированы по владельцам, десятилетиям, населенным пунктам и родственным связям. На основе сравнительного анализа размера, цвета и заднего фона некоторых фотографий удалось также выявить серии снимков, сделанных в одном месте и одним фотографом. Это, в свою очередь, позволило установить место и время съемки для неопознанных фото. Время съемки других фотографий было установлено по возрасту изображенных на них детей. В ходе систематизации коллекции были определены имена фотографов-любителей из числа коренных жителей. На третьем этапе в каждом десятилетии вычленили фотографии, на которых имелись изображения традиционной одежды, как в полном комплекте, так и в виде отдельных элементов (чулки, обувь, платья и пр.). Затем эти фотографии распределили по половозрастному признаку. В составе женской одежды были выделены три возрастные категории: одежда девушек, женщин среднего возраста и пожилых. После этого зафиксированная на снимках одежда была проанализирована по составу, виду и типу.

В коллекцию входят большей частью портреты (одиночные и групповые), встречаются также уличные снимки. Портреты представлены как студийными, так и репортажными фото. На

¹ Авторы выражают искреннюю признательность и сердечную благодарность Д.П. Ермачковой, Е.Г. Копотиловой, Л.К. Зубакиной, М.Т. Гришкиной, Т.А. Клименовой, Д.В. Лельхову, В.И. Грибановой, Л.В. Кашлатовой, Т.С. Себуровой, Р.К. Слепенковой и З.С. Рябчиковой за помощь в определении людей, изображенных на фотографиях.

Динамика женской одежды среднеобского костюмного комплекса обских угров....

одиночных портретах чаще всего видим военнослужащих и студентов, одетых соответственно в военную форму или современную покупную одежду. Среди групповых снимков основное место занимают семейные фотографии. В основном они имеют постановочный характер, и на них мы видим, как правило, традиционную нарядную/праздничную женскую одежду. Съёмки велись и в специально оборудованных для этого помещениях, и на улице (около дома, на берегу, в огороде и т.п.), и непосредственно в жилище. Среди групповых много школьных, интернатовских и студенческих фотографий, на которых запечатлены ученики или студенты и преподаватели. На этих снимках обычно дети и подростки одеты в ученическую форму, а учителя предстают перед нами в современных костюмах. Иногда среди них неожиданно появляются родственницы учащихся в традиционной одежде. Редко можно увидеть традиционную одежду на снимках участников различного рода съездов, конференций, совещаний. В то же время на групповых портретах (обычно репортажных, во время какой-либо работы или после нее) трудовых коллективов женщины большей частью одеты в традиционную повседневную одежду. Ее можно наблюдать и на репортажных фото, которых в коллекции немного, и все это ценные кадры из жизни местного населения, отражающие будни (поездка на лодке, изготовление лодки, трапеза во время покоса, встреча вертолета и др.) и праздники (выступление хора в Доме культуры и т.п.).

Традиционная одежда (как в полном комплекте, так и отдельными деталями) предстает лишь на трети снимков (120 из 355 фото). Из 120 фотографий с традиционной одеждой на большей части (93 %) можно видеть изображения женщин (табл. 1). Процент снимков с традиционной женской одеждой от общего числа женских фотографий постепенно уменьшается к 1970-м гг.: 1930-е гг. — 75 %, 1940-е гг. — 47 %, 1950-е — 52 %, 1960-е — 49 % и 1970-е гг. — 26 %, что свидетельствует о постепенном выходе такой одежды из использования (табл. 1).

Таблица 1

Количественный состав женских фотографий обских хантов и манси, нижнесосьвинских манси 1930–1970-х гг.

Категории одежды по полу и возрасту	1930-е гг.		1940-е гг.		1950-е гг.		1960-е гг.		1970-е гг.		Всего	
	Общее число	С trad. одеждой	Общее число	С trad. одеждой	Общее число	С trad. одеждой	Общее число	С trad. одеждой	Общее число	С trad. одеждой	Общее число	С trad. одеждой
Всего, фото	11	4	26	8	169	64	73	29	76	16	355	120
Женская одежда	4	3	17	8	113	59	53	26	61	16	248	112
Девушки	2	—	12	3	46	10	12	1	37	—	109	14
Женщины средних лет	3	3	14	5	81	50	31	17	22	3	151	78
Пожилые женщины	—	—	3	2	12	11	18	11	15	12	48	36

Динамику использования традиционной одежды по возрастным группам показывают диаграммы (рис. 1, 2). Снимки, на которых изображены женщины средних лет, преобладают и составляют примерно 60 % от общего числа фотографий с женщинами (табл. 1, рис. 1)². При этом фото женщин в этническом костюме или с использованием его отдельных элементов насчитывается 52 % от общего числа снимков этой возрастной группы (табл. 1, рис. 2). На втором месте по численности изображений в традиционной одежде (75 %) находятся пожилые женщины (табл. 1, рис. 2). И наконец, из всех фото с девушками лишь 13 % демонстрируют их традиционный костюм (табл. 1, рис. 2). Очевидно, что фотография отражает действительную картину, показывающую, что традиционная одежда в среде женской части исследуемых групп обских угров сохранялась большей частью у пожилых женщин.

Изображенную на снимках женскую одежду можно разделить на два хронологических комплекса. Первый — более ранний комплекс, или *среднеобской женский костюм рубежа XIX–XX вв.*, составляет одежда, появившаяся на рубеже XIX–XX вв. в результате замены домотканых полотен тканями фабричного производства, а традиционной вышивки — аппликацией. Второй комплекс, или *среднеобской женский костюм XX в.*, сформировавшийся позднее — в начале XX в. — вследствие модернизации первого и какое-то время существовавший параллельно ему, в конечном счете стал преобладающим и дошел до наших дней.

² Поскольку большинство фотографий групповые и включают изображения женщин разных возрастных групп, суммарные данные в таблице не совпадают.

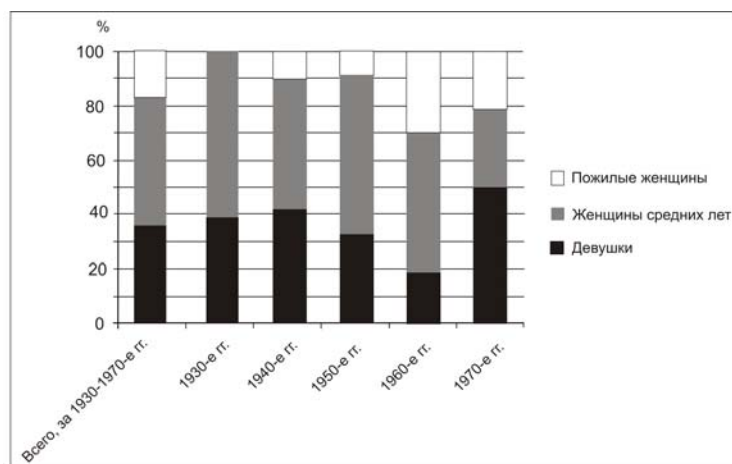

Рис. 1. Возрастной состав женских фотографий 1930–1970-х гг.

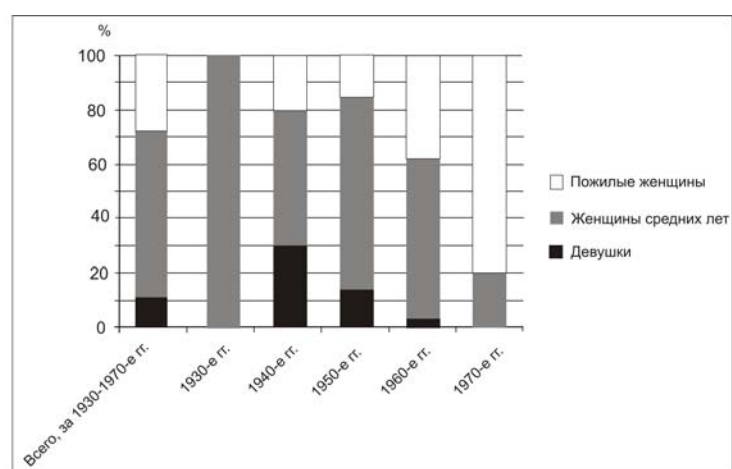

Рис. 2. Возрастной состав женских фотографий 1930–1970-х гг. с традиционной одеждой

Среднеобской женский костюм рубежа XIX–XX вв. представлен на семи групповых фотографиях (табл. 2). Все фотографии постановочные, а запечатленные на них женщины — в нарядной одежде. По хронологии один снимок относится к 1930-м гг., два — к 1940-м гг., три — к 1950-м гг. и один — к 1970-м гг. (табл. 2). Характерно, что все они сделаны значительно позднее периода, обозначенного в названии костюма. Однако на них изображена известная нам по этнографической литературе и музейным коллекциям одежда именно рубежа XIX–XX вв., которая в изучаемый период, вероятно, использовалась в качестве праздничной. В возрастном отношении в этом комплексе больше всего фотографий с изображением женщин среднего возраста (6) и всего один снимок женщины пожилого возраста (табл. 2). География этих фотографий включает д. Пашторы (2 фото) Белоярского района, п. Березово (1 фото) и д. Новое (2 фото) Березовского района, дд. Верхние Нарыкары (1 фото) и Мулигорт (1 фото) Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Заметим, что район бытования этого костюма сместился севернее среднеобского ареала, на основании чего эта одежда может быть включена в состав северного костюмного комплекса обских угров. Однако характерные признаки одежды, показанной на фото, позволяют нам говорить именно о среднеобском костюмном комплексе рубежа XIX–XX вв.

Изучая изображенную на снимках *среднеобскую женскую одежду рубежа XIX–XX вв.*, мы видим большей частью верхнюю одежду, чаще всего это халаты, которые являются специфическими элементами всего комплекса. Их легко идентифицировать по такому признаку, как поперечные полоски или орнаменты, нашитые по всей длине рукавов (рис. 3). Так, на рис. 3 представлен групповой снимок женщин из д. Верхние Нарыкары 1950-х гг. Фото поясное и не позволяет увидеть весь костюм, но, как можно заметить, они одеты в традиционные платья и халаты,

Динамика женской одежды среднеобского костюмного комплекса обских угров....

голова покрыты платками с кистями, у некоторых есть нагрудные бисерные украшения. Две стоящие по краям в верхнем ряду женщины (Шадрина Елена Николаевна и Тынзянова Надежда Андреевна) одеты в халаты среднеобского костюма рубежа XIX–XX вв. Рукава халатов по всей длине расшиты параллельными рядами аппликации в виде ленточного орнамента прямолинейного типа. Такой прием украшения рукавов нам известен по опубликованным Н.Ф. Прытковой фотографиям халатов и рубах-платьев среднеобских хантов конца XIX — начала XX в. из фондов ТГИАМЗ [1953, с. 177, рис. 57, с. 181, рис. 61]. Если мы посмотрим на размещенные здесь же фотографии холщовых халатов и рубах с вышивкой, то заметим, что расположение бордюрной вышивки на их рукавах, полочках и подоле совпадает с расположением аппликации на рукавах хлопчатобумажных халатов и платьев более позднего периода [Там же, с. 176, рис. 56, с. 180, рис. 60].

Таблица 2

Количественный состав фотографий с изображением женского среднеобского костюма обских угров

Возрастные категории женской одежды	1930-е гг.		1940-е гг.		1950-е гг.		1960-е гг.		1970-е гг.		Всего	
	Комплексы											
	рубежа XIX–XX вв.	XX в.	рубежа XIX–XX вв.	XX в.	рубежа XIX–XX вв.	XX в.	рубежа XIX–XX вв.	XX в.	рубежа XIX–XX вв.	XX в.	рубежа XIX–XX вв.	XX в.
Женская одежда	1	2	2	6	3	56	—	26	1	15	7	105
Девичья	—	—	—	3	—	10	—	1	—	—	—	14
Среднего возраста	1	2	2	3	3	47	—	17	—	3	6	72
Пожилых женщин	—	—	—	2	—	11	—	11	1	11	1	35

Очевидно, что аппликативные полосы со временем заменили бордюрную вышивку на рукавах. Но сначала это были просто полоски цветной ткани, которые нашивались параллельными рядами на рукава, что мы можем видеть на рис. 4. Здесь запечатлены две молодые женщины из д. Пашторы в 1940-е гг. Стоящая женщина одета в среднеобской костюм рубежа XIX–XX вв. На ней — халат, платье, расшитые манжеты которого видны из под рукавов халата, вязанные чулки, украшенная бисером обувь, бусы. Видим, что на рукава халата нашиты достаточно широкие полосы цветной ткани, некоторые из них с простейшим орнаментом (треугольниками), и только на обшлагах аппликация имеет сложный узор (рис. 4). Со временем эти изящные орнаменты распространились по всей поверхности рукава (рис. 3).

Рис. 3. Жители д. Верхние Нарыкары (ныне Октябрьский район ХМАО — Югры), 1950-е гг. Из семейного архива А.А. Тынзяновой

В целом фотографии позволяют нам определить лишь некоторые особенности декоративной отделки верхней одежды, в частности халата, и проследить его трансформацию во времени. Замечено, что на снимках 1930–1940-х гг. на халатах отсутствуют аппликативные полосы вдоль боковых швов полочек. Они появляются на фото 1940-х гг. и уже не исчезают. Также со-

кращается длина самого халата. На фото 1930–1940-х гг. халаты — достаточно длинная одежда, примерно до середины голени, а на снимках 1950-х гг. — лишь до колен. Прослеживается и сокращение длины рукавов у халатов. Если в 1930–1950-е гг. рукава были длиной до середины предплечья и достигали манжет платья, то уже в 1950–1960-е гг. рукава халата лишь закрывают локти. Со временем сокращается количество снимков, на которых изображены женщины и девушки в среднеобском костюме рубежа XIX–XX вв. Так, если в 1930–1940-е гг. это 3 фото, в 1950-е — 3 фото, то в 1960-е — ни одного и в 1970-е — только 1 фото. Очевидно, что к 1960-м гг. женская среднеобская одежда рубежа XIX–XX вв. выходит из массового использования, продолжая сохраняться у пожилых людей в качестве нарядной или праздничной.

Рис. 4. Жительницы д. Пашторы (ныне Белоярский район ХМАО — Югры), 1940-е гг. Из семейного архива Д.В. Лельхова

Среднеобской женский костюм XX в. представлен в альбоме 105 фото. Фотографии показывают, что ареал распространения этого костюма в 1930–1970-е гг. включал расположенные на Большой Оби и ее притоках населенные пункты — пп. Перегребное, Полноват, дд. Чемаша, Теги, Комудваны, Вежакары, Тугияны, на Малой Оби и притоках — пп. Верхние Нарыкары, Нижние Нарыкары, дд. Мулигорт, Морохово, Ёлка-Шапка, Новое, Комратка, Неромово, Пашторы, в низовьях Северной Сосьвы и на ее притоках — п. Березово, дд. Люликары, Реземово, Ванзетур, Чуанель. Наибольшее число женских фотографий (19 фото) в среднеобском костюме XX в. происходит из д. Новое, из д. Пашторы — 15 фото и из д. Чемаша — 12 фото, из них наиболее ранние снимки (1930-е гг.) — из дд. Пашторы и Новое. Хотя фотографий из д. Новое наибольшее количество, ими представлены не все десятилетия: выпали 1940-е и 1970-е гг. В то же время из д. Пашторы есть снимки всех десятилетий. Они показывают, как менялась женская одежда в этой деревне на всем протяжении рассматриваемого периода. Снимки именно из этих двух деревень и демонстрируют среднеобской женский костюм 1930-х гг. По фотографиям из д. Пашторы можем судить о среднеобском костюме и в 1940-е гг., так как они составляют 50 % (4 фото) от всех женских снимков в традиционной одежде этого периода, а фото 1950-х гг. из этих деревень составляют 37 % (22 снимка). Обе деревни находятся близко к центру рассматриваемого ареала на протоках: д. Пашторы — между Большой и Малой Обью, а д. Новое —

Динамика женской одежды среднеобского костюмного комплекса обских угров....

между Малой Обью и северной Сосьвой. Как можно заметить, район бытования среднеобского костюмного комплекса XX в. вслед за среднеобским комплексом рубежа XIX–XX вв. сместился севернее своего первоначального расположения и в рассматриваемый период занимал территорию от п. Перегребное (Большая Обь) на юге до п. Полноват (Большая Обь) и п. Березово (Северная Сосьва) на севере.

Особенностью этого комплекса являлись богато декорированные аппликацией и бисером предметы (халат, платье, чирки), которые в сочетании друг с другом придавали всему костюму неповторимый колорит (рис. 5). Важнейшим предметом комплекса является сшитый чаще всего из одноцветной хлопчатобумажной материи халат (*тõр сах* (манс.), *сяшкан сах* (хант.)), украшенный узорными полосками аппликации из контрастной ткани (чаще всего белого цвета) по краю подола, вдоль краев полочек и спереди вдоль швов стана. Орнаментированными полосками также расшивались края рукавов, иногда такие полоски доходили до локтя. У некоторых халатов края полочек и подола обшиты бисером. Халат в целом являлся значимым предметом всего комплекса среднеобской женской одежды. Зимой такой халат надевали поверх шубы. Кроме того, на фотографиях можно видеть, что в некоторых случаях женщины одеты в несколько халатов. Вероятно, так выражалась особая функция традиционной одежды, ее праздничность.

Рис. 5. Жители д. Тугияны (ныне Белоярский район ХМАО — Югры), 1960-е гг.
Из семейного архива Д.В. Лельхова

Рубаха-платье шилась также из хлопчатобумажной ткани. Платье имело кокетку, широкие длинные рукава с широкими манжетами, воротник-стойку или отложной прямоугольный воротничок, нагрудную застежку с планкой нагрудного разреза, оборку по краю подола и украшалось аппликацией. По фотографиям сложно судить обо всех особенностях рубахи-платья, поскольку надетый поверх халат почти полностью ее закрывает. Однако есть несколько фотографий с женщинами и девочками без халата. С одной стороны, эти редкие случаи отражают традицию, в соответствии с которой рубаха-платье являлась нижней (или домашней (?)), не предназначенной для посторонних одеждой, поверх которой всегда надевался халат. С другой стороны, очевидно, что в этот период рубаха-платье постепенно начинает выходить за рамки этой традиции и превращается в собственно платье (в противоположность рубахе — нижней одежде). Такое превращение в рамках традиционной одежды предполагает дополнительное декорирование. И декоративная отделка платья выполнялась в тех же традициях, что и халата. Узорны-

ми полосками расшиты манжеты и подол, несколькими полосками — кокетка. Иногда полоски нашивались по краям планки нагрудного разреза. На фотографиях встречаются платья, края манжет которых украшены бисером. Кроме того, фотографии показывают, что иногда к кокетке пришивали оборку. Такое оформление кокетки можно видеть на рис. 3 у сидящей с правого края женщины. В 1970-е гг. на снимках появляются платья с застежкой на замке-молнии.

Под платьем женщины носили штаны, но их не видно на фото, так как ноги почти до колена закрывают узорчатые вязаные чулки, которые в настоящее время практически не используются. Судя по представленным фотографиям, в рассматриваемый период чулки были достаточно устойчивым элементом костюма и зачастую носились отдельно от костюма, как самостоятельный элемент. По расположению узора представленные на фото вязаные чулки можно разделить на два типа. К первому типу относятся чулки с полностью орнаментированным голенищем (рис. 5), ко второму — чулки с узором, локализованным в верхней части голенища. Носки с орнаментированной верхней частью голенища были длинными, их носили в сборку: присборивали неорнаментированную часть, а орнаментированную, наоборот, расправляли.

В традиционном комплекте чулки носили с кожаной, расшитой бисером обувью (*нур*) без голенища. Судя по фото, бытовали три основных варианта декоративного оформления носка этой обуви: 1) соединяющимися на носке под углом полосами бисера; 2) треугольником, вышитым бисером; 3) соединяющимися под углом бисерными полосами, образующими треугольник, внутреннее пространство которого также декорировано. В зимний период кроме обычных шерстяных чулок и бисерных *нур* женщины носили и обувь, сшитую из оленьих камусов.

Женский костюм дополнялся традиционным или покупным платком. На снимках можем видеть и традиционный платок, и способ его ношения. Традиционный платок отличается от покупного широкой, пришитой по краю каймой из ткани контрастного цвета с длинными кистями, сделанными из холстяных или крапивных ниток. По традиции платок накидывали на голову, подогнув по ширине на 1/3–1/4, опустив два угла по плечам (для удобства их часто закидывали за плечи) и два по спине или так же, но свернув на угол.

В число элементов праздничного (парадного, выходного) среднеобского женского костюма XX в. входили бисерные нагрудные украшения, которые представлены на фото в двух видах. Первое — *сак паль* (хант.), *пальсак* (манс.) — нагрудное украшение из двух широких (8–10 см) соединенных между собой бисерных полос (длиной примерно 30–37 см), которые перекидывались через шею и опускались на грудь, прикрывая нагрудный разрез рубахи или платья. Второе — *сак лопас*, *тур лопас* (хант.), *тур лапс* (манс.) — ожерелье, сплетенное из бисера в виде широкой полукруглой полосы, закрывающей верхнюю часть груди (рис. 3, 4). Эти украшения дополняли друг друга и использовались как по отдельности, так и вместе. Можно заметить, что больше снимков с изображением женщин в бисерном ожерелье *тур лопас*, которое закрывает грудь. Очевидно, фотографии отражают общую тенденцию преобладания бисерного ожерелья. Хотя следует помнить, что традиционно эти два вида шейно-нагрудных украшений использовались вместе и дополняли друг друга, полностью закрывая открытые участки шеи и груди. Кроме того, традиционный костюм дополняли бусами.

Особый интерес представляют фотографии, на которых можно наблюдать сочетание одежды, относящейся к двум хронологическим комплексам (рис. 3, 4). Можно заметить, что набор предметов, составляющий оба костюмных комплекса, примерно одинаков и включает: халат, платье, нагрудное бисерное украшение, вязаные чулки, расшитые бисером чирки и платок/шаль. Основное отличие заключается в декоративной отделке рукавов халата: у халатов рубежа веков они украшены горизонтальными полосками и орнаментами по всей длине, а у халатов XX в. — лишь иногда по краям. Обращает на себя внимание длина и оформление манжет рукавов платья. Можно отметить, что у женщины в халате рубежа XIX–XX вв. манжеты примерно в 1,5 раза длиннее, чем манжеты у платьев XX в. Они украшены по всей длине аппликацией и по краям бисером.

В целом наибольшее количество фотографий с изображением среднеобского женского костюма XX в. относится к 1950-м гг. — 56 фото (табл. 2). В 1930–1960-е гг. использование этого комплекса достаточно стабильно и держится в пределах 35–50 %, а в 1970-е гг. отмечается резкое уменьшение числа таких снимков (табл. 1, 2). Очевидно, характерным показателем постепенного выхода традиционной одежды из бытового употребления следует считать ее наличие у молодежи: из 109 фото с девушками лишь на 14 (13 %) видим традиционную одежду, представленную предметами среднеобского комплекса XX в. (табл. 1). Из них 71 % относится к 1950-м гг., что составляет только 22 % от общего числа снимков с изображением девушек (табл. 1, 2). Пер-

Динамика женской одежды среднеобского костюмного комплекса обских угров....

вое место по численности среди женских фото в среднеобском костюме XX в. занимают снимки женщин среднего возраста — около 69 % (табл. 1, 2). В этой возрастной группе к 1970-м гг. наблюдается резкое сокращение числа фото с традиционной одеждой: 1930-е гг. — 67 %, 1940-е — 21 %, 1950-е — 58 %, 1960-е — 55 %, 1970-е — 14 % (табл. 1, 2). Изображения пожилых женщин составляют 33 % от общего числа фото женщин в среднеобском костюме, при этом в своей возрастной группе в целом эти снимки являются преобладающими — 73 %. При более пристальном рассмотрении оказывается, что на снимках 1950-х гг. изображены женщины в полном комплекте традиционной одежды (платье, халат, платок, обувь), а на фото 1970-х гг. видим лишь отдельные предметы из этого комплекта — вязаные чулки, или халат, или меховую обувь и т.д. Таким образом, динамика среднеобского женского костюма в 1930–1970-е гг. свидетельствует, что к 1970-м гг. он выходит из повседневного массового использования.

Итак, представленные в коллекции фотографии показывают, как на протяжении 1930–1970-х гг. изменялись украшения, состав и функции среднеобского костюмного комплекса. Благодаря им мы смогли увидеть, что трансформация украшений на плечевой одежде происходила по пути усложнения узоров и уменьшения их площади. Одновременно с этим сокращалась длина верхней плечевой одежды (халата) подола и рукавов. Фотографии отражают и динамику использования костюма, которая заключается в постепенном переходе традиционного костюма из категории повседневной одежды в категорию праздничной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бардина Р.К. Обские и нижнесосьвинские манси: Этносоциальная история в конце XVIII — начале XXI века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 150 с.

Бардина Р.К. Материалы по этносоциальной истории обских и нижнесосьвинских манси в XX — начале XXI века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 175 с.

Бардина Р.К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 291 с.

Богордаева А.А. Традиционный костюм обских угров. Новосибирск: Наука, 2006. 239 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерея, 1995. 376 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.

Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья: Источники по этнографии. Средняя Обь, Вах. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. Т. 2. Кн. 2. 256 с.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: Семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 261 с.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. 805 с.

Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // СМАЭ. 1953. Вып. XV. С. 123–233.

Соколова З.П. Путешествие в Югру. М.: Мысль, 1982. 173 с.

Соколова З.П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. М.: Наука, 2007. 342 с.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: МАЭ РАН, 1994. 284 с.

Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 366 с.

Saar E. Folk Costumes of the Northern Khanty in the Last Quarter of the 20th Century. Tartu: Estonian National Museum, 2008. 267 s.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
bogordaeva@mail.ru

**БУ ХМАО — Югры «Этнографический музей под открытым небом “Торум Маа”»
Part67@yandex.ru

Basing on analysis of a photo collection from family archives of Ob' Ugrians, subject to consideration being a transformation process regarding a traditional women's costume and trends in its use through 1930–1970. It is determined that transformation of the wear followed the course of complicating its ornaments and reducing the area of their location. The trends in using a traditional costume lay in its gradual transition from a category of everyday wear into that of festive one.

Khanty, Mansi, the Middle Ob' costume complex, traditional wear, traditional ornaments, application work, beadwork, traditional leather footwear, knitted stockings, knitted mittens, ethnographic source, old photo.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПИЩИ В ГЛИНЯНЫХ СОСУДАХ ИЗ КУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФОСФАТНОГО И МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ¹

В.А. Демкин, Т.С. Демкина, С.Н. Удальцов

С использованием фосфатного и микробиологических методов, применяемых в исследовании почв, проведена реконструкция состава погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений эпох бронзы и раннего железа (III тыс. до н.э. — IV в. н.э.) степной зоны юга России. Она базируется на определении содержания подвижных соединений фосфора и трофической структуры микробных сообществ в придонном грунте из сосудов и контрольных образцах. Установлено, что исходное содержимое исследованных сосудов (более 300) было представлено мясным, молочным, растительным (в том числе наркотическим) продуктами и водой. Выявлена связь качественного состава пищи с типом сосудов и их местоположением в погребении, установлены культурно-исторические и природно-географические закономерности в использовании заупокойной пищи древними степными племенами.

Курганы, степь, археологические культуры, глиняные сосуды, погребальная пища, реконструкция, естественнонаучные методы.

Введение

Курганы степей юга России относятся к числу важнейших археологических объектов, исследование которых дает возможность получить представление об истории и культуре древних племен. Проводимые при этом историко-социологические и этнографические реконструкции базируются на изучении атрибутов погребального обряда (оружие, посуда, украшения, орудия труда, морфометрия могильных ям и др.), антропологических данных умерших, остеологического материала. Обычно основная часть погребального инвентаря сохраняется до наших дней. В той или иной степени это относится к изделиям из металлов, керамики, стекла, минералов, горных пород, раковин. Но все же ряд вещей, прежде всего органического происхождения, как правило, исчезает (например, ткани, одежда, изделия из кожи, дерева и т.п.). Однако не всегда это происходит бесследно. Известно, что при попадании органического вещества растительного или животного происхождения на минеральный субстрат последний обогащается соединениями фосфора. Поэтому метод определения содержания фосфатов, давно используемый в агрохимических исследованиях почв, оказался весьма эффективным при поиске древних поселений и для экспрессного определения их границ, так как в процессе жизнедеятельности человека на поверхность почвы в таких местах поступало значительное количество органического вещества [Веллесте, 1952; Штобе, 1959; Детюк, Тараненко, 1997; Демкин, Дьяченко, 1994; Демкин, 1997; Namond, 1983; Barba, 1994; и др.]. С его помощью удалось обнаружить захоронения членов экипажа пакетбота «Св. Петр» и командора Витуса Беринга [Станюкович, 1997].

Как показывает анализ литературы, основное внимание исследователи уделяли вопросам, связанным с растениеводством и питанием древнего и средневекового населения. Например, хорошо известно, что находки семян культурных растений при археологических раскопках в центрах древних цивилизаций (Шумер, Вавилон, Египет и др.), античных городов Средиземноморья, Северного Причерноморья далеко не редкость. В Волжско-Камском регионе на городищах эпох поздней бронзы и раннего средневековья [Туганаев, 1984] обнаружены сохранившиеся зерна пшеницы мягкой, проса, ячменя, ржи, полбы. В Волжской Булгарии кроме этих культур возделывались овес, горох, чечевица, конопля, гречиха и др. [Кирьянов, 1958; Туганаев, 1984].

¹ Исследования проводились при поддержке РФФИ (проекты 12-04-00385 и 14-06-00200) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений...

Для реконструкции типа питания древнего человека эпох неолита и энеолита в связи с палеоэкологией используется микроэлементный анализ костной ткани [Козловская, 1994, 1996; Sillen et al., 1978; Liden, 1990; Arrenius, 1990; и др.]. К числу наиболее информативных элементов относятся цинк, стронций, барий, медь, марганец. Полученные данные позволили авторам разделить градации питания следующим образом: растения — животные, сухопутные — морские животные, мясо — рыба.

Не вызывает сомнений, что заупокойная пища относится к числу важнейших элементов погребально-поминальной обрядности. Тем не менее, в силу ряда объективных и субъективных (прежде всего отсутствие методических разработок) причин, проблема реконструкции содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений долгое время даже не ставилась. Вместе с тем археологи всегда рассматривали нередко встречающиеся в погребениях части туш домашних животных как важный источник информации в изучении духовной и материальной культуры древнего населения. На наш взгляд, данный атрибут относится к категории жертвенной (для богов) пищи в сыром виде, так как сохранившиеся кости обычно находятся в анатомическом сочленении. В сосудах же скорее всего были готовые к употреблению мясные, растительные или молочные продукты, предназначенные умершему «в дорогу» либо предкам. Вода, вероятно, требовалась для омовения при переходе в мир хтонических существ.

В системе традиционной культуры керамические сосуды рассматриваются не только как предмет, предназначенный для приготовления и хранения пищи, но и как непреходящий атрибут ритуально-мифологической практики. Посуда используется во многих ритуалах, сопровождающих основные моменты жизненного цикла. Ее назначение в погребальной обрядности многозначно: от простого горшка с пищей «в дорогу» до погребальной урны с прахом человека. Поэтому чрезвычайно важным представляется решение проблемы реконструкции исходного содержимого сосудов, что позволяет выявить связь качественного состава пищи с типом сосудов и их местоположением в погребении, установить культурно-исторические и природно-географические закономерности в использовании заупокойной пищи древними степными племенами юга России. Решению перечисленных вопросов посвящена данная статья.

Район, объекты и методы исследований

Известно, что практически в каждом втором курганном погребении эпох бронзы (III–II тыс. до н.э.) и раннего железа (VI в. до н.э. — IV в. н.э.) степных племен Евразии в качестве погребальных атрибутов встречаются глиняные сосуды различных типов (горшки, кувшины, банки и др.), в которых находилась различная заупокойная пища. Чаще всего в отдельном погребении обнаруживается один-два сосуда, значительно реже — три, а иногда их число составляет четыре-пять.

При комплексных почвенно-археологических исследованиях курганов Нижнего Поволжья нами впервые был применен фосфатный метод для реконструкции исходного содержимого погребальных сосудов [Демкин и др., 1988]. Среди погребальной посуды главное внимание уделено изучению именно глиняных сосудов. С одной стороны, они встречаются несравнимо чаще, чем металлические, что обеспечивает высокую репрезентативность аналитических данных. С другой стороны, в бронзовых сосудах придонный грунт обогащается соединениями меди, которые делают невозможным применение фосфатного метода, а также способствуют активизации металлоокисляющих микроорганизмов, не имеющих отношения к исходному пищевому содержанию.

Этнографические источники дали основания предположить, что в сосуды помещалась пища (растительная, мясная, молочная) или вода. Перечисленные продукты имеют различное содержание фосфора, которое наиболее высоко в семенах конопли и мака, в сое и сыре [Сойер, 1977] (табл. 1).

Для нас особый интерес представляет количество фосфора в зерне, мясе и молоке. Оказывается, что в пшенице, ячмене, овсе и т.п. оно в 1,5–2 раза выше, чем в говядине и свинине, и в 4–5 раз больше, чем в молоке. В грунтах и воде соединений фосфора обычно содержится на порядки меньше. Рассмотренные различия в составе исходных пищевых продуктов дают возможность провести дифференциацию грунта из придонной части различных сосудов по концентрации фосфатов, существующей в настоящее время. Если в них находилась органическая пища, то придонный грунт характеризуется более высоким содержанием фосфора по сравнению с фоновым грунтом из верхней части сосудов. В случаях же одинаковой или близкой его концентрации в этих слоях содержимое реконструируется как вода. Агрохимические методы

определения фосфора прежде всего предназначены для анализа степени обеспеченности почв его подвижными соединениями, доступными для питания сельскохозяйственных растений. В зависимости от почвенных свойств используются различные методы. В частности, при высоком содержании карбонатов, которое, как правило, характерно для почвогрунтов степной зоны, применяется вытяжка Б.П. Мачигина [Аринушкина, 1970]. Именно эта методика использовалась в наших исследованиях. Из образцов фосфаты извлекаются 1%-ным раствором углекислого аммония $(\text{NH}_4)_2\text{CO}_3$ с pH 9,0 при отношении почвы (грунта) к раствору 1:20 и часовом взбалтывании. В вытяжку переходят органические соединения фосфора, моно-, ди- и трифосфаты кальция.

Таблица 1

Валовое содержание фосфора в различных продуктах [Соьер, 1977]

Продукт	Содержание P_2O_5 , мг/100 г сухого продукта
Пшеница, ячмень, овес, рожь (зерно)	850–920
Рис (зерно)	810
Чечевица	980
Конопля (семена)	1690
Мак (семена)	1620
Соя	1450
Говядина	450
Телятина	540
Свинина	600
Рыба	510
Молоко	200
Сыр	1250

В последние годы нам удалось расширить методическую базу реконструкции погребальной пищи с использованием методов почвенной микробиологии. Мы исходили из вполне обоснованного предположения, что в придонном грунте того или иного сосуда должны были сохраниться жизнеспособные специфические микроорганизмы, использующие в качестве основного питательного субстрата продукты различного происхождения: мясной или рыбный бульон, молоко, растительный продукт либо другие. При микробиологическом анализе учет численности специфических групп микроорганизмов проводится чашечным методом посева водной суспензии из придонного и контрольного грунтов на твердые питательные среды. Они готовятся соответственно из предполагаемого содержимого сосудов (свежий мясной бульон, либо молоко, либо каша, либо растительный отвар и пр.), грунта и агара как отвердителя. Всплеск численности микроорганизмов на той или иной среде по сравнению с контрольным вариантом будет характеризовать исходное содержимое сосуда.

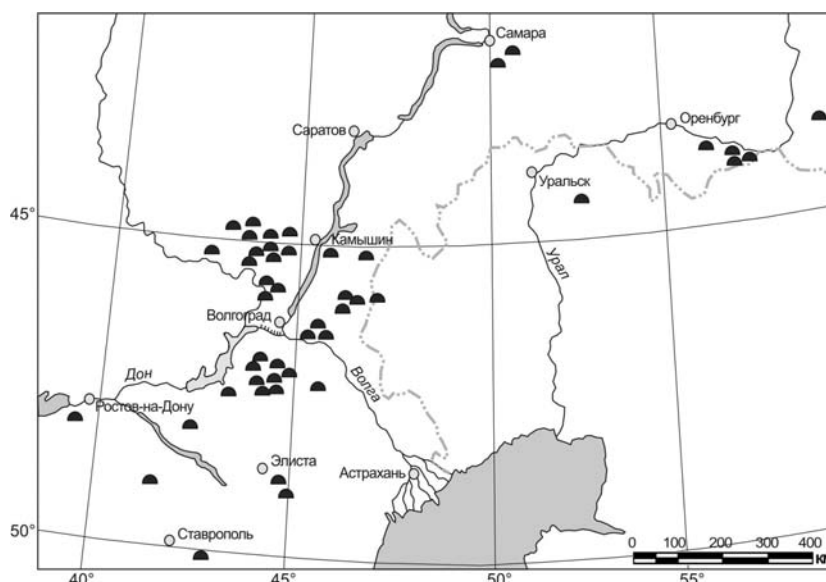

Рис. 1. Район и местоположение исследованных курганных могильников

Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений...

Нами изучено более 300 глиняных сосудов из курганных захоронений на территории степной, сухо- и пустынно-степной зон Предкавказья [Демкин, 1998; Демкин, Борисов, 2005; Demkin, 1997], Среднего Поволжья [Демкин, 1999], Нижнего Поволжья [Борисов и др., 2004, 2006а, б; Борисов, Демкин, 2004; Демкин и др., 1988, 1992; Демкин, 2000; Демкин, Демкина, 2000], Южного Урала [Демкин, Рысков, 1994; Рысков, Демкин, 1995; Сдыков и др., 2007; Davis-Kimball et al., 1995] (рис. 1). В природно-геоморфологическом отношении исследованные курганные могильники расположены на Сыртовой равнине, Приволжской, Среднерусской, Ергенинской, Ставропольской возвышенностях, в Прикаспийской низменности, на Приуральском и Зауральском плато. Изученные курганные погребения относятся к различным восточно-европейским степным культурам эпох бронзы и раннего железа (III тыс. до н.э. — IV в. н.э.). Наиболее представительными являются выборки из захоронений катакомбной (вторая половина III тыс. до н.э., 32 сосуда), срубной (XVI–XV вв. до н.э., 119 сосудов), ранне- (IV–I вв. до н.э., 76 сосудов) и позднесарматской (II–III вв. н.э., 65 сосудов) культур. Кроме того исследованы сосуды ямной (первая половина III тыс. до н.э.), полтавкинской (последняя четверть III тыс. до н.э.), покровской (XVIII–XVII вв. до н.э.), алакульской (XV–XIV вв. до н.э.), савроматской (VI–V вв. до н.э.), среднесарматской (I–II вв. н.э.) культур, золотоордынского времени (XIII–XIV вв. н.э.), число которых было сравнительно небольшим и составляло от 2–3 до 10–15 шт.

Результаты и обсуждение

Полученный нами ранее фактический материал позволил определить количественные градации содержания подвижных соединений фосфора для разделения пищи на органическую и минеральную, соответственно «каша» и «вода» [Демкин и др., 1988, 1992]. В дальнейшем шкала реконструкции была усовершенствована и детализирована [Демкин, 1997; Демкин, Демкина, 2000; Демкин и др., 2000, 2001; Борисов и др., 2004, 2006а, б]. Находки сосудов с костями животных позволили с большой долей вероятности разделить понятие «каша» на собственно растительный продукт (кашу) и мясной бульон. При исследовании серии позднесарматских кувшинов на их внутренних стенках были обнаружены пленки желто-белого цвета. Биохимическим анализом в них установлено значительное количество казеина, что дает основания считать исходное содержимое этих сосудов молочным продуктом. В том случае, когда нижняя часть заполнения сосуда имеет экстремально высокие показатели обеспеченности подвижным фосфором (более 15–20 мг/100 г), его исходное содержимое определяется как наркотическое вещество (вероятно, отвар семян мака или конопли). В определенной мере подтверждением этой гипотезы служит находка в одном из раннесарматских горшков в Южном Приуралье [Рысков, Демкин, 1995]. В нем были обнаружены обугленные семена (коробочки) дурмана молочно-восковой спелости, которые, как известно, обладают слабонаркотическим действием. При вдыхании летучей фракции (при горении) они расширяют сосуды и облегчают дыхание.

Разработанная на сегодняшний день шкала реконструкции погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений степной зоны по концентрации фосфатов представлена в табл. 2.

Таблица 2

Шкала реконструкции погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений степей юга России по содержанию соединений фосфора в придонном грунте

Содержание фосфора, $\Delta P_2O_5 = P_2O_5 \text{дно} - P_2O_5 \text{фон}$, мг/100 г грунта		Тип сосуда	Реконструкция содержимого
Градация	Преимущественно		
< 2	0–0,5	Горшки, кувшины	Вода (либо пустой)
2–8	4–7	Горшки Кувшины	Мясной бульон Молочный продукт
8–15	10–12	Горшки	Каша
> 15	20	Кувшины, горшки	Наркотическое вещество

Большая разница в концентрации фосфора между данными табл. 1 и предлагаемой нами шкалы объясняется тем, что для продуктов приведено валовое содержание P_2O_5 , а для остаточных следов пищи из сосудов — доля подвижных форм в грунте. Как правило, между количеством валового и подвижного фосфора в одном и том же образце наблюдается прямая зависимость [Демкин и др., 1988; Демкин, 1997]. Кроме того, в градациях концентрации фосфора в реконструируемых сосудах сохраняется то же соотношение, что и в исходных. Повышенное содержание фосфора в заупокойной молочной пище связано с тем, что в кувшинах скорее все-

го находилось не собственно молоко, а продукты, полученные после его брожения (простокваша, кумыс, айран и т.п.).

На примере нескольких объектов (курганных могильников) рассмотрим конкретные результаты исследований по реконструкции исходного содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений различных археологических культур эпох бронзы и раннего железа в разных природных районах степей Нижнего Поволжья и Южного Урала.

Курганные могильники Перекопка-1–3 расположены на юго-востоке Среднерусской возвышенности в излучине Дона на вершинах межбалочных водоразделов в нескольких километрах к юго-западу и юго-востоку от с. Перекопка Клетского района Волгоградской области. В природном отношении район исследований входит в зону сухих степей с темно-каштановыми почвами. Раскопки памятников проводились археологическими экспедициями Волгоградского государственного университета (рук. И.В. Сергацков) и Волгоградского государственного педагогического университета (рук. А.В. Кияшко). Проведена реконструкция содержимого сосудов, обнаруженных в 15 захоронениях шести курганов в составе трех могильников (табл. 3).

Таблица 3

Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений срубной культуры XVII–XV вв. до н.э. (курганные могильники Перекопка-1–3)

№ кургана, погребения	Время	Тип сосуда	Местоположение	ΔP_2O_5 , мг/100 г грунта	Реконструкция
Курганный могильник Перекопка-1					
К. 1, п. 2, план 1	XVI–XV вв. до н.э.	Горшок	У головы	1,2	Вода
К. 1, п. 2, пл. 2		Банка	На перекрытии	1,6	Вода
К. 1, п. 2, пл. 3		Банка	В ногах	2,8	Бульон
К. 1, п. 3		Банка	У головы	0,1	Вода
К. 1, п. 6	XVII–XVI вв. до н.э.	Банка	В ногах	0,1	Вода
К. 1, п. 7, пл. 1		Горшок	?	1,0	Вода
К. 1, п. 7, пл. 2		Горшок	?	1,4	Вода
К. 3, п. 2	XVI–XV вв. до н.э.	Банка	У головы	14,0	Каша
К. 3, п. 3		Банка	У головы	1,3	Вода
К. 3, п. 7		Горшок	У головы	15,0	Каша
К. 3, п. 8		Банка	У груди	6,8	Бульон
Курганный могильник Перекопка-2					
К. 4, п. 3, пл. 2	XVI–XV вв. до н.э.	Горшок	У головы	8,0	Бульон
К. 4, п. 5		Банка	За спиной	0,2	Вода
Курганный могильник Перекопка-3					
К. 1, п. 1, пл. 1	XVI–XV вв. до н.э.	Банка	У головы	0,6	Вода
К. 1, п. 2, пл. 1		Горшок	?	0,1	Вода
К. 1, п. 3, пл. 2		Банка	У головы	2,8	Бульон
К. 2, п. 2	XVII–XVI вв. до н.э.	Банка	У головы	7,7	Бульон
К. 3, п. 1		Горшок	У головы	0,9	Вода

Все погребения относятся к срубной культуре, причем три из них датируются XVII–XVI вв. до н.э. и 12 — XVI–XV вв. до н.э. Всего изучено 18 сосудов, из которых 5 относится к первому хроноинтервалу и 13 — ко второму. Типологически они представлены горшками (острорезберные, с плечиками, эллипсоидный; 7 шт.) и банками (11 шт.). У головы умерших находилось 10 сосудов, в ногах — два, по одному — у груди и за спиной. Один сосуд располагался на перекрытии могильной ямы, в трех случаях местоположение горшков по отношению к костякам определить не удалось. Согласно полученным аналитическим данным, в 11 сосудах была вода (61 %), в 5 — мясной бульон (28 %) и в 2 — каша (11 %). Подтверждается выявленная нами ранее закономерность [Демкин, 1999; Демкин, Демкина, 2000] о доминировании воды в сосудах из курганных захоронений срубной культуры на территории лесостепного и степного Поволжья. Для воды тип сосуда, вероятно, не был определяющим, поскольку она обнаружена как в горшках (45 % случаев), так и в банках (55 %). Бульон же в 80 % случаев находился в банках. Растительная пища была в горшке и в банке. Интересно отметить, что в захоронении с кремацией (Перекопка-1, к. 1, п. 7) в обоих горшках находилась вода. В другом погребении (Перекопка-1, к. 1, п. 2) у головы умершего был горшок с водой, а в ногах — банка с мясным бульоном. Следует отметить, что подобное сочетание местоположения и содержимого сосудов, как правило, имело место в раннесарматских курганных захоронениях нижеволжских и южно-уральских степей [Демкин, 1997; Демкин, Рысков, 1994; Рысков, Демкин, 1995]. У головы умерших находилось 10 сосудов, причем 5 из них (50 %) были с водой, 3 — с бульоном (30 %) и 2 — с кашей (20 %).

Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений...

Таким образом, в результате исследований получена новая информация о качественном составе погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений носителей срубной культуры волго-донских степей. Выявлены определенные особенности в использовании данного атрибута погребально-поминальной обрядности, в частности частота встречаемости того или иного продукта, связь содержимого сосудов с их типом и местоположением в могильной яме.

Курганный могильник Неткачево расположен на вершине межбалочного водораздела на юге Приволжской возвышенности в зоне сухих степей с темно-каштановыми почвами (Котовский р-н Волгоградской обл., в 2,5 км к северо-западу от с. Неткачево). Раскопки курганов проводились археологической экспедицией Волгоградского государственного университета (рук. А.Н. Дьяченко). Изучение нескольких десятков горшков из погребений срубной культуры (XVI–XV вв. до н.э.) [Борисов и др., 2006а] позволило выявить связь их содержимого с формой, качеством изготовления и художественным оформлением (рис. 2).

Рис. 2. Встречаемость погребальной пищи в различных типах глиняных сосудов. Курганный могильник Неткачево, срубная культура (XVI–XV вв. до н.э.). Волгоградская обл.

Типологически все исследованные сосуды разделяются на три группы. К первой относятся грубо изготовленные горшки сравнительно небольшого размера. По данным фосфатного анализа, в них находился растительный продукт (скорее всего каша). Другая группа представлена более качественно изготовленными горшками правильной формы. Их содержимым являлась вода. И, наконец, к третьей группе относятся наиболее качественные горшки с различной орнаментацией в верхней части тулова. В них находились мясной или молочный продукты.

Курганный могильник Авиловский-2 расположен на второй надпойменной террасе р. Иловля (левый приток Дона) в сухостепной зоне с каштановыми почвами на юге Приволжской возвышенности у с. Авилово Иловлинского района Волгоградской области. Раскопки памятников проводились археологической экспедицией Волгоградского государственного университета (рук. И.В. Сергацков). Всего нами изучено 13 сосудов, из которых 7 найдены в захоронениях эпохи бронзы и 6 — раннежелезного века (табл. 4). Типологически они представлены горшками

и курильницей. В грунте из горшков, обнаруженных в погребениях 5 (покровская культура, XVII–XVIII вв. до н.э.) и 9 (раннесарматская культура, II–I вв. до н.э.) кургана 32, содержание фосфора составило соответственно 1,2 и 0,1 мг/100 г, т.е. в них находилась вода. Не было органического субстрата и в сосудах из погребения 10 (ямная культура, первая четверть III тыс. до н.э.). Вместе с тем необходимо особо отметить, что при определении концентрации P_2O_5 в грунте из малого сосудика вытяжка приобрела нехарактерный красный цвет, исчезнувший в растворе после фильтрования суспензии. Не вызывало сомнений, что в этом сосудике в незначительных количествах находилось какое-то минеральное красящее вещество. И действительно, при визуальном изучении образца грунта в нем обнаружилось мелкие частицы красной охры, представляющей собой железистый минерал гематит. В курганных погребениях иногда встречается и желтая охра, являющаяся железистым минералом лимонитом. В кургане 34 содержимое горшка из погребения 2 савроматского времени (VI–V вв. до н.э.) реконструировано как вода (содержание фосфора 1,1 мг/100 г). Погребение 3 представляло собой кенотаф раннесарматской культуры (II–I вв. до н.э.). В обнаруженных здесь обоих горшках была вода (ΔP_2O_5 составляет 0,4 и 0,1 мг/100 г). В горшке из погребения 8 (раннесарматская культура, II–I вв. до н.э.) количество фосфора равно 1,3 мг/100 г. Следовательно, его содержимое также являлось водой. В погребении 4, датированном срубной культурой (XV–XIV вв. до н.э.), находилось четыре сосуда (все горшки). В трех из них (№ 2, 3 и 5) был мясной бульон: концентрация P_2O_5 в придонном грунте составила соответственно 3,5; 2,4 и 4,4 мг/100 г (табл. 4). Содержание фосфора в горшке № 4 оказалось равным 8,5 мг/100 г, что дает основание реконструировать его содержимое как зерновой продукт, т.е. кашу. В кургане 35 исследован грунт из курильницы (п. 6, раннесарматская культура, II–I вв. до н.э.), находившейся во входной яме. Содержание фосфора в придонном слое заполнения и в контроле практически идентично и не выходит за пределы фоновых значений. Следовательно, на момент погребения в курильнице уже не было органических растительных остатков; они, вероятно, превратились в минеральный субстрат (золу), который не может обнаруживаться фосфатным методом. Таким образом, из 13 исследованных сосудов семь содержали воду, два — мясной бульон и по одному — кашу, охру и растительную золу. Следовательно, в изученных керамических емкостях в 11 случаях (горшки) находилась заупокойная пища. Сосудик из ямного погребения использовался для хранения красящего вещества (румяна?), а раннесарматская курильница, естественно, — в ритуальных целях.

Таблица 4

Реконструкция содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений могильника Авиловский-2

№ кургана, погребения	Археологическая культура	Тип сосуда	Местоположение сосуда	ΔP_2O_5 , мг/100 г	Реконструкция содержимого
К. 32, п. 5	Покровская, XVIII–XVII вв. до н.э.	Горшок	Погребение нарушено	1,2	Вода
К. 32, п. 9	Раннесарматская, II–I вв. до н.э.	Горшок	У головы	0,1	Вода
К. 32, п. 10	Ямная, первая четверть III тыс. до н.э.	Горшок	У головы	0,0	Вода
		Сосудик малый	У головы	0,4	Охра
К. 34, п. 2	Савроматская, VI–V вв. до н.э.	Горшок	У головы	1,1	Вода
К. 34, п. 3	Раннесарматская, II–I вв. до н.э.	Горшок 1	Кенотаф	0,0	Вода
		Горшок 2	Кенотаф	0,0	Вода
К. 34, п. 4	Срубная, XV–XIV вв. до н.э.	Горшок 2	У головы	3,5	Мясной бульон
		Горшок 3	У головы	2,4	Мясной бульон
		Горшок 4	У живота	8,5	Каша
		Горшок 5	В ногах	4,4	Мясной бульон
К. 34, п. 8	Раннесарматская, II–I вв. до н.э.	Горшок	У головы	1,3	Вода
К. 35, п. 6	Раннесарматская, II–I вв. до н.э.	Курильница	Во входной яме	0,1	Растительная зола

Особый интерес представляет сопряженный анализ пищевого содержимого горшков с их культурной принадлежностью и местоположением по отношению к телу умершего. В практике наших исследований не раз встречались срубные погребения с тремя-четырьмя горшками в одной могильной яме, и, как правило, во всех находилось одно и то же содержимое — каша либо вода [Демкин, Демкина, 2000]. В срубном же погребении могильника Авиловский-2 (к. 34, п. 4) лишь в одном из горшков оказалась каша, тогда как в трех других — мясной бульон. Причем первый расположен у живота погребенного, а сосуды с бульоном — у головы и в ногах.

Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений...

Ранее нами отмечалось [Демкин, 1997], что в курганных захоронениях всех культурно-хронологических этапов эпохи бронзы не обнаруживается определенной взаимосвязи между содержимым сосуда и его нахождением по отношению к телу умершего. Этот же вывод можно сделать и по результатам исследований рассматриваемого курганного могильника. Совершенно иная картина имеет место в раннесарматских (савроматских) погребениях. В них установлена следующая закономерность: как правило, у головы умершего находился сосуд с водой, в ногах — с кашей или мясным бульоном [Демкин, 1997; Демкин, Демкина, 2000]. Выявленная закономерность не была нарушена и в захоронениях упомянутой культурной принадлежности (VI–V и II–I вв. до н.э.), обнаруженных в исследованном могильнике. Так, в горшках, расположенных у головы умерших (к. 32, п. 9; к. 34, п. 2 и 8), была вода, как и в обоих горшках из раннесарматского погребения-кенотафа (к. 34, п. 3). В этой связи следует сказать, что в исследованных нами ранее сосудах различных культур бронзового и раннежелезного веков, найденных в кенотафах, курганных насыпях, во входных ямах, на ритуальных площадках, как правило, находилась вода. Таким образом, исследования по реконструкции исходного содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений могильника Авилковский-2 дали возможность ввести в научный оборот новую информацию о составе заупокойной пищи, которая использовалась в погребальном обряде древними степными племенами Нижнего Поволжья.

Александровский курганный могильник расположен в Аркаимской долине у с. Александровка Брединского района Челябинской области. В природном отношении район приурочен к степной зоне Зауральского плато с черноземами обыкновенными. Раскопки памятников проводились археологической экспедицией Челябинского государственного университета (рук. Д.Г. Зданович). Всего изучено 11 горшков, обнаруженных в кургане 4 как непосредственно в захоронениях, так и на ритуальной площадке и жертвеннике (табл. 5).

Таблица 5

Реконструкция заупокойной пищи в глиняных сосудах из захоронений кургана 4 Александровского могильника (Челябинская обл.)

Объект	ΔP_2O_5 , мг/100 г грунта	Содержимое сосуда	
Погребение 2	Горшок 1	1,6	Вода
	Горшок 2	7,1	Мясной бульон
Погребение 3	Горшок	0,7	Вода
Погребение 4	Горшок	3,9	Мясной бульон
Погребение 5	Горшок 1	0,6	Вода
Погребение 6	Горшок 1	5,7	Мясной бульон
	Горшок 2	4,8	Мясной бульон
Погребение 7	Горшок	0,1	Вода
Ритуальная площадка	Горшок	0,1	Вода
Жертвенник Д-2	Горшок 1	0,1	Вода
	Горшок 2	0,1	Вода
Жертвенник Г-2	Горшок	1,3	Вода

Оказалось, что в горшках из погребений находился либо мясной бульон (50 % случаев), либо вода (50 %). В сосудах, найденных за пределами могильных ям (ритуальная площадка, жертвенник), была вода. Обращает на себя внимание тот факт, что при сравнительно представительной выборке исследованных горшков растительной пищи (каши) в них не зафиксировано. Это подтверждает установленную нами ранее закономерность различной частоты встречаемости растительной и животной пищи в сосудах из курганных захоронений Нижнего Поволжья и Южного Урала.

С целью уточнения и подтверждения данных, полученных с использованием фосфатного метода, нами проведены микробиологические исследования грунта из двух сосудов, обнаруженных в курганных погребениях могильников Неткачево и Колобовка-3. Последний расположен в Заволжье в полупустынной зоне со светло-каштановыми почвами, у с. Колобовка Ленинского района Волгоградской области (2-я надпойменная терраса Волго-Ахтубы). Раскопки курганов проводились археологической экспедицией Волгоградского государственного университета (рук. И.В. Сергацков).

В результате одного из опытов на основе фосфатного анализа было сделано заключение, что в исследованном горшке срубной культуры (XVI–XV вв. до н.э.) находился мясной или молочный продукт (объект Неткачево). Данные по численности микроорганизмов, выращенных из образцов верхней и придонной частей грунта из сосуда на мясной и молочной средах и в каче-

стве контроля на почвенном агаре, показали весьма существенное увеличение численности (почти на 400 %) лишь молочнокислых бактерий (табл. 6). Это однозначно свидетельствует о наличии в данном горшке молочного продукта.

Таблица 6

Реконструкция погребальной пищи в глиняном горшке с использованием фосфатного и микробиологических методов (курганый могильник Неткачево, курган 15, погребение 1, срубная культура, XVI–XV вв. до н.э. Волгоградская обл.)

ΔP ₂ O ₅ , мг/100 г грунта	Содержимое сосуда по P ₂ O ₅	Место отбора образца грунта из сосуда	Содержание микроорганизмов, % от численности на почвенном агаре		Содержимое сосуда по численности микроорганизмов
			Мясная среда	Молочная среда	
5,4	Мясной или молоч- ный продукты	Верхняя часть	11	157	Молочный продукт
		Придонная часть	19	385	

В другом опыте был исследован среднесарматский кувшин (I в. н.э., курганый могильник Колобовка-3) [Демкин и др., 2001], исходное содержимое которого фосфатным методом реконструировано как молочный продукт. При высеве суспензии придонного грунта из сосуда на различные агаризованные питательные среды, приготовленные на основе мясного бульона, молока и молотого овса, отмечено увеличение в 1,6 раза доли микроорганизмов, выросших на молочной среде, по сравнению с контролем (рис. 3), что подтверждает наличие в нем молочного продукта.

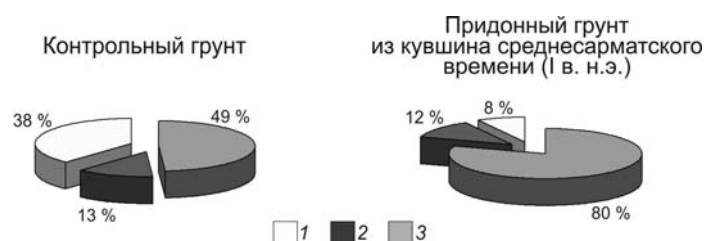

Рис. 3. Трофическая структура микробных сообществ контрольного и придонного грунтов (могильник Колобовка-3, курган 6, погребение 2. Волгоградская обл.):
Доля микроорганизмов (в % от суммарного количества), выросших на агаризованных средах, приготовленных на основе: 1 — молотого зерна овса, 2 — мясного бульона, 3 — молока

В последние годы исследователи проявляют все больший интерес к проблеме реконструкции заупокойной пищи, находившейся в глиняных сосудах в курганных захоронениях различных археологических эпох. В частности, А.Л. Александровским [Александровский, Александровская, 1999], Н.С. Лариной [Ларина и др., 2011] используется предложенный нами фосфатный метод [Демкин и др., 1988]. Проведены комплексные исследования грунта из погребальных сосудов с использованием фосфатного, споропыльцевого и фитолитного методов [Шишлина и др., 2002]. А.А. Гольевой [Гольева, 1999; Гольева и др., 2001] использован биоморфный анализ придонного грунта из сосудов с целью обнаружения фитолитов, которые дают возможность диагностировать растительные остатки, т.е. судить о наличии или отсутствии в сосуде растительной пищи. Возможным методическим упущением автора является отсутствие анализа контрольных образцов грунта из верхней части заполнения сосудов. Это ставит под сомнение достоверность реконструкций, так как фитолиты могли попасть на дно сосуда при заполнении его почвенно-грунтовым материалом. Оригинальная методика предложена Л.Л. Гайдученко [2000]. Им проводился анализ нагара, встречающегося внутри глиняных сосудов. Полученные данные позволили автору определить состав пищи, которая, как правило, была «композитной», т.е. с сочетанием мясных, молочных, растительных продуктов. На наш взгляд, такой подход также не вполне корректен. Нагар мог появиться в сосуде еще при его использовании в бытовых нуждах, причем неоднократно наслаиваться. Может быть, поэтому и пища «композитная?» Следовательно, нет убедительных доказательств того, что именно реконструируемая по составу нагара пища находилась в сосуде в момент совершения погребения. Определения содержания различных макро- и микроэлементов в нагарах из сосудов алакульской культуры (Хрипуновский могильник) дали основания А.В. Матвееву с соавт. [2010] также считать, что пища была смешанной, с сочетанием разных продуктов, среди которых преобладали продукты животного происхождения.

Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений...

Заключение

Анализ имеющегося в нашем распоряжении банка данных о реконструкции исходного содержимого более 300 глиняных сосудов из курганных захоронений позволил установить ряд весьма интересных в культурно-историческом и природно-географическом аспектах закономерностей.

Прежде всего, обращает на себя внимание факт, что содержание фосфора в соответствующих реконструированных продуктах практически одинаково, независимо от географического местоположения исследованных объектов (лесостепь Поволжья, степи Предкавказья и Зауралья, сухие степи Поволжья и Приуралья, полупустыня Прикаспия). В подавляющем большинстве случаев концентрация P_2O_5 составляет 0,0–0,5 (вода), 4–7 (мясной или молочный продукты), 10–12 (растительный продукт) или 20 (наркотический отвар) мг/100 г грунта (табл. 2).

Установлено, что около половины из общего числа сосудов катакомбного (вторая половина III тыс. до н.э.), срубного (XVI–XV вв. до н.э.) и раннесарматского (IV–I вв. до н.э.) времени было с водой (рис. 4). В позднесарматских же захоронениях (II–III вв. н.э.) резко возрастает доля молочного продукта, а встречаемость воды снижается. Для раннесарматской культуры выявлена закономерность между содержимым сосудов и их местоположением в погребении. Как правило, в сосудах, расположенных у головы умершего, была вода, тогда как в ногах — каша либо бульон. Позднесарматские погребения зачастую характеризовались наличием у головы горшка и кувшина с бульоном и молочным продуктом соответственно.

В срубных и раннесарматских захоронениях Нижнего Поволжья по сравнению с Южным Уралом встречаемость растительной пищи заметно выше (рис. 5). Это, вероятно, может свидетельствовать о некоторой специфике в хозяйствовании и внешних экономических контактах населения этих регионов, которые нашли отражение и в погребально-поминальной обрядности.

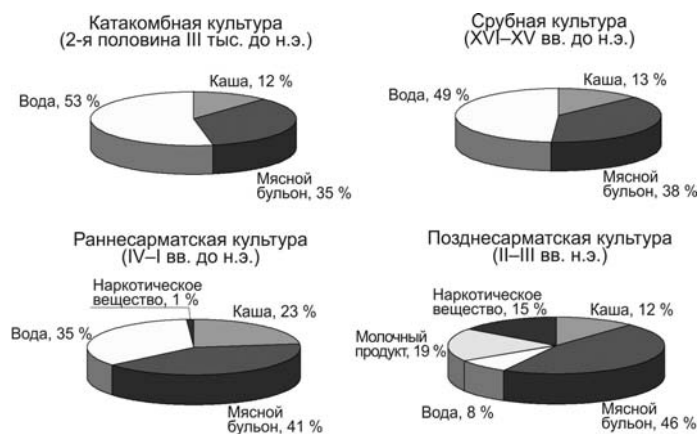

Рис. 4. Встречаемость пищи в глиняных сосудах в курганных захоронениях различных археологических культур волго-уральских степей

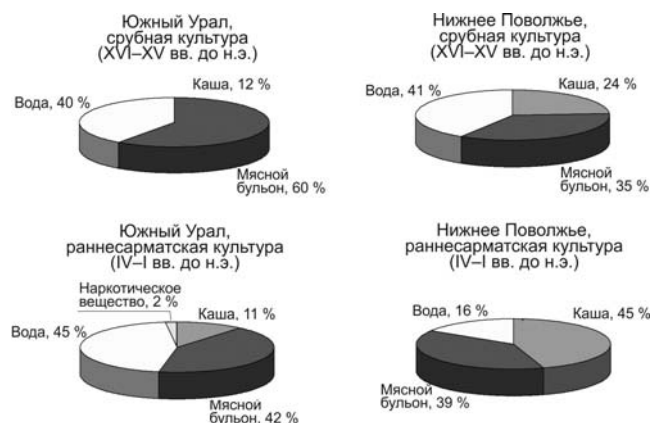

Рис. 5. Культурно-региональные различия по составу и встречаемости пищи в сосудах в курганных захоронениях различных археологических культур волго-уральских степей

Остановимся на перспективах развития методического подхода в решении проблем реконструкции содержимого глиняных сосудов из курганных погребений. На первом этапе проводится определение содержания фосфатов в грунте, в результате чего можно установить наличие или отсутствие органической пищи. С помощью фитолитного анализа можно диагностировать исходное присутствие растительной пищи. Макро- и микроэлементный анализ грунта из сосудов позволяет установить, что исходное присутствие продуктов растительного и животного происхождения может вызывать достоверное увеличение содержания в грунте таких элементов, как P, S, Ca, Zn, Cu, Hg. Высокое содержание ртути в грунте может свидетельствовать об исходном присутствии рыбы или бараньего жира. Повышенное содержание меди характерно для печени. Обогащение придонного слоя цинком, фосфором и серой может быть вызвано присутствием целого спектра продуктов. При этом цинк содержится примерно в равных концентрациях почти во всех продуктах животного происхождения, и только содержание фосфора и серы достоверно варьируется в зависимости от характера заупокойной пищи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Александровский А.Л., Александровская Е.И.* Определение содержимого сосудов из погребений эпохи бронзы — раннего железного века могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 — памятник эпохи бронзы раннего железного века Калмыкии. М.; Элиста, 1999. С. 48–51.
- Аринушкина Е.В.* Руководство по химическому анализу почв. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 332–335.
- Борисов А.В., Демкин В.А.* Реконструкция содержимого глиняных сосудов из курганных погребений срубной культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 356–358.
- Борисов А.В., Демкин В.А., Ельцов М.В., Сергацков И.В.* Исходное содержимое в глиняных сосудах из курганных погребений могильника «Авиловский-II» // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: ВолГУ, 2004. Вып. 2. С. 55–59.
- Борисов А.В., Демкин В.А., Ганчак Т.В., Ельцов М.В.* Исследование содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений эпохи поздней бронзы могильника Неткачево I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград. 2006а. Вып. 3. С. 376–387.
- Борисов А.В., Демкина Т.С., Ельцов М.В., Ганчак Т.В., Девяткин А.Н., Плеханова Л.Н., Демкин В.А.* Вода в погребальном обряде культур бронзового и раннежелезного веков Нижнего Поволжья // Степи Северной Евразии. Оренбург, 2006б. С. 131–134.
- Веллесте Л.* Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // КСИА. 1952. Вып. 42. С. 135–140.
- Гайдученко Л.Л.* Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000. С. 150–169.
- Гольева А.А.* Биоморфный анализ образцов из курганных погребений могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 — памятник эпохи бронзы — раннего железного века Калмыкии. М.; Элиста: ГИМ, 1999. С. 62–89.
- Гольева А.А.* Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М., 2001. С. 66–68.
- Демкин В.А.* Палеопочвоведение и археология. Пуцзино, 1997. С. 173–178.
- Демкин В.А.* Заключение о результатах почвенно-минералогического изучения образцов из курганных захоронений Приазовья // Тр. Новочеркасской археологической экспедиции. Новочеркасск, 1998. Вып. 3. С. 47–50.
- Демкин В.А.* Реконструкция содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений // Вопр. археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1. С. 243–248.
- Демкин В.А.* Использование фосфатного метода для реконструкции заупокойной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений степной зоны // Тр. ГИМ «Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке». М., 2000. Вып. 120. С. 100–107.
- Демкин В.А., Борисов А.В.* Реконструкция пищи в глиняных сосудах из курганных погребений из раскопок АНИБ в 1998–99 годах // Тр. Археологического научно-исследовательского бюро. Ростов н/Д, 2005. Т. 2. С. 199–204.
- Демкин В.А., Демкина Т.С.* О возможности определения погребальной пищи в керамических сосудах из курганов бронзового и раннежелезного веков // ЭО. 2000. № 4. С. 73–81.
- Демкин В.А., Дьяченко А.Н.* Итоги палеопочвенного изучения поселения «Ерзовка-1» в Волгоградской области // РА. 1994. № 3. С. 216–222.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г.* Реконструкция погребальной пищи в курганных захоронениях бронзового и раннежелезного веков // Курганы левобережного Илека. М., 1994. Вып. 2. С. 78–80.
- Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С., Скрипниченко И.И.* О возможности историко-социологических реконструкций при почвенно-археологических исследованиях. Препр. Пуцзино, 1988. С. 15–16.

Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений...

Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии // РА. 1992. № 4. С. 43–49.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Борисов А.В. Степные курганы открывают новые тайны // Природа. 2000. № 3. С. 31–36.

Демкин В.А., Гольева А.А., Сергацков И.В., Демкина Т.С., Райхль С. Курганный могильник «Колобовка-3» (опыт комплексного археологического и естественно-научного изучения) // Донская археология. 2001. № 1–2. С. 14–25.

Детюк А.Н., Тараненко Н.П. Анализ почв на содержание фосфатов как метод определения мест расположения древних поселений // Естественно-научные методы в полевой археологии. М., 1997. Вып. 1. С. 43–58.

Кирьянов А.В. К вопросу о раннеболгарском земледелии // МИА. 1958. Т. II, № 61. С. 282–291.

Козловская М.В. Микроэлементы в костной ткани человека и некоторые аспекты палеоэкологических реконструкций // Тез. докл. Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии. СПб., 1994. Ч. 2. С. 137.

Козловская М.В. Реконструкция питания и палеоэкологические исследования антропологических материалов могильника Сахтыш-IIA // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996. Т. 2. С. 237–243.

Ларина Н.С., Матвеева Н.П., Швецова И.П. Определение характера пищи в сосудах из захоронений могильника Устюг-1 (Зауралье) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 183–188.

Матвеев А.В., Ларина Н.С., Костомарова Ю.В., Киктенко Е.В. Результаты изучения пригоров из сосудов алакульской культуры Хрипуновского могильника // Вестн. ТюмГУ. 2010. № 1. С. 12–20.

Рысков Я.Г., Демкин В.А. Результаты естественно-научного изучения курганов левобережного Илека // Курганы левобережного Илека. М., 1995. Вып. 3. С. 62–63.

Сдыков М.Н., Демкин В.А., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Алексеев А.О., Алексеева В.А., Борисов А.В., Ельцов М.В., Жусупкалиев Т.Т. Скифы Западного Казахстана. Алматы: Исламнур, 2007. С. 133–137.

Сойер К. Фосфор и экология // Фосфор в окружающей среде. М., 1977. С. 690.

Станюкович А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. М., 1997. Вып. 1. С. 19–42.

Туганаев В.В. Агрофитоценозы современного земледелия и их история. М., 1984. С. 41.

Шишлина Н.И., Демкин В.А., Бобров А.А. Изучение системы питания степных жителей северо-западного Прикаспия в эпоху бронзы и раннего железного века // Могильник Островной: Итоги комплексного исследования памятников археологии северо-западного Прикаспия. М.; Элиста: ГИМ, 2002. С. 314–323.

Штобе Г.Г. Применение методов почвенных исследований в археологии // СА. 1959. № 4. С. 135–139.

Arrenius B. Trace element analysis of human skulls // Stockholm, Laborativ Arkeology. 1990. № 4. P. 19.

Barba L. The old as source of new archaeological information // 15th World Congress of Soil Science. Aca-pulco, 1994. Vol. 6a. P. 321–329.

Davis-Kimball J., Yablonsky L.T., Demkin V.A., Morgunova N.L., Ryskov Ya.G., Trunaeva T.N., Vedder J.F. Kur-gans of the left bank of the Ilek. Excavations at Pokrovka 1990–1992. Zinat Press. Berkeley. California, 1995. 159 p.

Demkin V.A. Bio-hemische untersuchung der materialien aus graberfeld Bolschahaja Mazanka II // Balacai Kozlemenhyek. Y., 1997. P. 140.

Hamond F.W. Phosphate analysis of archaeological sediments // Landscape Archeology in Ireland. Oxford, 1983. BAR British Ser. 116. P. 47–80.

Liden K. A diet study from Middle Neolithic site Ire // Stockholm, Laborativ Arkeology. 1990. № 4. P. 22.

Sillen A. et al. Analysis of excavated bone by atomic absorption // Amer. Journ. of Phys. Anthropology. 1978. № 2. P. 200.

Пушино, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН

demkin@issp.serpukhov.su

demkina@issp.serpukhov.su

udaltsov@issp.serpukhov.su

By using phosphate and microbiological methods applied in the investigation of soils, subject to reconstruction being composition of burial food in clay vessels from mound burial sites of the Bronze Age and Early Iron Age (III millennium B.C. — IV c. A.D.) from steppe zone in the south of Russia. The reconstruction is based on determining the contents of moving phosphorous compounds and trophic structure of microbial communities in the benthic soil obtained from the vessels and control samples. It is determined that the initial contents of the investigated vessels (over 300) was represented by meat, milk, vegetation (including narcotic) products, and water. Subject to discovery being a relation of the food quality composition with the vessels' types and their location in the burial, determining cultural-historic and natural-geographic regularities in using burial food by ancient steppe tribes.

Mounds, steppe, archaeological cultures, clay vessels, burial food, reconstruction, natural-science methods.

ХРОНИКА

Е.Н. Волков

К ЮБИЛЕЮ В.А. ЗАХА

26 июня 2014 г. известному сибирскому археологу исполняется 60 лет

Мне очень трудно писать официальные поздравления, которые обычно состоят из перечисления фактов биографии юбиляра, его несомненных заслуг, вех научного пути и т.д. Всегда полагал, что подобный подход «отдает» некоторым формализмом, которого хотелось бы избежать.

Вот и сейчас попытаюсь отбросить в сторону многочисленные принятые в подобных случаях штампы: родился, поступил, защитился, подготовил... Хочется остановиться на простых, человеческих, бытовых, моментах, которые, на мой взгляд, наиболее полно и всесторонне характеризуют человека, его поступки, характер и внутренний мир. Очень надеюсь, что поздравление не разочарует юбиляра.

Мое знакомство с Виктором Алексеевичем состоялось в 1991 году. В это время я был студентом 2-го курса Тюменского университета и только начал специализироваться по археологии. Виктор Алексеевич трудился в Институте проблем освоения Севера СО РАН, в который он совместно с другими коллегами-археологами из хозрасчетной лаборатории археологии ТЮмГУ перешел некоторое время назад. Хорошо помню, что я зачем-то зашел в камеральную лабораторию — тесную комнату, заставленную стеллажами с коллекциями, отчетными и полевыми материалами. За выдавшим виды столом у входной двери сидел импозантный бородатый мужчина, сосредоточенно рассматривая керамику, извлекаемую из коробки. Рядом с ним стояла Елена Михайловна Зах, в то время еще сотрудница университета. Именно она представила меня незнакомцу, который оказался Виктором Алексеевичем Захом. Помню, в тот момент меня поразило способ зарисовки керамики, который использовал Виктор Алексеевич. На поверхность черепка накладывалась бумага, как сейчас помню, техническая, бледно-фиолетового цвета, и обратной, не рабочей стороной карандаша, с нажимом, «заштриховывалась» вся площадь фрагмента. В результате на листе проявлялось изображение черепка. Как я узнал позднее из завязавшегося разговора, В.А. Зах зарисовывал гамаюнскую керамику. В тот день я успел немного пообщаться с ним и на научные темы, связанные с неолитической проблематикой. Вряд ли после этого непродолжительного разговора я остался в памяти Виктора Алексеевича. Он же произвел на меня очень сильное впечатление, главным образом широким научным кругозором и умением аргументированно рассуждать о самых разных периодах древней истории Западной Сибири — от неолита до раннего железного века.

Близко познакомился я с Виктором Алексеевичем после того, как устроился на работу в Институт проблем освоения Севера СО РАН в 1995 году. С того времени у нас было много научного и личного общения, совместных экспедиций. Всегда поражала многогранность увлечений и знаний Виктора Алексеевича. Как давний и страстный радиолобитель, он может долго и увлеченно говорить о радио, раскрывая неизвестные непосвященным аспекты и нюансы своего хобби.

Прекрасно помню, как в одной из экспедиций в Ингальской долине мы небольшой группой по проселочной тропинке возвращались в базовый лагерь. Невдалеке разыгралась гроза. Дул сильный ветер, мелькали всполохи электрических разрядов, раздавались громкие удары грома. И здесь Виктор Алексеевич начал рассказывать нам о природе молнии, в том числе шаровой. Думаю, этот рассказ он начал, чтобы успокоить неопытных девчонок, которые шли вместе с нами. И это ему удалось. А рассказ был действительно очень интересным и обстоятельным, и я в очередной раз поразился его многогранным знаниям, которые далеко не обязательны для «профессионального гуманитария».

Нельзя не сказать и о высоких профессиональных качествах Виктора Алексеевича как полевого археолога-практика и исследователя. Ни для кого не секрет, что им открыто множество памятников не только в Тюменской области, но и в других регионах Западной Сибири, изучение которых дало прекрасный научный результат. Чего стоят только знаменитая Чича-1 в Новоси-

бирской области, Черемуховый Куст, Юртобор-3, Чепкуль-5 на юге Тюменской области, Паром-2 в ЯНАО и многие, многие другие. Виктор Алексеевич, что называется, разведчик от бога. Первый раз я смог в этом убедиться на Обском Севере, в 1995 году. Открытый лист на разведки был заказан на меня, но, оказавшись впервые в специфических условиях Крайнего Севера, я не знал, как искать памятники. Отсутствие рельефа — привычного маркера археологических объектов на юге существенно затрудняло работу. Достаточно долго ничего не получалось. Однажды Виктор Алексеевич решил пройтись со мной. Мы шли по террасе Оби. Мой старший коллега как будто не проявлял никаких эмоций, тихо напевая: «Я в весеннем лесу пил березовый сок...». Неожиданно он повернул в сторону от нашего, казалось бы, идеального маршрута к невысокому, частично развеянному всхолмлению. Через несколько минут им были найдены массивный каменный наконечник и несколько фрагментов керамики. Так я впервые стал свидетелем знаменитого «заховского» разведочного чутья...

Виктор Алексеевич, без сомнения, является новатором в науке. Так, именно благодаря его энергии и поискам соответствующих специалистов, готовых взяться за новое, не разработанное направление, в Тюменском регионе начинаются палинологические исследования, ориентированные на реконструкцию среды обитания древнего и средневекового человека. Прекрасно помню, как еще в середине 90-х годов он с энтузиазмом рассуждал о возможности датировок по керамике за счет свободного углерода, содержащегося в ней. Он провел все необходимые консультации со специалистами, подтвердившими возможность такого анализа. К сожалению, в тот период времени в Институте не было необходимых средств и возможностей... Но эта новаторская жилка не иссыкает в нем и сегодня.

Говоря о научных заслугах В.А. Заха, можно констатировать последовательную защиту им кандидатской (1990) и докторской (2006) диссертаций, издание нескольких монографий, около 150 научных статей. Но особенно следует сказать, что Виктор Алексеевич универсальный специалист очень высокого уровня и широкого спектра знаний. Он одинаково легко и свободно ориентируется как в неолитической, так и в средневековой проблематике, не ограниченной рамками Тюменского региона, а как минимум в масштабе всей Западной Сибири. Об этом прежде всего говорит список его многочисленных публикаций. Нельзя не отметить, что Виктор Алексеевич не просто работает на научном поприще, а увлечен наукой, дышит ей. У него постоянно рождаются новые идеи, гипотезы, теории, причем не обыденного, тривиального уровня, а оригинальные, выстраданные.

Нельзя не сказать о Викторе Алексеевиче как о педагоге, учителе. Он достаточно долго преподавал в Ишимском государственном педагогическом институте им. П.П. Ершова, вывозил студентов на практику, общался с ними как в стенах аудиторий, так и в неформальной обстановке — у костра или на рыбалке, на ближайшем водоеме около лагеря. Под его руководством защищены три кандидатские диссертации, еще несколько — на подходе.

Но самой яркой чертой Виктора Алексеевича, на мой взгляд, является любовь к полю в самом широком понимании этого слова, не только к раскопкам, находкам, суетной жизни лагеря, но и к природе и ее нюансам. Постоянно замечаю, что несмотря на смену ландшафтов, окружающих стационарные лагеря в разных местах работы экспедиций, Виктор Алексеевич находит и тонко чувствует индивидуальную, неповторимую красоту этих мест и может долго любоваться мерным, неторопливым течением реки, шелестом окружающего леса. Он не может без экспедиций. И только сходит последний снег и начинает припекать весеннее солнышко, Виктор Алексеевич начинает рваться в поле, навстречу новым открытиям, не только научным, но и личным, внутренним, ведущим его вперед, видимо, в погоне за еще не пойманной мечтой.

Любой юбилей — это лишь ступенька на лестнице жизни. 60 лет — не возраст, особенно для полевика и романтика, а верхушка айсберга, с которой отчетливо открываются как уже прожитые годы, так и видение будущего, основанного на опыте. 60 лет — время научного расцвета и обретения житейской мудрости. 60 лет — еще один взятый рубеж, время творить и созидать, воплощать в жизнь мечты и замыслы.

С юбилеем, Виктор Алексеевич!

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике и рубрикации «Вестника...». Основные разделы журнала — «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» — включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника». Иные материалы могут быть опубликованы в «Вестнике...» только по специальному решению редакционной коллегии. Ограничивать тематику публикуемых работ в территориальном и хронологическом отношении редколлегия в ближайшем будущем не намерена. Однако при прочих равных условиях приоритет будет отдаваться работам, написанным на материалах Тюменского региона, Западной Сибири, Урала и сопредельных областей.

2. Рукопись должна быть представлена в редакцию «Вестника...» в печатном и электронном (на диске) вариантах. И печатный, и электронный варианты рукописи должны включать:

а) основной текст статьи (рекомендуется выделять введение, основную часть, обсуждение результатов, заключение);

б) библиографический список;

в) иллюстрации и подписанные подписями, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями);

г) список сокращений;

д) аннотацию;

е) список ключевых слов;

ж) сведения об авторе (авторах) статей с обязательным указанием ФИО (полностью), места работы, должности, телефона, e-mail.

Непременным условием принятия рукописи к публикации является абсолютная идентичность ее печатного и электронного вариантов. Печатный вариант статьи направлять по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Статьи, отправленные только на электронный адрес, без дублирования печатного текста по обычной почте, не рассматриваются.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л. не рассматриваются.

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), черно-белые и цветные фотографии (последние будут воспроизведены в черно-белом виде), а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Фотографии должны быть контрастными, с хорошо проработанными деталями.

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). На обороте каждой иллюстрации следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. На обратной стороне иллюстраций с неясной ориентацией необходимо уточнить, где находится их верхняя часть, а где — нижняя.

В подписанных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подпису-

ночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

7. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих литер: а, б, в и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984б, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 4–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984а. Вып. 177. С. 29–37.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984б. С. 3–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: new evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

10. В аннотации средним объемом 500 печатных знаков необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы. Для облегчения перевода аннотаций на английский язык следует пояснить, от каких географических названий образованы встречающиеся в тексте наименования археологических культур, периодов, типов и т.п., приведя после наименований в скобках соответствующие топонимы в именительном падеже единственного числа. **В конце аннотации необходимо привести ключевые слова.**

11. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.

12. **Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.**

Полное соблюдение правил оформления статей будет способствовать максимально быстрому выходу в свет присылаемых материалов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68. E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМАЭ РАН — Архив МАЭ РАН
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
БРЭ — Большая российская энциклопедия
ВАП — Вопросы археологии Приобья
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГБУК НПЦ МК РБ — Государственно-бюджетное учреждение культуры «Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан при Министерстве культуры Республики Башкортостан»
ГИМ — Государственный исторический музей
ГУТО ГАТ — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ДДД ИИ МВД — Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи
ЖС — Живая старина
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ РАН — Институт географии РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИИС — Из истории Сибири
ИИЯЛ УНЦ РАН — Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
ИКЗ СО РАН — Институт криосферы Земли СО РАН
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИсАОО — Исторический архив Омской области
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
ИЭИ УНЦ РАН — Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН
КГУ ГААК — Краевое государственное учреждение «Государственный архив Красноярского края»
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
ЛАЕНМ — лаборатория археологии и естественно-научных методов
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭЭ ОмГУ — Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
ОАС — отдел архивной службы администрации муниципального района
ПНИАП ЦАИ УрФУ — Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория Центра археологических исследований Уральского федерального университета
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РАНХиГС — Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
РГИА — Российский государственный исторический архив
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН — Сибирское отделение РАН
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
ТОКМ — Тюменский областной краеведческий музей
УИВ — Уральский исторический вестник
УНЦ РАН — Уфимский научный центр РАН
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХМАО — Югра — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
ЭО — Этнографическое обозрение
ЮАО — Южный берег Андреевского озера
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 2 (25)

2014

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 19.05.2014. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 17,9. Формат 84×108 1/16. Гарнитура «Arial». Тираж 300 экз.
Заказ №

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Сибирском предприятии «Наука» АИЦ РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.